

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Философский факультет

Кафедра философии политики и права

На правах рукописи

Козлова Наталия Николаевна

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
XX ВЕКА: ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ**

Специальность 23.00.01 – теория и философия политики, история и
методология политической науки

Диссертация на соискание ученой степени
доктора политических наук

научный консультант
д. полит. наук, профессор
Е.Н. Мощелков

Москва 2014

Оглавление

Введение	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ	
ИССЛЕДОВАНИЯ.....	25
§ 1. Политическая философия российского консерватизма XIX – первой половины XX века: основные концепты и проблемы	25
§ 2. Гендерный подход как методология анализа политических теорий	48
ГЛАВА 2. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ В КОНЦЕПЦИИ САМОДЕРЖАВИЯ	
РОССИЙСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ	
XX ВЕКА.....	70
§ 1. Концепт «самодержавие» в российской консервативной мысли	70
§ 2. Сущность и принципы модели «отеческого правления».....	95
§ 3. Специфика легитимации женского правления	119
ГЛАВА 3. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ	
ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ	
РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА XIX–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ	
XX ВЕКА.....	147
§ 1. Гендерные аспекты политического языка российских консерваторов XIX – первой половины XX века	147
§ 2. Модели мужественности в теоретическом конструировании политики.....	173
ГЛАВА 4. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРИВАТНОЙ	
СФЕРЫ В КОНЦЕПЦИЯХ РОССИЙСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ	
XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА.....	200
§ 1. Мироззренческие основы консервативной трактовки природы и социального назначения женщин.....	200

§ 2. Семья в политической философии российского консерватизма	222
§ 3. Модели женственности в политической философии российских консерваторов XIX – первой половины XX века	242
ГЛАВА 5. «ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА	272
§ 1. Концептуализация «женского вопроса» в трудах российских консерваторов XIX – начала XX века.....	272
§ 2. Критика проекта «женской эмансипации» в политической философии российских консерваторов-эмигрантов XX века	295
Заключение.....	315
Список литературы.....	327

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Важнейшей проблемой современной отечественной политической науки является поиск концептуальных моделей, способствующих обеспечению стабильного и инновационного развития российского общества.

В настоящее время актуализируются проблемы, связанные с нерешенностью так называемого «женского вопроса» – от феминизации бедности до низкого уровня представленности женщин в органах государственной власти и управления. В рамках дебатов о природе и назначении полов в современном российском интеллектуальном поле происходит поиск аутентичных моделей женственности и мужественности, акцентируется внимание на важности женских ролей в частной и публичной сферах.

В связи с этим актуально обращение к политической мысли российского консерватизма XIX – первой половины XX в., в которой были разработаны ключевые принципы существования и развития исторически сложившейся модели российской политики, отражавшие её национальную специфику.

Новый российский традиционализм опирается на идеи консерватизма XIX – первой половины XX в., подпитывается его ценностным фундаментом. Для выявления мировоззренческих аспектов политического мира, метатеоретических принципов конструирования политических феноменов целесообразно обратиться к наследию политических мыслителей консервативного направления XIX – первой половины XX в., рассмотреть их представления о природе, о социальных ролях мужчин и женщин, проанализировать их видение конфигурации частной и публичной жизни. Значимость политической философии российского консерватизма этого периода определяется также и тем, что предлагаемые в ней

идеи политики, власти и государства сформулированы с учётом национальных традиций, ценностей российской политической культуры.

Если в общественно-политической мысли XIX – первой половины XX в. тема пола и власти рассматривалась в рамках так называемого «женского вопроса», то со второй половины XX в. основополагающим стал гендерный подход. Гендерная методология даёт возможность анализировать механизмы, посредством которых общество конструирует социальные статусы и роли женщин и мужчин. Таким образом, «гендер» как аналитическая категория открывает новую познавательную и теоретическую перспективу в плане осмысления социальной организации отношений полов. Применительно к нашему исследованию, выявление гендерных аспектов политической философии российского консерватизма XIX – первой половины XX в. даёт возможность определить отношение консерваторов к «женскому вопросу», а также эксплицировать их представления о социальных ролях женщин и мужчин. Это позволяет анализировать влияние данных представлений на трактовку таких политических феноменов, как власть, политика, государство.

Перечисленные обстоятельства определяют актуальность анализа гендерных аспектов политической философии российского консерватизма XIX – первой половины XX в.

Степень научной разработанности проблемы

Проблемное поле консерватизма является предметом исследования политологов, философов, историков. Причины возникновения, сущность, типология и эволюция западного консерватизма, его влияние на российский консерватизм, специфика консервативных доктрин отдельных мыслителей нашли своё отражение в трудах В.В. Афанасьева, А.А. Галкина, К.С. Гаджиева В.Н. Гарбузова, С.Г. Григорова, А.Ю. Мельвиля, А.М. Миграняна, П.Ю. Рахшмира, А.М. Руткевича, Т.А. Филипповой и др.¹

¹ Галкин А.А., Рахшмир П.Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем: О социальных корнях консервативной волны / отв. ред. Б.И. Коваль. М., 1987; Галкин А.А. Консерватизм в прошлом, настоящем и будущем. Размышления о политике и политической науке. М., 2004; Гаджиев К.С. Современный консерватизм: опыт типологизации // Новая и новейшая история. 1991. № 1.

Исследования политической философии российского консерватизма XIX – первой половины XX в. следует разделить на два тематических блока: общие и специальные. В научной литературе общего характера комплексно отражены методологические принципы и основные концепты политической философии российского консерватизма, этапы его развития и основные характеристики. В специальных трудах исследователи анализируют различные проблемы в рамках политической доктрины консерватизма, а также творчество отдельных мыслителей.

Несмотря на то что изучение политических идей отечественного консерватизма XIX – первой половины XX в. началось в дореволюционный и продолжалось в советский период тем не менее именно в современном российском научном сообществе наблюдается всплеск интереса к данной проблематике. Объем изданных трудов по истории и теории российского консерватизма за последние двадцать пять лет стал настолько значительным, что в последние годы является предметом историографического анализа¹. Анализ

С. 55–74; Гарбузов В.Н. Консерватизм: понятие и типология // Полис. 1995. № 4. С. 60–68; Григоров С.Г. Преодоление заданности: Размышления о консерватизме // Полис. 2000. № 3. С. 31–39; Голиков А.К. Русский консерватизм XIX – начала XX века в контексте западноевропейского консерватизма // Политэкс. 2006. № 1. URL: <http://www.politex.info/content/view/187/30/> (дата обращения – 15.10.2011); Мельвиль А.Ю. США – сдвиг вправо? Консерватизм в идейно-политической жизни США 80-х гг. М., 1986; Мигранян А.М. Переосмысливая консерватизм // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 114–122; Рахшмир П.Ю. Эволюция консерватизма в новое и новейшее время // Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 48–62; Руткевич А.М. Что такое консерватизм? М., 1999; Шамшурин В.И., Филипская Е.В. Размышления о консерватизме // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2009. № 1. С. 20–26; Филиппова Т.А. «Дело джентльменов». Российский консерватизм в хронополитическом измерении // Рубежи. 1998. № 2. С. 4–13.

¹ Беленький И.Л. Консерватизм в России XVIII – начала XX в. (библиографический обзор отечественных исследований и публикаций второй половины XX в.) // Россия и современный мир. 2001. № 4. С. 245–262; 2002. № 1. С. 253–272; 2002. № 2. С. 237–242; 2002. № 3. С. 217–239; Витенберг Б. Консерватизм в России: прошлое или будущее? (обзор книг о русском консерватизме) // НЛО. 2002. № 58. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/58/vit1.html> (дата обращения – 12.09.2011); Горохов А.А. Причины и особенности исследования русской консервативной социально-политической мысли XIX века в Советской России // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 2. С. 314–321; Малинова О.Ю. Исследуя феномен консерватизма // Полис. 2003. № 3. С. 171–176; Минаков А.Ю. Русский консерватизм в современной историографии: новые подходы и тенденции изучения // Вопросы истории. 2005. № 6. С. 133–142; Суслов М.Д. Новейшая историография российского консерватизма, его исследователи, критики и апологетики // Ad Imperio. 2008. № 1. С. 269–270; Репников А.В. Современная историография российского консерватизма // Консерватизм и традиционализм на Юге России /

работ, посвящённых проблеме политического наследия отечественного консерватизма в теоретико-философской плоскости, содержится в реферативных сборниках ИНИОН РАН¹.

Исследовательский интерес к российскому консерватизму прошёл путь от дискуссий на страницах научных журналов к созданию индивидуальных и коллективных монографий, проведению регулярных научных конференций, выпуску периодических изданий, знакомящих интеллектуальное сообщество с последними достижениями изучения российского консерватизма². Внимание к политической доктрине российского консерватизма было привлечено крупнейшими современными издательскими проектами: «Pro et contra», «Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века», «Библиотека факультета политологии МГУ», «Институт русской цивилизации», энциклопедии «Российские консерваторы» и «Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века». Последнее издание представляет собой фундаментальный труд, авторам которого удалось проследить

Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 9. Ростов н/Д, 2002, С. 5–28; Шелохаев В.В. Состояние современного историографического поля российского либерализма и консерватизма // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. / отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 50–61.

¹ Русская политическая и правовая мысль XI – XIX вв.: реферат. сб. / отв. ред. Н.Н. Разумович. М., 1987; Русская политическая мысль второй половины XIX века: сб. обзоров / отв. ред. Н.Н. Разумович. М., 1989; Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого: реферат. сб. М., 1991–1992. Вып. 1–2.

² Исследования по консерватизму. Пермь, 1994–2000. Вып. 1–6.; Иванова Е.В. О семинаре по проблемам консерватизма в Российском фонде культуры // Вопросы философии. 2001. № 9. С. 166–170; Либеральный консерватизм: история и современность / отв. ред. А.И. Нарезный. М., 2001; Консерватизм: идеи и люди / под ред. П.Ю. Рахшмира. Пермь, 1998; Консерватизм в России и мире: в 3 ч. / отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж, 2004; Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. М., 2003; Российский консерватизм: теория и практика / под ред. В.Ф. Мамонова. Челябинск, 1999; Консерватизм и либерализм: история и современные концепции / под ред. А.С. Карцова, СПб., 2002; Консерватизм в России («круглый стол») // Социологические исследования. 1993. № 1. С. 43–61; Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития (Материалы «круглого стола») // Полис. 1995. № 4. С. 33–59; Консерватор: эксперт, гражданин, правитель, государство, общество, частная жизнь, познание («круглый стол») // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 4. С. 3–32; Консерватизм в России: проблемы, поиски решения («круглый стол») // Отечественная история. 2001. № 3. С. 103–133; Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ. М., 2014. № 2 (1), № 2 (2); Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт: Материалы Междунар. науч. конф. Самара, 2002.

генезис и эволюцию русского консерватизма в рамках мирового и российского общественно-политического процесса¹. В статьях энциклопедии внимание уделяется как теоретико-методологическим, так и идейно-политическим аспектам консерватизма в России.

Среди школ изучения российского консерватизма, которые внесли и вносят значительный научный вклад, следует назвать центры исследований по консерватизму Пермского, Воронежского, Самарского, Санкт-Петербургского и Московского госуниверситетов.

Место консервативной политической доктрины в рамках российской политической мысли, её специфика анализируют А.Н. Боханов, И.А. Исаев, Ю.С. Пивоваров, А.А. Ширинянец и др.² Среди изданных в 1990–2000-е гг. монографий, в которых отражены результаты комплексного изучения русского консерватизма, следует выделить коллективную монографию «Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика», подготовленную в Институте российской истории РАН³, исследования П.В. Агапова, В.В. Афанасьева, Э.Ю. Абелин斯卡са, Н.В. Асонова, В.А. Гусева, В.М. Камнева, А.С. Карцова, А.Ю. Минакова, С.В. Лебедева, М.Н. Начапкина, Э.А. Попова, А.В. Репникова, М.Б. Смолина, В.И. Шамшурина, Н.И. Цимбаева⁴. Среди авторов

¹ Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010.

² Боханов А.Н. Самодержавие. Идея царской власти. М., 2002; Исаев И.А. Политико-правовая утопия в России конца XIX – начала XX вв. М., 1991; Пивоваров Ю.С. Русская политическая мысль как предпосылка русской политической науки. URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2009.3/06.pdf> (дата обращения – 01.10.2011); Ширинянец А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М., 2011.

³ Гросул В.Я., Итенберг В.С., Твардовская В.А., Шаццлло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика. М., 2000.

⁴ Агапов П.В., Афанасьев В.В. Консервативная мысль в России. М., 2009; Абелин斯卡с Э.Ю. Консерватизм как мировоззрение и политическая идеология: (опыт обоснования). Екатеринбург, 1999; Асонов Н.В. Политические доктрины российского самодержавия и их модернизация. М., 2009; Гусев В.А. Консервативная русская политическая мысль. Тверь, 1997; Он же. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь, 2001; Камнев В.М. Хранители и пророки: Религиозно-философское содержание русского консерватизма. СПб., 2010; Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма. М., 1999; Смолин М.Б. Энциклопедия имперской традиции русской мысли. М., 2005; Попов Э.А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов н/Д, 2005; Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011; Лебедев С.В. Охранители

монографических исследований следует выделить А.В. Репникова, который с 1999 по 2007 г. издал три книги (помимо монографий в соавторстве)¹. Автор анализировал политические, социальные и экономические взгляды российских консерваторов, их позиции по национальному и религиозному вопросу.

Проблемы политической философии российского консерватизма нашли своё отражение в диссертационных исследованиях. Диссертации В.А. Гусева и В.И. Шамшурина являлись первыми научными изысканиями, в которых авторы предложили своё видение специфики российского консерватизма, его основных направлений². Теоретико-методологическим принципам, характеристике отдельных этапов, специфике социально-политических идей российских консерваторов XIX – середины XX в. посвящены диссертации А.И. Байгушкина, А.Ю. Минакова, А.В. Репникова, С.М. Сергеева, М.Д. Сулова, Г.П. Монастырских³. Н.В. Асонов, А.С. Карцов, А.В. Корнев, А.Э. Котов, А.И. Нарезный, М.Н. Начапкин, Э.А. Попов, Л.В. Рухтаева, Д.М. Софьин исследовали теорию государства, концепт монархии в трудах российских консерваторов⁴. Проблемы соотношения традиции и модернизации российской

истинно русских начал: идеалы, идеи и политика русских консерваторов второй половины XIX века. СПб., 2004; Начапкин М.Н. Русский консерватизм XIX – первой половины XX века. Екатеринбург, 2002; Шамшурин В.И. Консерватизм и свобода. Краснодар, 2003; Кольев А.Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М., 2005; Цимбаев Н.И. Историсофия на развалинах империи. М., 2007.

¹ Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999; Он же. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX века). М., 2006; Он же. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.

² Гусев В.А. Русская форма политической идеологии консерватизма: дис. ... д-ра полит. наук. М., 1998; Шамшурин В.И. Эпистемология либерального консерватизма (опыт аналитического подхода): дис. ... д-ра соц. наук. М., 1995.

³ Байгушкин А.И. Консервативные политико-правовые воззрения в России во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. юр. наук. М., 1998; Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2011; Монастырских Г.П. Социология русского консерватизма: дис. ... д-ра соц. наук. Северодвинск, 2003; Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX – начала XX веков: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006; Сергеев С.М. Идеология творческого традиционализма в русской общественной мысли 80–90-х гг. XIX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002; Сулов М.Д. Российская консервативная утопия на рубеже XIX – XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2003.

⁴ Асонов Н.В. Политические доктрины российского самодержавия: генезис, эволюция и современный дискурс: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2009; Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма: II половина XIX – начало XX века: дис. ... д-ра юр. наук.

политии в трудах отечественных консерваторов анализировали В.А. Ачкасов, О.В. Кишенкова, М.Н. Крот, И.Н. Тяпин¹. Преемственность между принципами классического и современного российского консерватизма рассматривается в работах В.В. Блинова, К.А. Лотарева, Е.Г. Трониной, В.В. Шабельника, С.А. Шестакова². В последние годы появились исследования, предметом анализа которых выступают проблемы демократии в политической философии российского консерватизма – работы Л.Д. Козыревой, Д.А. Машенцева³.

Проблемы российского консерватизма XIX – первой половины XX в. также анализируются в исследованиях западных политологов. Одним из крупнейших авторов, опубликовавших значительное количество работ по истории, теории, политическим доктринам отдельных представителей российского консерватизма

М., 2008; Котов А.Э. Проблема государственного строительства в русской консервативной печати 70–90-х гг. XIX века: дис. ... канд. ист. наук, СПб., 2006; Корнев А.В. Консервативная и либеральная теории государства и права в России (XIX – начало XX в.): дис. ... д-ра юр. наук. М., 2004; Нарезный А.И. Проблема государственного устройства России в консервативно-либеральной мысли второй половины XIX века: дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 1999; Начапкин М.Н. Эволюция российской государственности (XIX – начала XX века) и её отражение в консерватизме: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2004; Попов Э.А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2006; Рухтаева Л.В. Идея монархической власти в российской политической культуре конца XIX – начала XX века: дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1995; Софьин Д.М. Политико-династические представления российских консерваторов и членов Императорского Дома, конец XIX – начало XX века: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2010.

¹ Ачкасов В.А. Традиционализм в политической жизни России: дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 1998; Кишенкова О.В. Концепция общественной модернизации в политической доктрине российской консервативной мысли XIX – начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; Крот М.Н. Консервативный вариант модернизации России во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2004; Тяпин И.Н. Философско-исторические идеи российского политического консерватизма XIX – начала XX века: дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2009.

² Блинов В.В. Политико-психологический анализ консервативных ценностей в современной России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2007; Лотарев К.А. Политический консерватизм в процессе реформирования российского общества: дис. ... канд. полит. наук. М., 1995; Тронина Е.Г. Идеино-политическая эволюция консерватизма и его роль в политическом процессе современной России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2004; Шабельник В.В. Неолиберализм и неоконсерватизм в российском и зарубежном политическом дискурсе: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2006; Шестаков С.А. Консервативная политическая идеология в постсоветской России: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2003.

³ Козырева Л.Д. Концепция народовластия в русской политической философии (вторая половина XIX – начало XX века): дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 1999; Машенцев Д.А. Демократия в интеллектуальной традиции российского консерватизма и перспективы неоконсерватизма в политических процессах современной России: дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2003.

является американский исследователь Р. Пайпс¹. В работе Р. Мак-Мастера анализируется творчество Н. Данилевского². Э. Глисон, Н. Рязановский в своих исследованиях сосредоточились на изучении общественно-политических взглядов славянофилов³. Специфика славянофильской мысли также раскрывается в работах А. Валицкого, В. Страды и в четырёхтомном издании П.К. Кристоффа, посвящённом идеям А. Хомякова, И. Киреевского, К. Аксакова, Ю. Самарина⁴. В работах Э. Тадена, Л. Шапиро, С. Картера российский консерватизм рассматривается в контексте исследования национализма⁵. Х. Кон и А. Валицкий затрагивают философское наследие российских консерваторов в рамках комплексного исследования российской общественно-политической мысли XIX в.⁶ Труды отдельных представителей российского консерватизма – А.С. Шишкова, С.С. Уварова, К.П. Победоносцева – являются предметом анализа М. Альтшуллера, А. Мартина, Ц. Виттекера, Р. Бёрнса⁷.

¹ Пайпс Р. Сергей Семенович Уваров: жизнеописание. М., 2013; Он же. Русский консерватизм и его критики: исследование политической культуры / пер. с англ. М., 2008; Он же. Лев Тихомиров: революционер поневоле // Неприкосновенный запас. 2010 № 4. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz-72/7312-lev-tixomirov-revolucioner-ponevole.html> (дата обращения – 31.07.2012).

² Mac-Master R. Danilevsky. A Russian totalitarian philosopher. Cambridge, 1967.

³ Riasanovsky N. Russia and the West in the teaching of the Slavophiles. A study of Romantic Ideology. Cambridge, 1952; Gleason A. European and Moskovite: Ivan Kireevsky and the Origins of Slavophilism. Cambridge, 1972.

⁴ Walicki A. The Slavophile controversy. History of a conservative Utopia in Nineteenth-Century Russian Thought. London, 1975; Christoff P.K. An Introduction to Nineteenth-Century Russian Slavophilism. A study of Ideas. The Hague: Mouton. 1961, 1972. Vol. 1–2. Princeton, 1982. Vol.3. Boulder: Oxford: Westview, 1991. Vol. 4; Страда В. Западничество и славянофильство в обратной перспективе // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 57–64.

⁵ Thaden E. Conservative nationalism in nineteenth century Russia. University of Washington press. Seattle, 1964; Shapiro L. Rationalism and nationalism in Russian nineteenth century Political Thought. London, 1964; Carter S. Russian nationalism: yesterday, today, tomorrow. London, 1990.

⁶ Kohn H. The Mind of modern Russia. Historical and Political Thought of Russia's great age. New Brunswick, 1955; Walicki A. A. History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism. California, 1979.

⁷ Альтшуллер М. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007; Он же. Александр Семенович Шишков // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж, 2005. С. 19–92; Виттекер Ц.Х. Гр. С.С. Уваров и его время. СПб., 1999; Burns R.F. Pobedonostsev. His Life and Thought. London, 1968; Мартин А. «Патриархальная» модель общественного устройства и проблемы русской национальной самобытности в «Русском вестнике» С.Н. Глинки (1808–1812 гг.) // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. / отв. ред. А.Ю. Минаков.

В отечественной гуманитарной науке сформировалось отдельное направление, представители которого изучают представления о природе пола в концепциях российских философов XIX – XX вв., исследуя в том числе труды Н.М. Карамзина, И.А. Ильина, А.С. Хомякова и др. В работах О.А. Ворониной, Б.В. Емельянова, Н.М. Ковальчук, Л.В. Полякова, Ю.И. Сохрякова, Е.С. Турутиной разбираются взгляды русских мыслителей на вопрос о культурном статусе женщины, её роли в обществе¹.

Применение гендерных характеристик для определения ментальных и национальных особенностей того или иного народа исследуется в работах О.А. Здравомысловой и Т.Е. Осипович². Взаимосвязь философии женственности и механизмов формирования национальной идентичности, роль идеалов мужественности и женственности в формировании «умопостигаемого» образа России как основания национальной идеологии, «русской идеи» анализирует О.В. Рябов³.

Однако в отечественной научной литературе нет работ, специально посвященных изучению проблем пола в политической философии в целом и российских консерваторов XIX – первой половины XX в. в частности.

Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 85–116; Он же. Допотопный консерватизм Александра Семеновича Шишкова // Консерватизм: идеи и люди / под ред. П.Ю. Рахшмира. Пермь, 1998. С. 54–66.

¹ Воронина О.А. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 9–20; Емельянов Б.В. Русская душа: вечно женственное и вечно «бабье». URL: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/58170/> (дата обращения – 13.11.2011); Ковальчук Н.М. «Женское» как гендерная проблема в русской литературе и философии XIX–XX вв. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 4. С. 91–94; Поляков Л. Женская эмансипация и теология пола в России XIX в. // Феминизм: Восток. Запад. Россия. М., 1993. С. 157–175; Сохряков Ю.И. Русская цивилизация: философия и литература. М., 2010; Турутина Е.С. Андрогинность как выражение антропологического смысла любви в гендерной деконструкции отечественного философско-культурологического дискурса // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2006. № 7. С. 98–105.

² Здравомыслова О.М. «Русская идея»: антиномия женственности и мужественности в национальном образе России // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 109–115; Осипович Т.Е. Победа над рождением и смертью, или Женофобия русской утопической мысли на рубеже XIX–XX вв. // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 174–181.

³ Рябов О.В. Женщина и женственность Серебряного века. Иваново, 1997; Он же. Русская философия женственности (XI – XX века). Иваново, 1999; Он же. Матушка-Русь. Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001.

Интересующая нас проблема получила эпизодическую разработку в ряде научных трудов¹. В фокусе внимания отечественных исследователей оказались философские и политические воззрения западных мыслителей. В исследованиях Т.Н. Самсоновой, Г.С. Кучеренко были рассмотрены взгляды представителей утопической мысли на роль и место женщин в обществе². Т.Н. Самсонова проанализировала проблему обоснования равенства, в том числе равенства полов, в работах мыслителей других политических направлений – Ж. Кондорсе, Дж. Уинстенли, Дж. Ст. Милля³. В трудах С.Г. Айвазовой, З.М. Балгимбаевой, Г.А. Брандт, О.А. Ворониной, Е.В. Кириченко, Е.В. Кочкиной, Н.Н. Кукаренко, Ю.П. Михаленко, О.Г. Овчаровой исследовались представления Платона, Аристотеля, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Дж.Ст. Милля, К. Маркса и др. о природе мужчин и женщин⁴. Политические доктрины российских мыслителей анализировались преимущественно в рамках изучения так называемого «женского вопроса», появившегося на российской общественной повестке в XIX в. Основной акцент был сделан исследователями на изучении дискуссии о роли и назначении

¹ Гулыга А.В., Андреева И.С. Пол и культура // Философские науки. 1973. № 4. С. 63–69.

² Кучеренко Г.С. Сен-симонизм в общественной мысли XIX века. М., 1975; Самсонова Т.Н. Справедливость равенства и равенство справедливости: из истории западноевропейской утопической мысли XVI–XIX веков. М., 1996.

³ Самсонова Т.Н. Обоснование равенства идеологами Просвещения XVIII века // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2003. № 3. С. 181–183; Самсонова Т.Н. Проблема равенства в идеологии западноевропейского либерализма и консерватизма (первая половина XIX века) // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2004. № 3. С. 109–121; Самсонова Т.Н. Английская буржуазная революция и представление о равенстве // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2002. № 4. С. 134–146.

⁴ Айвазова С.Г. К истории феминизма // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 153–168; Балгимбаева З.М. Культурно-философские основы гендерных предубеждений. Алма-Аты, 2007; Брандт Г.А. Философская антропология феминизма: Природа женщины. СПб., 2006; Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство. М., 2004; Воронина О.А. Оппозиция духа и материи: гендерный аспект // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 56–65; Кириченко Е.В. Природа гендерной асимметрии в обществе сквозь призму социально-философской мысли // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2009. № 2. С. 183–208; Кочкина Е.В. Разработка феминистской политологической концепции: изменяющаяся роль женщины и пересмотр теории политики // Хрестоматия по курсу «Основы гендерных исследований». М.: МЦГИ, 2000. С. 153–158; Кукаренко Н.Н. Социально-философский анализ проблемы равноправия в гендерной перспективе: дис. ... канд. филос. наук. Архангельск, 1999; Михаленко Ю.П. Платон и феминизм (научно-аналитический обзор) // Феминизм: перспективы социального знания / отв. ред. О.А. Воронина, Э.П. Васильева. М., 1992. С. 56–73; Овчарова О.Г. Гендерная асимметрия политики: неинституциональные и институциональные аспекты: дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2008.

женщин на страницах российской печати между представителями либеральных, социал-демократических и консервативных доктрин – М.Л. Михайлова, Н.Г. Чернышевского, Н.Н. Страхова, М.О. Меншикова и др. В монографии Г.А. Тишкина «Женский вопрос в России. 50–60-е годы XIX века» отдельный раздел посвящён взглядам представителей консервативного лагеря¹. В диссертационных исследованиях Е.А. Бобровник, Т.А. Карченковой, И.В. Куприной, Т.Н. Окуловой, К.В. Шабалкиной, Л.П. Костюкевич, в статьях С.Г. Айвазовой, И.В. Зыряновой, Т.А. Журавлёвой, В.О. Гошевского, А.В. Поповой, И.И. Юкиной обозначены проблемное поле, направления, этапы развития дебатов по «женскому вопросу»². В работах исследователей советского периода позиции российских консерваторов квалифицировались как реакционные в противовес прогрессивным способам решения «женского вопроса» в трудах

¹ Тишкин Г.А. Женский вопрос в России. 50-60-е годы XIX века. Л., 1984.

² Айвазова С.Г. Идеиные истоки женского движения в России // *Общественные науки и современность*. 1991. № 4. С. 125–133; Бобровник Е.А. Женский вопрос в русской философии и общественной мысли, конец XVIII – начало XIX века: дис. ... канд. филос. наук. Мурманск, 2001; Гошевский В.О. Женский вопрос в журнале «Русское слово» // *Сб. науч. тр. Ленинград. гос. ин-та культуры им. Н.К. Крупской*. Л., 1987. Т. 112. С. 98–105; Журавлева Т.А. Князь В.П. Мещерский о женском вопросе в России во второй половине XIX века. URL: <http://lib.znate.ru/docs/index-251449.htm> (дата обращения – 16.07.2012); Зырянова И.В. Женский вопрос в публицистическом наследии М.Л. Михайлова // *Полярная звезда*. 1983. № 15. С. 110–114; Карченкова Т.А. Женский вопрос в российской публицистике второй половины XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004; Костюкевич Л.П. Женский вопрос в русской философии и общественной мысли: I половина XIX века: дис. ... канд. филос. наук. Мурманск, 2003; Куприна И.В. Феминистское движение в России во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; Окулова Т.Н. Пути развития женского вопроса в России во второй половине XIX века на материалах журнала «Дело»: дис. ... канд. ист. наук. М., 1990; Попова А.В. Женский вопрос в русских журналах 60-х годов XIX века // *Взаимодействие творческих индивидуальностей русских писателей XIX – начала XX в.* М., 1994. С. 151–160; Шабалкина К.В. Русские мыслители XIX века о роли женщины в обществе: дис. ... канд. филос. наук. Мурманск, 2007; Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007.

В.И. Ленина, А.М. Коллонтай и др.¹ В современной науке происходит переосмысление политического наследия российских консерваторов².

В диссертационном исследовании затрагиваются также труды представителей гендерного и дискурсивного подходов, феминистской лингвистики – М. Фуко, П. Бурдьё, К. Пейтман, Дж. Э. Тикнер, А. Филлипс, А.В. Кирилиной, Н.А. Шведовой и др.³

Подводя итог анализа степени изученности проблемы, можно констатировать, что задача рассмотрения гендерных аспектов политической философии российского консерватизма XIX – первой половины XX в. в политической науке до настоящего времени не ставилась.

Цель и задачи исследования

Целью диссертации является разработка авторской модели анализа политической философии российского консерватизма XIX – первой половины XX в. с позиций гендерного подхода.

В соответствии с поставленной целью определены следующие **задачи**:

1. провести анализ методологических оснований политической философии российского консерватизма XIX – первой половины XX в., раскрыть её основные концепты;
2. выявить методологические и гносеологические основания применения гендерного подхода к анализу политических теорий;

¹ Бильшай В. Решение женского вопроса в СССР: 2-е изд. М., 1959; Вишневская Г.А. Вопросы женской эмансипации в русских журналах 1830–1840 годов // Ученые записки Казахского государственного университета. Алма-Ата, 1957. Т. 11, кн. 9, вып. 1. С. 44–57; Ковалева И.Н. Женский вопрос в России в 50–60-х годах XIX века // Проблема истории русского освободительного движения и исторической науки / отв. ред. Е.М. Жуков. М., 1981. С. 118–128.

² Прохорова И.Е. «Женская тема» в литературно-критических и публицистических текстах П.А. Вяземского // Медиаскоп. 2009. №9. URL: <http://www.mediascope.ru/node/348> (дата обращения – 12.03.2012).

³ Бурдьё П. Мужское господство // Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр. М.; СПб., 2005. С. 286–364; Он же. Начала. Choses dites / пер. с фр. М., 1994; Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. М., 1996; Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999; Овчарова О.Г. Гендерная асимметрия и политика. Саратов, 2007; Шведова Н.А. Гендерный подход как фактор политической культуры // Гендерный калейдоскоп: Курс лекций / под ред. М.М. Малышевой. М., 2001. С. 271–290.

3. проанализировать базовые принципы конструирования публичного и частного пространств в политических доктринах российских консерваторов XIX – первой половины XX в.;
4. определить особенности гендерной интерпретации основных понятий политической философии отечественного консерватизма XIX – первой половины XX в. посредством анализа политического языка;
5. эксплицировать концептуальные различия в способах легитимации правления мужчин и женщин;
6. определить трактовку гендерных ролей в процессе организации государственной власти в трудах российских консерваторов;
7. реконструировать связи моделей мужественности и женственности с интерпретацией политики, государства и власти в отечественном консерватизме XIX – первой половины XX в.;
8. раскрыть позиции представителей российского консерватизма XIX – первой половины XX в. по отношению к «женскому вопросу», выявить место «женского вопроса» в их политических концепциях;
9. определить степень востребованности политических идей российских консерваторов XIX – первой половины XX в. в рамках современной дискуссии о решении «женского вопроса».

Теоретико-методологическую основу исследования составляют системный, компаративистский, историко-политологический, биографический, дискурсивный, гендерный и другие методы. Метод реконструкции историко-политического контекста даёт возможность рассматривать политические концепции консервативных мыслителей в развитии и взаимосвязи с конкретными общественными процессами, происходившими в рамках развития консерватизма с начала XIX до середины XX в. Компаративистский подход позволяет сопоставить взгляды отдельных консерваторов на те или иные вопросы, выявить общее и различия в концептуальном осмыслении проблем развития политической системы России представителями российской консервативной мысли. Использование проблемно-хронологического метода даёт возможность в рамках поставленных в

исследовании задач изучить в хронологической последовательности этапы разработки положений политической философии российского консерватизма. Дискурсивный подход позволяет анализировать язык, который является механизмом создания и трансляции политических концептов. Перечисленные методы использовались в совокупности, что дало возможность обеспечить комплексный подход к исследованию и решить поставленные научные задачи.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что оно является первым в отечественной политической науке исследованием, в рамках которого разрабатывается и апробируется авторская модель анализа политической философии российского консерватизма XIX – первой половины XX в. с позиции гендерного подхода.

В ходе данного исследования:

– осуществлена гендерная интерпретация основных концептов политической философии российского консерватизма XIX – первой половины XX в., проведено исследование комплекса понятий, описывающих публичную и частную сферы в трудах российских консерваторов, выявлены и проанализированы взаимосвязи политических и гендерных концептов, а также общие для политических доктрин всех представителей российского консерватизма принципы теоретического конструирования мира политических и гендерных отношений;

– исследована и критически проанализирована концепция «отеческого правления» российского консерватизма XIX – первой половины XX в., раскрыты основания и способы легитимации женского правления;

– проведена теоретическая реконструкция связи моделей мужественности и женственности с интерпретацией политики, государства и власти в доктринах отечественных консерваторов XIX – первой половины XX в.;

– выявлена специфика решения «женского вопроса» в политической философии российских консерваторов XIX – первой половины XX в. в контексте разработанных ими концептуальных моделей политического развития России;

– обосновано положение, согласно которому теоретическое структурирование политического пространства, деление его на публичную и

приватную сферы в отечественной консервативной мысли неразрывно связано с решением проблемы половой идентификации, которое основано на фиксации принципиального различия природных и социальных характеристик мужчин и женщин;

– дана оценка востребованности политических идей российских консерваторов XIX – первой половины XX в. в рамках современной дискуссии о решении «женского вопроса».

Положения, выносимые на защиту:

1. Политическая философия российского консерватизма XIX – первой половины XX в. наследует традиции отечественной и западной общественно-политической мысли в понимании природы и социального назначения мужчин и женщин, методологическими основаниями которой выступали органический и теологический подходы. Концептуальное осмысление социума как единого органического целого приводило мыслителей к трактовке социальных ролей женщин и мужчин сквозь призму биологического эссенциализма – как асимметричных и взаимодополняемых.

2. Применение гендерной методологии к анализу текстов российских консерваторов даёт возможность сделать вывод о том, что теоретическое структурирование политического пространства в отечественной консервативной мысли связано с решением проблемы половой идентификации, которое основано на фиксации принципиального различия природных и социальных характеристик мужчин и женщин. Исключённость «женского» из публичной сферы органично вписывалась в разработанную российскими консерваторами XIX – первой половины XX в. модель отечественной политики, которая фундирована принципами «Православие. Самодержавие. Народность». Мыслители рассматривали политику как монополию императорского дома с находившимися на государственной службе мужами. Выразивший сущность самодержавного идеала и персонифицировавший политическую систему монарх наделялся мыслителями необходимыми качествами мужества и военной доблести для выполнения функций государственной власти. В то же время силовые

характеристики, связанные в патриархатной картине мира с маскулинностью, сочетались с миролюбием, христианскими добродетелями милосердия и справедливости, что было обусловлено необходимостью внеинституционального ограничения самодержавной власти государя.

3. Концептуально выстраиваемая мыслителями политическая сфера – отеческий порядок правления – представляется с гендерных позиций не только как патриархальный, но и патриархатный, базирующийся на принципах андроцентризма. Самодержавие опиралось на основанную на авторитете власти отца патриархальную семью. Политическая и семейная организации в концепциях российских консерваторов выстраивались изоморфно, обеспечивая тем самым единые основы функционирования публичной и частной сфер.

4. В трудах консерваторов XIX – первой половины XX в. теоретическое конструирование публичной жизни было связано непосредственно с моделированием маскулинных ценностей и ролей. Возможность мужчин действовать в публичной сфере легитимизировалась их способностью выполнять функцию защиты государства. В политических концепциях мыслителей прослеживается конструирование иерархии моделей мужественности, базировавшихся на принципах сословности и этакратизма. Позитивные модели мужественности («аристократа–воина–богатыря», «русского мужика») консерваторы обосновывали необходимостью выполнения предписанных определённому сословию обязанностей, а также тесной связью с государством через несение военной и гражданской служб. Негативная модель мужественности («интеллигент») конструировалась за счёт надления представителей данной модели секуляризированным сознанием, нигилистическим отношением к русской культуре, стремлением разрушить монополию царствующей династии на политическую власть.

5. Для консерваторов характерен андроцентризм политического языка. Мыслители разделяли высокую и низкую литературы, которые соотносились с публичной и приватной сферами. При этом они рассматривали женское сообщество высшего света как потенциальную аудиторию для трансляции

собственных политических идей. Понимая слово как символический капитал в борьбе за артикулируемые ценности, консерваторы допускали расширение творческих видов деятельности для женщин прежде всего в области русского языка и литературы. Женщинам предписывалась особая роль – воспитывать новые поколения подданных в духе национальной культуры и патриотизма. Материнство обосновывалось консерваторами как общественно полезная функция и гражданский долг для женщин высшего сословия.

6. Осмысливая опыт правления российских императриц в XVIII в., отечественные консерваторы XIX – первой половины XX в. предложили две трактовки женского правления в России – апологетическую и критическую. В рамках первой позиции, которая доминировала в российском консерватизме они акцентировали внимание на сохранение императрицами базовых принципов российской политики (неограниченное самодержавие, аристократический стиль правления и др.), на их опору на национальные традиции и обычаи, предопределившую крепкую связь государства с народом. Консерваторы отмечали ценность фемининных свойств в государственном управлении, выраженных в «мягком» материнском характере их правления. Сторонники второй точки зрения указывали на незаконный характер прихода к власти российских императриц и их зависимость от фаворитов. Последний фактор консерваторы трактовали как проявление неспособности женщин осуществлять политическую власть.

7. В политической философии российского консерватизма XIX – первой половины XX в. приватная сфера осмыслялась как область бытия женщин. Полагая, что женщины по природе консервативны, мыслители возлагали на них ответственность за род, за сохранение традиционных ценностей русской культуры. Несмотря на то что семейные отношения осмыслялись консерваторами как асимметричные, предполагавшие главенство отца, женщинам предписывалось выполнение важных задач по организации и функционированию внутрисемейного порядка. Консерваторы считали необходимым строгое разделение отцовских и материнских ролей при их относительном равновесии.

8. В политических доктринах российских консерваторов XIX – первой XX в. можно выявить позитивные («русские православные женщины», «богатырши») и негативные («женщины-политики», «новые женщины», «светские львицы», «женщины-революционерки») модели женственности. Основная нормативная модель женственности – «русская православная женщина» – концептуально восходила к образу Богородицы и соответствовала отстаиваемым консерваторами ценностям православия. Насыщение негативными коннотациями отдельных женских образов вызывалось неприятием консерваторами проявлений так называемой «женской власти» (манипулирование мужчинами), открытым стремлением женщин к политической власти, отказом от выполнения обязанностей жены/матери. Выход женщин в публичное пространство рассматривался консерваторами как фактор разрушения сложившейся в традиционном обществе конфигурации гендерных и политических отношений. В трудах отдельных мыслителей содержались элементы мизогинизма, но в целом данная позиция не была характерна для российского консерватизма XIX – первой половины XX в.

9. В политических идеях российского консерватизма были сформулированы основные принципы невестернизированной национально-ориентированной модели развития России – движение вперёд на базе ценностей отечественной культуры. В трудах российских консерваторов «женский вопрос» рассматривался в контексте «борьбы» с Западом, а потому европейский путь борьбы женщин за экономические и политические права представлялся мыслителям как неприемлемый. Равенство женщин и мужчин консерваторы считали не реализуемым на практике, противоречившим законам природы, угрожавшим существованию общества и разрушавшим авторитет власти. Российские мыслители трактовали «женский вопрос» не как юридический, а как морально-нравственный, предлагая разрабатывать идеальный образ русской женщины. В противовес эгалитарно-прогрессистскому типу социального дискурса в рамках дискуссии по «женскому вопросу» ортодоксально-консервативный дискурс тип связал проблемы нации и пола, формируя систему

бинарных оппозиций для характеристики «русских своих» и «нерусских чужих». В «женском вопросе» авторы консервативного направления увидели напряженность русской и нерусской культур: православие против католичества, дух против плоти, мораль против права, традиция против модернизации, идеализм против практицизма.

10. Консерваторы-эмигранты связывали разрушение дореволюционной гендерной системы и формирование выработанной в рамках эмансипаторского проекта большевиков модели социальных отношений между полами как одну из демаркационных линий между старым и новым социально-политическим устройствами. Критика российскими консерваторами-эмигрантами советской модели женской эмансипации основывалась на разоблачении мифа о реализации политики равенства полов на практике. Мыслители выявили новые социальные риски для женщин: соединение социальных ролей в приватной и публичной сферах порождало «двойную нагрузку» (женщины несли ответственность и за семью, и за выполнение трудовых обязанностей), теория «стакана воды» могла использоваться как способ морального, психологического и физического давления на женщин.

11. Значительный вклад политической философии российского консерватизма XIX – первой половины XX в. в развитие общественно-политической мысли состоит в разработке национальных форм интеллектуального знания, в проработке культурного фундамента политических проблем, в выходе за пределы узкоинституционального понимания государственности. В современной России востребованными являются консервативные идеи «мягкой маскулинности», критика мизогинизма, высокая оценка роли женщин в частной сфере, позитивное восприятие женщин-носителей верховной власти и фемининных свойств в политическом управлении. В то же время теоретически сконструированная консерваторами архаизированная модель гендерных отношений продуцирует проблемы в реализации равенства полов, так как мыслители недооценивали роль женского фактора в политике.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Результаты диссертационного исследования имеют научно-теоретическое и прикладное значение. Основные положения и выводы работы углубляют теоретические представления о политических концепциях российского консерватизма, позволяют выявить новые – гендерные – аспекты в политических идеях мыслителей. Материалы диссертации могут быть использованы в учебном процессе при чтении курсов по истории политической мысли, политической культуры и идеологии, а также могут также быть востребованы для дальнейшего исследования общественной мысли – либеральных, социал-демократических, анархистских и других политических доктрин. С практической точки зрения результаты диссертационного исследования могут быть учтены в разработке стратегии и реализации гендерной политики в современной России.

Апробация результатов работы

Основные теоретические положения диссертации апробированы автором в выступлениях на конференциях, среди которых наиболее важными являются: Всероссийская научная конференция «Пути и перспективы интеграции гендерного подхода в гуманитарные дисциплины», Тверь, 2–4 июня, 2000 г.; Международная научная конференция «Гендер по-русски: пределы и преграды», Тверь, 9–12 сентября, 2004 г.; V Всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегия, институты, акторы», Москва, 20–22 ноября 2009 г.; Международная научная конференция «Изменение России: политические повестки и стратегии», Москва, 25–26 ноября 2010 г.; Международная научная конференция «Российская политика в условиях избирательного цикла 2011–2012», Москва, 2–3 декабря 2011 г.; VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия», Москва, ноябрь 2012 г.; Международная конференция «Модернизация общества и множественные модерности», Екатеринбург, 20–25 мая 2013 г.; Всероссийская научная конференция (с международным участием) «Власть, бизнес, гражданское общество в условиях модернизации России: институты, стратегии и практики

политического сотрудничества», Москва, 22–23 ноября 2013 г. Основные положения и отдельные аспекты диссертации нашли отражение в научных публикациях автора. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите кафедрой философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Структура диссертационного исследования: работа состоит из введения, пяти глав, 12 параграфов, заключения, списка литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Политическая философия российского консерватизма XIX – первой половины XX века: основные концепты и проблемы

Практически все исследователи консерватизма отмечают методологические трудности в его определении, связывая это с многогранностью самого феномена¹. Консерватизм рассматривается и как тип мировоззрения, и как определённая идеология, и как стиль мышления, и как общественно-политическая практика. Эксперты отмечают, что консерватизм дефинируется с помощью негативных определений, противопоставляется различным течениям радикализма в политике. Учёные предлагают содержательный и ситуативный подходы к выявлению сущности консерватизма, соответственно выделяя его ценностное содержание и подчёркивая направленность данного течения на сохранение status quo².

«Консерватизм – это сохранение и преумножение материальных и духовных ценностей человечества от гибели... Пафос консерватизма – в обнаружении тех духовных основ, на которых только и может прочно и уверенно держаться тот или иной общественный строй или иное государство», – определяет сущность данного течения общественно-политической мысли В.И. Шамшурин³. В этой интерпретации консерватизма исследователь отметил его главное методологическое основание: представление об обусловленности политических

¹ Галкин А.А. Консерватизм: вчера и сегодня // Власть. 2000. № 2. С. 37; Карипов Б.Н. Консерватизм: понятие, генезис, сущность и особенности // Вестник МГУ. Сер. 12. Полит. науки. 2009. № 11. С. 102; Тяпин И.Н. Философско-исторические идеи российского политического консерватизма XIX – начала XX в.: дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2009. С. 3.

² Чернавский М.Ю. Два подхода к определению консерватизма // Традиционализм и консерватизм на юге России: Южнороссийское научное обозрение. 2002. Вып. 9. URL: <http://conservatism.narod.ru> (дата обращения – 02.10.2011).

³ Консерватизм в России (круглый стол) // Социс. 1993. № 1. С. 43, 59.

институций культурным фундаментом общества. Политическая философия консерватизма имеет широкое проблемное поле, выходящее за границы узкоинституционального понимания политики, включающее анализ вопросов, связанных с культурно-духовным развитием страны.

Прежде чем обратиться к политической философии российского консерватизма XIX – первой половины XX в., рассмотрим причины его появления, основные этапы развития и сущностные черты.

Исследователи считают, что консервативная традиция имеет глубокие исторические корни. В.А. Гусев видит истоки русского консерватизма («предконсерватизма») в текстах митрополита Илариона (XI в.)¹. Американский исследователь Р. Пайпс относит генезис консерватизма к XVI в., полагая, что он является господствующим направлением в российской политической мысли на протяжении всей её истории². Большинство учёных связывает возникновение русского консерватизма с первыми десятилетиями XIX в., с деятельностью А.С. Шишкова и Н.М. Карамзина³, с творчеством славянофилов⁴. Исследователи рассматривают российский консерватизм как ответ на вызов событий конца XVIII в. – начала XIX в.: Великой французской революции, реформ Александра I, экспансии Наполеона I, Отечественной войны 1812 г.⁵ Рецепция Россией новых европейских принципов социального бытия породила защитную реакцию

¹ Гусев В.А. Указ. соч. С. 40.

² Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики... С. 16.

³ Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. С. 4; Минаков А.Ю., Репников А.В. Консерватизм в России // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2010. С. 7; Сахаров А.Н. Уроки «бессмертного историографа» // Карамзин Н.М. История государства российского: в 12 т. М., 1989. Т. 1. С. 417; Китаев В.А. XIX век: пути русской мысли: научные труды. Нижний Новгород, 2008. С. 21; Горохов А.А. К вопросу о формировании консервативной идеологии в России в первой половине XIX века: А.С. Шишков и Библейское общество // Вестник МГУ. Сер. 12. Полит. науки, 2012. № 4. С. 94–96.

⁴ Агапов П.В., Афанасьев В.В. Консервативная мысль в России. М., 2009. С. 6.

⁵ Минаков А.Ю., Репников А.В. Указ. соч. С. 6; Соловьев Э.Г. У истоков русского консерватизма // Полис. 1997. № 3. С. 137; Малинова О.Ю. Традиционалистские и прогрессивные модели национальной идентичности в общественно-политических дискуссиях 1830–1840-х гг. в России // Консерватизм в России и мире / отв. ред. А.Ю. Минаков: в 3 ч. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 27; Пивоваров Ю.С. Русская политическая мысль как предпосылка русской политической науки. URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2009.3/06.pdf> (дата обращения – 01.10.2011).

традиционной русской культуры со стороны консервативного лагеря российской политической мысли. «Россия же существует около 1000 лет и не в образе дикой Орды, но в виде государства великого, а нам все твердят о новых образованиях, о новых уставах, как будто бы мы недавно вышли из темных лесов американских! Требуем более мудрости хранительной, нежели творческой», – писал Н.М. Карамзин в «Записке»¹.

Социальной группой, сформулировавшей ядро консервативных ценностей, по мнению исследователей, явилась обладавшая «психологией душевладельцев»² земельная аристократия, выразившая исторический пессимизм по поводу происходивших в Европе и России событий. Однако вопрос о социально-классовой природе консерватизма в политической науке решался неоднозначно. Ю.М. Лотман точно подметил, что одна и та же дворянская среда породила людей с противоположными взглядами – декабристов и консерваторов³. Э.А. Попов утверждал, что консерватизм в России не был идеологией определенных социальных классов общества: «Русский дореволюционный консерватизм исторически был связан с дворянским сословием, однако дворянство следует рассматривать как интеллектуальный слой, в рамках которого происходило формирование различных идеологических систем. Для русского консерватизма... классовый фактор не являлся определяющим. Более важным значением, чем классово-эгоистичные интересы, обладали социокультурные традиции. Консервативные симпатии определялись преимущественно принадлежностью к слою носителей традиционной культуры»⁴.

На следующем этапе исторического развития России, связанного с царствованием Николая I, консерватизм становится основой государственной

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 63.

² Мартин А. Фёдор Васильевич Ростопчин – герой 1812 года или предшественник черных сотен? // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 68.

³ Лотман Ю.М. П.А. Вяземский и движение декабристов // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1960. Вып. 98. С. 83.

⁴ Попов Э.А. Русский консерватизм: идеология... С. 15.

идеологии, основные принципы которого отразились в «афористической триаде»¹ министра просвещения С.С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность» (далее – ПСН), названной отечественным критиком общественно-политической мысли А.Н. Пыпиным «теорией официальной народности»² и служившей, по мнению А.В. Гулыги, формулой русской культуры³. В этот исторический период в академической гуманитарной науке в трудах М.П. Погодина и С.П. Шевырёва получили развитие консервативные идеи. «В 30-х и 40-х годах только консерваторы пользовались уважением; только они делали карьеру и составляли себе состояние», – писал К.Н. Леонтьев⁴. В конце 30 – начале 40 гг. XIX в. возникает славянофильство как течение общественно-политической мысли, которое, по словам В.Г. Графского, «поддерживало консервативно понятую идею народности»⁵ и в целом было близко к представителям теории официальной народности⁶. В генетической связи со славянофильством оформилось такое течение, как почвенничество (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, М.Н. Катков и др.), которое в период либеральных реформ Александра II приобрело черты оппозиционного течения⁷.

В правление Александра III консерватизм возвращается в качестве государственной идеологии и получает теоретическую разработку в трудах К.П. Победоносцева и Л.А. Тихомирова.⁸ Исследователи отмечали, что именно в

¹ Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических и правовых учений: XI–XX века. М., 1995. С. 250.

² Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. СПб., 1906. С. 93–95, 107.

³ Гулыга А. Формула русской культуры // Наш современник. 1992. № 4. С. 142–149.

⁴ Леонтьев К.Н. Избранное. М., 2010. С. 362.

⁵ Графский В.Г. Политические и правовые взгляды русских народников (истоки и эволюция). М., 1993. С. 4.

⁶ Фатеев В.А. В спорах о самобытном пути России // Славянофильство: pro et contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб., 2006. С. 25.

⁷ Митрошенков О.А. Философия славянофилов в современной российской историко-философской литературе: дис. ... канд. филос. наук. М., 2003. С. 175; Ширинянц А.А., Рясенцев К.В. Степан Петрович Шевырёв // Шевырёв А.С. Избранные труды. М., 2010. С. 65; Ремнев А.В. Крестный путь Льва Тихомирова // URL: <http://www.omsu.omskreg.ru/histbook/articles/y1997s/a113/article.shtml> (дата обращения – 31.05.2012).

⁸ Исаев И.А., Золотухина Н.М. Указ. соч. С. 272.

конце XIX – начале XX столетия отечественная консервативная мысль вступила в принципиально новую фазу своего развития, что проявилось в наполнении новым идейным содержанием старых монархических формул и в выборе более адекватной для того времени «методологии» идейно-теоретической работы¹.

Среди учёных-эмигрантов необходимо назвать имена таких представителей консерватизма, как И.А. Ильин и И.Л. Солоневич. В то же время разработкой отдельных политических концептов занимались и такие известные либеральные консерваторы, как П.И. Новгородцев, П.Б. Струве и др.

Выделение данных этапов в развитии российского консерватизма связано и с внутренней эволюцией охранительного течения, и с направленностью государственной политики страны в XIX в., которая представляла собой последовательную смену реформ и контрреформ². «Чередование реформ и контрреформ в модернизационном цикле создает и питает почву для русского консерватизма. Он, с одной стороны, поддерживает модернизацию в той мере, в которой она осуществляется государством, а не суммой автономных индивидов, с другой – оказывается в оппозиции к модернизации в той мере... в какой субъект модернизации, вооруженный западническими, либеральными или социалистическими идеями, прибегает к насилию над обществом», – считает В.М. Камнев³. Консерватизм менял статус оппозиционной мысли на государственный в зависимости от вектора официального курса. Но даже в условиях господства консерватизма как государственной идеологии консерваторы в некоторых аспектах были более правыми в своём спектре, чем существовавшая в России власть, о чём свидетельствует не только компендиум выражаемых ими идей, но и тот факт, что они периодически попадали в опалу государя-императора и не могли найти практического применения своих идей. Почти все исследователи российского консерватизма отмечают трагическое политическое

¹ Попов Э.А. Разработка теоретической доктрины русского монархизма в конце XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2000. С. 6; Мочкин А.Н. Парадоксы неоконсерватизма (Россия и Германия в конце XIX – начале XX века). М., 1999. С. 4–5.

² Афанасьев В.В., Кобелев П.С. Православная социология Константина Леонтьева. М., 2013. С. 59.

³ Камнев В.М. Хранители и пророки... С. 114.

одинокчество его представителей¹. Поэтому, на мой взгляд, российский консерватизм представляет собой уникальное сочетание критики, апологетики и утопии. Консерватизм как критическая теория детально проанализировал негативные стороны общества Модерности²: функционирование либеральной представительной демократии, бюрократизма и т. д. Относительно утопических и апологетических сторон консерватизма, когда «образцом желанного жизнеустройства служили отжившие формы»³, И.А. Исаев и Н.М. Золотухина замечают, что понятия идеального православия, идеальной монархии и идеальной народности позволили консерваторам пойти на компромисс с существовавшей системой социального и политического бытия⁴.

Артикулированным мнением в исследовательском сообществе является признание главным предметом философского осмысления консервативных мыслителей судьбы России. Поэтому политическая философия российского консерватизма, в которой анализировались вопросы сущности, функций, границ политической власти, форм государства, факторов, определявших его генезис, этапы и направления развития, а также связи с другими элементами общества – правом, моралью, религией и т. д., была нацелена на решение фундаментальной задачи – определение места самобытной России в мире. Рассматривая консерватизм как методологическую основу изучения российской государственности, М.Н. Начапкин считает, что он возник из стремления постичь природу государственной власти, сохранить и укрепить историческое бытие и национальное своеобразие России⁵. Поэтому принципиально важное место в политической философии российского консерватизма XIX – первой половины

¹ Косик В.И. Константин Николаевич Леонтьев: реакционер, пророк? // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 5–12; Шерстюк М.В. Одинокчество Льва Тихомирова // Россия XXI век. 2002. № 2. С. 142–163; Янов, А.Л. Трагедия великого мыслителя (по материалам дискуссии 1890-х годов) // Вопросы философии. 1992. № 1. С. 61–88.

² Страда В. Указ. соч. С. 57–64.

³ Янковский Ю.З. Патриархально-дворянская утопия: страница русской общественно-литературной мысли 1840–1850-х гг. М., 1981. С. 8.

⁴ Исаев И.А., Золотухина Н.М. Указ. соч. С. 267.

⁵ Начапкин Н.М. Эволюция российской государственности... С. 8.

XIX в. занимала проблема «Россия и Европа», сквозь призму которой мыслители рассматривали векторы развития отечественной политики. Интеллектуальная работа российских консерваторов состояла, прежде всего, в сравнительном анализе исторического развития Европы и России, рефлексии и селекции общечеловеческих и национальных ценностей в российском культурно-политическом пространстве. Исходя из ответов на данные вопросы, российские консерваторы формулировали свои оригинальные концепции моделей развития страны. Осознавая отставание России от уровня развития европейских стран (синдром догоняющей модернизации), консерваторы стремились создать собственную модель, которая решала бы одновременно две проблемы – достижение высокого уровня экономического и социального развития и сохранение самобытной русской культуры. Исследователи определяют выработанную российскими консерваторами XIX – первой половины XX в. концепцию развития России как невестернизированную национально-ориентированную консервативную модернизацию, сущность которой состоит в совмещении ценностей национальной культуры с экономической и политической мощью российского государства в его движении вперёд¹. М.Н. Крот определяет в данном типе модернизации следующие приоритеты: эволюционный характер общественного развития, историческая преемственность, неизменность политического строя, учёт менталитета русского народа в преобразованиях, нравственное перевоспитание общества². По мнению В. Страды, в странах с запоздавшей и встретившей сопротивление модернизацией были выдвинуты некие антимодерные философии псевдомодернизации, принимавшие материальные инструменты Модерности (техника, индустриализация и т. д.), но при этом отвергавшие её духовные инструменты (демократия, плюрализм)³.

¹ Вишневецкий А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 48; Чернавский М.Ю. Традиционалистский и модернистский консерватизм XIX и XX веков // Современная наука: Актуальные проблемы философии и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 31–36.

² Крот М.Н. Консервативный вариант модернизации России во второй половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 8–9.

³ Страда В. Указ. соч. С. 58.

Важно отметить пересмотр представителями консерватизма XIX – первой половины XX в. основных категорий, описывавших социально-политические изменения – «прогресс» и «развитие». Российские мыслители доказывали невозможность отождествления прогресса с движением Запада по пути либерализма, что означало для России разрушение национальной культуры. Начиная с Н.М. Карамзина, все российские консерваторы обосновывали неприемлемость революционных способов социально-политических преобразований. Прогресс в понимании консерваторов заключался в следовании собственному (русскому) пути развития, в укреплении «охранительных начал». Мыслители обосновывали проекты эволюционного изменения общества через укрепление культурных практик – русского языка, православия и т. д. При этом они методологически опирались на органические концепции развития государства и общества, в которых социально-политические изменения естественно «произрастали» из заложенных в конкретном типе цивилизации принципов.

Органицизм рассматривается исследователями как одно из методологических оснований российского консерватизма. В.А. Гусев выделяет следующие принципы органического подхода: «Различные политические системы, формы государственного устройства развиваются подобно живым организмам по своим внутренним законам, связывающим в единое и неразрывное целое все составляющие элементы и не допускающим произвольных, внешне насильственных изменений. Эти закономерности складываются на базе специальной культуры народа, веками накапливающейся и вербально не выраженной мудрости»¹.

Уже в работах ранних консерваторов, в частности А.С. Шишкова, исследователи отмечали переизбыток органицистской метафорики². В наиболее разработанном виде органический подход был представлен Н.Н. Страховым в

¹ Гусев В.А. Проблемы государственного строительства в трудах И.А. Ильина // Социально-политические науки. 1992. № 2–3. С. 73.

² Зорин А. Корня двуглавого орла: литература и государственная идеология России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004. С. 245. Парсамов В.С. Александр Семёнович Шишков // Шишков А.С. Избранные труды. – М., 2010. С. 31.

работе 1872 г. «Мир как целое», в которой, по мнению В.В. Розанова, он выдвинул идею вычленения органических категорий как особых понятий¹. Н.Н. Страхов сформулировал следующие основные тезисы о мире: мир есть целое, единое целое, связное целое, стройное целое, гармоническое и органическое целое; в мире все взаимосвязано, взаимно подчинено и составляет «иерархию существ и явлений», вершиной которой является человек. «Такое единство мира можно получить не иначе, как одухотворив природу, признав, что истинная сущность вещей состоит в различных степенях воплощающегося духа», – писал он². Анализируя труды К.Н. Леонтьева, И.А. Ильина и др., необходимо заострить внимание на некоторых аспектах органического подхода, важных для понимания политической философии российского консерватизма в целом и гендерных аспектов в частности. Во-первых, это непосредственная связь органического подхода с биологическим, выраженная в постоянных апелляциях к природе, к здоровому и нездоровому образу жизни («Надо именно помочь организму, чтобы он выздоровел сам... мудрый врач не стремится заменить или оттеснить силу самого организма, а предметно понять болезнь и верно помочь борющейся природе. Надо помочь России переболеть и выправиться, помочь вернее и скорее ей выздороветь»³). Во-вторых, это связь органического подхода с системным, представление об обществе как о сложной системе⁴, в которой всё переплетено⁵ («Россия есть единый живой организм: географический, стратегический, религиозный, языковой, культурный, правовой и государственный, хозяйственный и антропологический»⁶). Н.Б. Золина считает, что системный подход в работах Ильина позволяет ему раскрыть множество

¹ Розанов В.В. Литературные изгнанники. London, 1992. С. 10.

² Страхов Н.Н. Мир как целое: черты из науки о природе. СПб., 1872. С. VII.

³ Ильин И.А. Собр. соч. Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней. М., 2001. С. 16.

⁴ Изергина Н.И. Теория органической демократии И.А. Ильина и проблемы социально-политической трансформации современной России: автореф. дис. д-ра полит. наук. Саранск, 2009. С. 13; Шаронов Д.И. Концепция органической демократии И.А. Ильина // Вестник МГУ: Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 1. С. 60–71.

⁵ Кишенкова О. Консерватизм как «идеологическая подкладка под власть» // Власть. 2000. № 2. С. 50.

⁶ Ильин И.А. Собр. соч. М., 1993. Т. 2, кн. 1. С. 304.

аспектов существования власти и политики – и социальный, и политический, и правовой, и нравственный¹. В-третьих, это противопоставление органического метода механическому («Политическая жизнь, вообще говоря, есть явление органическое, а не механическое»², «Государство есть не механизм, а организм»³). В-четвёртых, органический подход сводит к минимуму социальное конструирование и роль социальных субъектов («Это не значит тянуть её (Россию – *Н.К.*) направо и налево. Она сама найдет свою левую правизну и сама совместит ее с необходимой ей правой левизной»)⁴. Все политические изменения социального организма как бы естественно произрастают, опираясь на культурный фундамент данного общества. По мнению Т.А. Филипповой, органический подход не навязывает обществу готовых, универсальных средств⁵. В-пятых, это единство и целостность органической системы, которой может угрожать обособление какого-либо элемента, в частности, представительство интересов женщин («В чем нуждается каждое государство больше всего? – в единении... Партии думают не о государстве и его судьбе, а о своих избирателях. Избирателям надо угождать... свои вожеления у крестьян, свои у рабочих, свои у городского мещанства»⁶; «четвертая аксиома – политическая программа может включать в себя только такие меры, которые преследуют общий интерес»⁷. Э.А. Попов подчёркивает, что органицистское понимание природы и структуры социального в рамках русского консерватизма являлось антитезой атомизированного (индивидуалистичного) общества либерализма⁸.

Анализ текстов российских консерваторов позволяет сделать вывод, что основополагающими проблемами, рассматриваемыми в их политической философии, являлись православие, самодержавие, народность. По мнению

¹ Золина М.Б. Философия власти И.А. Ильина // Социально-политический журнал. 1996. № 3. С. 169.

² Ильин И.А. Собр. соч. М., 1993. Т. 2, кн. 2. С. 267.

³ Там же. С. 41.

⁴ Ильин И.А. Собр. соч.: Кто мы? С. 16.

⁵ Филиппова Т.А. Иван Александрович Ильин // Ильин И.А. Избранное. М., 2010. С. 29.

⁶ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2, кн. 2. С. 34, 198.

⁷ Ильин И.А. Собр. соч. М., 1994. Т. 4. С. 300.

⁸ Попов Э.А. Русский консерватизм: идеология... С. 24.

Р. Пайпса, квинтэссенцией русского консерватизма явилось самодержавие¹. Данная ценность в объяснении исследователей была обусловлена значительной ролью мощного централизованного государства, которое сформировалось в силу больших пространств и военных угроз со стороны Запада и Востока². Начиная с работ Н.М. Карамзина, необходимость сохранения «палладиума России» обосновывалась в трудах консерваторов и с исторической, и с функциональной, и с психологической точек зрения.

Вторая ценность – православие – определялась значительным влиянием религии на все стороны российской общественной жизни. Православие, по мнению консерваторов, придавало сакральный характер самодержавной власти российских государей, а его идеалы сдерживали перерастание государственной власти в абсолютизм. Тесная связь религии и политики в трудах консерваторов обусловила значительную морализаторскую составляющую в их творчестве. Кроме того, на наш взгляд, российские консерваторы также рассматривали православие как форму идеологии, при существовании которой становится бессмысленным формирование других идеологий, в том числе и консервативных. Сами консерваторы отказывались признавать в себе политиков и отрицали свою принадлежность к каким-либо партиям, утверждая, что последние в России невозможны³.

Народность – третий элемент триады – трактуется исследователями как принцип отстаивания самобытной национальной культуры. В этом смысле российский консерватизм можно назвать русским. Данный концепт сформировался в российском консерватизме на фоне неприятия западноевропейской культуры. Антизападничество прослеживается в работах всех консервативных мыслителей в контексте обоснования России особой как

¹ Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики... С. 12.

² Гусев В.А. Русский консерватизм... С. 40.

³ Коваль Е.И., Назухина М.В. От монархической идеи к консервативной: Ф.Р. Шатобриан и развитие русской политической мысли в первой половине XIX в. // Полис. 2005. № 5. С. 96.

цивилизации. Теоретическая разработка третьей части триады во многом принадлежит славянофилам¹.

Э.А. Попов отмечает такую важную составляющую в политической философии российского консерватизма, как концепция «народного участия». Несмотря на то, что консерватизм в России возник и развивался в оппозиции идеи народовластия, некоторые консерваторы разработали оригинальную концепцию «народного участия», предполагавшую вовлечение народных представителей в деятельность органов управления при условии сохранения монархической верховной власти (славянофилы). Консерваторами были выработаны принципы отбора народных представителей, альтернативные принципам парламентской демократии, основанные на идее представительства социальных групп (Л.А. Тихомиров) и «слоя лучших» (И.А. Ильин)².

По мнению ряда исследователей, анализируя ядро «универсальных, вечных» ценностей консерватизма (семья, традиция, незыблемость принципов социальной иерархии, стабильности и т. д.), необходимо указывать также на ценности свободы и права. В.И. Шамшури и Е.В. Филипская отмечают, что «для консерватора и либерала важна свобода личности»³. Некоторые эксперты в области истории политической мысли полагают, что границы между консервативным и либеральным мировоззрением в России были весьма условные. А. Мартин пишет, что «большая часть их (консерваторов. – *Н.К.*) духовных исканий была своего рода попыткой сочетать самодержавие и крепостничество с уважением человеческого достоинства и тонкой моральной чувствительностью, которая во всё возрастающей степени требовалась от каждого культурного

¹ Кошелев В.А. «Чудная страна» Константина Аксакова // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 155–157; Кожин В. О главном в наследии славянофилов // Вопросы литературы. 1969. № 10. С. 126; Янов А. Ответ оппонентам // Вопросы литературы. 1969. № 12. С. 100; Ломунов К.Н. Славянофильство как научная проблема: задачи и принципы исследования // Литературные взгляды и творчество славянофилов. 1830–1850 гг. М., 1978. С. 50. Жуков В.Н. Общественный идеал России в социальной философии славянофильства: дис. ... д-ра филос. наук, М., 2000. С. 55; Цимбаев Н.И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М., 1986. С. 103–183.

² Попов Э.А. Русский консерватизм: идеология... С. 16.

³ Шамшури В.И., Филипская Е.В. Размышления о консерватизме // Вестник МГУ. Сер. 12. Полит. науки. 2009. № 1. С. 24.

европейца»¹. По мнению Е.А. Вишленковой, и консерваторы, и либералы говорили о необходимости просвещения, признавали значимость прогресса, ценили семью»². Характеризуя общественно-политические взгляды отдельных либералов, В.Н. Жуков указывает, что они насыщены «архаикой русского национального сознания», обращены к пластам «русской духовности, которые веками формировались в лоне православия»³. Отличия между либерализмом и консерватизмом, считает А.С. Карцов, «сводятся к разному выстраиванию ценностной иерархии и разным ответам на вопрос о порядке проведения этих ценностей в жизнь»⁴. Практически для каждого консерватора – Н.М. Карамзина, С.С. Уварова, К.Н. Леонтьева, К.П. Победоносцева и других – может быть справедлива фраза В.К. Кантора о М.Н. Каткове: «Всею своей судьбой выразил динамику процесса перерастания... либерала в идеолога самодержавия»⁵. Это даёт основание исследователям использовать понятия «либеральный консерватизм», «консервативный либерализм», «либерально-консервативный реформизм»⁶.

Часто отмечаемый исследователями «антилегализм» русской мысли, полагает В.И. Шамшурин, во многом построен на неправомерном смешении «позитивного» и «естественного» элементов в праве. В естественном праве, указывает исследователь, закон рассматривается не только с социально-политической, но и с нравственной, духовно-культурной точек зрения⁷. Тесная связь нравственности и права, понимание права как части культуры, по мнению

¹ Мартин А. «Патриархальная» модель общественного устройства и проблемы русской национальной самобытности в «Русском вестнике» С.Н. Глинки (1808–1812 гг.) // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 86.

² Вишленкова Е.А. Война и мир в политической риторике России первой четверти XIX века // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 14.

³ Жуков В.Н. Философия права П.И. Новгородцева как консервативно-религиозная утопия // Государство и право. 2012. №2. С. 68.

⁴ Карцов А.С. Предисловие // Консерватизм и либерализм: история и современные концепции: материалы Междунар. науч. конф. 15 февр. 2002 г. СПб., 2002. С. 19.

⁵ Кантор В.К. Русская эстетика второй половины XIX века и общественная борьба. М., 1978. С. 43.

⁶ Консерватизм в России («круглый стол») // Социс. 1993. № 1. С. 57.

⁷ Шамшурин В.И. Человек и государство в русской философии естественного права // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 132–140; Он же. Идея права в социальной теории П.И. Новгородцева // Социс. 1993. № 4. С. 99.

ученых, является характерной чертой российского консерватизма¹. По мнению А.С. Карцова, мера легитимности любого юридического акта обуславливалась достоинством ценностей, претворяемых посредством юридически значимых действий. Учёный полагает, что само по себе обращение к ценностям как метафизическим принципам, помогающим не только осмысливать правовой опыт, но и направлять правовое действие, свидетельствует о наличии консервативного идеала права².

Ярко выраженный интерес российских консерваторов к национальной истории, ориентация на прошлое предопределили такую черту русского консерватизма, как историсофичность, которая, по мнению В.А. Ачкасова, была задана усилиями Н.М. Карамзина³. Т.А. Филиппова отмечает, что «уютнее всего политическая мысль консерватора чувствует себя в Прошлом»⁴. С точки зрения Э.А. Попова, отечественные консерваторы обосновали общественно-политическую модель «идеального» Русского Средневековья, квинтэссенцией которого стали «идеи возрождения “идеального” самодержавия и системы взаимоотношений между властью, церковью и обществом, существовавшей до начала вестернизации середины XVII в.; развитие традиционной, основанной на православии, русской культуры»⁵. Исторические факты используются консерваторами как одни из главных аргументов в собственных политических доктринах.

Стремление консерваторов обосновать самобытность российской цивилизации приводило к постановке такой проблемы, как разработка принципов национальной политической философии. Вопросы о том, образовали ли

¹ Жуков В.Н. Философия права П.И. Новгородцева. М., 2004. С. 73; Соловьев К.А. Павел Иванович Новгородцев // Новгородцев П.И. Избранные труды. М., 2010. С. 31.

² Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма (II половина XIX – начало XX века)... С. 18–19.

³ Ачкасов В.А. Запад как значимый другой России // Консерватизм и либерализм: история и современные концепции: материалы Междунар. науч. конф. 15 февр. 2002 г. СПб., 2002. С. 135.

⁴ Филиппова Т.А. Либерально-консервативный синтез (попытка хронополитического анализа) // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: материалы Междунар. конф. М., 1999. С. 204.

⁵ Попов Э.А. Русский консерватизм: идеология... С. 14.

русские консерваторы собственную научную школу, выработали ли общую методологию, способы анализа и решения проблем, достигли ли они высокой степени концептуального единства, до сих пор дискутируются в научной среде. Канадский исследователь Т. Хондерик отмечает, что консерваторы указывают на собственное неприятие теоретизирования об обществе¹. А.С. Карцов, на мой взгляд, справедливо утверждает, что русские консерваторы имели двойственное отношение к социальной теории как таковой². Он считает, что русские консерваторы XIX – первой половины XX в., критикуя практически все существовавшие тогда доктрины, использовали иррациональные неформализованные категории в своих построениях, но в то же время признавали пользу сознательного и делали обобщения³. Н.Я. Данилевский писал по этому поводу следующее: «Всякая же другая достоверность, философская, метафизическая и даже положительно научная, недостижима: для немногих избранных, умственно развитых потому, что им известно, что наука и мышление незавершенны, что они не сказали и никогда не скажут своего последнего слова, что, следовательно, к результатам их всегда примешаны сомнения, возможность и необходимость пересмотра, переисследования, и притом в совершенно неопределенной пропорции; для массы же – по той еще более простой причине, что для нее она недоступна»⁴.

Отечественные консерваторы отказывали научному знанию в цельности, полагая, что оно неизбежно должно переплетаться с религиозным учением: «Идея разума, вооруженного верой, или веры как врожденного начала разума»⁵. З.В. Смирнова отмечает фидеистический характер славянофильской гносеологии, выраженный в концепции «цельного знания», противоречащего западному

¹ Хондерик Т. Консерваторы и «теория» // Неприкосновенный запас. 2004. № 5 (37). С. 5.

² Карцов А.С. Русский консерватизм как интеллектуальная традиция // Консерватизм и либерализм: история и современные концепции: материалы Междунар. науч. конф. 15 февр. 2002 г. СПб., 2002. С. 41.

³ Там же. С. 43.

⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к германо-романскому. М., 2010. С. 528.

⁵ Митрошенков А.О., Митрошенков О.А. Философия славянофилов в современной российской историографии. М., 2005. С. 52.

рационализму¹. В.И. Шамшури́н называет обращение российских консерваторов не только к формальной логике, но и к сердцу, к вере в процессе познания традицией кардиогнозиса, сердцеведения, идущей от отцов Восточного христианства. Игнорирование данного принципа, по мнению исследователя, в работах западных учёных приводит их к выводу о «парадоксальности», «загадочности» русской мысли². «Укоренённость в православии, близость нашему сердцу», – так писал о философии И.А. Ильина исследователь его творчества Ю.Т. Лисица³. А.С. Карцов указывает на интуитивизм, подчеркивающий роль чувств, эмоций, актов воли в процессе эмпирического и теоретического познания. Поэтому, полагает исследователь, социальная и политическая реальность, создаваемая консерваторами в своих текстах, отличалась спиритуализмом, традиционализмом, органицизмом, иерархизмом, телеологизмом, холизмом⁴.

К.П. Победоносцев отмечал ограниченность современного социально-гуманитарного знания в силу его кабинетного происхождения. В работе, посвящённой достижениям французского учёного Ле Пле, он настаивал: «Вся задача сводится не к кабинетному ученому рассуждению об устройстве быта народов, как это делал Руссо, но к странствованию по всему свету с целью собрать как можно более фактов, тщательная разработка которых должна открыть тайну устройства человеческих обществ и основные законы, – нарушение коих влечет за собою падение и разложение этих обществ»⁵. Таким образом, консерваторы стремились создать национальный канон гуманитарного знания, построенный на синтезе православных принципов, западной философии, соединявшего знание и веру, разум и чувства, и методологически представляя собой совершенно иную мыслительную традицию⁶.

¹ Смирнова З.В. К спорам о славянофильстве (некоторые методологические аспекты исследования раннего славянофильства) // Вопросы философии. 1987. № 11. С. 121–136.

² Шамшури́н В.И. Про освящение и просвещение // Социс. 1994. № 1. С. 145.

³ Лисица Ю.Т. «Жить стоит только тем, за что стоит бороться и умереть» // Ильин И.А. Родина и мы. Смоленск, 1995. С. 15.

⁴ Карцов А.С. Русский консерватизм как интеллектуальная традиция... С. 41–56.

⁵ Победоносцев К.П. Избранное. М., 2010. С. 109.

⁶ Попов Э.А. Русский консерватизм: идеология... С. 24.

При этом исследователи отмечают опору российских консерваторов на солидную интеллектуальную традицию западной науки¹, что позволило квалифицировать их как «русских европейцев»². Будучи представителями высшего класса, российские консерваторы получали классическое образование, владели несколькими иностранными языками, некоторое время жили в Европе, в своих работах ссылались на классиков западной мысли (Гоббса, Руссо, Вольтера, Шатобриана и др.), были в курсе всех интеллектуальных новинок Европы. С.С. Уваров был общепризнанным специалистом в области древнегреческой литературы, С.П. Шевырев известен своими исследованиями творчества Данте, И.А. Ильин – философии Гегеля и т. д. Многие российские консерваторы имели опыт личного знакомства с представителями западного социально-гуманитарного знания: Н.М. Карамзин встречался с И. Кантом, С.С. Уваров переписывался с Гёте, И.В. Киреевский был лично знаком с Г. Гегелем, И.А. Ильин прослушал лекции Э. Гуссерля и т. д.

На мой взгляд, важно отметить связь консервативной общественно-политической мысли с литературой, которая, по мнению А.А. Ширинянца и И.Ю. Демина, характерна для всей российской общественно-политической мысли. Исследователи полагают, что русские мыслители в своем творчестве предпочитали «ненаучные» и художественные приемы (метафора, ирония и т. п.), использовали дедуктивные, логико-философские и морально-аксиологические подходы к объяснению и оценке окружающей действительности (того, что есть) и идеалов (того, что должно быть). Исходя из этого, считают А.А. Ширинянец и И.Ю. Демин, трудно разделить корпус исследуемых текстов на сугубо «научные», «политологические» и «художественные», так как форма и содержание большинства источников характерны скорее для художественных и публицистических произведений, чем для научных трактатов³.

¹ Ширинянец А.А., Рясенцев К.В. Указ. соч. С. 64.

² Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры. М., 2001. С. 3–5.

³ Ширинянец А.А., Демин И.Ю. Предисловие // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века: хрестоматия. М., 2011. С. 9.

Аналогичную позицию занимает и другой исследователь российской политической мысли – Е.Н. Моцелков: «В тот период понятие “литература”, литературное произведение было значительно шире, чем современное. Под ним понимались не только художественные произведения (проза, поэзия и т. д.), но и книги, посвящённые гуманитарной (в т. ч. и политической) проблематике»¹.

Все консерваторы высоко оценивали роль слова. В частности, К.П. Победоносцев писал: «Слово – драгоценное создание духа, драгоценное орудие дел человеческих. Оно призвано служить делу, но и само оно, в некотором смысле, есть дело»². Литературное творчество консерваторов было так обширно, что некоторые исследователи рассматривали их социально-политические взгляды сквозь призму созданных ими художественных произведений³. Значительная часть русских авторов этого направления использовала в качестве фактической аргументации создаваемые литераторами образы носителей власти – государей, чиновников различного ранга, а также народные образы русских баб и мужиков. В этом И.Л. Солоневич видел слабость русского консерватизма, поскольку, с его точки зрения, ссылка мыслителей на создаваемые писателями образы предопределила незнание ими русского народа, привела к отрыву от адекватного отражения действительности: «Методологическая ошибка построения русской души заключается по преимуществу в том, что эта душа изучалась не по фактам русской жизни, а по образцам русской литературы... Литература казалась самым глубоким и самым ярким отражением русской души. Князя Мышкины, Раскольниковы, Карамазовы Достоевского, «лишние люди» Чехова, босяки Горького явились типичным олицетворением русской души. Такое скромное соображение, что на Обломовых, идиотах, «лишних людях» и босяках империю построить нельзя, никому в голову не приходило. Остались без всякого литературного отражения именно те люди, которые эту империю все-таки построили... Литература всегда является кривым зеркалом жизни... Русская литература, как и всякая другая

¹ Моцелков Е.Н. История философии права в университетском образовании России (XIX – начало XX в.). М., 2011. С. 57–58.

² Победоносцев К.П. Избранное. С. 298.

³ Литературные взгляды и творчество славянофилов (1830–1850-е годы). М., Наука, 1978.

литература в мире, отражает, прежде всего, индивидуальности ее творцов, во-вторых, тот класс или ту социальную среду, из которой творцы вышли, и только в конце, в самом последнем конце, дух нации, взятый в целом»¹.

Консерваторы обращались также и к публицистике, использовали журналы как средство популяризации своих идей. Л.А. Тихомиров по этому поводу писал в «Монархической государственности»: «Вообще наши ученые-государственники, когда переходят на почву объяснения самодержавия, то в лучшем случае повторяют суждения публицистики. Если идея монархической власти несколько и уяснялась у нас, то не в науке, не в кабинете или аудитории профессора и академика, а на страницах газет и журналов, в словесном бою представителей партий и направлений. Русская политическая мысль, насколько она сделала успехов в национальном духе, всем обязана не государственной науке, которая прививала европейские идеи и понятия, а публицистике»². Таким образом, в различных формах – теоретической, литературной, публицистической и др. – консерваторы стремились разрешить острые проблемы современной им России, не отделяя свою личную судьбу от судеб своего отечества.

Для более глубокого понимания гендерных аспектов политической философии российских консерваторов необходимо обратиться к историческим условиям их жизни, некоторым фактам их биографий. Гендерная система дореволюционной России отличалась юридически закреплённой асимметрией прав и обязанностей мужчин и женщин. В то же время, как свидетельствуют исследователи, с XVIII в. «женщины начинают играть всё большую и большую роль»³: они вовлекаются в литературное творчество, женские салоны становятся местом встреч российских интеллектуалов. Практически все российские консерваторы отмечали патриархальный характер семейных отношений, главенство отца и одновременно указывали на большую роль матери в семейных делах. В работах биографов С.С. Уварова, К.Н. Леонтьева, А.С. Хомякова,

¹ Солоневич И.Л. Белая империя: Статьи 1936–1940. М., 1997. С. 33–34.

² Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 2010. С. 331.

³ Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века // Из истории русской культуры: в 5 т. М., 2000. Т. IV. С. 206.

И.В. Киреевского, М.О. Меньшикова и др. подчёркивается влияние матерей на становление личностей мыслителей¹.

Для понимания гендерной картины мира российских консерваторов важно выявить их отношения не только с матерями, но и с «близкими по душе»² женщинами. В частности, Н.М. Карамзин, по мнению Ю.М. Лотмана, стремился дружить с женщинами, формируя новый тип отношений между полами³. В.Н. Топоров пишет, что Карамзин демонстрировал «открытое, сознательное и даже гипертрофированно подчёркнутое поклонение Аглае, Настасье Ивановне Плещеевой, принявшее столь необычное для того времени и того круга формы и так смущавшее многих»⁴. Адмирала А.С. Шишкова также связывали с супругой тёплые дружеские отношения. Он писал жене из Европы, обращаясь к ней «мой друг» или «моя душа», интересовался семейными событиями, отчитывался о проведенных за границей днях⁵.

Корреспондентками К.П. Победоносцева на протяжении ряда лет являлись сестры Тютчевы – Анна и Екатерина (дочери поэта Ф.И. Тютчева). Когда Анна вышла замуж за известного славянофила, однокашника Победоносцева С. Аксакова, Екатерина стала «единственным человеком, которому жена и Победоносцев поверяли свои сокровеннейшие чувства»⁶. Ю.В. Готьё считает, что обер-прокурор поддерживал оживленную переписку с дочерьми поэта, поскольку

¹ Шевченко М.М. Конец одного величия: власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003. С. 57–58; Иваск Ю.П. Константин Леонтьев. Жизнь и творчество (1831–1891) // К.Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 2. СПб., 1995. С. 231; Смолин М. Имперское мышление и имперский национализм М.О. Меньшикова URL: http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0120.shtml (дата обращения – 15.03.2013); Благова Т.И. Алексей Хомяков и Иван Киреевский. М., 1995. С. 12; Gleason A. European and muscovite. Ivan Kireevsky and the origins of slavophilism. Cambridge, 1972. P. 8–10.

² Готьё Ю.В. К.П. Победоносцев и наследник Александр Александрович. 1865–1881 // Тайный правитель России: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки (1896–1895). Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 2001. С. 500.

³ Лотман Ю.М. Карамзин: Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957–1990. Заметки и рецензии. СПб., 1997. С. 253–261.

⁴ Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения: К 200-летию со дня выхода в свет. М., 1995. С. 32.

⁵ Шишков А.С. Избранные труды. М., 2010. С. 614–616.

⁶ Зубов А.Б. Политико-правовые воззрения К.П. Победоносцева и их интерпретации зарубежными исследователями русской мысли // Русская политическая мысль второй половины XIX века: сб. обзоров. М., 1989. С. 166.

последние разделяли близкие Победоносцеву славянофильские идеи, общее понимание православной веры и церкви, позволяли ему окунуться в атмосферу близкой его сердцу первопрестольной столицы¹. По мнению исследователей, письма К.П. Победоносцева к сёстрам Тютчевым дают возможность заглянуть во внутренний мир обер-прокурора и обнаружить резкий контраст между его публичным лицом свирепого «Великого инквизитора» и частным лицом мягкого, трогательного человека, который любил детей, боялся своей жены². На основе анализа некоторых писем О. Майорова даже предположила, что обер-прокурор обладал женственным душевным складом³.

Помимо сестер Тютчевых обер-прокурор поддерживал связи с фрейлинами и другими великосветскими дамами – великими княгинями Еленой Павловной и Екатериной Михайловной, графиней А.Д. Блудовой и баронессой Э.Ф. Раден, некоторым из них он посвятил свои работы, представляя их как образец женственности⁴. По поводу баронессы Раден Победоносцев писал, что, общаясь с ней, он испытывал чувство абсолютного равенства: «Ни в политике, ни в общественном смысле я не жалею демократии, и этого духа нет во мне, и от того ощущаю такую радость, когда вдруг это пошлое слово “равенство” отзовется во мне истиною – а еще радостнее для меня, когда я могу душу свою преклонить пред другой душою – взор мой только и просит, чтобы стремиться кверху»⁵.

Аналогичная ситуация в жизни сложилась и у И.А. Ильина. Биографы и исследователи творчества И. Ильина считают, что его супруга Наталья Николаевна Вокач, которая, как и муж, занималась философией, искусствоведением, историей, была духовно близка философу, поэтому

¹ Готье Ю.В. Указ. соч. С. 502.

² Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 87–88; Глинский Б.Б. Глинский Б.Б. Константин Петрович Победоносцев (материалы для биографии) // Победоносцев К.П. Тайный правитель России: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1896–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 2001. С. 8.

³ Майорова О. «Пишу только для Вас...». Письма К.П. Победоносцева к сестрам Тютчевым // Новый мир. 1994. № 3. С. 200.

⁴ Победоносцев К.П. в 1881 году (Письма к Е.Ф. Тютчевой) // Река времен: книга истории и культуры. М., 1995. Кн. 1. С. 178–179.

⁵ Победоносцев К.П. Избранное. С. 163.

мыслитель неразлучно прошел с ней весь свой жизненный путь¹. Двоюродная сестра Натальи Николаевы Е.К. Герцык так писала об отношениях супругов Ильиных: «Двоюродная сестра не была нам близка, но – умная и молчаливая – она всю жизнь делила симпатии мужа, немножко ироническая к его горячности. Он же благоговел перед её мудрым спокойствием. Молодая чета жила на гроши, зарабатываемые переводом: ни он, ни она не хотели жертвовать временем, которое целиком отдавали философии»².

Помимо жены, Ильина связывала дружба со своей двоюродной сестрой, писательницей, театральным критиком, редактором-издателем журнала «Северный вестник», сотрудницей журнала «Русская мысль» Любовью Яковлевной Гуревич³. В письмах он называл её «милая моя другиня и сестра!»⁴, стремился вывести её из-под власти духовного авторитета редактора журнала «Русская мысль» П.Б. Струве⁵.

Таким образом, на наш взгляд, российские консерваторы были типичными представителями той гендерной аристократической культуры высшего общества, в рамках которой они существовали. Они наследовали патриархатные установки и в границах сословной этики подчёркнуто уважительно относились к женщинам, прежде всего, близкого круга.

Подводя итоги параграфа, отметим, что генезис феномена российского консерватизма обусловлен вызовами модернизации общественно-политических систем. Зарождаясь как ответ на Великую французскую революцию и реформы М.М. Сперанского, политическая философия российского консерватизма сосредоточилась на защите традиционных ценностей – государства, церкви, национальной культуры. Основное ядро политического творчества консерваторов составила триада «Православие. Самодержавие. Народность». Политическая

¹ Лисица Ю.Т. «Жить стоит только тем, за что стоит бороться и умереть». С. 6; Зернов И. Зернов, И. Иван Ильин. Монархия и будущее России. М., 2007. С. 6.

² Герцык Е.К. Воспоминания. URL: http://az.lib.ru/g/gercyk_e_k/text_0030.shtml (дата обращения – 15.04.2013).

³ Лисица Ю.Т. Иван Александрович Ильин. Историко-биографический очерк // Ильин И.А. Собр. соч. М., 1993. Т. 1. С. 24.

⁴ Ильин И.А. Собр. соч. Дневник. Письма. Документы (1903–1938). М., 1999. С. 91.

⁵ Там же. С. 41.

философия российского консерватизма охватила широкий круг общественных проблем – генезис, этапы развития, формы и современное состояние государств, механизмы функционирования парламентской демократии, партий и идеологий, роль отдельных социальных институтов (семьи, церкви) в обеспечении стабильности политического строя и т. д. Сочетание апологетики, критики и утопии составляет одну из черт российского консерватизма. Поместив Россию в центр своих политических изысканий, его представители активно задействовали сравнительный метод. Рефлексируя проблему «Россия – Европа», мыслители стремились выявить отличительные черты отечественной политики в исторической ретроспективе. Поэтому историософичность являлась неотъемлемой чертой российского консерватизма.

В рамках анализа исторического развития России и Запада представители отечественного консерватизма переосмыслили выработанные западной социально-гуманитарной мыслью понятия «прогресс» и «развитие», выступали против их отождествления. Они предлагали органический подход, согласно которому все явления социальной жизни непосредственно проистекают из тех потенций, которые заложены в недрах организма. Соответственно движение России по западному пути интерпретировалось ими как отклонение от органических основ отечественного быта. Суть развития российской цивилизации состояла не в институциональной трансформации общественно-политической системы, а в укреплении ценностей национальной культуры, и прежде всего православия. Согласно позициям консерваторов нравственное совершенствование российских подданных должно было примирить социальные противоречия, заглушить идеи революционного переустройства общества и обеспечить поступательный эволюционный характер развития страны.

Специфика методологической базы российского консерватизма заключалась в опоре на «цельное знание», представляющее в когнитивном плане совокупность рациональных и эмоционально-психологических элементов. Поэтому российский консерватизм отличает тесная связь с художественным творчеством, с литературой. Социально-классовая принадлежность консерваторов к дворянскому

сословию обусловила высокий уровень образования и культуры, отразившийся в их политических сочинениях.

Подводя итог, следует отметить значительный вклад консерватизма в отечественную общественную мысль, который заключается не только в поиске оригинальных подходов к анализу политических феноменов, но и в расширении проблемного поля политического знания.

§ 2. Гендерный подход как методология анализа политических теорий

«Проблемы половой дифференциации, асимметрии, взаимоотношений полов нельзя назвать открытием мыслителей Новейшего времени. Метафизика пола издавна привлекала внимание представителей различных мировоззренческих ориентаций... Каждое из крупных метафизических учений предлагало своеобразный способ объяснения причин, наличия и телеологии различия людей по признакам половой принадлежности», – пишет российский учёный А.А. Клёцин¹.

В западноевропейской общественно-политической мысли можно выделить два направления в осмыслении проблематики пола. Первое берёт свое начало в концепции Аристотеля (384–322 гг. до н. э.) и доминирует в западной общественной-политической мысли (христианские мыслители, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Ш.-Л. Монтескье и др.), утверждая дихотомию публичного и приватного, ограничивая жизнедеятельность женщин сферой семьи. Основной аргумент мыслителей заключался в том, что разные от природы женщины и мужчины не могут выполнять одни и те же социальные роли. Утверждения Аристотеля о том, что женский характер необходимо рассматривать

¹ Клёцин А.А. Предисловие редактора // Гендерные тетради: труды Санкт-Петербургского филиала ИС РАН. СПб., 1997. Вып. 1. С. 5.

как недоразвитый/искажённый от природы¹, поскольку в нём отсутствует рациональность, и поэтому мужчина властвует, а женщина «находится в подчинении»², являются основополагающими для его политических взглядов. По мнению российского исследователя С.В. Рассадина, «рациональность» оказывается и механизмом, определяющим потестарные отношения, и инструментом их перераспределяющим: «Связка “власть/рациональность” когерентно дефинирует человека как носителя/не носителя рациональности и власти»³. Таким образом, носителем власти в концепции Аристотеля является разумный по природе мужчина, который вкупе с другими мужчинами образует политическое сообщество. Неумение женщин рассуждать и предвидеть последствия своих действий, занятость в сфере хозяйства и уход за детьми не позволяют, по мнению Аристотеля, женщинам принимать участие в обсуждении общественных дел. Во всех видах политических устройств Стагирит исключил женщин из числа граждан.

Второе направление связано с утопическими проектами Платона (а также – Т. Мора, Т. Кампанеллы, А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна и др.). В его рамках предусматривалось равенство полов в социально-политической системе. Хотя в диалогах Платон подчёркивал слабость женской природы, он предписывал и женщинам, и мужчинам вносить свой вклад в развитие полиса, в общественное воспитание детей. Излагаемые в «Государстве» идеи о равенстве мужчин и женщин, о способности женщин выполнять практически все те же виды деятельности, что и мужчины⁴, закрепили за мыслителем звание «первого античного феминиста»⁵. В целом аргументация мыслителей-утопистов о необходимости привлечения женщин к занятиям вне дома сводилась к тому, что

¹ Аристотель. О возникновении животных. М.; Л., 1940. С. 184.

² Аристотель. Сочинения: в 4 т. М., 1984. Т. 4 С. 383.

³ Рассадин С.В. Пол и политика: интегрируя биологические тексты Аристотеля в политологию // Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений: матер. Междунар. науч. конф. 28–29 окт. 2011 г.: в 2 ч. М., 2011. Ч. 2. С. 192.

⁴ Платон. Сочинения: в 3 т. М., 1971. Т. 3, ч. 1. С. 246–248.

⁵ Михаленко Ю.П. Указ. соч. С. 56.

общество недооценивает пользу женского труда, а государство станет более могущественным, если семейные скрепы ослабнут.

В оценках христианской трактовки женского пола современные исследователи расходятся от негативных до позитивных. Т.Б. Рябова полагает, что с христианской культурой пришли два женских образа-антипода, которые до сих пор играют важнейшую роль в отношении к женщине, – виновница грехопадения Ева и добродетельная мать Христа – Мария¹. Анализируя труды отцов церкви, учёные приходят к выводу, что связь женского пола, греха и сексуальности стала фундаментальной парадигмой западного патриархатного мышления², основой для создания мизогинистических работ. В противовес этому мнению, некоторые исследователи утверждают, что по сравнению с язычеством в христианстве утверждалась и раскрывалась духовная значимость женщины³. Христианское учение о женщине чётко определило сферу её занятости – дом и дети, а также наделило её чертами безмолвия, терпения и т. д.

Появление трудов, направленных на защиту женских прав (К. Агриппа, К. де Пизан, О. де Гуж, М. Уолстонкрафт), актуализировало проблематику пола в период Нового времени⁴. Возникшие на данном этапе идеологии либерализма, консерватизма, социал-демократии представили своё видение конфигурации прав и обязанностей мужчин и женщин в общественно-политической сфере. Начиная с Дж. Ст. Милля, в западном либерализме формулируется идея равноправия мужчин и женщин⁵. Консерваторы, в свою очередь, придерживались традиционных взглядов на назначение полов в обществе⁶, а классики марксизма предложили привлечь женщин к общественному производству и революционному движению,

¹ Рябова Т.Б. Женщина в истории западноевропейского Средневековья. Иваново, 1999. С. 3.

² Millet K. Sexual politics. NYC, 1971. P. 80.

³ Проблемное поле христианской антропологии и психологии. URL: http://www.xraspb.ru/probl.html#_женское-начало (дата обращения – 15.11.2012); Введение в гендерные исследования. М., 2005. С. 30.

⁴ Успенская В.И. Феминизм до феминизма: теоретическая реабилитация женщин в европейских интеллектуальных дискуссиях, XV–XVIII вв. Тверь, 2012. С. 5.

⁵ Милль Дж. С. О подчинении женщины. СПб., 1869. С. 19.

⁶ Бёрк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993. С. 80; Он же. «Залог успеха – наличие, а отсутствие таланта». Ранние эссе // Вопросы литературы. 2008. № 1. С. 265–295.

обещая в будущем полное равенство полов¹. В XIX – начале XX в. размышления политических философов о природе, назначении женщин и мужчин представляли поле разнообразных теорий. Следующий этап в рассмотрении природы и социального назначения мужчины и женщины в рамках социогуманитарного знания начался с разработки новой методологии – гендерного подхода.

Термин «гендер» возник в англоязычном пространстве, где он обозначает грамматический род². По мнению А.В. Кирилиной, термин *gender* был изъят из лингвистического контекста, перенесен в исследовательское поле социальной философии, социологии, истории, в политический дискурс для того, чтобы «уйти» от термина *sexus* (биологический пол), так как последнее понятие связывает с природной детерминированностью неодинаковые требования и отношение общества к мужчинам и женщинам³. Впервые в нелингвистическом контексте термин «гендер» использовал психолог Р. Столлер в 1968 г.: «Словари говорят, что основной смысл понятия “пол” – биологический... отсюда: слово “половой” будет иметь анатомические и физиологические коннотации. Такое словоупотребление явно не охватывает огромные области поведения, чувств, мыслей, фантазий, которые относятся не к полам, однако не имеют исключительно биологического смысла. Для некоторых из этих психологических явлений мы будем использовать термин “гендер”: можно говорить о мужском или женском поле, но можно говорить и о мужественности и женственности, и при этом не иметь в виду ничего, что относится к анатомии и физиологии. <...> Термин “гендер” имеет скорее психологические и культурные, чем биологические, коннотации»⁴.

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М., 1961. Т. 21. С. 53, 60, 76–77; Маркс – Людвигу Кугельману (12 декабря 1868 г.) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М., 1964. Т. 32. С. 486; Бебель А. Женщина и социализм. М., 1959. С. 39 С. 43–44, 49, 546.

² Хоф Р. Возникновение и развитие гендерных исследований // Пол. Гендер. Культура / под ред. Э. Шоре. М., 1999. С. 33; Абубикирова Н.И. Что такое «гендер»? // Общественные науки и современность. 1996. № 6. С. 123–126.

³ Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык. М., 2005. С. 8–9.

⁴ Stoller R.J. Sex and Gender: On the development of masculinity and femininity. NYC, 1968. P. VIII–IX.

Разработка понятия «гендер» как аналитической категории исследователи связывают с формированием постмодернистской методологии, женскими исследованиями и социальными движениями 1960–1970-х гг.¹ Работы С. де Бовуар, Б. Фридан, Ш. Ортнер, Г. Рабин, Р. Унгер и др. подготовили почву для научной дискуссии между психологами, антропологами, историками, социологами о природе пола/гендера. Результаты исследований показали, что множественные характеристики пола зависят от социокультурного контекста, в котором он существует. Р. Хоф считает, что все исследователи пришли к выводу о малоценности женщин во всех типах обществ и чтобы преодолеть сложившееся социальные практики, связанные с «вторичностью» женского пола, им пришлось отказаться от понятия «различие полов», которое базировалось на утверждении биологических особенностей, предполагавших тем самым неизменность женских и мужских половых ролей, и обратиться к понятию «гендер»².

В 1974 г. Г. Рабин ввела понятие «поло-гендерная система», которую она определила как «комплекс соглашений, регулирующих биологический пол как предмет общественной деятельности»³, рассматривая гендер как фактор культуры и общества. В 1979 г. Р. Унгер предложила использовать «гендер» в тех случаях, когда речь идёт о чертах, нормах, стереотипах тех, кого общество определяет как женщин⁴. А. Рич в работе «Рождённая женщиной: материнство как опыт и институт» (1976) отмечала, что «гендер» является системой, продуцирующей различия, вписывающей эти различия в отношения власти и подчинения⁵. По справедливому замечанию Н.А. Блохиной, понятие «гендер» в данный период не заменяло понятие биологического пола, а лишь дополняло его: биологический

¹ Шоре Э., Хайдер К. Вступительные замечания о совместном русско-немецком научном проекте // Пол. Гендер. Культура. М., 1999. С. 10; Чемберлен М.К. Развитие гендерных исследований в США // Социс. 1992. № 5. С. 38–42; Хоф Р. Указ. соч. С. 24–25; Ярская-Смирнова Е.Р. Возникновение и развитие гендерных исследований в США и Западной Европе // Введение в гендерные исследования: хрестоматия. Харьков; СПб., 2001. Ч. 1. С. 18.

² Хоф Р. Указ. соч. С. 37.

³ Rubin G. The Traffic in Women: Notes on the «Political Economy» of Sex // Toward an Anthropology of Women / ed. R. Reiter. NYC; London, 1975. P. 157–210.

⁴ Unger R.K. Toward a redefinition of sex and gender // American Psychologist. 1979. Vol. 34 (11). P. 1085–1094.

⁵ Rich A. Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution. NYC, 1995.

пол рассматривался как сущностно необходимый для выработки нового понятия¹. По мнению И.Р. Чикаловой, большинство исследователей этого времени считало, что пол, очевидный с рождения, предшествует гендеру, а гендер представляет итог социализации человека в соответствии с его половой принадлежностью².

Д. Кандиотти выделяет в историческом ракурсе три фазы формирования гендерных исследований. Первая фаза, по мнению эксперта, отражала попытки обосновать гендерные исследования как отрасль знания и дать всеобъемлющую характеристику андроцентрическому отклонению в науках. Вторая фаза гендерных исследований, считает Кандиоти, пошла дальше критического подхода и знаменовала значительные достижения в теории, исследующей проблемы подчинения женщин (концепция патриархата)³. На третьей фазе – «от патриархата к гендеру» – на передний план выступило рассуждение о возможности решения женских проблем путем отделения их от мужских. На данном этапе, считает Д. Кандиотти, появилась область мужских исследований, проявился интерес к социальному построению маскулинности⁴, наблюдался переход от акцента на «добавление женского фактора» к анализу того, как гендер присутствует и воспроизводится во всех социальных процессах. В исследовательскую повестку дня включаются культурные построения, лингвистические повороты, множественные визуальные и символические изображения, телесность и сексуальность⁵. Т. де Лауретис предложила рассматривать «гендер» как репрезентацию, составной эффект дискурсивных и визуальных репрезентаций, продукт различных общественных институций: семьи, системы образования, масс-медиа, медицины или права, языка, искусства, литературы, кино и

¹ Блохина Н.А. Понятие гендера: становление, основные концепции и представления // Общество и гендер. Материалы Летней школы в Рязани / сост. Н.А. Блохина. Рязань, 2003. С. 16.

² Чикалова И.Р. Женская и гендерная история. Состояние и перспективы развития // Общество и гендер: материалы Летней школы в Рязани. Рязань, 2003. С. 90.

³ Кандиотти Д. Эволюция гендерных исследований // Женщина и социальная политика (гендерный аспект). М., 1992. С. 157.

⁴ Там же. С. 158.

⁵ Сааринен А. Возведение «собственного дома», или размышления об институционализации женских и гендерных исследований как скандинавской «истории успеха» // Гендерные проблемы в современном обществознании. СПб., 2001. С. 10–26.

философии¹. Таким образом, на третьем этапе развития гендерных исследований акцент переместился от изучения неравноправного специфического положения женщины, от обсуждения и осуждения патриархата к исследованию гендерной системы. Категория «гендер» получила статус, равнозначный по значимости категориям «класс» и «этнос». В этом свете изучение неравноправного положения женщин предстаёт только в качестве частного случая функционирования гендерной системы в целом. В гендерных исследованиях получает распространение точка зрения, что гендер предшествует полу – пол лишь маркирует социальное деление, служит социальному узнаванию и идентификации тех, кто доминирует, и тех, кто подавляем. Дж. Батлер утверждает, что «гендер не следовало бы понимать просто как культурное наслоение значения на биологически предзаданный пол... он принадлежит также к дискурсивным/культурным средствам, при помощи которых производится и учреждается “сексуальная природа” или “естественный пол” как «додискурсивный», предшествующий культуре, политически нейтральный фон, на котором действует культура»².

Е.Р. Ярская-Смирнова выделяет также четвёртую стадию развития гендерных исследований, которая началась в 1990-е гг. и характеризовалась повышением внимания к международным проблемам женщин³.

По мнению Р. Хоф, признание гендера как основополагающей научной категории имело четыре основания: во-первых, в целях отказа от причинной зависимости между (женским) и (мужским) телом и определёнными общественными ролями, которые принимаются за естественные; во-вторых, в целях установления связи между структурой отношений полов и другими внутрикультурными контекстами и формами общественной организации; в-третьих, в результате признания того факта, что общественная организация, в

¹ Лауретис Т. де. Риторика насилия. Рассмотрение репрезентации и гендера // Антология гендерной теории: сб. пер. Минск, 2000. С. 347–372.

² Батлер Д. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории: Сб. пер. Минск, 2000. С. 307.

³ Ярская-Смирнова Е.Р. Указ. соч. С. 31.

которой мужчины и женщины играют определённую роль, не может быть понята без анализа соответствующих властных систем; в-четвёртых, как следствие убеждения, что процесс различения, который ведёт соответственно к различным ролям, должен быть также проанализирован¹.

Принципиально важно отметить влияние философских течений XIX – XX вв. на развитие гендерных исследований. С точки зрения Д. Кандиотти, исследование полов претерпели экзистенциальное, либеральное, марксистское, психоаналитическое и постструктуралистское влияние². Благодаря постмодернизму, который характеризуется недоверием к универсальным ценностям, нормам, объективному субъекту, были подвергнуты сомнению понятия «единство женщин» и «угнетение женщин». По мнению А.А. Костиковой, влияние постмодернизма на гендерные исследования заключалось в том, что он определил сам способ построения гендерных теорий³. Э. Сиксу использовала концепцию Ж. Деррида «онто-лого-тео-телео-фоно-фалло-центризма», обозначающего иерархический «мужской» способ организации общества, знания, воспитания, семьи, культуры, языка, в основе которого лежит принцип иерархического дуализма, когда мир воспринимается как оппозиция двух неоднозначных и неравноценных величин, находящихся между собой в отношении постоянного конфликта: дух/материя, активность/пассивность, культура/природа, разум/чувство, сознание/плоть, мужчина/женщина⁴.

Исследователи выделяют три социологические теории XX в., имеющие прямое влияние на формирование гендерного подхода: теория социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана, этнометодология Г. Гарфинкеля, драматургический интеракционизм И. Гофмана⁵. Е. Здравомыслова и А. Темкина выделяют два основных отличия теории социального конструирования: во-

¹ Хоф Р. Указ. соч. С. 42–43.

² Кандиотти Д. Указ. соч. С. 161.

³ Костикова А.А. Гендерная философия и феминизм: история и теория // Общество и гендер: материалы Летней школы в Рязани. Рязань, 2003. С. 75.

⁴ Sixous H., Clement C. *The Newly Born Woman*. London, 1996.

⁵ Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера // Введение в гендерные исследования: хрестоматия. Харьков; СПб., 2001. Ч. 1. С. 147–173.

первых, идея конструирования подчёркивает деятельностный характер усвоения опыта, когда субъект создает гендерные правила и отношения, а сама идея создания подразумевает возможность изменения социальной структуры; во-вторых, гендерные отношения понимаются не просто как различие-дополнение, а как конструируемые отношения неравенства, в рамках которых мужчины занимают доминирующие позиции¹.

В рамках этнометодологии Г. Гарфинкель рассматривает «гендер» как результат повседневных взаимодействий, требующих постоянного исполнения и подтверждения; «гендер» не достигается раз и навсегда в качестве неизменного статуса, а постоянно производится и воспроизводится в коммуникативных ситуациях². По мнению К. Уэст и Д. Циммерман, гендер – это система межличностного взаимодействия, посредством которого создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального порядка³.

И. Гофман трактует гендер как результат социального взаимодействия и одновременно его источник, вводя понятие «гендерный дисплей» – многообразие представления и проявления мужского и женского во взаимодействии⁴.

Современное поле гендерных исследований представляет собой картину, отражающую множество теоретических направлений, в рамках которых «гендер» трактуется и как стратификационная категория, и как культурный символ, и как процесс научения определённым ролям и т. д.⁵ О.В. Рябов отмечает три типа интерпретации пола: реистическая (вещественная, которая рассматривает пол как группы людей), атрибутивная (приписывающая полу определенные свойства, которые в обществе принято демонстрировать при помощи гендерного дисплея), и реляционная (в фокусе которой находятся взаимоотношения полов, отношения

¹ Там же. С. 157–158.

² Гарольд Г. Исследования по этнометодологии. М., 2007.

³ Уэст К., Циммерман Д. Создание гендера // Гендерные тетради: труды СПб филиала ИС РАН. СПб., 1997. Вып.1. С. 94–124.

⁴ Гофман И. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования. Харьков, СПб., 2001. Ч. 2. С.306–335.

⁵ Лорбер Дж. Пол как социальная категория // Феминизм и гендерные исследования: хрестоматия. Тверь, 1999. С. 14–21.

власти и подчинения, асимметрии и т. д.)¹. Н.Л. Пушкарёва отмечает, что многообразие проявлений «культурных составляющих пола» не только трудно «озвучить» и «обозначить», вербализовать, но и просто вычленив из общего культурного контекста². В целом «гендер» понимается как продукт культурно-исторического развития, совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола, чтобы выстроить асимметрию и иерархию власти³. Гендер обозначает сложный социокультурный процесс формирования (конструирования) обществом различий в мужских и женских ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках и сам результат – социальный конструкт гендера⁴. «Гендерные исследования, – полагает О.И. Ключко, – рассматривают пол как социально-культурный феномен, который создается обществом и воспроизводится людьми, и, в свою очередь, структурирует, стратифицирует социум и определяет специфику его восприятия и исследования»⁵. При этом гендер не является только предметом исследования, но и определяет методологические и концептуальные основания гуманитарного знания. Учёные выступают против биологического редукционизма, отрицают зависимость между мужской и женской анатомией и определенными общественными ролями, которая принимается как естественный порядок вещей.

Таким образом, по мнению исследователей, гендер открывает новую познавательную и теоретическую перспективы в плане осмысления социальной организации соотношения полов. Введение гендера как аналитической категории

¹ Рябов О.В. Матушка-Русь: опыт гендерного анализа... С. 12.

² Пушкарёва Н. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Гендер. Культура. Материалы II и III российских летних школ по женским и гендерным исследованиям «Волга –97» и «Азов–98». М., 1999. С. 21.

³ Словарь гендерных терминов. М., 2002. С. 21; Репина Л.П. Пол, власть и концепция «разделенных сфер»: от истории женщин к гендерной истории // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 124.

⁴ Воронина О.А. Теоретико-методологические основы гендерных исследований // Теория и методология гендерных исследований: курс лекций. М., 2001. С. 105.

⁵ Ключко О.И. Интегративная стратегия гендерного подхода в социальном познании: дис. ... д-ра филос. наук. Нижний Новгород, 2009. С. 3–4.

даёт возможность деконструкции поставленной под вопрос оппозиции между женщинами и мужчинами и одновременно серьёзного отношения к этой оппозиции как к механизму иерархизации в социальной, культурной и политической реальностях¹. По мнению Е.Р. Ярской-Смирновой, гендерные исследования кажутся более привлекательными, чем женские или феминистские по причине своей толерантности².

Судьбы гендерных и политических исследований оказались тесно связанными с тех пор, как в современном гуманитарном знании «гендер» стал пониматься как первичное означивание власти³, а «личное как политическое»⁴. Важность гендерного анализа политической философии была осознана и поставлена на повестку дня в западной политической науке во второй половине XX в. Изучая реальные политические практики, отражающие гендерную асимметрию – электоральное поведение, лидерство, политические институты и т. д. – представители гендерных исследований обратились к анализу политической мысли, которая, по их мнению, в той или иной форме, той или иной степени, явно или латентно маркирует явления политического мира через призму пола, предопределяя политическую маргинальность и отчуждение женщин.

С.Дж. Кэрролл и Л.М. Зерилли выделяют три направления исследования гендерных проблем в политологии. В первую категорию входят исследования, сосредоточенные на критике аргументов тех теоретиков и практиков политики, которые не признавали за женщинами права на участие в политической жизни. Ко второй категории относятся исследования, стремившиеся ввести женщин в политический процесс, но ориентированные на существовавшие категории политического анализа. Третья категория охватывает исследования, которые

¹ Хоф Р. Указ. соч. С. 34, 43.

² Ярская-Смирнова Е.Р. Указ. соч. С. 38.

³ Scott J. Gender: a Useful Category of Historical Analysis // American Historical Review. 1986. V. 91. # 5. P. 1067.

⁴ Ханиш К. Личное – это политическое. URL:<http://ravnopravka.ru/2011/03/кэрролл-ханиш-«личное—это-политическо/> (дата обращения – 13.09.2010).

критикуют доминирующие в политической науке подходы, предлагая ревизию концептуального аппарата¹.

Если теоретики и идеологи женского движения первой половины XIX–начала XX в. (так называемой первой волны) обращали внимание, прежде всего, на мизогинию текстов политических мыслителей, то во второй половине XX в. (вторая волна феминизма) обращение к глубокому и детальному гендерному анализу политического дискурса было осуществлено на базе постмодернистской методологии, чувствительной к умолчаниям. В результате гендерный анализ оказался «сконцентрирован не только на результатах, но и в понятиях, аргументах и языке, используемых в политике»².

Американский политолог С. Бенхабиб указывает два пути гендерного прочтения текстов. Первый путь она назвала «обучение хорошего отца», при котором исследователи «ищут в классических текстах малейшие намёки на проницательность во взгляде на равенство и достоинство женщин» и, как правило, разочаровываются в своем любимом философе³. Второй путь – «крик взбунтовавшейся дочери» – является дискурсом обретения силы и ведёт к реформе языка. Новое прочтение текстов и их новая интерпретация ведут к революционным последствиям, а именно к пересмотру существующих теорий и созданию новых, к элиминированию гендерных отношений и гендерных различий в политологических концепциях⁴.

Задача гендерной ревизии текстов политических мыслителей – выявление их позиции о природе и роли полов в политической жизни общества, анализ их аргументации и рекомендаций. Поиск упоминаний о женщинах и мужчинах и определении контекста этих упоминаний (явные/скрытые, вынужденные и добровольные, сексистские/позитивные) представляет собой содержательную

¹ Carroll S.J., Zerilli M.G. *Feminist Challenges to Political Science* // *Political Science the State of the Discipline II*. Finifter A.W. (ed.). Washington, 1993. P. 55.

² Кариер Э. Понимать, значит верить: образование через гендерное видение. 1995. URL: http://www.owl.ru/canadian/gender_analysis (дата обращения – 11.05.2010).

³ Бенхабиб С. О Гегеле, женщинах и иронии // *Феминистская критика и ревизия истории политической философии*. М., 2005. С. 183.

⁴ Кочкина Е.В. Указ. соч. С. 154.

компоненту гендерного анализа. Описание атрибутивных качеств как прямое, так и опосредованное, отсылка к образам, репрезентирующим объект, коннотация как придание дополнительных позитивных/негативных смыслов, верификация и фальсифицируемость излагаемого материала, иллюстрации и символика, оформляющая аутентичный материал, демонстрируют создание и воспроизводство гендерных стереотипов, традиций и культурные нормы сообщества. В основном материалом гендерного анализа оказывается политологический дискурс, в котором кодируется властная гендерная асимметрия. В рамках исследований гендеристов в области политической мысли были, в частности, поставлены следующие вопросы: в чём политическое значение различий между полами; каким образом осуществляется патриархатное конструирование основных категорий политической философии; какое политическое значение играют различия между самими женщинами и т. д.¹

С 1994 г. в рамках проекта «Re-reading the Canon» были проанализированы труды более двадцати политических философов². Наибольший интерес у представителей гендерных исследований вызывают труды таких политических мыслителей, как Платон, Аристотель, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Дж.С. Милль, К. Маркс. По мнению Т. Осипович, исследователи не просто обнаружили сексизм в политических текстах мыслителей, но и установили связь между самой сущностью философской концепции и женофобией её автора³. С. Бенхабиб, анализируя высказывания Гегеля о женщинах, поместила его на антипрогрессистские позиции⁴. Эти и другие результаты применения гендерного анализа к политическим текстам, с одной стороны, не позволяют представить историю политических учений как прогрессивный процесс; с другой стороны, появление гендерного подхода свидетельствует о новой постановке проблем, что

¹ Feminist Interpretations and Political Theory / Shanley M., Pateman C. (ed). University Park, 1991. P. 14.

² More on «Re-reading the Canon». URL: <http://www.nyu.edu/projects/sciabarra/fem/femrrc.htm> (дата обращения – 12.11.2012).

³ Осипович Т.Е. Указ. соч. С. 174.

⁴ Бенхабиб С. Указ. соч. С. 200.

уже само по себе рассматривается представителями политической философии как поступательное движение мысли вперёд.

В результате многочисленных, основанных на гендерном подходе исследований по ревизии западной политической мысли, были артикулированы следующие достижения. Пол является периферийной категорией классической политической философии. В ходе гендерной ревизии политической мысли в научном сообществе утверждалось мнение, что с Античности и до конца XIX в. все философы, за исключением Дж.С. Милля, являлись носителями традиционной патриархатной гендерной культуры, поддерживали её базовые ценности вне зависимости от принадлежности к либеральной, консервативной или другой идеологии. С точки зрения американского политолога С. Окин, Платон показал, что политика и женщины – вещи несовместимые¹. А. Саксонхаус полагает, что, начиная с Аристотеля, отношения между полами квалифицировались как неполитические, а сам философ выступал как классик мужского шовинизма². Таким образом, уже с момента основания политической мысли проблема взаимоотношения полов философами игнорировалась и вытеснялась за пределы предмета политической науки. Античный политический дискурс, выстраиваемый как исключение женского, наследовался и новоевропейскими мыслителями, которые рассматривали политическое гражданство только относительно мужчин. «Несмотря на все различия между мыслителями, начиная с Платона и заканчивая Хабермасом, традиционные постулаты западной политической мысли основываются на понятии “политического”, которое конструируется через исключение женщин и всего того, что представляется фемининностью и женским телом», – считают К. Пейтман и М.Л. Шенли³. «Практически всю историю своего существования западная политическая теория игнорировала женщин. Мы редко появляемся в её анализе реальных и потенциальных носителей власти. Когда же она достаивает нас внимания, то обычно лишь для того, чтобы обосновать наше

¹ Okin S.M. *Women in Western Political Thought*. Princeton, 1979. P. 15–70.

² Саксонхаус А. Аристотель: несовершенные мужчины, иерархия и пределы политики // *Феминистская критика и ревизия истории политической философии*. М., 2005. С. 53–81.

³ *Feminist Interpretations and Political Theory...* P. 14.

исключение из общественной деятельности и оправдать наше домашнее заточение. Только изредка в нас видят политических субъектов, заслуживающих серьёзного внимания», – так начинается свою монографию «Политическая теория феминизма» британский политолог В. Брайсон¹.

Анализируя политическую мысль с позиций гендерного подхода, западные политологи пришли к выводу, что все концепции, которые структурировали политический дискурс, были основаны на признании чёткой дихотомии публичной и приватной сфер. Поскольку женщины ассоциировались с приватной, т. е. подчиненной, сферой, они были исключены из практик свободы, которые определяли политическую жизнь. По мнению белорусского политолога И.Р. Чикаловой, «женщины и женское были спрятаны в политической философии, базирующейся на позициях андроцентризма»². Подчинение приватной сферы (области социального воспроизводства) публичной сфере (области целеполагания) приводило к недооценке женского труда и вклада женщин в развитие общества.

В результате гендерный анализ западной политической мысли не просто поставил под сомнение её универсальность, но и продемонстрировал андроцентричность политического знания, формирование политического дискурса как мужского. По мнению ряда американских исследователей, ценность женщины в любом обществе не принималась в качестве исходного пункта ни одним из типов научных исследований. Они считают, что взгляд с позиций аутсайдера (к которым, согласно докладу ООН «Отчёт о развитии человеческих ресурсов», принадлежат и женщины) приведёт к более объективному знанию, чем взгляд с позиций правящих групп: поскольку маргинальные группы меньше заинтересованы в сохранении status quo, их знание с меньшей вероятностью будет искажено желанием узаконить существующие структуры власти³.

¹ Брайсон В. Политическая теория феминизма. М., 2001. С. 7.

² Чикалова И. Гендерная проблематика в политической философии // Введение в гендерные исследования. Харьков; СПб., 2000. Ч. 1. С. 83.

³ Тикнер Дж.Э. Международные отношения под углом зрения постпозитивизма и феминизма // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 433.

Американский политолог С. Окин в книге «Женщины в западной политической мысли» формулирует этот вывод следующим образом: «Великая традиция политической философии состоит в том, что, вообще говоря, это сочинения, написанные мужчинами для мужчин и о мужчинах»¹. Она считает, что мыслители не просто игнорировали женщин в своих работах, они намеренно вычеркнули их из политической философии. Х. Роуз полагает, что классическая политическая теория предлагает в качестве субъекта всегда мужчину – пролетария из марксистской философии или абстрактного собственника-индивидуалиста из рыночного либерализма. По её мнению, разоблачение андроцентричности существующей политической философии – это первый важнейший шаг, но для понимания того, что женщины становятся полноценными историческими субъектами, требуется решить огромную по своей сложности задачу создания новой философии, призванной служить потребностям женщин². Работы мыслителей отражали определенный социальный факт – монополию политической власти в руках мужчин независимо от того, были ли это античный полис, средневековая монархия или новоевропейская парламентская республика. До формирования женского движения в Новое время на вопрос Г. Лассуэла «Кто правит?» можно было однозначно ответить – мужчины. Поэтому, делают вывод гендеристы, политическая наука выступала важнейшей формой патриархатной и маскулинистской идеологии, нарушавшей требования универсальности и объективности³. Определяя политическую мысль сексистской, гендеристы объявили её и несостоятельной, поскольку базовые концепты политической философии были сформулированы без учёта опыта женщин.

Представители гендерных исследований направили своё внимание на исторические традиции западной политической философии для объяснения «незаметности» женщин в политической сфере, их «аполитичности». Исследователи пришли к выводу, что политические мыслители изображали

¹ Okin S.M. Op. cit. P. 5.

² Роуз Х. Исследование женских проблем в Великобритании // Социс. 1992. № 5. С. 53.

³ Клинггер К. Позиции и проблемы философии познания в женских исследованиях // Пол. Гендер. Культура. М., 2000. С. 105.

женщин неполноценными людьми, приписывали им разрушительную сексуальность, отсутствие чувства справедливости и благоразумия. Они считали женщин лишёнными качеств, обязательных для активного участия в жизни гражданского общества.

В соответствии с представлениями о мире политики как о мужском В. Клейн выдвинула концепцию маргинальности, согласно которой женщины живут в двух разных культурных мирах, и потому их оценивают по двум шкалам – фемининности и политики¹. Пытаясь соответствовать обоим стандартам, женщины редко совершают политическую карьеру, возглавляя комитеты по социальной политике, разбирая вопросы семьи, материнства и детства, воспроизводя тем самым традиционные женские роли.

Признав андроцентричность политического знания, гендеристы включили в исследовательское поле комплекс тем, посвящённых политическому участию женщин. И.Р. Чикалова выделяет пять блоков новых проблем, связанных с темой «женщины и политика»: 1) был сделан вызов конвенциональным определениям политики; 2) был поставлен новый вопрос, каким образом гендер конструирует женский политический опыт и как раса, этничность, классовый интерес в сочетании с гендерной принадлежностью влияют на политические действия и политическое сознание; 3) стали исследовать, как взаимопереплетения социальных отношений женщин в семье, на рабочем месте, в коммунах влияют на выработку форм сопротивления и соглашений; 4) были сделаны попытки поместить действия общественных организаций (grassroots activism) в контекст более широкого политического и экономического процесса; 5) стали анализироваться взаимоотношения между женской политической практикой и политической теорией².

Исследователи провели значительную аналитическую работу по ревизии западной политической мысли в попытках обнаружить отражение женского

¹ Klein V. The Feminist Character: A History of Ideology. Urbana, 1972. P. 171.

² Чикалова И.Р. Женщины в политической философии. URL: <http://giacgender.narod.ru/n4t1.htm> (дата обращения – 01.02.2011).

опыта в формировании ключевых понятий политической философии, таких, как «политика», «государство», «демократия», «гражданство», «лидерство» и др. Пересмотр категориального аппарата политической науки с гендерных позиций в первую очередь коснулся понятий «политика» и «власть». К. Миллет указывала, что «политическое» не ограничивается тесным и замкнутым мирком митингов, партий, а включает в себя механизмы власти, посредством которых одна группа людей осуществляет контроль над другой группой¹. Поэтому, с её точки зрения, категория пола отражает и устанавливает статус человека, имея политический подтекст: положение некоторых групп столь неизменно и их подавление столь прочно именно потому, что они не представлены в признанных политических структурах². Таким образом, широкая трактовка политики охватывает не только публичные действия, но и социокультурную жизнь, частную сферу. Утверждая тезис, что «личное – это политическое», представители гендерных исследований включили в политическую повестку дня темы репродуктивного поведения, домашнего насилия, неформальной экономики, преодолевая строгую дихотомию между общественной и частной сферами.

Изучая понятие «власть» в классической политической философии, гендеристы пришли к выводу, что власть трактуется как отношения господства и подчинения, как власть «над» другими (power over). Приписываемая женщинам власть характеризуется небольшим локусом действия, сексуальной природой, эстетической направленностью, а потому не позволяет женщинам оказывать влияние на принятие решений в масштабах общества³.

Трактовка власти как формы непринудительного влияния (empowerment) была предложена гендеристами в 1980-е гг.⁴ Концепция обретения/осознания силы, «власть для», власть как полномочие, как компетенция, нацелена на снижение агрессии в политике, на поиск компромисса, на доминирование

¹ Millett K. Op. cit. P. 23.

² Ibid.

³ Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. С. 198–299; Репина Л.П. Гендерная иерархия и «власть женщин» // Искусство власти: сб. ст. СПб., 2007. С. 486–504.

⁴ Роденберг Б., Вихтерих К. Empowerment. Влияние женщин на характер власти. URL: <http://www.owl.ru/win/books/empowerment/2.htm> (дата обращения – 21.04.2011).

стратегий убеждения. Представители гендерных исследований полагают, что при данной трактовке «власть» приобретает женские черты – милосердие, сострадание и т. д.¹

Анализ концептов «гражданство», «государство», «демократия» позволил представителям гендерных исследований утверждать, что данные категории являются патриархальными, не отражающими женский опыт². В частности, «государство благосостояния» базируется на дискурсе патерналистской заботы и тем самым является сдерживающим фактором развития женщин³. В противовес маскулинным ценностям гражданства, основанным на этике справедливости, исследователи предложили женскую этику – этику заботы, основанную на опыте материнства⁴.

Понятие «гражданство» впервые подробно проанализировано с гендерных позиций в труде К. Пейтман «Договор полов». На поставленные учёным вопросы – кто такой “гражданин”?, что делает этот гражданин на арене, где он действует?⁵ – Пейтман отвечает, что хотя женщины в современных демократиях являются гражданками, гражданство было завоевано в рамках структур патриархальной власти, в которых женские качества являются малоценными. К. Пейтман доказывает, что демократия была построена на принципе индивидуализма, который исследователь считает мужским, а потому демократия формировалась как согласие свободных индивидуумов-мужчин⁶. Анализируя теорию общественного договора, исследователь доказывает, что общественный договор был и договором полов, подчинившим мужчине женщину. Несмотря на то, что благодаря теории общественного договора были разрушены патриархальные

¹ Ледяев В.Г. Феминистские концепции власти // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе. Материалы междун. науч. конф. Иваново, 25–26 июня 2002 г.: в 2 ч. Иваново, 2002. Ч. 1. С. 144–145; Овчарова О.Г. Понятие «власть» в феминистской политической теории // Вестн. Саратов. госуд. академии права. 2006. № 4 (60). С. 164–172.

² Mouffe C. Democracy, Power and the Political // Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political. Princeton, NJ., 1996. PP. 245–257.

³ Sapiro V. Gender Politics, Gendered Politics: The State of the Field // Political Science: Looking to the Future. Illinois, 1991. PP. 165–187.

⁴ Ruddick S. Maternal Thinking: Toward a Politics of Peace. Boston, 1995.

⁵ Pateman C. The Sexual Contract. Stanford, 1988. P. 114.

⁶ Ibid. P. 184.

основы монархии как формы правления, тем не менее, укрепились патриархатные отношения в частной и семейной сферах. Таким образом, делает вывод Пейтман, «гражданская свобода зависит от патриархального права»¹

В результате пересмотра теорий демократий в трудах А. Филлипс, А. Янг, Х. Питкин, В. Шапиро, Н. Фрейзер, Д. Харравэй, В. Брайсон, А. Джаггер, Ш. Муфф и др. был артикулирован вывод о несовершенстве демократии как форме режима, в котором женщины в незначительной степени могут осуществлять политические права².

Принимая участие в обсуждении проблем современной демократии, А. Филлипс считает, что «гендер должен изменить наше видение демократии»³. Она обращает внимание на дихотомию публичной и приватной сфер: «Значительное преступление либерализма заключается в том, что он ушёл от активного гражданства к обслуживанию частных интересов и желаний и опустошил политику от её общественной значимости»⁴. В. Шапиро также пишет о том, что сейчас «женские вопросы» не являлось бы «женскими вопросами», если бы частный мир семьи и общественный мир политики существовали бы нераздельно друг от друга, если бы мужчины и женщины разделили бы в равной степени семейные и общественные заботы⁵.

А. Янг полагает демократию воплотившейся тогда, когда все, кто попадает под её влияние, включены в процесс обсуждения и принятия политических решений⁶. Современная демократия, по её мнению, сочетает равенство в публичной жизни с частным подчинением. Неравенство вообще и неравенство между мужчинами и женщинами мешают развитию демократии, считает политолог, поэтому основной задачей демократии сквозь призму гендерного подхода она видит в достижении равенства в частной и публичной сферах, в

¹ Ibid. P. 4.

² Калинина М.Р. Проблемы демократии в современных западных социально-философских и политических теориях феминизма: дис. ... канд. филос. наук. Архангельск, 2002. С. 72.

³ Phillips A. Engendering Democracy. Cambridge, 1991. P. 149.

⁴ Ibid. P. 16.

⁵ Sapiro V. The Political Integration of Women: Roles, Socialization, and Politics. Illinois, 1983. P. 7.

⁶ Young I. Inclusion and Democracy. Oxford, 2002. P. 23.

демократизации повседневной жизни. Вслед за Х. Питкин¹, которая впервые разграничила понятия «представительство» и «репрезентативность», А. Янг обратила внимание на то, что женщины недостаточно представлены в публичных дискуссиях². Главным в политической концепции политолога является понятие «включение» (inclusion), которое предполагает возможность задавать вопросы, критиковать. Репрезентативность интересов мнений и перспектив, полагает она, возможна только с учётом опыта социальных групп, в то время как женский опыт маргинализируется³. А. Филлипс высказала мнение, что в рамках демократии политика репрезентации интересов социальных групп работает недостаточно эффективно и предложила политику присутствия женщин в публичной сфере⁴.

З. Айзенштайн требует пересмотра категории «равенство» с позиций гендерного подхода⁵. Анализируя потребности социальных групп и способов их формулировки, Н. Фрейзер приходит к выводу о неравном распределении символических ресурсов в обществе. Она предлагает модель социокультурных способов интерпретации и коммуникации⁶. Обозначенная политологом дилемма – «перераспределения и признания» – требует, по мнению Фрейзер, трансформации среды и поддержки культурного многообразия как условия демократии⁷.

Таким образом, в ходе гендерной ревизии западной политической мысли было выявлено, что политическая теория носит андроцентричный характер, предопределяя аналогичный характер государственной идеологии и политики. Исследователи эксплицировали маскулинные правила игры, лежащие в основе политического мира. Политологами-гендеристами было продемонстрировано различие между женским и мужским взглядами на природу социально-политических явлений, были переосмыслены категории и концепции

¹ Pitkin H. The Concept of Representation. Berkeley, 1967.

² Young I. Op. cit. P. 121, 125, 134.

³ Ibid. C. 137.

⁴ Phillips A. The Politics of Presence. Oxford, 1995. P. 72.

⁵ Eisenstein Z. The female body and the law. Berkeley, 1988. P. 77.

⁶ Fraser N. Unruly Practices: Power, Discourse, and Gender in Contemporary Social Theory. Minneapolis, P. 164–165.

⁷ Фрейзер Н. От перераспределения к признанию? Дилеммы справедливости в «пост-советскую» эпоху // Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 85–114.

политической мысли, вклад тех или иных мыслителей в политическую теорию. Они обнаружили, что наследие традиций в западной политической науке обусловило восприятие женщин как политических аутсайдеров, для которых наиболее подходящим местом является семья. Исследователи осудили сексизм политической философии и объявили западную интеллектуальную традицию эпистемологически непригодной в качестве средства для развития теорий гражданства и демократии. Представители гендерных исследований предложили свои политические теории, обогащая ими политическую мысль.

ГЛАВА 2. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ В КОНЦЕПЦИИ САМОДЕРЖАВИЯ РОССИЙСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

§ 1. Концепт «самодержавие» в российской консервативной мысли

Развитие системы парламентаризма, вовлечение масс в политическую жизнь европейского общества стимулировали исследовательский интерес представителей консервативной политической мысли к миру политики, актуализировали проблему осмысления сущности политики, государства, определения круга политических акторов и выявления их свойств.

В своих трудах консерваторы анализировали республиканские модели Европы и США, но основной акцент делали на отечественной форме государства – самодержавии. Согласимся с мнением тех учёных, которые полагают, что данная форма государства являлась средоточием философских компендиумов практически всех российских консерваторов¹. А.Н. Боханов считает, что термин «самодержавие» являлся не только определением верховной власти, но и одновременно идентификатором политической системы в России, начиная с XVI в. и вплоть до марта 1917 г.² Консерваторы, указывает Д.М. Софьин, в основном останавливались на «вечных» вопросах царской власти – её происхождении, сущности и пределах, взаимоотношениях императоров с церковью и подданными, интерпретации династического принципа³. По мнению исследователя, определенное внимание уделялось и более конкретным вопросам функционирования российской монархической власти – его этноконфессиональной природе, историческим заслугам, сопоставлениям с другими монархическими формами правления разных времён и народов,

¹ Русский консерватизм XIX столетия. С. 8–9; Софьин Д.М. Указ. соч. С. 6–7.

² Боханов А.Н. Самодержавие. Идеал царской власти. С. 17.

³ Софьин Д.М. Указ. соч. С. 15.

сосуществованию монархии с представительными органами, с объединённым правительством. Однако, полагает Софьин, «вечные» и «вневременные» проблемы монархической власти доминировали в построениях консерваторов над более конкретными проблемами переживаемой эпохи.

В отечественном консерватизме первым мыслителем, столь выпукло очертившим значительную роль государства в русской истории, являлся Н.М. Карамзин. Многие исследователи находят, что монархизм мыслителя был явлением сложным¹. В «Записке» Карамзин обосновал необходимость самодержавия с функциональной (в терминологии А.С. Карцова – «прагматической») точки зрения: «Отечество под сенью самодержавия успокоилось, извергнув чужеземных хищников из недр своих, возвеличилось приобретениями и вновь образовалось в гражданском порядке»². Основная задача самодержавия, по Карамзину, – сохранение целостности России, поскольку в стране, составленной «из частей столь многих и разных», только неограниченное единовластие «может в сей машине производить единство действия»³. Сущность самодержавной формы Карамзин видел в том, что никто, «кроме государя, не мог ни судить, ни жаловать: всякая власть была изливанием монаршей», а «царь сделался для всех россиян земным Богом»⁴. Поэтому Карамзин убеждал Александра I, что монарх может делать всё, но не может законно ограничить свою власть⁵. По мнению Н.В. Минаевой, Карамзин выработал чисто русскую модель легитимизма, суть которой заключалась в том, что он ссылался на доказательства правомерности династии Романовых на русском престоле, смешивая два противоречащих друг другу принципа: с одной стороны, монарх – помазанник Божий на земле (принцип патриархальный), с другой – власть монарха

¹ Кислягина Л.Г. Формирование общественно-политических взглядов Н.М. Карамзина (1785–1803 гг.) М., 1976. С. 66; Китаев В.А. Николай Михайлович Карамзин // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / Воронеж, 2005. С. 192.

² Карамзин Н.М. Записка о древней... С. 30.

³ Там же. С. 48.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Там же. С. 48–49.

основывается на законе как авторитете (принцип буржуазный)¹. В.А. Китаев видит в монархических идеях Карамзина не столько неограниченность, сколько неделимость власти через самодержавие².

Так же как и Карамзин, С.С. Уваров придерживался мнения, что российское государство может иметь только одну форму – самодержавие. Рассуждая о новом блеске благополучного царствования «возлюбленного монарха и новой прочности существующего порядка», Уваров показывает, что в «краеугольном начале оно находится для нас, русских, источник всех тех умственных сил, служащих не к разрушению, не к беспорядку, не к вольнодумству политическому и религиозному, а к созиданию и утверждению отечественного блага на незыблемом подножии самодержавия твердого, просвещенного, человеколюбивого»³. Отвергая парламентаризм, партийность и прочие элементы либеральной политической модернизации, мыслитель рассматривал монархов как «орудия Высочайшей воли, единственно пекущейся о благе общем»⁴. Особую роль Уваров отводит монарху в деле просвещения⁵. А. Зорин считает, что Уваров был одушевлён исключительно амбициозным проектом постепенного изменения общества через институты народного просвещения без репрессий⁶. Аналогичной позиции придерживается и С. Удалов, показывая в своём исследовании, что Уваров искал компромисс в отношениях между властью и обществом, стремился не навязывать, а по возможности внушать идеи, угодные правительству, склоняя общество на свою сторону⁷. Мыслитель показал, что любое изменение форм

¹ Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982. С. 92; Она же. Европейский легитимизм и эволюция политических представлений Н.М. Карамзина // История СССР. 1982. № 5. С. 151.

² Китаев В.А. Пути русской мысли... С. 14.

³ Уваров С.С. Избранные труды. М., 2010. С. 313.

⁴ Там же. С. 312.

⁵ Хотеев В., Чернета В. Граф С.С. Уваров – министр и просветитель // Высшее образование в России. 1996. № 1. С. 146–158; Хотеев В., Чернета В. Граф С.С. Уваров – министр и просветитель // Высшее образование в России. 1996. № 2. С. 147–160.

⁶ Зорин А. Идеология «Православие–самодержавие–народность»... С. 73.

⁷ Удалов С.В. Теория официальной народности: механизмы внедрения. URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/9843/08.pdf> (дата обращения – 05.02.2012).

российского государства ведёт к его разрушению, и потому оно не способно идти по пути институциональной модернизации.

В работах П.А. Вяземского отчётливо прослеживается тенденция сочетания критики государственных структур с апологетикой самодержавной власти. Анализируя творчество князя Вяземского, согласимся с мнением П.В. Акульшина, что под предлагаемой им конституцией князь понимал не ограничение монархической власти, а юридическое упорядочивание отдельных элементов государственного управления¹. Монархический принцип, гарантировавший сохранение общественно-политической стабильности в России, под сомнение Вяземским не ставился. Личности императоров были выведены мыслителем из поля критики. В произведении «По поводу записок графа Зенфта» Вяземский оправдывал Александра I, который хотел быть преобразователем, но внешние обстоятельства (завоевательное и ненасытное властолюбие Наполеона, конгрессы) не позволили ему продолжить начатые реформы. «Все это отвлекло Государя от домашнего очага и домашнего хозяйства», – писал Вяземский².

В общественно-политических взглядах славянофилов исследователи отмечают определённую двойственность – сочетание политической оппозиционности с откровенно монархическими убеждениями³. В.А. Гусев указывает, что самодержавие рассматривалось славянофилами как фактор служебный, призванный обеспечивать органичное развитие самобытной народной культуры⁴.

И.В. Киреевский определял бытие российского государства в тесной связи с персоной царя: «Я не отделяю в моих мыслях понятие о русском Царе от понятия о России... Ибо то, что составляет благо России, не может не составлять главной

¹ Акульшин П.В. Петр Андреевич Вяземский // Вяземский П.А. Избранное. М., 2010. С. 14–15.

² Вяземский П.А. Избранное. С. 355.

³ Янковский Ю.З. Указ. соч. С. 370; Малинин В.А. О социальных и теоретических истоках славянофильства // Философские науки. 1967. № 1. С. 77–85; Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли // Вопросы философии. 1966. № 6. С. 123–125.

⁴ Гусев В.А. Русский консерватизм... С. 84.

цели ее Царя»¹. Крепость самодержавной власти, по мнению Киреевского, базировалась на отношении народа к царю, на том, что «русский человек любит своего Царя»².

И.С. Аксаков указывал, что «русский народ, образуя русское государство, признал за последним, в лице царя, полную свободу правительственного действия, неограниченную свободу государственной власти»³. По мнению мыслителя, народ отказался «от всяких властолюбивых притязаний», потому что «эта форма, как бы ни были велики ее несовершенства, представляется ему наилучшим залогом внутреннего мира»⁴. Стремление русского народа к неограниченному самодержавию И.С. Аксаков объяснял «непреложным историческим инстинктом»⁵. Рассуждая в духе Карамзина, мыслитель писал: «Полновластный Царь не властен лишь в одном: в отречении от своего полновластия, что, заменив основное начало русского государственного строя западноевропейскою конституцией, он стал бы отступником от народного исторического пути, изменником Русской земли, предателем своего народа»⁶. Опираясь на теорию своего брата «земля и государство», И.С. Аксаков определил «коренной русский тип государства» как земский: «Кто произнес: “самодержавие”, тот вместе с тем произнес уже и “земщина”, так как оба эти начала не только не находятся между собою в антагонизме, но одно подразумевает другое»⁷.

Из всех представителей славянофильского течения Ю.Ф. Самарин являлся самым последовательным защитником российского самодержавия: «Принцип монархический – великое дело нашей истории. Она вся есть не что иное, как развитие этого принципа»⁸. «Неограниченная власть, единая и народная,

¹ Киреевский И.В. Записка об отношении русского народа к царской власти. URL: http://dugward.ru/library/kireevskiy/kireevskiy_zapiska.html (дата обращения – 13.03.2013).

² Там же.

³ Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 462.

⁴ Там же. С. 462–463.

⁵ Там же. С. 363.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 365.

⁸ Самарин Ю.Ф. Избранные труды. М., 2010. С. 479.

действующая во имя всех, идущая во главе нашей цивилизации и совершающая у нас без ужасов революции то, что на Западе является результатом войн междоусобных, религиозных смут и общественных переворотов – такова форма правления, которую создал для себя русский народ... и мы не хотим другой формы, ибо всякая другая была бы тиранией», – писал он¹. Он указывал на то, что в России существует одна положительная сила – народ, которая выдвинула самодержавного царя, признавая в нём своё олицетворение, свой внешний образ. Пока данное условие сохраняется, полагал славянофил, самодержавие «законно и несокрушимо»². Ю.Ф. Самарин писал: «Всякую попытку ограничить самодержавие в настоящее время, в России, мы считаем делом безумным, потому что оно невозможно, а если бы оно и было возможно, то назвали бы его бедствием и преступлением против народа»³. Он утверждал, что народ не желал конституции, во-первых, потому, что он верил добрым намерениям самодержавного царя; во-вторых, безграмотность народа, его выброшенность «из колеи исторического развития» реформами Петра делали народ неспособным для участия в политической жизни⁴. Основанную задачу самодержавия Самарин видел в освобождении крестьян от крепостной зависимости и проведении ряда реформ, обеспечивавших «живое участие каждого гражданина в судьбе целого государства»⁵.

Об укоренённости самодержавия в «глубине убеждений всего народа русского»⁶ писал А.И. Кошелев: «Из ста русских – 99% за него... ибо собственно народ несравненно более терпит от дворянства, купечества, духовенства... чем собственно от самодержавной власти или царя, которого он считает своим защитником, покровителем и единственным правосудным карателем злоупотреблений»⁷. С точки зрения славянофила, важно развести понятия

¹ Там же. С. 481.

² Там же. С. 443.

³ Там же. С. 444.

⁴ Там же. С. 445.

⁵ Там же. С. 386.

⁶ Кошелев А.И. Избранные труды. М., 2010. С. 122.

⁷ Там же. С. 195.

«самодержавие» и «деспотизм» и не понимать самодержавие как «безграничный, неразумный, действующий только по своим прихотям и взглядам произвол одного лица»¹. Самодержавие отличается от деспотизма, по мнению А.И. Кошелева, отсутствием своекорыстных интересов, стремлением «идти во главе поступательного движения страны»². Таким образом, отношение славянофилов к государству базировалось на критике отдельных проявлений деятельности самодержавия и признании несомненной ценности его как политического института. Славянофилы рассматривали государство как выражение национального духа русского народа, полагая самодержавие единственной, но искажённой реформами Петра I формой российского государства, позволявшей народу жить вне политики. Славянофилы усилили аргументацию психологического характера в пользу самодержавия, подчёркивая в русском народе инстинктивную предрасположенность к данной форме государства.

В политическом творчестве К.П. Победоносцева, автора теории правомерной монархии³, с одной стороны, прослеживалась идея, что самодержавие не является абсолютной, единственно возможной формой правления, равно предназначенной для всех стран, времен и народов⁴, с другой стороны, была ярко выражена идея, что самодержавие является наиболее эффективной политической организацией, залогом внутреннего спокойствия, условием национального единства и политического могущества государства⁵. Можно согласиться с утверждениями российских исследователей А.И. Полунова и Е.В. Тимошиной, что инструменты

¹ Там же.

² Там же. С. 375.

³ Полунов А.Ю. Указ. соч. С. 53.

⁴ Пешков А.И. «Кто разоряет – мал в царствии Христовом...» // Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996. С. 3–33.

⁵ Рабкина Н.А. К.П. Победоносцев // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 58; Репников А.В. Константин Петрович Победоносцев // Победоносцев К.П. Избранное М., 2010. С. 5–36; Гусев В.А. К.П. Победоносцев – русский государственный // Социально-политический журнал. 1993. № 11–12. С. 80–89; Коваленко О. К.П. Победоносцев как идеолог русского консерватизма // Власть. 2009. № 6. С. 145–147; Бачинин В.А. К.П. Победоносцев как христианский политический социолог и стратег бюрократического византизма // Клио. 2005. № 4. С. 182–187; Бирюков Е. Константин Победоносцев – государственный деятель и юрист // Законность. 1994. № 12. С. 49–54.

самодержавной политики не сводились к прямолинейно-принудительным мерам, а имели более сложную природу, опираясь на факторы духовно-идеологического характера¹. В.А. Томсинов считает, что Победоносцева отличало стремление оценивать все политические и правовые институты с точки зрения их воздействия на общественную нравственность².

Развёрнутую аргументацию в пользу самодержавия как единственной приемлемой для России формы государства К.П. Победоносцев привёл на фоне критики парламентских институтов стран западной демократии. В одном из самых известных произведений «Великая ложь нашего времени» обер-прокурор утверждал, что «одно из самых лживых политических начал есть начало народовластия, та, к сожалению, утвердившаяся со времени французской революции идея, что всякая власть исходит от народа и имеет основание в воле народной»³. По мнению Победоносцева, выборы никоим образом не выражали волю избирателей: избиратели являлись стадом для сбора голосов, а парламентаризм – проявлением торжества эгоизма, высшим его выражением⁴. Однако самая значительная проблема в демократии заключалась в том, что в ней становилось невозможным функционирование государственной власти как проявления единой воли, без которого Победоносцев не мог помыслить никакого правительства: «В лице монарха можно представить себе единство разумной воли, а в парламенте нет его, ибо здесь всё зависит от случайности, так как воля парламента определяется большинством; но как скоро при большинстве, составляемом под влиянием игры в партию, есть меньшинство, воля большинства не есть уже воля целого парламента; тем ещё менее можно признать её волю народа, здоровая масса коего не принимает никакого участия в игре партий и даже уклоняется от нее»⁵.

¹ Тимошина Е.В. Политико-правовые взгляды К.П. Победоносцева: дис. ... канд. юр. наук. СПб.: изд-во СПбГУ, 1998. С. 107; Полунов А.Ю. Указ. соч. С. 3.

² Томсинов В.А. Константин Петрович Победоносцев: государственный деятель и правовед (1827–1907) // Победоносцев К.П. Курс гражданского права: в 3 т. М., 2003. Т. 1. С. 27.

³ Победоносцев К.П. Избранное. М., 2010. С. 220.

⁴ Там же. С. 221.

⁵ Там же. С. 235.

Будучи главой Святейшего синода, Победоносцев разрабатывал тему взаимоотношения церкви и государства, в частности роли православия в осуществлении самодержавного идеала. «Громадная власть государственная, она утверждается ни на ином чем, как на единстве духовного самосознания между народом и правительством, на вере народной», – писал Победоносцев¹. Доверие массы народа к правителям, по его мнению, основано на вере – на том, что правитель имеет ту же веру, что и народ, а также на том факте, что сам правитель обязательно имеет веру, является верующим: «Все знали, ... что глубоко хранит Он в душе Своей одну с народом веру и любовь к Церкви Православной... что заодно с народом верует Он в непоколебимое значение власти Самодержавной в России и не допустит для неё, в призраке свободы, губительного смешения языков и мнений»².

Таким образом, категоричное неприятие представительных учреждений предопределило выбор обер-прокурора в пользу самодержавной формы правления. Воплощая в единовластии единство интересов всех членов общества, по мнению мыслителя, самодержавие гарантировало целостность всего государства. Легитимность самодержавной власти, по Победоносцеву, обеспечивалась православными ценностями, которые разделяли и царь, и народ.

Учение о государстве К.Н. Леонтьев развивал в рамках созданной им оригинальной концепция византизма³, которую исследователи рассматривают как новое идейное оружие для самодержавия⁴. Я солидарна с Н.А. Рабкиной и А.Л. Яновым в том, что в своей концепции византизма Леонтьев выступает патриотом и трубадуром сильной деспотической и мистической российской

¹ Там же. С. 194

² Победоносцев К.П. Тайный правитель России: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки (1896–1895). Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 2001. С. 410.

³ Смирнов И. Константин Леонтьев: жизнь и творчество // Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. С. 12; Рубцова Т.Н. Концепция культуры К.Н. Леонтьева // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1991. № 4. С. 30; Салмин А.М. Политическая историософия Константина Леонтьева // Русская политическая мысль второй половины XIX века: сборник обзоров. М., 1989. С. 90; Кириллова Е.А. Необходимый момент в истории русского самосознания (философско-историческая концепция К. Леонтьева) // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1990. № 5. С. 49.

⁴ Репников А.В. Константин Николаевич Леонтьев // Леонтьев К.Н. Избранное. М., 2010. С. 13.

государственности, монархической автократии, где вся социальная жизнь должна иметь строгую иерархически конусообразную застывшую форму, а культурный изоляционизм, сохранение традиций и этнических особенностей, отрицание нивелирующего прогресса придавали российскому неовизантизму особый эстетический оттенок¹.

В.В. Афанасьев и П.С. Кобелев полагают одной из главных составляющих данной концепции учение об уникальности государственной формы². Леонтьев считал, что форма государства вытекает из его сущности: «Государственная форма у каждой нации, у каждого общества своя; она в главной основе неизменна до гроба исторического, но меняется быстрее или медленнее в частностях, от начала до конца»³. Он сформулировал свою позицию лапидарно следующим образом: «Византизм в государстве значит самодержавие»⁴. Для демонстрации истинности своего тезиса о плодотворности царизма Леонтьев заимствовал исторический материал: «Крещение Руси было делом правительства. Собрание Руси – тоже; правительством было постепенно утверждено крепостное право – право столь спасительное в свое время и даже столь культурное»⁵. К.Н. Леонтьев считал государство главным субъектом модернизации: «Но что же делать с русским обществом, если его историческое воспитание таково, что оно без правительства ничего хорошего сделать не умеет, несмотря на все свои “конституционные” и тому подобные претензии»⁶. Так же как Карамзин и славянофилы, мыслитель настаивал на том, что самодержавная власть может делать всё, но только не ограничивать себя: «Мы должны рассуждать так: “Русский Царь по существенному атрибуту Его власти, по основным законам государства имеет право на всякое действие, кроме одного – кроме действия

¹ Рабкина Н.А. «Византизм» Константина Леонтьева // История СССР. 1991. № 6. С. 42; Рабкина Н.А. Исторические взгляды К.Н. Леонтьева // Вопросы истории. 1982. № 6. С. 54; Янов А.Л. Славянофилы и Константин Леонтьев (русская политическая мысль XIX в. и её интерпретаторы) // Вопросы философии. 1969. № 8. С. 105.

² Афанасьев В.В., Кобелев П.С. Православная социология... С. 37.

³ Леонтьев К.Н. Избранное. С. 108.

⁴ Там же. С. 482.

⁵ Там же. С. 484.

⁶ Там же. С. 486.

самоограничения... Самодержец не может перестать быть Самодержцем»¹. Леонтьев находил специфику русской политической культуры в особом пиетете к государству со стороны народа: «Русский простолюдин сдерживается гораздо более своим духовным чувством к особе Богопомазанного Государя и давней привычкой повиноваться Его слугам, чем какими-нибудь естественными свойствами своими или вовсе не воспитанным в нем историей уважением к отвлеченностям закона»². Леонтьев в отличие от славянофилов не идеализировал русский народ, указывая, что «народ наш пьян, лжив, нечестен»³. Поэтому одна из задач самодержавия, по мыслителю, – подавление «тёмных» сторон человеческого сознания, сдерживание хаоса и стремления к разрушению, которые скрываются в человеческой душе. Любая попытка изменить форму государства, ввести вместо монархии республику привела бы к созданию у подданных особой психологической установки, направленной на нетерпимость власти и ведущей к хаосу: «Повиновение русскому человеку (мы говорим человеку русскому вообще, а не одному простолюдину), в случае конституционной реформы, перестало бы нравиться, как нравится ещё оно ему теперь»⁴. Итак, Леонтьев подчеркнул значение психологических факторов в функционировании самодержавия, суть которых сводилась к неспособности российского крестьянства самостоятельно определять модусы своего социального бытия без сильной государственной власти.

По мнению российских исследователей, русская монархическая мысль окончательно оформилась в виде целостной и всесторонней доктрины, включавшей в себя политико-философский, политико-правовой и социально-политический аспекты, в трудах Л.А. Тихомирова⁵. М.Б. Смолин формулирует

¹ Там же. С. 407.

² Там же. С. 482.

³ Там же. С. 613.

⁴ Там же. С. 483.

⁵ Попов Э.А. Разработка теоретической доктрины... С. 11; Кублановский Ю. О публицистических мыслях Льва Тихомирова // Новый мир. 1998. № 11. С. 224; Неволин С.Б. Лев Александрович Тихомиров // Русские философы: конец XIX – середина XX века: Биографические очерки. Библиография. Тексты сочинений. М., 1994. С. 196; Пайпс Р. Лев Тихомиров: революционер поневоле // Неприкосновенный запас. 2010 № 4. URL:

значение творчества мыслителя следующим образом: «Идея самобытности русского исторического самодержавия была им возведена на уровень научно-исследовательского факта человеческой истории»¹. Л.А. Тихомиров вошёл в историю российской общественно-политической мысли как автор концепции этической государственности, теории «прогрессивной эволюции самодержавия»². «Русский самодержавный строй не есть какая-нибудь завоевательная деспотия, а строй глубоко национальный, он держится не на рабском подчинении ничего не знающих и ничего не сознающих людей, а есть сознательное достояние русского народа, свято им хранимое и благополучно пронесенное сквозь долгие и тяжкие испытания истории», – писал Л.А. Тихомиров в работе «Конституционалисты в эпоху 1881 года»³. Мыслитель считал приемлемым парламент, построенный не на классовых, а на сословно-представительных принципах, позволяющих выражать общегражданские идеи. В 1905 г. он издал монографию «Монархическая государственность», которая получила высокую оценку у потомков⁴. А.В. Ремнев, а также В.Н. Костылев указывают, что главная задача Л.А. Тихомирова сводилась к тому, чтобы перевести идеологему «православие, самодержавие, народность» на язык научной теории⁵. О.А. Милевский рассматривает теорию Тихомирова как попытку обосновать самобытность отечественной государственности: государство понималось Тихомировым не как гарант прав человека, а как инструмент необходимых преобразований⁶. Исследователи И.Е. Задорожнюк и Е.Н. Моцелков обращают внимание на то, что мыслитель считал государство «важнейшей и естественной формой сохранения устоев общества, политической

<http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz-72/7312-lev-tixomirov-revolucioner-ponevole.html> (дата обращения – 31.07.2012).

¹ Смолин М.Б. Всеобъемлющий идеал Льва Тихомирова // Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М., 2004. С. 8.

² Костылев В.Н. Выбор Льва Тихомирова // Вопросы истории. 1992. № 6/7. С. 42; Смолин М.Б. Тихомиров Лев Александрович. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_t/tihomirov_la.php (дата обращения – 15.10.2012).

³ Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997. С. 215.

⁴ Солоневич И.Л. Наша страна. XX век. М., 2001. С. 165.

⁵ Ремнев А.В. Указ. соч.; Костылев В.Н. Указ. соч. С. 42.

⁶ Милевский О.А. Л.А. Тихомиров: из истории формирования консервативной мысли России в конце XIX – начале XX веков: дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2006. С. 112.

формой, наиболее полно соответствующей психологическим и социальным основам человеческого существования»¹.

Из всех форм верховной власти – монархии, аристократии, демократии – Тихомиров выделил монархию, расчленив её на истинную (самодержавную), деспотическую и абсолютную формы². Самодержавию Тихомиров давал позитивную оценку, поскольку считал, что целью данного типа монархии является правда, которую несёт единственная для него истинная религия – православие³. Продолжая развивать идеи Победоносцева, Л.А. Тихомиров утверждал, что общность религиозно-нравственного идеала для власти и подданных является основой для взаимного понимания и доверия; самодержавие народно, потому что вместе с народом подчиняется народной вере и народному идеалу. Таким образом, через православие проявляется связь государства с народом, а сама монархия выражает дух нации. Л.А. Тихомиров уделил в своих работах основное внимание истинной монархии (самодержавной), суть которой состояла в верховенстве «народной веры и духа в лице Монарха»⁴. В отличие от абсолютизма и деспотизма царь должен был ограничен самодержавием своего идеала, а потому его власть не нуждалась в институциональном ограничении; она представляла собой идеократию⁵.

Исследовав различные исторически сложившиеся формы государственности, Л.А. Тихомиров пришёл к выводу, что в наиболее чистом виде самодержавный тип власти развился в Московской Руси: «Россия представляет страну с особо благоприятными условиями для выработки монархической Верховной власти»⁶. В отличие от К.Н. Леонтьева он считал, что идеал монархии не был выводом из сухой политической доктрины, занесенной из Византии, а вытекал из

¹ Задорожнюк И.Е., Моцелков Е.Н. Тихомиров Лев Александрович // Русская философия: энциклопедия. М., 2007. С. 572.

² Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 125–126.

³ Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения. М., 1993. С. 82.

⁴ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 125–126.

⁵ Там же. С. 94.

⁶ Там же. С. 135.

христианского понимания общих целей жизни¹. «Политическая сущность бытия русского народа состоит в том, что он создал свою особую концепцию государственности, которая ставит выше всего, выше юридических отношений, начало этическое. Этим создана русская монархия как верховенство национального нравственного идеала, и она много веков вела народ к развитию и преуспеванию, ко всемирной роли, к первой роли среди народов земных именно на основе такого характера государства», – такова мысль автора².

Таким образом, Л.А. Тихомиров продемонстрировал фундаментальность нравственных оснований самодержавной власти, которые заключались в общем исповедании монархом и народом православия. Заданная религиозным идеалом правда составляла содержательную компоненту самодержавной политики, а потому сама политика царя не могла стать антинародной. Набиравшие силу тенденции секуляризации общественно-политической жизни России мыслитель интерпретировал как разрушение связи между самодержавием и православием, которое вело к потере национальной формы государственного бытия России в частности и российской цивилизации в целом.

Главным предметным заданием И.А. Ильина, по мнению исследователей, стало обновление легитимности русской национальной власти, сильного государства национального согласия³. Философ известен своим интересом к такой форме государственного правления, как монархия, изучению которой он посвятил не один год своей жизни⁴. При всех выявленных им достоинствах монархии мыслитель не считал данную форму правления «наиболее целесообразной для всех времен и всех народов»⁵. «Я вижу не только духовные преимущества монархии, но и её своеобразные трудности и опасности; и не считаю возможным

¹ Тихомиров Л.А. Единоличная власть... С. 87.

² Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 406.

³ Филиппова Т.А. Иван Александрович Ильин... С. 39.

⁴ Лисица Ю.Т. Иван Александрович Ильин. С. 36; Пивоваров Ю.С. Может ли спасти Россию самодержавная монархия? (О чём думается после прочтения книги Ив. Ильина «О монархии и республике») // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 76–84; Платонов О.А. Предисловие // Национальная Россия: наши задачи / под ред. О.А. Платонова. М., 2007. С. 5–13.

⁵ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 4. С. 288.

что-либо замалчивать или идеализировать», – писал мыслитель, стремясь подчеркнуть свою исследовательскую объективность¹.

С точки зрения А.Г. Сытина, Ильин выступал, с одной стороны, как сторонник монархии, а с другой – демократии². «Идейную и политическую позицию Ильина в вопросе о монархии и республике можно правильно и во всех её компонентах понять только в том случае, если учитывать, что Ильин был одновременно и убежденным монархистом, и явным непредрешенцем. Совмещение этих двух – на первый взгляд, казалось бы, несовместимых – точек зрения проходит красной нитью через всю его политическую публицистику», – писал о специфике его взглядов Н. Полторацкий³.

Согласимся с позицией В.А. Гусева и И. Зернова⁴, что главным фактором выбора формы правления в концепции И.А. Ильина, был соответствующий уровень народного правосознания: «Политический строй и правосознание образуют живое неразрывное единство»⁵. Современная наука, считал мыслитель, не понимает сущности монархии, так как её природу нельзя свести к формальным признакам наследственности, бессрочности и пожизненности, а необходимо учитывать нравственность и духовность общества. Ильин писал: «Монархия держится любовью подданных к монарху и любовью государя к своим подданным»⁶, «надо уметь иметь царя»⁷, а «чтобы иметь Государя, его надо любить»⁸.

Идея о том, что царь есть особа священная, связанная с Богом, с точки зрения мыслителя, являлась источником чрезвычайных полномочий, чрезвычайных

¹ Там же. С. 418.

² Сытин А.Г. Идеи к философии демократии в политико-философских работах И.А. Ильина 1940–1950-х годов // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 2012. № 2. С. 49.

³ Полторацкий Н. Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение // Ильин И.А. Собр. соч.: Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней. М., 2001. С. 437.

⁴ Гусев В.А. Проблемы государственного строительства в трудах И.А. Ильина // Социально-политические науки. 1992. № 2–3. С. 74; Зернов И. Указ. соч. С. 17.

⁵ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 4. С. 277.

⁶ Там же. С. 501.

⁷ Там же. Т. 2, кн. 2. С. 40.

⁸ Там же. Т. 4. С. 501.

обязанностей и чрезвычайной ответственности монарха¹. В интерпретации Ильина монарх был призван «искать и строить в себе праведное и сильное правосознание»², служить Богу и народу: «Дело государя есть самоотверженное служение, и что служение это состоит в государственно-верховном властвовании»³. Служение главы государства, в понимании Ильина, заключалось также и в том, что монарх носит в своём сердце духовно-национальную идею⁴.

Итак, И.А. Ильин в своих трудах отодвинул формальные признаки форм правления на второй план, продемонстрировав зависимость форм государства от типа и уровня политической культуры, правосознания народа. Православие и самодержавие взаимно обуславливали друг друга настолько, что любое изменение одного элемента ставит под сомнение жизнеспособность другого. Сравнивая монархию и республику, мыслитель пришёл к выводу, что единовластие в большей степени обеспечивает нравственное правление, чем институты парламентаризма, так как монарх воплощает национальную идею.

П.Б. Струве подчёркивал мирный характер формирования государственной власти на Руси: «Не завоевание, не покорение... своеобразная национальная монополия единой пришлой династии на властвование над разными племенами и землями»⁵. С его точки зрения, самодержавие означает «и власть просто державную, или суверенную, и при том в смысле внешнего суверенитета, или государственной независимости», и «власть абсолютную, т. е. неограниченную»⁶. Основная мысль Струве заключалась в утверждении неразрывной связи политического строя и России: «Россия как Великая держава, созданная всем русским народом, отождествлялась с известной политической формой и даже уже, с известным политическим строем, с неограниченной монархией, с тем, что принято называть на Западе французским термином “царизм”»⁷.

¹ Так же. С. 475.

² Там же.

³ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2, кн. 2. С. 269.

⁴ Там же. С. 109.

⁵ Струве П.Б. Избранные труды. М., 2010. С. 67–68.

⁶ Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М., 2004. С. 58.

⁷ Струве П.Б. Избранные сочинения. М., 1999. С. 262.

Для политической философии российского консерватизма XIX – первой половины XX в. была характерна идея персонификации государства в лице его главы. Поскольку основными носителями верховной власти в российском государстве на протяжении всей его истории являлись мужчины, то в созданных мыслителями политических портретах монархов нашли своё отражение не только сущностные черты самодержавия, но и маскулинные характеристики. Нравственные качества монархов, императивы их поведения играли важную роль в философских построениях российских консерваторов. М.П. Погодин призывал исследовать подробнее биографии монархов, предложив собственный анализ Петра I «как государя, как русского, как гражданина, как отца, как супруга, как человека»¹.

Традиция описания носителей верховной власти складывалась в отечественной общественно-политической мысли ещё с XI в. Митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати», оценивая политическую деятельность князей Игоря, Святослава и Владимира, начал разработку образа правителя христианского типа². В трудах XI–XII вв. князь описывался как внешне привлекательный муж («голос твой сладок и образ твой прекрасен»)³, обладавший высокими моральными ценностями, как справедливый верховный глава. В русских текстах периода завоевания Золотой Орды князь стал носителем «грозы», необходимой для защиты страны, а в дальнейшем и для усмирения внутренних врагов государства. С укреплением российской государственности, с формированием концепции «Москва – третий Рим» помимо того, что, по мнению Б.А. Успенского, происходила рецепция византийского канона, выраженная в сакрализации власти монарха⁴, возникали параллели «царь – страна» и «муж – жена». «В этой паре происходит борьба и поддерживается некий динамический,

¹ Погодин М.П. Избранные труды. М., 2010. С. 239.

² Исаев И.А., Золотухина Н.М. Указ. соч. С. 16–25; Тонких В.А., Ярецкий Ю.Л. История политической и правовой мысли. М., 1999. С. 7.

³ Моление Даниила Заточника, написанное им своему князю Ярославу Владимировичу // Памятники Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 393.

⁴ Успенский Б.А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000. С. 29.

циклический тип равновесия. Перевес рационально-волюнтаристического начала (царь) над его “парой” должен сказаться на взаимоотношениях “мужчина – женщина”, что подтверждается историей» – полагал Я.Н. Щапов¹.

В переписке с Андреем Курбским царь Иван Грозный использовал «женское» в качестве уничижительного сравнения: уподоблял речь вельможи рассказам пьяных баб², брани пьяной рабыни³. Отмечая необходимость концентрации власти в одних руках, царь писал: «Разве ты не видишь, что власть многих подобна женскому неразумию? ... Ибо так же как женщина не способна остановиться на одном желании – то одно решит, то другое, так и при правлении многих – один захочет одного, другой другого»⁴. В учении Грозного Л.А. Тихомиров подчёркивал силовые характеристики власти, обретавшие в гендерной перспективе агрессивно-маскулинный характер, цитируя мнения религиозных авторитетов: «царская власть дана для поощрения добрых и кары злых», «кто противится власти – противится закону Божию. Князь бо не напрасно носит меч: Божий бо слуга есть»⁵. Анализируя поговорки русского народа, Тихомиров пришёл к выводу, что и русский народ разделял гендерные установки Ивана Грозного: «Горе тому дому, коим владеет жена, горе царству, коим владеют многие»⁶. Консерватор оправдывал применение насильственных мер управления в политике Ивана Грозного и других российских самодержцев: «Петр был прав и в своих насильственных мерах»⁷.

Наиболее полные описания российских монархов принадлежали перу С.С. Уварова и Л.А. Тихомирова, создавших портреты Александра I и Александра III. Основополагающими чертами носителей верховной власти являлись традиционно приписываемыми мужчинам качества силы и ума. Победа Александра I над Наполеоном выдвинула на первый план его военные заслуги.

¹ Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 153.

² Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 172.

³ Там же. С. 177.

⁴ Там же. С. 134.

⁵ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 258, 268.

⁶ Там же. С. 272.

⁷ Там же. С. 316.

Величие Александра С.С. Уваров оттенял образами других завоевателей, таких как Кир, Александр Македонский, Юлий Цезарь. Однако для Уварова принципиально важным было подчеркнуть миролюбие российского самодержца: «Наш век прославлен Александром Первым. Нести с собой мир самый что ни на есть нерушимый – вот главная слава, увековечившая его имя»¹. В целом он негативно оценивал порожденные воинственным духом походы известных полководцев, так как они «не только ни в чем не улучшили судьбу человечества, но ещё больше увеличили его беды»². Миролюбие Александра I можно расценивать как новый элемент в характеристике императора, так как, по свидетельству Е.А. Вишленковой, в тот исторический период мир ассоциировался «с такими понятиями, как любовь, семья, братство», очевидными для христианской этики и непривычными для политического языка той эпохи, а «Александр I в общественном мнении был не миротворцем, а освободителем и победителем»³. Уваров отмечал, что в войне в основном были заинтересованы частные лица, а не государь, поскольку в случае победы первому лицу страны «нужно увеличивать расходы на сохранение власти в этих провинциях и он приобретёт врагов»⁴. В результате завоеваний формировался осуждаемый и неприемлемый Уваровым вид политического устройства – империя. Сущность данного вида государства состояла в установлении мира для отдельных семей, создании государства для себя и своего потомства подобно тому, как частное лицо приобретает имущество для себя и своей семьи. «Общее благо человечества никогда не было их целью», – писал Уваров, осуждая империю за присущие ей корыстные интересы⁵.

Зарекомендовавший себя в элитных кругах России и Европы как настоящий аристократ⁶ Уваров ценил преимущества мирной жизни: «Когда вся страна под

¹ Уваров С.С. Избранные труды. С. 155.

² Там же.

³ Вишленкова Е.А. Указ. соч. С. 21, 23.

⁴ Уваров С.С. Избранные труды. С. 164–165.

⁵ Там же. С. 161.

⁶ Исамбаева Л.М. Общественно-политические взгляды С.С. Уварова в 1810-е годы // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1990. № 6. С. 24–35.

ружьём, нравы неизбежно становятся военными... Жёсткие и грубые формы, стирая мягкие тона цивилизации, приводят к варварскому состоянию, когда есть солдаты, но нет граждан»¹. Однако не только отсутствие культуры в период войны разочаровывало Уварова. Он связывал внутривластную обстановку с методами реализации политической власти: «Такую страну следует дисциплинировать, так же как дисциплинируют армию. Только террор может привести к послушанию... Такая страна не знает над собой другой силы кроме жестокости. Вместо нормального правления непрерывное состояние войны или революции»².

Политику российского самодержца, прославившего Отечество силой оружия, его победу над Наполеоном I С.С. Уваров рассматривал как свидетельство справедливости и действенности политического строя России и личную заслугу его главы. В противовес империи Уваров рисовал идеальную модель «просвещённого государства» Александра I, в котором «не прибегают ни к демону войны, ни к фанатизму мнений»³. Просвещение, по мыслителю, ограничивает злоупотребления неограниченной властью, так как спокойствие и процветание в государстве обеспечивает «общественное мнение, существующее у всех классов»⁴.

Управление таким государством Уваров сравнивал с двумя моделями потестарных отношений. Во-первых, просвещённое государство обладает властью, аналогичной власти священника над его паствой, так как «опорой правительству там служат в первую очередь плоды просвещения и добрые нравы»⁵. Во-вторых, «образцом доброго правительства, умеющего внушать гражданам любовь к мудрым законам, охраняемым с надлежащей силой, может служить дом частного лица, в котором хозяин добр по отношению к верным

¹ Там же. С. 160.

² Там же. С. 158.

³ Там же. С. 157.

⁴ Там же. С. 160.

⁵ Там же. С. 157.

слугам и суров по отношению к преступным, готовым взбунтоваться»¹. Неформальный, патриархальный характер отношений между властвующими и подчинёнными – общая черта, объединяющая оба примера. Государь опирался на свой моральный авторитет, но в то же время был готов в случае необходимости применить силу. Справедливость, поддержанная силой, – рецепт идеального правления по С.С. Уварову. Сила как основная маскулинная характеристика оставалась в политическом портрете Александра I.

Однако ничем не сдерживаемая сила беспокоила Уварова: «Сколько было случаев, когда государь, злоупотребляя своей независимостью, навлекал на себя самые ужасные бедствия? Если все злоупотребления вредны, то разве не вредно злоупотребление могуществом?»². Отсюда он выводил следующую важную черту государя – «умеренность в величии». Монарх, по Уварову, должен следовать принципу справедливости, который налагает на власть имущих обязанность не устранять и не ущемлять ничьих прав из-за недоброжелательности или сочувствия к ним³. В понимании Уварова, государь являлся надсословной и надпартийной фигурой – он правил в интересах общего блага. Отсюда вытекала и особая ответственность первого лица государства: в нём одном заключалось величие народа, которого он представлял; он соединял в себе свойства христианина, философа и воина: «Удивительное поведение императора Всероссийского, его характер, твёрдость, политические его правила, рыцарские добродетели – это наше достояние»⁴.

Таким образом, основной чертой самодержца, с точки зрения С.С. Уварова, являлось соединение «величайшей мощи с величайшей умеренностью»⁵, силы с миролюбием. В отличие от либеральных доктрин источником ограничения власти монарха для Уварова были не новые политические институты, а совесть и мораль самого монарха. «Истинная политика не может сделать шага, не присягнув

¹ Там же. С. 181.

² Там же.

³ Там же. С. 200.

⁴ Там же. С. 234–235.

⁵ Там же. С. 160.

заранее морали», – писал Уваров¹. «Герой в порфире, гражданин на троне, миротворец на брани, законодатель и просветитель», который «блистает под эгидой святой веры и святого человеколюбия»², в силу своих выдающихся добродетелей осуществлял мирное и справедливое правление, патронат и заботу о подданных. Идея служения подданных «великодушному покровителю всех общественно полезных наук», который «ныне щедрой рукой открывает новое поприще, новые пути в святилище наук и просвещения» являлась основополагающей для С.С. Уварова: «Да будет наша первая мысль, наше первое чувство, признательность к нему, к нашему великому монарху... Чем можете вы, юные питомцы, заплатить ему за столь великие милости? Чего требует он от нас в замену толиких щедрот? ... Он желает, чтобы, приняв по мере ваших сил искру того дивного огня, коим горит Его высокий дух, вы с обновленною душою рассылались по пределам отечества»³.

Александру I, «монарху ...божьего промысла» Уваров противопоставил недостойный образец главы государства – «безумного тирана» Наполеона⁴. Главная черта французского императора, с точки зрения мыслителя, заключалась в его озабоченности властью, которая делала его агрессивным, алчным и неумеренным узурпатором⁵. Обозначая проблему легитимности власти Наполеона, Уваров считал, что корсиканский дворянин пытался обмануть провидение, которое с рождения не даровало ему трона. «Но даже видимость законности Наполеону не нужна. Когда-то он хвалился, что сверг с престола только анархию, но теперь он сам стал её орудием и сверг с престола своего короля», – писал Уваров⁶.

Если цель политики Александра I С.С. Уваров видел в достижении общего блага, то цель Наполеона определялась им как забота о собственных интересах:

¹ Там же. С. 201.

² Там же. С. 252.

³ Там же. С. 252.

⁴ Там же. С. 249.

⁵ Там же. С. 235–238.

⁶ Там же. С. 249.

«Ни мало не обращая внимания на внутреннее управление Франции, он занялся единственно личною своею славою»¹.

Негативные качества Наполеона мыслитель выводил из природы Великой французской революции, которая его породила: «Быстрые и бурные успехи Французской революции, причинив несметные и бесполезные преступления и бедствия, превратились, наконец, в медленное, мрачное тиранство, которое неосновательностью и слабостью своею угрожало существованию государства»². Показывая несостоятельность Наполеона как политика, Уваров отрицательно оценивал последствия созданной им континентальной системы, которая «разрушила всякое просвещение, промышленность, народное богатство и ... долженствовала вручить Бонапарту обладание твердою землею»³. Таким образом, на фоне сравнения российского и французского императоров государственность в лице Александра I приобретала у С.С. Уварова совершенные черты.

Л.А. Тихомиров в работе «Носитель идеала» наделил императора Александра III наивысшими достоинствами. Для того чтобы «поддержать всю высоту и мощь самой Верховной власти» и обеспечить её преемственность, в «Монархической государственности» Тихомиров отмечал важность физического воспитания наследников: «В большинстве царствующих домов всегда обращали много внимания на физическое развитие наследника Престола и развитие в нём мужественных черт воина: это совершенно правильное, эмпирически установившееся требование царского воспитания. История не знает ни одного монарха, который бы принёс благо своему народу, не отличаясь, по крайней мере, средними качествами мужества»⁴.

Мыслитель придавал времени царствования Александра III сакрализованный характер, утверждая, что весь мир переживал исторический момент, когда «ослабевающее человечество нуждается в особой помощи Провидения»⁵. По

¹ Там же. С. 236.

² Там же. С. 236.

³ Там же. С. 237.

⁴ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 459, 473.

⁵ Тихомиров Л.А. Критика демократии. С. 526.

мнению консерватора, в лице монарха практически воплотилась идея власти-служения: «Он начал свое служение с работы над самим собой и выдержал самый тяжелый искуc: победил в себе все, что могло бы мешать его исторической миссии. Пришлось затем признать в нем неутомимое трудолюбие, мужество, хладнокровие, независимость... Его ярко выраженные маскулинные черты дали ему возможность стать гегемоном и получить признание величайшего монарха своего времени»¹. Тихомиров сравнивал Александра с Петром Великим, царём-работником, который самоотверженно истощал все силы на государственное служение: «Почти четырнадцать лет он посвящал сну не более четырех часов в сутки»². Мыслитель описывал результаты служения царя, который всё умиротворил, благоустроил, нашёл средства борьбы с голодом, с эпидемией: «В последние годы своей недолгой жизни он уже победил всё и всех. Весь мир признал его величайшим монархом своего времени. Все народы смотрели на гегемонию, которая столь очевидно принадлежала ему по праву, что не возбуждала ни в ком даже зависти»³.

В образе Александра III, по мнению Тихомирова, воплотились такие качества христианского государя, как сочетание силы и доброты: «В этом величавом образе... Россия почувствовала нечто идеальное и вместе родное, близкое к сердцу. На него смотрели с любовью... Как супруг, как отец, как патриарх своего Царственного рода – во всём он являлся высоким примером. Его твёрдость была такова, что даже исчезала мысль о сопротивлении ему. Но и доброта его стала славной по всему миру... Всё в нем было так царственно-величаво и так человечески-прекрасно, чисто и симпатично, что все сердца привязывались к нему любовью детей к отцу, никогда не теряя чувства почтительного страха»⁴.

Л.А. Тихомиров ставил Александра III в один ряд с основателями христианских государств – Константином и Карлом Великим, поскольку считал,

¹ Там же. С. 526–527.

² Там же. С. 527.

³ Там же. С. 526–527.

⁴ Там же.

что он объединил идеи обоих¹. Поэтому главную заслугу российского императора – «царя правды и мира»² – мыслитель видел в том, что Александр III доказал: монархия не есть что-либо переходное, пережитое, совместимое только с одним фазисом развития культуры, а есть «принцип вечный, всегда возможный, всегда необходимый, высший из всех политических принципов»³.

Итак, подводя итог, необходимо отметить следующее. Признавая вариативность форм государства, мыслители утверждали, что они вырабатываются исторически и зависят от уровня политической и правовой культуры народа. В соответствии с данным тезисом консерваторы признавали единственной формой российского государства самодержавие. Начиная с трудов Н.М. Карамзина обоснование исторической роли самодержавия встречалось в работах практически всех российских консерваторов. Основные заслуги самодержавия, по мнению мыслителей, – обеспечение единства и целостности государства, продвижение России по истинному пути развития. В рамках проблемы «Россия–Запад» они указывали, что самодержавие являлось национальной формой российского государства, подчёркивали русскость самодержавия, отвечавшей ценностям народа. Мыслители отмечали аполитизм русского народа, сосредоточенного на идеалах православия, предлагая психологические обоснования самодержавия. Этическую ценность российской форме государства придавало, с их точки зрения, православие, объединившее на основе высших духовных ценностей царя с народом. Критика консерваторами конкретных проявлений государственной политики, отдельных монархов не ставила под сомнение институт самодержавия. Сущность и форма российского государства сливались в концепциях мыслителей в единое целое и не подлежали изменению.

Персонификация политической системы в лице государя в трудах консерваторов отразилась на политических портретах монархов, выражавших на

¹ Там же. С. 528.

² Там же. С. 531.

³ Там же.

практике сущность самодержавного идеала. Поскольку основными функциями государственной власти, по мнению мыслителей, являлись оборона страны и защита внутреннего порядка, то они наделяли глав государств необходимыми физическими характеристиками, свойствами мужества, военной доблести. В то же время силовые характеристики, связанные в патриархатной картине мира с маскулинностью, сочетались с миролюбием, христианскими добродетелями милосердия и справедливости. По нашему мнению, это обусловлено необходимостью внеинституционального ограничения самодержавной власти государя, предотвращения негативных проявлений «грозы» главы государства.

§ 2. Сущность и принципы модели «отеческого правления»

Российские консерваторы разработали модель идеального самодержавия – отеческого управления. С точки зрения гендерного подхода, отеческое управление представляет собой не только патриархальный, но и патриархатный тип господства, препятствующий модернизации гендерного порядка.

Уже Н.М. Карамзин характеризовал общественную систему, в которой он жил, как «патриархальную», «отеческую»¹. Описывая русское государство XI в., мыслитель отмечал, что «в счастливом отдохновении мира государь пировал с вельможами и народом, как отец среди семейства многочисленного»². Н.М. Карамзин предлагал свой идеал самодержавия, который строился по модели патриархальной семьи: «Каждое особенное семейство должно быть управляемо примером большого семейства, которое есть государство...»³. Патриархальная модель государства привлекала его неформальным характером отношений между членами сообщества, ненасильственным характером правления, где любовь и

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней... С. 102.

² Там же. С. 17–18.

³ Карамзин Н.М. Избранные труды. М., 2010. С. 184.

забота являлись конституирующими принципами семьи и государства: «Отец семейства судит и наказывает без протокола – так и монарх в иных случаях должен необходимо действовать по единой совести»¹. В данной модели государства-семьи Карамзин ценил также стабильность, целостность, отсутствие политических разногласий, пребывание в некой идиллической простоте, нежелание усложнять сложившийся порядок.

А.С. Шишков в монархии видел теократическую и патриархальную природу: «И так, когда Государство или народ желает благоденствовать, то первое попечение его долженствует быть о воспитании юных чад своих в страхе Господнем... откуда проистекает любовь к Государю, к сему поставленному от Бога отцу и главе народной...»². Поэтому адмирал связывал изменение политической системы во Франции с богоотступничеством народа и с тем, что Людовик XVI перестал быть отцом французам³.

Редактор «Русского вестника» С.Н. Глинка, вдохновлённый патриотическим подъёмом Отечественной войны 1812 г., отстаивал самобытный путь развития России в разработанной им концепции «добрых отцов». А. Мартин квалифицирует данную концепцию общества Глинки как патриархальную, поскольку мерилom всех общественных отношений у него выступала семья, где царь добродетельно правит своими подданными, помещики – своими крестьянами, генералы – солдатами⁴. Взаимоуважение, взаимопонимание, согласие между членами семьи виделись Глинке единственной альтернативой французской модели развития, которая воплотила на практике бунт против Отца.

Модель «отеческого правления» нашла своё отражение в трудах С.С. Уварова, посвящённых осмыслению исторического процесса. В «Речи» Уваров писал, что «история... принимает свое начало на равнинах Азии под сенью патриархов в мирном кругу семейственной жизни. Святая простота нравов, под влиянием которых власть отца представляла власть монарха, а человек и

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней... С. 102.

² Шишков А.С. Избранные труды. С. 342.

³ Там же.

⁴ Мартин А. «Патриархальная» модель общественного устройства... С. 92–93.

гражданин были ещё неразлучны в одном лице»¹. Патриархально-патриархатный идеал социально-политического устройства, при котором «власть для сильных, рабство для остальной части народа... женщина – орудие наслаждения или воспроизводительности»², явно привлекал мыслителя.

Принцип изоморфности семейного-патриархального и монархического начал был отчётливо выписан в работе П.А. Вяземского «Московское семейство старого быта». Мыслитель стремился показать, прежде всего, бесконфликтный «благодушный, светлый» мир большой патриархальной семьи, которой руководил «родоначальник многоколенного потомства Оболенских»³ князь Петр Александрович Оболенский. Нелюдимый, суровый и старчески-брюзгливый безвыходный домосед, по описанию Вяземского, любил своих детей и в целом всех членов семьи: «Не было ни зятей, ни невесток, ни доморощенных и природных, ни присоединенных: все были чада одной семьи, все свои, все однородные»⁴. «Политике можно бы позавидовать, глядя на это само собою, тихо и будто бессознательно совершавшееся перерождение отдельных частных и личностей, всецело, сердцем и обычаями, примыкавших к господствующему единству» – писал князь⁵.

Патриархальные принципы, придававшие, по мнению Вяземского, жизнеспособность семье, сохранились и после его смерти. Он подчёркивал, что старший сын – Андрей Петрович – сделался главою семейства «без предварительных соглашений, без избрания, а также просто, по общему влечению», а авторитет его согласно «закону прямонаследия не мог быть никем оспариваем»⁶. «Таким образом, это семейство, это колено Оболенских, составило опять, или вернее сказать, осталось в Москве неразрозненным, нераздробленным

¹ Уваров С.С. Избранные труды. С. 261.

² Там же. С. 328.

³ Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 363, 365.

⁴ Там же. С. 366.

⁵ Там же. С. 367.

⁶ Там же. С. 370.

племенем, а живую, самобытную и крепко-сплоченною единицею», – указывал Вяземский¹.

Модель «отеческого правления» в работах славянофилов концептуально не прописана. Однако те идеи, которые высказывал, в частности, А.С. Хомяков о государственных отношениях, были проинтерпретированы некоторыми мыслителями и исследователями как отношения отцов и детей. П. Флоренский считал, что Хомяков придерживался теории народного суверенитета в своих исторических соображениях о происхождении династии Романовых: «Русские цари самодержавны потому, полагал он, что таковою властью одарил их русский народ после Смутного времени. Следовательно, не народ-дети – от Царя-отца, но отец-Царь – от детей-народа. Следовательно, самодержец есть самодержец не “Божией милостью”, а народною волею. Следовательно, не потому народ призвал Романовых на престол царский, что в час просветления очищенным страданиями сердцем узрел свершившееся определение воли Божией, почуял, что Михаил Феодорович уже получил от Бога венец царский, а потому избрал, что так заблагорассудил наиудобнейшим для себя – даровать Михаилу Феодоровичу власть над Русью; одним словом, не сыскал своего Царя, а сделал себе Царя. И первый Романов не потому воссел на престол, что Бог посадил его туда, а потому, что вступил в “договор с народом”. Следовательно, приходится заключить далее, что “сущия власти” не “от Бога учинены суть”, но от contract social; не Божие изволение, а suffrage universel держит престол, по смыслу хомяковского учения»².

Современный исследователь С.М. Половинкин не разделяет данного утверждения Флоренского. Ссылаясь на то, что Хомяков определил славян как иранский народ, т. е. народ под знаком свободы, который сам призвал князей, С.М. Половинкин пишет, что отношения монарха и народа – это не отношение

¹ Там же.

² Флоренский П. Около Хомякова. URL: http://www.odinblago.ru/okolo_homakova (дата обращения – 08.05.2013).

царя-отца к народу-сыну, но отношение народа-отца к наёмному воину-защитнику¹.

Укоренённость модели «отеческого правления» в России К.Н. Леонтьев объяснял особенностями общественного сознания крестьян. Мыслитель разделял идею Ф.М. Достоевского, что русский народ является народом-богоносцем. Для выполнения этой особой миссии русский народ «должен быть ограничен, привинчен, отечески и совестливо стеснен»². Смирение и покорность – это те качества, которые, по мнению Леонтьева, составляли его душевную красу и делали его истинно великим и примерным народом³. Описание черт крестьянской души – «страх добрый, честный и высокий, страх полурелигиозный, растворенный любовью, тот род страха, который ощущает и теперь еще истинный русский при одном имени русского Царя», позволяет исследователям сделать вывод, что, по Леонтьеву, русский народ во многих отношениях был народом-младенцем по врожденной простоте души, сохранившейся почти нетронутой под крылом опекающей и покровительственной власти⁴.

Концепция отеческой власти митрополита Филарета (Дроздова) опиралась на теократический фундамент. В.М. Камнев по этому поводу тонко подметил: «Какие бы теории не изобретал человек, Бог уже высказал все, что требуется для совершенного социального устройства»⁵. Призывая воздерживаться от насильственных мер в отношении представителей власти, митрополит указывал, что «они суть помазанные от Бога»⁶. А.Н. Боханов считает, что патерналистская идея у мыслителя строжневая, так как авторитет власти столь же естествен и необходим, как авторитет старшего в семье⁷. «В семействе ... лежат семена всего,

¹ Половинкин С.М. Понимание монархизма А.С. Хомяковым и свящ. Павлом Флоренским // А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: в 2 т. М., 2007. Т. 2. С. 211.

² Леонтьев К.Н. Избранное. С. 614.

³ Там же.

⁴ Камнев В.М. Хранители и пророки. С. 162; Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. С. 125.

⁵ Камнев В.М. Идеи социально-политического консерватизма К.П. Победоносцева // Власть. 2009. № 6. С. 151.

⁶ Святитель Филарет (Дроздов). Избранные труды, письма, воспоминания. М., 2003. С. 153.

⁷ Боханов А.Н. Указ. соч. С. 68.

что потом раскрылось и возросло в великом семействе, которое называют государством. Следственно, там должно искать начатки и первый образ власти и подчинения, видимые ныне в обществе. Отец, который естественно имеет власть дать жизнь сыну и образовать его способности, есть первый властитель; сын, который ни способностей своих образовать, ни самой жизни сохранить не может без повиновения родителям и воспитателям, есть природно подвластный. Но как власть отца не сотворена самим отцом и не дарована ему сыном, а произошла вместе с человеком от Того, Кто сотворил человека, то и открывается, что глубочайший источник и высочайшее начало первой, а следственно, и всякой последующей между людьми власти есть в Боге. *Из Него*, во-первых как изъясняется Апостол, *всяко отечество на небесах и на земли именуется* (Ефес. 3:15); потом, когда сыны сынов разродились в народ и в народы и из семейства возрастает государство, необъятное для естественной власти отца, – Бог даёт сей власти новый, искусственный образ и новое имя, и таким образом, Его премудростью *царие царствуют* (Притч. 8:15)»¹.

Данную теологическую аргументация использовал обер-прокурор К.П. Победоносцев в своих трудах. Фундаментом его философии было христианское учение о богоустановленности власти, изложенное апостолом Павлом: «Итак, на правде основана, по идее своей, всякая власть, и поелику правда имеет своим источником и основанием Всевышнего Бога и закон Его, в душе и совести каждого естественно написанный, то и оправдывается в своем глубоком смысле слово: несть власть, аще не от Бога»². С точки зрения обер-прокурора, власть представляла собой «великое и страшное дело», потому что «это дело священное». Слово «священный» Победоносцев трактовал как «отделенный, на службу Богу обреченный»: «Власть не для себя существует, но ради Бога, и есть служение, на которое обречен человек»³.

¹ Святитель Филарет (Дроздов). Указ. соч. С. 153.

² Победоносцев К.П. Избранное. С. 398–399.

³ Там же.

К.П. Победоносцев пришёл к выводу, что заложенное при Петре I, который объявил себя Отцом Отечества, самодержавие являлось наиболее приемлемой формой российского государства. Многие исследователи отмечают, что российский консерватор чрезвычайно высоко ценил роль семьи в жизни общества, а внутрисемейные отношения, основанные на патриархально-личностных началах были для него образцом системы управления государством¹. А.Б. Зубов цитирует письмо, написанное Победоносцевым Е. Тютчевой по поводу кровавого события 1 марта 1881 г. о том, что царь убит своими подданными, что «дети убили отца», а «грех отцеубийства лег на Россию»².

Патриархальная концепция Победоносцева, по мнению Е.В. Тимошиной, состояла из трёх элементов: патриархальная семья, патриархальное происхождение верховной власти и патриархальная структура общества как социальная база монархии³. Поскольку основой его патриархальной концепции было христианское учение о богоустановленности власти, то соответственно вся социальная жизнь, с точки зрения Победоносцева, базировалась на двух основаниях – законе Десяти Заповедей, исправляющего «несовершенство человеческой природы установлением границ употребления свободной воли», и авторитете родительской власти, «побуждающем молодые поколения постоянно применять этот нравственный закон»⁴. «Власть родительская, единственная власть, установленная Богом в Законе Десяти Заповедей, есть самая высокая власть, никакою иною не заменимая», – полагал обер-прокурор⁵.

Е.В. Тимошина выделяет две интерпретации богоустановленности власти в патриархальной концепции Победоносцева – естественно-историческую и этическую, первая позволяла объяснить факт исторического возникновения властей, а вторая предлагала возможность их нравственного обоснования⁶. Суть первой интерпретации заключалась в том, что природа человека предполагается

¹ Полунов А.Ю. Указ. соч. С. 39; Byrnes R.F. Op. cit. P. 310.

² Зубов А.Б. Указ. соч. С. 200.

³ Тимошина Е.В. Указ. соч. С. 84.

⁴ Победоносцев К.П. Избранное. С. 116.

⁵ Там же. С. 117.

⁶ Тимошина Е.В. Указ. соч. С. 78–79.

сотворенной Богом с определенным набором естественных качеств человека и, прежде всего, с врожденной способностью к власти и повиновению: «Есть в душах человеческих сила нравственного тяготения, привлекающая одну душу к другой; есть глубокая потребность воздействия одной души на другую. Без этой силы люди представлялись бы кучею песчинок, ничем не связанных и носимых ветром во все стороны. Сила эта естественно, без предварительного соглашения, соединяет людей в общество. Она заставляет в среде людской искать другого человека, к кому приражаться, кого слушать, кем руководствоваться... В душевной природе человека за потребностью взаимного общения глубоко таится потребность власти»¹. Отмечая патерналистские установки в сознании современных автору россиян, обер-прокурор отмечал: «Невзирая на всякие свободы, повсеместно провозглашаемые, мы стремимся во всё под власть государства. Мы требуем законов, мер правительства для всякого значительного проявления нашей общественной жизни; многие формально требуют сосредоточения и единообразного устройства индивидуальной жизни посредством государства»².

В этической интерпретации принципа богоустановленности власти внимание акцентировалось на нравственной стороне человеческой природы, сущность которой Победоносцев видел в стремлении человека к «правде» и воплощающему её идеалу власти, когда он «ищет властного, непререкаемого воздействия, которым объединялась бы, которому подчинялась бы масса со всеми разнообразными её потребностями, вожделениями и страстями, в котором обретала бы возбуждение деятельности и начало порядка, в котором находила бы посреди всяких извращений своеволия мерило правды»³. Победоносцев сравнивал власть как «мерило праведное» с первым моментом мироздания – появлением света и отделением его от тьмы: «Подобно тому и первое отправление власти есть обличение правды и различение неправды: на этом основана вера во власть и

¹ Победоносцев К.П. Избранное. С. 397.

² Там же. С. 404–405.

³ Там же. С. 398.

неудержимое тяготение к ней всего человечества... Отсюда происходит и творческая сила власти – сила привлекает людей добра, правды и разума, возбуждает и одушевляет их на дела и подвиги»¹.

Законы Десяти Заповедей и авторитет родительской власти Победоносцев дополнил институтами духовной и верховной власти: «На обязанности первой лежит забота о преподавании своей пастве Закона Десяти Заповедей и религии; задача второй состоит в довершении в общественном строе идеи родительской власти, олицетворением коей она должна служить»². Ссылаясь на Ле-Пле, К.П. Победоносцев писал, что «образцовые общественные установления (конституции) как в прошедшем, так и в настоящем представляются в четырёх видах, являясь теократическими в духовной сфере, демократическими в общине, аристократическими в области (провинции) и, наконец, монархическими в семье и государстве»³.

Формирование семьи как первичного уровня социальной общности⁴ являлось, по мнению мыслителя, первоначальным этапом в процессе исторического образования государства: «Под первоначальным семейным устройством образовалось гражданское общество и каждого начальника семьи сделало господином»⁵. Победоносцев демонстрировал исторические истоки этатогенеза на примере римской истории: «В Риме семья была ячейкою социального и политического устройства: из нее выродился первый организованный орган правления – Сенат, по первоначальному устройству собрание стариков, старших людей»⁶.

Патриархальную семью, в которой «главе семейства принадлежит власть, как старшему члену органического целого»⁷ и в которой «отец – и пророк, и

¹ Там же.

² Там же. С. 116.

³ Там же. С. 121.

⁴ Победоносцев К.П. Курс гражданского права: в 3 т. М., 2003. Т. 2. С. 5.

⁵ Победоносцев К.П. Избранное. С. 201.

⁶ Там же. С. 215.

⁷ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. М., 2003. Т. 1. С. 9.

священник, и царь наш»¹, Победоносцев видел основой общества и государства. Главная задача семейного союза, по мнению Победоносцева, определялась необходимостью «воспитывающей и исправляющей дисциплины»², поскольку природа человека греховна и «родители призваны продолжать Божие дело творения на земле, призывая новые существа к жизни...»³. Основополагающее качество, которое необходимо было воспитать в детях, по обер-прокурору, – это чувство долга: «В этой сфере прямые начала взаимной заботы, взаимного служения, попечения старших о младших, порядка и послушания, исправности и добросовестности в работе: каждый знает своё место и своё дело. Где благоустроена простая семья, там чувство долга возникает и развивается естественно, соединяясь с судом совести, и образуется мало-помалу привычка делать должное»⁴.

А.Б. Зубов считает, что государство осознается Победоносцевым как большая семья, поскольку только жертва, смирение, отказ от собственного «я» способны создать гармонию и осуществлять правильное воспитание, так как в обычной малой семье, воспитывая детей, родители воспитываются сами, приучаются к смирению, к любви другого как самого себя, к любви бескорыстной⁵. Понимая венчание на царство как брак царя с народом, Победоносцев писал: «Благочестивый царь, облечённый величием сана и священства церковного, являл своему народу в церкви и всё величие своего царственного смирения»⁶. Поэтому и власть Победоносцев определял как «дело непрерывного служения», как «дело самопожертвования», истинный идеал которого был задан Спасителем: «Кто хочет быть между вами первым, да будет всем слуга»⁷. В рамках православного идеала служили и представители власти, и подданные, а вопрос о правах и обязанностях подменялся вопросом о призвании и

¹ Победоносцев К.П. Избранное. С. 415.

² Там же. С. 117.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 572.

⁵ Зубов А.Б. Указ. соч. С. 205.

⁶ Там же. С. 187.

⁷ Победоносцев К.П. Избранное. С. 399–400.

долге каждого. В своем «Приветствии старого воспитателя Великому князю в день его совершеннолетия» он писал: «Не забывайте, кто вы такой и к чему ваше положение вас обязывает. Богу угодно было, чтоб вы родились в том положении, в котором находитесь; итак, это воля божия, это ваш долг, ваше призвание, ваш талант, который вы обязаны разрабатывать... С ним связан великий долг, и как бы ни казался он иногда тяжел, вы не вправе снимать его с себя»¹. Утрата властью понимания своего бремени и долга, когда власть начинает существовать не «ради Бога», а самой себя, приводит, по мнению обер-прокурора, к её падению².

Как и семья, государство основано, по мнению Победоносцева, на любви, «на единстве духовного самосознания между народом и правительством, на вере народной»³. Обер-прокурор полагал, что государство становится тем сильнее, чем явственнее в нём обозначается представительство духовное: «Доверие массы народа к правителям основано на вере, то есть не только на единоверии народа с правительством, но и на простой уверенности в том, что правительство имеет веру и по вере действует»⁴. Многие исследователи справедливо считают, что Победоносцев в своей патриархальной концепции государства, в которой подданные как дети, доверяющие родителям, полагались на мудрость самодержца, пытаясь создать условия, при которых народ смог бы жить детской жизнью и защитить себя от лжи современной демократии⁵. Настаивая на том, что православная религия являлась духовной основой «всякого права в государственном и гражданском быту и всякой истинной культуры», Победоносцев осуждал политику некоторых российских партий, утверждавших, что «религия есть одно лишь личное, частное дело, один лишь личный, частный интерес»⁶.

Набиравший силу в России процесс секуляризации, с точки зрения Победоносцева, негативно влиял на патриархальный уклад семьи: «Как сказать

¹ Победоносцев К.П. Тайный правитель России. С. 364.

² Победоносцев К.П. Избранное. С. 398–399.

³ Там же. С. 194.

⁴ Там же. С. 203–204.

⁵ Зубов А.Б. Указ. соч. С. 195.

⁶ Победоносцев К.П. Избранное. С. 206.

теперь отцу, гражданину: ты сам по себе, а Церковь сама по себе? На беду, и отец, и гражданин уже давно сами себе это сказали. Отец стал равнодушен к религиозному сознанию и направлению в семейной среде своей. У него нет ответа, когда жена обращается к нему со своими сомнениями, когда его ребенок в детской простоте спрашивает: что такое Бог? И отчего ты Ему не молишься?»¹. Поэтому Победоносцев видел такое последствие разделения государства с Церковью как формирование в детях скептицизма, разрушавшего «крепкую связь любви и веры, соединяющую всю Россию и весь добрый народ русский с государем и с Царским Домом»². Отсюда обер-прокурор выводил и свою задачу на государственном посту – развитие системы церковно-приходских школ, укреплявших основы православной веры³.

Фундаментальное исследование истории монархической государственности Л.А. Тихомиров предварял рассуждениями о сущности и структуре общества, утверждая, что во всех социумах существуют одни и те же основные элементы: семья, собственность, право личности, которые объединены властью. Данные социальные факты Тихомиров объяснял органической природой общества⁴, в то же время полагая, что социальная жизнь более сложна, чем чисто органическая: «Включая в себя законы жизни органической, социальная жизнь отличается от неё присутствием сознательной воли человека, которая вносит в неё требование цели»⁵.

Л.А. Тихомиров развивал психологическую концепцию власти, утверждая укоренённость власти в природе человека: «Всякая кооперация представляет необходимым некоторое направление в одну сторону этих разнообразных и противоположных чувств, хотений и представлений, то есть сама по себе предполагает некоторую направляющую силу, другими словами – некоторую власть. Ясно в то же время, что эта сила, эта власть, может явиться только из тех

¹ Там же. С. 201.

² Победоносцев К.П. Тайный правитель России. С. 365.

³ Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 631–632.

⁴ Иванов А.В. Тихомиров Л.А. // Философы России XIX–XX столетий: Биографии, идеи, труды. М., 1995. С. 592.

⁵ Тихомиров Л.А. Критика демократии. С. 202.

же чувств, представлений и хотений, которые кооперация кладет в основу общественных явлений»¹. Идею «цели» порядка Тихомиров признавал врожденной, полагая, что она вытекала из самой глубины человеческого духа². Он не поддерживал распространённую в российском либеральном общественном мнении точку зрения, противопоставлявшую власть и свободу, поэтому выступал против отождествления власти и насилия: «Власть, конечно, предполагает подчинение. Но создавая власть, которой должны подчиняться, мы не жертвуем свободой, потому что при этом мы вместо подчинения стихийным силам подчиняемся самим себе, т. е. тому, что сами сознаем необходимым. Таким образом, мы лишь выходим из слепого подчинения обстоятельствам и приобретаем независимость, первое условие свободы»³. Тихомиров разделял идеи К.П. Победоносцева о том, что в сложной натуре человека есть несомненное искание над собой власти, которой он мог бы подчиниться. Поэтому он писал, что власть, с одной стороны, и подчинение – с другой, вовсе не являются непременно результатом какого-либо насилия, подавления одной личности другой⁴.

Л.А. Тихомиров квалифицировал ориентацию на подчинение власти как женскую черту, тем самым придав ей гендерное измерение: «Это очень глубоко подмеченная (Победоносцевым – прим. моё. – *Н.К.*) черта нашей психологии, черта, которую можно назвать женственной, но которая обща всему роду человеческому. Она вовсе не есть выражение слабости, по крайней мере, по существу, но выражает поэтическое созерцание идеала, искомого нами и чарующего нас в частных воплощениях своих, вызывающего наше преклонение и подчинение, ибо идеалом нельзя владеть, а ему можно только подчиняться, как высшему началу. Эта черта, особенно яркая у женщин, выражает, однако, целую серию общечеловеческих добродетелей: смирения, скромности, искренней

¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 39–40.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 50.

⁴ Там же. С. 41–42.

радости при отыскании идеального, без зависти к тому, что оно выше нас, а с одной чистой готовностью поставить это высшее в образец себе и руководство»¹.

Л.А. Тихомиров исследовал эволюцию властных отношений с момента их появления. Относительно раннего этапа развития человечества он утверждал, что отношения власти во многом определялись наличием силы, но не исчерпывались ей: «Различие пола, возраста, сил, способностей само по себе намечает некоторые рамки фактических отношений. Сильное подчиняет себе слабое, слабое ищет покровительства у силы»². Из вышеприведенной цитаты Тихомирова очевидно, что мужчины становятся носителями власти по причине обладания способностями и силы. По мнению мыслителя, данные качества необходимы представителям власти для того, чтобы выполнять её основные задачи – поддерживать порядок и справедливость³.

Однако этот первый слой порядка, как называл его Л.А. Тихомиров, не мог достаточно удовлетворять потребности в порядке, так как данный порядок «слишком не систематичен, не однообразен, не достаточно легко узнается»⁴. Только государственная идея, по его мнению, «ищет порядка, приспособленного ко всем отношениям, вместе взятым», а «искание такого всеобъемлющего порядка сопровождается исканием власти, ему соответствующей, т. е. власти верховной, способной быть выше всех специальных интересов»⁵. Таким образом, делал вывод мыслитель, человечество пережило две стадии развития: быт патриархальный и быт гражданственный⁶. Консерватор исследовал эволюцию общественных отношений, выделяя две основные фазы: 1) простой социальный строй (патриархальный и родовой) и 2) сложный социальный строй (сословно-корпоративный). Он упоминал в своём исследовании и матриархат, но полагал, что данная эпоха слишком мало изучена, чтобы её вводить в рассуждение⁷.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 45–46.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 110–112.

⁷ Там же. С. 110, 530.

Патриархальный быт, по его мнению, «совсем не знает государственности», его зачатки возникли только при родовом строе¹. В формировании государственной власти, которая стоит выше всех частных и специальных интересов, принимали участие только мужчины: «Для отыскания такого порядка (государственного – прим. моё. – *Н.К.*) личность должна взглянуть в самые глубины своего психологического существа, познать в них себя не как отца или сына, воина или зверолова, а как человека... Творческая социальная идея человека подымается здесь до всей своей высоты»². Таким образом, государственное строительство, как высший вид социальной деятельности, в которой человек раскрывал свой потенциал, фундировано в концепции Тихомирова принципом андроцентризма.

Л.А. Тихомиров приводил примеры из китайской истории, отражавшие патриархальный характер складывавшейся государственной системы: «Один из родоначальников китайцев, избранный в вожди при завоевании ими своих нынешних территорий, превратился постепенно в верховное божество, а богдыханы – его “сыновья”. Сын первого вождя, ещё вероятно очень невластного, по требованию культа предков, приносил ему жертвы и, следовательно, являлся необходимым посредником между народом и умершим вождем, которого дух нужен был народу, как покровитель. Авторитет преемников его, таким образом, возрастал из поколения в поколение. Все последующие цари по смерти своей ещё более наполняли небо духами, которые являлись покровителями китайцев, и все живут с Шан-ди (небо). Каждый же император есть “сын неба” и самое его царствование называется “служением небу”. Действительно “служение небу” есть одновременно и семейная обязанность императора по культу предков, и управление народом, над которым правили все эти духи при своей жизни, а по смерти явились покровителями бывших подданных»³. Таким образом, делал вывод Тихомиров, религиозное мирозерцание нации порождает инстинктивное

¹ Там же.

² Там же. С. 46.

³ Там же. С. 105.

стремление к монархической власти¹. Он прослеживал перерастание патриархального быта в гражданский, полагая, что власть патриархальная есть по своему существу монархическая. Он считал, что она проникнута тем же нравственным духом, ясностью прав и обязанностей, задач как управления, так и подчинения: «Эта власть чисто монархическая по характеру, но представляет собой лишь зародыш монархии, точно так же как патриархальная община представляет собою лишь зародыш общества»².

Несмотря на то что патриархальный быт весьма благоприятен для развития именно монархической власти, которая по характеру аналогична патриархальной власти, тем не менее в родовом строе исторически возникли три направления оформления верховной власти: монархическое, аристократическое и демократическое³. Выбор конкретной формы верховной власти, по мнению Л.А. Тихомирова, был обусловлен психологическим состоянием нации, поэтому в «той или иной форме Верховной власти выражаются дух народа, его верования и идеалы, то, что он внутренне сознаёт как высший принцип, достойный подчинения ему всей национальной жизни»⁴.

Особую роль в формировании и реализации самодержавно-монархической власти мыслитель видел в персоне царя, подчёркивая его маскулинные характеристики. Он приводил в своих работах цитаты из древнерусских текстов, в частности рассуждения Даниила Заточника о князе: «Как дуб крепится корнем, так град наш твоею державой. Кормчий – глава корабля, а ты князь – людям своим... Муж – глава жены, а князь – мужам. А князю – Бог»⁵.

Сущность самодержавного идеала, который заключался в «единении верховной власти и нации», «единстве идеалов царя и народа», с точки зрения Тихомирова, в наиболее полном виде была разработана в учении Ивана Грозного⁶. Он ссылаясь на мнения современников царя, которые называли Грозного «мужем

¹ Там же. С. 119.

² Там же. С. 111.

³ Там же. С. 90, 111, 534.

⁴ Там же. С. 93.

⁵ Тихомиров Л.А. Единоличная власть... С. 85.

⁶ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 270.

чудного разумения»¹. Выраженный царем идеал, по Тихомирову, состоял в том, что Бог как высшая власть налагает свою волю на государственное «строение», устанавливая царскую власть, а права верховной власти определяются христианской идеей подчинения подданных, тем самым устанавливая широту власти и её пределы: «Вся суть царской власти, наоборот, в том, что она не есть избранная, не представляет власти народной, а нечто высшее, признаваемое над собой народом. Не от народа, а от Божией милости к народу идет, стало быть, царское самодержавие»².

Развивая концепцию патриархальной отеческой власти, Л.А. Тихомиров продвигал идею аполитичности русского народа. Он полагал, что общественно-политическая жизнь не становится культом русского народа, поскольку его идеалы – нравственно-религиозные: «Вдумываясь в эту психологию, мы поймем, почему народ о своем царе говорит в таких трогательных, любящих выражениях: “Государь, батюшка, надёжа, православный царь...””. В этой формуле всё: и власть, и родственность, и упование, и сознание источника своего политического принципа. Единство с царем для народа не пустое слово. Он верит, что “народ думает, а царь ведаёт” народную думу, ибо “царево око видит далеко”, “царский глаз далеко сягает”, и “как весь народ вздохнет – до царя дойдет”»³.

Отмечая патриархальный характер власти русского царя, Тихомиров ссылаясь на определение царской власти, данное митрополитом Филаретом (Дроздовым). «Бог по образу Своего небесного единоначалия устроил на земле царя, по образу Своего вседержительства – царя самодержавного, по образу Своего непреходящего царствования – царя наследственного», – цитировал Тихомиров церковного сановника⁴.

Л.А. Тихомиров прослеживал историческое развитие идеи воплощения в верховной власти духа нации, которое являлось залогом единства власти и

¹ Там же. С.270.

² Там же. С. 266–268.

³ Там же. С. 270, 273.

⁴ Там же. С. 377.

народа¹. Опираясь на учение апостола Павла о том, что «всяка душа властям да повинуется, власти бо от Бога учинены суть», Тихомиров считал монарха фигурой, назначенной «на государственное управление от Бога»². Мыслитель утверждал, что народ отказался от власти не в пользу монарха, а в пользу Бога; монарх же создавался для конкретного исполнения этой власти Божией³. Государя он рассматривал преемником всего ряда предшественников, представителем духа верховной власти, тысячу лет управлявшей нацией, а самих подданных – не как данное поколение, а как дух своих предков, царям служивших. Устраняя элемент «избрания» царя со стороны народа, по мнению Тихомирова, династическая идея делала личность царя живым воплощением того идеала, которого нация поставила над собой. В результате государь одновременно обладал и всей властью этого идеала, и сам был всецело подчинён данному идеалу⁴. В России, по Тихомирову, полный расцвет монархической идеи стал возможен, когда установилось наследство престола по нисходящей линии царствующей семьи. Точное законодательное определение порядка престолонаследия совершилось в России в 1797 г. («император Павел создал точнейший законный порядок, не допускающий уже никаких перетолкований и не оставляющий места никакому выбору между несколькими лицами царствующего дома»)⁵, хотя в национальном сознании, полагал мыслитель, этот порядок уже установился со времен московских Даниловичей. Л.А. Тихомиров видел безуспешную попытку изменить систему престолонаследия в идеях Петра Великого: «После самого Петра императрицей стала его супруга, совершенно подобно тому, как и в домашнем быту, по обычному праву, жена домовладыки по его смерти может остаться хозяйкой дома»⁶.

Таким образом, идеалы отеческого правления Л.А. Тихомирова опирались на психологический и теократический фундамент. Согласно мыслителю, вырастая из

¹ Там же. С. 465.

² Там же. С. 121, 258.

³ Там же. С. 122.

⁴ Там же. С. 465.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

патриархальной семьи, политическая власть обретала государственные формы, наиболее правильной из которых являлось самодержавие. Царь-батюшка обеспечивал символическое единство нации, а также её защиту и справедливость, опираясь на силовые ресурсы.

В трудах И.А. Ильина государство рассматривалось как «положительно-правовая форма родины», а отечество как «истинное содержание политики»¹. Он оперировал понятием «отечество», соотнося его этимологически со страной отцов²: «И сама идея родины, лоно моего рождения, и отечества, земного гнезда моих отцов и предков – возникла из недр семьи как телесного и духовного единства»³. По мнению философа, слово «отец» везде – и у нас в России – характеризует всякого почтенного уважаемого авторитетного мужчину: этим выражается идея могущества, власти, величия, относимая в религиозном созерцании и к Богу⁴.

«Сын Отечества», «сын своей родины» в тестах Ильина выступали синонимами гражданина: «Родина есть великое лоно, объединяющее всех своих сынов так, что каждая душа соединена с ней нитью живой связи»⁵. «Каждый из нас вообще является сыном своей родины, субъектом права и гражданином», – считал Ильин⁶. Понятие «сын» часто употреблялось мыслителем и в теологическом контексте. «Создать в себе Сына Божьего»⁷ означало в концепции Ильина соединение гражданских и христианских ценностей в личности, которую философ рассматривал как единственно полноценного носителя политического статуса. В христианском учении он признавал необходимость страдания данной личности как таковой, поскольку через лишения, по его мнению, вырабатывалось мужество⁸.

¹ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 4. С. 25.

² Ильин И.А. Собр. соч. М., 1994. Т. 3. С. 151.

³ Ильин И.А. Избранное. М., 2010. С. 405.

⁴ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 4. С. 479.

⁵ Ильин И.А. Избранное. С. 446.

⁶ Там же. С. 490.

⁷ Там же. С. 216.

⁸ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 3. С. 263.

И.А. Ильин полагал, что государство «существует не от природы, но организуется людьми»¹. Он отмечал момент агрессии, насилия и принуждения в процессе этатогенеза: «Государственный союз возникал в борьбе нескольких родовых союзов за преобладание; борьба приводила к победе одного рода или к примирительному соглашению между несколькими родами и в результате над ними устанавливалась единая власть. Укреплению этой власти содействовали многие обстоятельства: необходимость держать в подчинении остаток недовольных, насильно присоединенных к союзу, а также рабов»². Прогрессирующее разделение труда между земледельцем, ведущим свое хозяйство, и воином, который сам не обрабатывает землю, но обороняет хозяйство своей общины, приводило к необходимости поиска внутреннего порядка. Поэтому, считал И.А. Ильин, «государство имеет своей первою задачей водворение на земле правового порядка (ради права), т. е. борьбу с произволом и господством грубой силы»³. Мыслитель выводил и собственное определение государства как организованного на началах права союза людей, объединённых господством над единой территорией и подчинением единой власти⁴. Концепция государства Ильина глубоко телеологична: «Государственная власть есть лишь средство и орудие, призванное служить некоей высшей цели»⁵. Высшая же цель, считал консерватор, определяется религией.

Государство, по Ильину, носило патерналистский характер, так как одной из задач государства было воспитание своих граждан-подданных, сообщая им «способность к волевому самообузданию и самодисциплинированию»⁶: «Всякая истинная политика призвана к воспитанию и организации национального

¹ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 4. С. 115.

² Там же. С. 129–130.

³ Там же. С. 131.

⁴ Там же. С. 111.

⁵ Ильин И.А. Избранное. С. 625.

⁶ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 4. С. 287.

правосознания»¹ и «Государь есть призванный и ответственный воспитатель своего народа»².

Монархический тип правосознания возникал, по Ильину, на базе религиозно-органических основ³. Рассматривая религиозную веру как величайшую силу, призванную углублять, очищать и облагораживать инстинкт личного и национального самосохранения⁴, И.А. Ильин писал, что монархическому правосознанию присуща склонность воспринимать и созерцать государственную власть как начало священное, религиозно-освящаемое и придающее монарху особый, высший, религиозно осмысливаемый ранг⁵. «Между монархом и Божеством имеется особая, преимущественная связь, которой нет между простым человеком и Богом. Эта связь делает человека субстанционально-божественным, возлагает на него призвание показать и действительно утвердить эту божественность в жизни. Поэтому народы поклоняются Царю не только как Отцу, в коем сосредоточилась преемственно вся власть предков, не только как повелителю, верховному судье и жрецу, но и как воплотившейся частице Божества», – писал И.А. Ильин⁶.

Монархическую форму правления, «персональное единовластие» Ильин рассматривал как весьма древнюю форму государства, которая отмечалась историей на протяжении тысячелетий и во всех странах света: «Она стара, как начало здоровой “моно-андрической” семьи (с единым супругом и отцом), как начало отеческой власти и единого рода; она стара, как человеческое сообщество»⁷. Он отмечал «склонность монархического правосознания к семейному созерцанию государства и к отеческому осмысливанию верховной государственной власти. В этом оно проникнуто древним, доисторическим

¹ Ильин И.А. Избранное. С. 631.

² Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2, кн. 2. С. 278.

³ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 4. С. 462.

⁴ Там же. С. 463.

⁵ Там же. С. 462.

⁶ Там же. С. 466.

⁷ Там же. С. 417.

духом»¹. Ильин писал: «Эта идея (идея божественности монарха – прим. моё. – Н.К.) есть древнее и универсальное достояние человечества. Её древнейшая форма – власть отца как верховного властителя в делах семьи, быта, хозяйства и религии. Царь есть родоначальник семьи и клана, верховный жрец, верховный судья, верховный властитель»².

Ильин не объяснял, почему самой древней является власть отца; для него было принципиально важно показать принцип изоморфности семейно-патриархального и монархического начал: «Где-то в самых корнях своих монархическое сознание патриархально, “фамилиарно”, может быть даже “патримониально”; оно склонно переносить строй семьи в государство, а строй монархии в семью. Пока люди будут жить семьями и притом единобрачными (моногамия!) и особенно едино-отеческими (моноандрия!), до тех пор в человеческой душе будут вновь и вновь оживать *от самой природы вложенные в неё монархические тяготения* (курсив мой. – Н.К.)»³.

И.А. Ильин полагал, что и патриархальная семья, и монархическое государство основаны на началах дисциплины и субординации: «Для монархии характерен более или менее авторитарный строй семьи, в котором отец – все ещё домовладыка, а мать – все ещё хранительница “священного очага”; здесь дети почитают родителей, считаются с их волею и приемлют от них и наставление и наказание»⁴. Республиканский строй семьи, по его мнению, противился семейной субординации и дисциплине, естественное старшинство и первенство родителей становились отжившим предрассудком; «моногамия и моно-андрия расшатываются, а с ними вместе исчезает и моно-архический корень древней семьи»⁵. Для республиканского правосознания патриархально-семейственное восприятие государства и верховной власти было чуждо или даже неприемлемо, а республиканская идея «равенства» проникала незаметно и в семейный строй.

¹ Там же. С. 479.

² Там же. С. 465.

³ Там же. С. 479.

⁴ Там же. С. 534–535.

⁵ Там же.

При этом Ильин стремился снять с категорий «авторитет» и «власть» негативные коннотации, связанные с господством и подчинением, и подчеркнуть полезность, целесообразность и необходимость авторитета и власти в семье и государстве: «В здоровой христианской семье есть один, единственный отец, и одна, единственная мать, которые совместно представляют единый – властвующий и организующий авторитет в семейной жизни. В этой естественной и первобытной форме авторитетной власти ребёнок впервые убеждается в том, что власть, насыщенная любовью, является благостной силою и что порядок в общественной жизни предполагает наличие такой единой, организующей и повелевающей власти: он научается тому, что принцип патриархального единодержавия содержит в себе нечто целесообразное и оздоравливающее; и наконец, он начинает понимать, что авторитет духовно-старшего человека совсем не призван подавлять или поработать подчиненного, пренебрегать его внутренней свободой и ломать его характер, но что, наоборот, он призван воспитывать человека к внутренней свободе»¹.

Несмотря на изоморфность форм государства и семьи, И.А. Ильин различал политические и семейные правоотношения как публичные и частные. Специфику публичных отношений в противовес приватным он видел в том, что данные правоотношения возникают между юридически не равными субъектами, один из которых обладает правомочием на власть². При этом он утверждал, что полномочие на власть может встречаться и в частно-правовых отношениях, когда встречается публично-правовой остаток в частном праве: «Например, русские законы говорят о власти мужа над женою и родителей над детьми. В этом обнаруживаются остатки древнего права, возникшего в эпоху родового быта, когда глава семьи и рода был верховным повелителем и судьёю»³.

Религиозно-мистическое созерцание верховной власти, христианское «единославие», восприятие государства в качестве великой семьи, спаянной

¹ Ильин И.А. Избранное. С. 406.

² Ильин И.А. Собр. соч. Т. 4. С. 106.

³ Там же. С. 108.

кровью и предками в монархическом правосознании, по мнению Ильина, порождали отношения доверия и верности между народом и монархом¹. Связующие монарха верховные обязанности, которые Ильин называл царственным облигаториумом, возлагали на царя такое бремя, с которым человек может справиться, только принося себя целиком в жертву²: «Обыватель отвечает за себя и за свою семью... а государь за всё, за всю жизнь и судьбу своего народа»³. И.А. Ильин писал: «Быть членом династии значит иметь не только субъективное право на трон (в законном порядке), а священную обязанность спасти и вести свой народ и для этого приводить его к чувству ответственности, к чувству ранга, к законному повиновению». Поэтому трагедия России, по мнению мыслителя, и заключалась в том, что «состоялось личное решение Государя: он отрёкся за себя и за наследника», что «династия в лице двух государей не стала напрягать энергию своей воли и власти, отошла от Престола и решила не бороться за него»⁴.

Сущность модели «отеческого правления» была ёмко сформулирована также И. Солоневичем: «Так или иначе – каждый монарх действовал “как добрый отец семейства”, и народное выражение “Царь-Батюшка”, при всей его кажущейся примитивности, есть выражение огромной внутренней значимости. Оно подчеркивает значение монархии как политического завершения семейного идеала народа: Царь-Батюшка и Державный Хозяин Земли Русской. Только Он может воплощать в себе и законность, и преемственность, и последовательность власти. Или, говоря иначе, планировать по-настоящему может только Он»⁵.

Итак, истоки происхождения, признаки и достоинства идеальной модели самодержавия для консерваторов – отеческого правления – в разной степени раскрыты в их работах. Наиболее полные, комплексные и концептуальные разработки указанной модели принадлежат перу К.П. Победоносцева,

¹ Там же. С. 490.

² Там же. С. 276.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 93, 106–107.

⁵ Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 1991. С. 97.

Л.А. Тихомирова и И.А. Ильина. Они выводили генезис патриархальной модели политического управления из семьи как основополагающей и исторически первой формы социальной общности. Принцип изоморфности семейной и политической организации, с точки зрения российских консерваторов, обеспечивал единые основы функционирования публичной и частной сферы. Субординация, авторитет, неформальный характер общения, любовь и забота, являясь конституирующими принципами семьи и государства, гарантировали, по мнению консерваторов, отсутствие разногласий, поддерживали социальную и политическую стабильность. Теоретическим фундаментом модели отеческого правления являлись психологическая концепция власти, а также христианское учение о богоустановленности власти. Искание власти в персоне Отца, назначенной на управление от Бога, предопределяло аполитичность установок подданных и патерналистский характер власти. Царь-батюшка гарантировал защиту и покровительство своим подданным. Таким образом, авторитет и забота, с одной стороны, и любовь и подчинение – с другой, составляющие сущность модели «отеческого правления», носили андроцентричный и патриархальный характер.

§ 3. Специфика легитимации женского правления

Правления женщин в истории государств представляют собой экстраординарные случаи, стимулируя тем самым исследовательский интерес. Российская политическая история в XVIII в. была отмечена нахождением у власти четырёх императриц. До Указа Павла I 1797 г. о престолонаследии, практически исключавшим наследование по женской линии, тема «женского правления» привлекала внимание мыслителей. Практически все консерваторы в той или иной степени касались проблемы «женщины на троне», выявляя особенности женского правления, его достоинства и недостатки. В большей степени внимание

мыслителей привлекала личность и деятельность Екатерины II, правление которой часто называют «Золотым веком» отечественной истории.

Однако и до XVIII в. в российской общественно-политической мысли возникали тексты, посвящённые женскому правлению. В «Повести о царице Динаре» (XVI в.) возможность женщины быть правителем обосновывалась божественным провидением и благочестивостью самой царицы¹. Мыслитель XVII в. Ю. Крижанич в произведении «Политика» обратил внимание на опасность занятия престола дочерьми монарха, так как в результате заключения ими брака с представителями других государств страна оказывалась под чужеземным влиянием².

Одним из направлений новой культурной политики Петра I стал выход женщин из теремов в публичное пространство, когда, писал Н.М. Карамзин, «вельможи стали жить открытым домом; их супруги и дочери вышли из непроницаемых теремов своих; балы, ужины соединили один пол с другим в шумных залах; россиянки перестали краснеть от нескромного взора мужчин, и европейская вольность заступила место азиатского принуждения...»³.

Исследователи считают, что примирить подданных с женщиной на троне (Екатериной I) стало возможно благодаря искусно созданным публичным образом монархини посредством сакрализации и внедрению культа Екатерины Александрийской⁴. В «Правде воли монаршей» и «Краткой повести о смерти Петра Великого» Феофан Прокопович определял два источника царской власти: по воле Бога и по воле монарха. Екатерина I как иностранка правила Россией как помазанница Божья, как соратница и преемница Петра I. В «Слове», посвящённом Екатерине I, автор писал, что «женский пол по естеству безсильный, тонкий»⁵. При этом, по мнению мыслителя, императрица

¹ Дивная и мужественная повесть о храбрости и мудрости целомудренной девицы Динары царицы, дочери Иверского царя Александра. URL: <http://old-ru.ru/07-13.html> (дата – 13.09.2011).

² Крижанич Ю. Политика. М., 1965. С. 509.

³ Карамзин Н.М. Записка о древней... С. 34.

⁴ Engel В.А. Women in Russia, 1700-2000. Cambridge, 2004. P. 15; Marker G. Imperial saint: The cult of St. Catherine and the dawn of female rule in Russia. DeKalb, 2007. P. 185.

⁵ Прокопович Ф. Избранные труды. М., 2010. С. 131.

представляла собой «не просто пол женский», но являлась «матерью российской»¹, «общей матерью нашей»², которая заботилась о россиянах.

В своих одах М.В. Ломоносов легитимизировал занятие женщинами российского престола. Его главными аргументами являлись ссылка на династический принцип (Елизавета – «Великих зря Монархов Дщерь», «на трон взошла Петрова Дщерь»), на божественное провидение («рукою Вышнего венчанну», «богине Росской гром вручил»), а также на запрос общества («от верных всех сердец избранну»)³. Ломоносов обращался к Елизавете Петровне как к «мати всех племен земных» и утверждал, что она – «Защитница и Мать»⁴.

Характеристика императрицы Екатерины II как матери встречалась и в текстах А.П. Сумарокова (1717–1777), который называл её «Матерью нашей», «толико пекущуюся о нас, чадах твоих»⁵. Он указывал на божественное вмешательство при занятии престола императрицей: «Сам господь определил день сей нашему благополучию: на престол Екатерину возвёл Он, Он наполнил сердце Её любовью к Отечеству». Сумароков характеризовал величие государыни по трём направлениям: «В очах Великия Самодержицы изображалася премудрость, в деснице – сила и победа, в уме – правосудие, в сердце – милосердие»⁶.

Противоположные идеи относительно оснований легитимации и характеристик правления российских императриц высказывал М.М. Щербатов. Он связывал ухудшение морали в российском обществе с деятельностью Петра Великого, который, «подражая чужестранным народам», «учредил разные собрания, где женщины, до того отдаленные от сообщения мужчин, вместе с ними на весельях присутствовали»⁷. С этого времени, по его мнению, жившая по

¹ Там же. С. 131, 134.

² Там же. С. 232.

³ Ломоносов М.В. Сочинения. М.: Л., 1961. С. 74–79./

⁴ Там же. С. 90.

⁵ Сумароков А.П. Слово на день восшествия на престол Её Величества, Государыни императрицы Екатерины // Общественная мысль России XVIII в.: в 2 т. М., 2010. Т. 2. С. 48.

⁶ Там же. С. 46.

⁷ О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и путешествие А. Радищева. М., 1983. С. 16.

законам простоты русская земля, стала стремиться к роскоши, моде и адюльтеру. М.М. Щербатов осудил восшествие на престол «довольно чудным образом» «пленницы» Петра¹ – Екатерины Алексеевны, «ибо царь Петр не с тем её венчал царским венцем, чтобы наследницей своей чинить»². Автор объяснял её нахождение на престоле «недостатком основательных законов»³. М.М. Щербатов полагал, что «женский пол обычно склонен к роскошам, нежели мужской»⁴, а потому всё царствование Екатерины I сводилось к праздному увеселению, а всю власть правительства она оставила вельможам⁵. Для правления императрицы Анны, по мнению мыслителя, также были характерны стремление к умножению роскоши и властвование фаворита Бирона⁶.

М.М. Щербатов поставил под сомнение законность власти Елизаветы Петровны, которую возвела на престол гренадерская рота Преображенского полка⁷. «Сия государыня из женского пола в молодости была отменной красоты, набожна, милосердна, сострадательна и щедра, но никакого просвещения не имела», – писал мыслитель, связывая правление Елизаветы с ещё большим ухудшением нравов в России (разводы, любовные связи при дворе и т. д.)⁸.

«Не рожденная от крови наших государей, жена свергнувшая своего мужа» Екатерина II, по описанию Щербатова, была любострастна и переменчива, стремилась к пышности и окружила себя льстецами и фаворитами⁹. «Не можно сказать, чтобы она не была качествами достойна править столь великой империей, если женщина возможет поднять сие иго и если одних качеств довольно для сего высшего сану», – считал он¹⁰. В то же время Щербатов полагал, что «жены имеют

¹ Щербатов М.М. Избранные труды. М., 2010. С. 127.

² О повреждении нравов... С. 29, 31.

³ Там же. С. 32.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 46–47.

⁷ Там же. С. 54.

⁸ Там же. С. 61, 63, 74, 78.

⁹ Там же. С. 79–80.

¹⁰ Там же. С. 87.

более склонности к самовластью, чем мужчины», и случай с Екатериной II, которая была «из жён жена», он считал доказательством своего тезиса¹.

Таким образом, до появления консерватизма в отечественной интеллектуальной традиции сложились две оценки восприятия женщин-политиков – позитивная (Ф. Прокопович, А.П. Сумароков, М.В. Ломоносов) и негативная (М.М. Щербатов).

Н.М. Карамзина привлекали внимание женщины, которые попали в орбиту исторических событий, имевших политическое значение: «Галерея славных россиянок может быть весьма приятным сочинением, если автор, имея талант и вкус, изобразит лица живыми красками любви к женскому полу и к отечеству»².

Характеризуя правление Ольги, Карамзин сформулировал своё знаменитое правило историка – «мы должны судить о Героях Истории по обычаям и нравам их времени». Ольга овладела «кормилом Государства и мудрым правлением доказала, что слабая жена может иногда равняться с великими мужами». Карамзин восхищался «умом необыкновенным» Ольги, её уверенностью в святости христианского учения. Он призывал читателей не удивляться жестокости княгини, проявленной к убийцам мужа Игоря, поскольку Ольга достойно выполнила свой долг жены. Помимо этого Карамзин отмечал её вклад в становление русской государственности: «учредила по Луге и Мсте государственные дани; разделила землю на погосты, или волости; сделала без сомнения всё нужнейшее для государственного блага по тогдашнему гражданскому состоянию России и везде оставила знаки своей попечительной мудрости»³.

Современник правления Екатерины II Н.М. Карамзин посвятил императрице отдельное произведение «Историческое похвальное слово Екатерине II» (далее – «Слово»), адресованное молодому императору Александру I с целью

¹ Там же.

² Карамзин Н.М. Избранные произведения: в 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 231.

³ Карамзин Н.М. История государства российского. URL: http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/karamzin/kar01_07.htm (дата обращения – 15.06.2011).

продемонстрировать идеальную, с точки зрения автора, модель эффективного государственного правления на примере царствования его бабки: «О Монархи мира! Екатерина и жизнью, и смертью Своею служила вам примером: так царствуйте, чтобы смертные обожали вас!»¹.

С точки зрения гендерного анализа важным является то, что Карамзин раскрывает могущество России не на примерах многочисленных российских монархов-мужчин, а на примере правления женщины. Каким же образом Карамзин в «Слове» не просто легитимно наделял женщину политической властью, но и превозносил её как политического деятеля всемирного масштаба?

Во-первых, он оговаривал уникальность описываемого им случая, отмечая, что «правило народов и Государей не есть правило частных людей»², чётко проводя границу между приватной и публичной сферами. Карамзин предполагал, что Екатерина должна следовать традициям, заложенным предшествовавшими ей мужчинами-монархами³. Во-вторых, Карамзин выделил только те характеристики императрицы, которые позволяли ему создать достойный портрет российского самодержавия. Несмотря на то, что произведение было посвящено Екатерине II, автор определял ключевые характеристики российской политической системы в целом. На примере царствования Екатерины он развернул картину величия России. Его цель – вписать правление императрицы в летопись всемирной истории, частью которой являлось его родное отечество. Рассмотрим аргументы автора подробнее.

«Слово» можно условно разделить на четыре части. В вводной части автор обрисовывал путь Екатерины к трону, в трёх остальных – описывал различные ипостаси российской самодержицы – Завоевательницы, Образовательницы, Милосердной. Подробный разбор внутренней политики императрицы позволил Карамзину акцентировать внимание на гражданском и гуманном характере правления Екатерины II, в котором автор видел проявление её женских черт.

¹ Карамзин Н.М. Избранные труды. С. 160.

² Там же. С. 162.

³ Там же. С. 186.

Во вводной части текста Н.М. Карамзин стремился решить непростую задачу – обосновать легитимность прихода Екатерины к власти. Не имея возможности сослаться на кровное родство Екатерины II с домом Романовых, Карамзин использовал религиозный мотив и духовное родство императрицы с Петром I: «Екатерина Вторая в силе творческого духа и в деятельной мудрости правления была непосредственною преемницею Великого Петра...»¹. Николай Михайлович писал, что она постигала науку царствовать, проявляя интерес к русской культуре, русскому обществу, русским летописям, деяниям Петра. «Чудесный Промысел Всевышнего, непостижимый для смертных! Кто бы вздумал искать при одном из скромных Княжеских Дворов Германии, в тихом семействе Ангальт-Цербстского Дома... причины нашего благоденствия и славы народа Российского? <...> Она рождена была для самодержавия», – считал Карамзин².

Традиционные для описания женщин эстетические характеристики Карамзин использовал только при воссоздании жизни Екатерины до престола, видимо, для того, чтобы избежать темы фаворитизма при дворе императрицы: «Екатерина была известна в Германии Своею красотою, разумом и скромною любезностию, когда Елисавета призвала Ее украсить Двор Российский»³. Поэтому, отдавая дань красоте молодой Екатерины, Карамзин в то же время не мог акцентировать внимание на её внешности, а старался подчеркнуть её личностные качества: «Душа Екатерины была тверда, мужественна, истинно геройская. Феномен Монархини, Которой все войны были завоеваниями и все уставы счастием Империи, изъясняется только соединением великих свойств ума и души»⁴.

Карамзин демонстрировал независимость императрицы от своих фаворитов. По поводу князя Потемкина он писал: «...он не имел никакого решительного влияния на политику, внутреннее образование и законодательство России, которые были единственно творением ума Екатерины. Её Министры исполняли только волю Её – и Россия имела счастье быть управляемою одним великим

¹ Там же. С. 160.

² Там же.

³ Там же. С. 161.

⁴ Там же. С. 213.

Гением во все долговременное царствование Екатерины»¹. С точки зрения Карамзина, идеальное самодержавие должно базироваться на принципе равноудалённости подданных от центра принятия решений.

Карамзин использовал мифологическо-религиозные модели для описания Екатерины. Демонстрируя проявление божественных характеристик императрицы, он сравнивал её с античной воинствующей богиней Афиной: «Красота в образе воинственной Паллады!.. Вокруг блестящие ряды Героев; пламя усердия в груди их!.. Опираясь на Мужество, Богиня шествует – и Слава, гремя в облаках трубою, опускает на главу Её венок лавровый!..»².

Военная политика императрицы была чрезвычайно важна для Карамзина, так как она являлась демонстрацией силы России на международной арене. Поскольку сама Екатерина в силу принадлежности к женскому полу не могла быть военачальником, то, с точки зрения Карамзина, её мудрость состояла в том, чтобы найти достойных «Её доверенности и великих намерений» полководцев – Румянцева, Суворова, Потемкина. Карамзин специально оговаривал милосердие Екатерины, указывая, что «Монархиня щадила жизнь людей и даже врагов»³. Он отмечал справедливость императрицы, которая ценила преданность и подвиги, умела награждать воинские заслуги достойным образом, подмечала воинские дарования лестным благоволением. Подводя итог ратным подвигам Екатерины, Карамзин писал: «Монархиня оставила Россию на вышней степени геройского величия, обогащенную новыми странами, гаванями и миллионами жителей; безопасную внутри, страшную для внешних неприятелей...»⁴.

Гражданский и гуманный характер российского политического строя Н.М. Карамзин связывал с фемининными качествами императрицы Екатерины II, демонстрируя их полезность в деле государственного управления. Мыслитель описывал реформу правосудия, предполагавшую пропорциональность наказания тяжести содеянного, сокращение сферы применения смертной казни, ориентацию

¹ Там же. С. 216.

² Там же. С. 161.

³ Там же. С. 169.

⁴ Там же. С. 163.

монархини на «исправление нравов»: «Великая в Героях сохранила на троне нежную чувствительность Своего пола, которая вступалась за несчастных, за самых виновных; искала всегда возможности простить, миловать...»¹. Общее смягчение российского самодержавия при Екатерине автор оттенял сравнением императрицы с Петром I: «Чтобы утвердить славу мужественного, смелого, грозного Петра, должна чрез сорок лет после Его царствовать Екатерина; чтобы *предуготовить* славу *кроткой, человеколюбивой, просвещенной* (курсив мой. – Н.К.) Екатерины, долженствовал царствовать Петр...», – писал Карамзин².

Осуждавший деспотизм власти мыслитель указывал, что Екатерина «уважила в подданном сан человека, нравственного существа, созданного для счастья в гражданской жизни», она «преломила обвитый молниями жезл страха» и «взяла масличную ветвь любви»³, обустроив Россию законами. Правотворческую активность императрицы Карамзин рассматривал как новую страницу в российской истории. Цитируя её Наказ, он писал: «Сим учреждением даём ему опыт Нашего чистосердечия, великой доверенности и прямой материнской любви, ожидая со стороны любезных подданных благодарности и послушания»⁴. В произведении сравнение императрицы с матерью встречается 13 раз: «мать народа», «мать отечества», «прамать» и т. д. «С Екатериною воссели на престол кроткая мудрость, божественная любовь к славе (источник всех дел великих), неутомимая деятельность, знание человеческого сердца... ревностное желание... просветить народ, образовать Россию, утвердить её счастье на столпах незыблемых... купить бессмертие делами Матери Отечества»⁵, – полагал Карамзин. Анализируя «Слово» и другие тексты рубежа XVIII–XIX вв., российский философ О.В. Рябов приходит к выводу, что в конструировании нового для национальной культуры идеала правителя-женщины используются

¹ Там же. С. 213.

² Там же. С. 160.

³ Там же. С. 173.

⁴ Там же. С. 177.

⁵ Там же. С. 161.

черты образа Богородицы, выражающего традиционные представления о сущности и функциях материнского начала¹.

Карамзин на конкретных примерах раскрывал заботу Екатерины о подданных, превозносил её политику в области образования и социального призрения: «Мать подданных благотворила полезными учреждениями. <...> Она вводила сиротские дома, училища для мещан, медицинские учреждения, поддерживала таланты»². Как глашатай эпохи Просвещения, он высоко оценивал стремление Екатерины делать ставку не на силу, а на образование подданных, направить их воспитание на любовь к отечеству и монарху. Среди проводимых Екатериной мероприятий в области образования Карамзин уделял особое внимание учреждению в России Института благородных девиц: «...Монархиня, уверенная, что благонравие нежного пола в высшем состоянии *имеет сильное влияние на государственное благонравие* (курсив мой. – Н.К.), основала, под собственным Её надзиранием, Дом воспитания для двухсот благородных девиц, чтобы сделать их образцом женских достоинств. <...> Нравственность есть главный предмет; но и разум обогащается всеми знаниями, всеми идеями, нужными для того любезного существа, которое должно быть прелестию света, сокровищем супруга и первым наставником детей»³. Сам факт признания влияния женщин на политику для мыслителя начала XIX в. был новым в российской политической культуре. Женщины принимали на себя новые обязанности – воспитывать будущих подданных в духе национальной культуры, патриотизма. Материнство обосновывалось в рамках политического дискурса как общественно-полезная и гражданская функция для женщин высшего сословия. На Западе данный феномен получил название «республиканское материнство»⁴ и вписался в идеологию разделенных сфер (приватную и публичную). Согласно этой идеологии предполагалось, что участие женщин в жизни общества должно

¹ Рябов О.В. Русская философия женственности (IX–XX вв.). Иваново, 1999. С. 55–56.

² Карамзин Н.М. Избранные труды. С. 205.

³ Там же. С. 201.

⁴ Kerber L.K. Women of the Republic: Intellect and Ideology in Revolutionary America. Chapel Hill, 1980.

ограничиваться домом и семьей. Но в условиях складывавшихся национальных государств республиканское материнство способствовало удовлетворению потребности общества в формировании гражданского самосознания будущих поколений граждан. Перекладывая эту задачу на плечи женщин, Карамзин стоял у истоков возникновения нового понимания женского гражданства. Связывая положение женщин с интересами целого, пропагандируя развитие женского образования, он использовал обновленную модель женственности как ресурс культурной модернизации политической системы.

Несмотря на отмеченную мягкость правления Екатерины, Карамзин хвалил все её задумки, направленные на укрепление монархической власти. Он приводил в тексте собственную аргументацию императрицы, которая обосновывала целесообразность самодержавного образа правления применительно к России следующим образом: «Только единая, нераздельная, державная воля может блюсти порядок и согласие между частями столь многосложными и различными... только она может иметь сие быстрое, свободное исполнение, необходимое для пресечения всех возможных беспорядков... Предмет Самодержавия... есть не то, чтобы отнять у людей естественную свободу, но чтобы действия их направить к величайшему благу»¹.

Тема взаимной любви Екатерины и народа пронизывает всё произведение Карамзина: «Следуя уставам Монархини, мы следовали гласу Неба и, повинуюсь, не знали принуждения. Она прелестными качествами души Своей украшала власть Державную. Благоговевя пред Обладательницею народов, сердца Россиян обожали Екатерину, и лучезарные добродетели Монархини соединялись в Ней с пленительною любезностию человека»². Автор демонстрировал на примерах неустанную заботу Екатерины о различных группах населения. В частности, он перечислял дарованные Екатериной права дворянству, благодаря которым «Дворянин Российский есть гражданин вселенной», а потому дворяне «гордятся своими великими государственными правами, и благородные сердца их более,

¹ Карамзин Н.М. Избранные труды. С. 179.

² Там же. С. 214.

нежели когда-нибудь, любят свое отечество»¹. Таким образом, Карамзин акцентировал внимание на установлении особой моральной связи государя и подданных. При всей полноте политической власти монарх был связан в своей деятельности интересами подданных, ограничен в своей власти не институциональным, а моральным порядком. «Мы думаем, и за славу Себе вменяем сказать, что Мы живем для Нашего народа» – цитировал Карамзин Екатерину². Согласно мыслителю, между властью и подданными возникала система взаимных обязательств, при которой, с одной стороны, утверждая престол на благодарности подданных, императрица торжественно признавала себя обязанною заслуживать власть свою, а с другой стороны, каждый член общества видел свой долг в достижении блага России, что позволяло соединять и умножать усилия, направленные на величие империи. Он писал, что «части, столь несходные, всеобщим “Учреждением” Монархини приведены в целое, и бесчисленные страны Российские составили разные семейства единого Отечества»³.

Итак, анализируя «Слово», можно утверждать, что Карамзин признал ценность фемининных качества в управлении государством. Главный ресурс создания идеального образа Монархини – это образ матери. Материнское правление являлось более мягким по сравнению с отцовским, имело гуманный характер в области внешней и внутренней политики, позволяло строить отношения власти и подданных на основе взаимной любви и заботы. В то же время, рассматривая материнскую архаическую модель управления государством, Карамзин отмечал значительную роль Просвещения в политике Екатерины II. Сочетая традиционные и новаторские характеристики политического портрета императрицы, он создал модернизированную модель женственности. С одной стороны, такая культурная модернизация российского самодержавия позволяла избегать институциональных изменений в политической системе, ограничиться

¹ Там же. С. 197.

² Там же. С. 186.

³ Там же. С. 195.

идеалом «просвещенного абсолютизма». С другой стороны, в условиях складывания национального государства она давала возможность формировать гражданское самосознание народа и ограничивать деспотизм власти. Таким образом, в «Слове» Н.М. Карамзин легимитизировал статус Екатерины II в политике.

В более позднем произведении «Записке» мыслитель заострил внимание на фаворитизме при дворе Екатерины и других российских императриц. «Злосчастная привязанность Анны к любимцу бездушному, низкому омрачила и жизнь, и память ее в истории, – писал Карамзин про Анну Иоанновну¹. «Елизавета, праздная, сластолюбивая, не могла хорошо управлять государством. Несмотря на то, россияне хвалили её царствование: она изъявляла к ним более доверенности, нежели к немцам... имела любовников добродушных, страсть к весельям и нежным стихам», – так характеризовал автор правление Елизаветы Петровны².

Повторяя главную характеристику царствования Екатерины II – «ею смягчилось самодержавие, не утратив силы своей»³ – Карамзин расставил новые акценты на внутренней политике императрицы: «Нравы более развратились в палатах и хижинах – там от примеров Двора любострастного, здесь от выгодного для казны умножения питейных домов. Пример Анны и Елизаветы извиняет ли Екатерину? Богатства государственные принадлежат ли тому, кто имеет единственно лицо красивое? <...> Екатерина – Великий Муж в главных собраниях государственных – являлась женщиною в подробностях монаршей деятельности: дремала на розах, была обманываема или себя обманывала; не видала, или не хотела видеть многих злоупотреблений, считая их, может быть, неизбежными и, довольствуясь общим, успешным, славным течением ее царствования»⁴. Воспроизводя основные гендерные стереотипы патриархатной культуры, Карамзин полагал главной чертой женщины слабость: «Горестно, но

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней... С.38-39.

² Там же. С.39–40.

³ Там же. С. 41.

⁴ Там же. С. 44.

должно признаться, что, хваля усердно Екатерину за превосходные качества души, невольно воспоминаем её слабости и краснеем за человечество». С точки зрения автора, будучи монархом, Екатерина II не имела права на сердечные привязанности, так как в противном случае она исказила бы идеал самодержавия, склоняя чашу государственных весов в пользу конкретного человека и/или его семьи; она перестала бы относиться ко всем подданным равным образом и заботиться об интересах всего общества. С нравственной неразборчивостью Екатерины II Карамзин связывал и недостатки её правления в целом: «Чужеземцы овладели у нас воспитанием, двор забыл язык русский; от излишних успехов европейской роскоши дворянство одолжало; дела бесчестные, внушаемые корыстолюбием для удовлетворения прихотям, стали обыкновеннее; сыновья бояр наших рассыпались по чужим землям тратить деньги и время для приобретения французской или английской наружности»¹. В итоге он делал вывод, что «в самих государственных учреждениях Екатерины видим более блеска, нежели основательности: избиралось не лучшее по состоянию вещей, но красивейшее по формам»². Женщина-монарх не вникала в суть государственных дел, уделяя главное внимание их внешнему восприятию. На мой взгляд, мнение Карамзина об императрице вписывался в «двойной моральный стандарт», так как он предъявлял разные требования к нравственности монархов в зависимости от их половой принадлежности. Никто из российских мужчин-монархов не подвергался мыслителем критике за «распущенность нравов». А.В. Гулыга, в частности, комментируя «Историю государства российского», находит, что в данном произведении «Владимир, пришедший к власти с помощью братоубийства, имел 400 жен и 800 наложниц, тем не менее, для Карамзина он “святой” и “великий”»³. Таким образом, недостатки правления Екатерины II Карамзин связал с её принадлежностью к женскому полу.

¹ Там же.

² Там же.

³ Гулыга А.В. Великий памятник культуры // Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. М., 1989. Т. 1. С. 474.

А.С. Шишков, который начал свою карьеру при Екатерине II, с приходом к власти Александра I связывал надежды на обещанный монархом возврат к принципам правления императрицы. В противовес революционной Франции и современной ему России монархия времен царствования Екатерины II представлялась ему политическим идеалом. На фоне правителей, которые отказывались от национальных традиций, Екатерина выгодно отличалась любовью к ним, поскольку, по Шишкову, «старалась приобщать нас к отечественным доблестям»¹: «Великая Екатерина мудростью правления своего распространила, возвеличила, прославила, украсила, просветила Россию; но мудрость отторгла её от отечества: она любила русскую землю, русский народ, русский язык, русские обычаи. Сама ходила в русском платье. Сама сочиняла великолепные зрелища. Сама в известные времена в чертогах своих учреждала русские игры, не столько для собственного увеселения своего, сколько для показания народу своему, что, любя его, любит и всё даже и самые простые забавы и обряды»².

В работах А.С. Шишков использовал нарративы и других почитателей Екатерины. В частности, в послесловии к изданию 1813 г. «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» адмирал ссылался на «Похвальное слово Екатерине II» А. Суворова: «вожделенная народа славенского мать... Како любиши древности Славенския, деяния, повествования... Коль сладостно нам сие, что тако чествуши и возносиши язык Славенский!»³.

А.С. Шишков назвал царствование Екатерины «кротким» и «славным», поскольку считал, что она «вознесла Россию на верх величия и славы»⁴. Мыслитель приводил высказывания иностранцев, в частности французского посланника в России Сегюра, князя де Линя и других, оставивших положительные отзывы об императрице⁵. Шишков упоминал о том, что князь

¹ Шишков А.С. Избранные труды. С. 485.

² Парсамов В.С. Александр Семёнович Шишков. С. 34.

³ Шишков А.С. Рассуждения о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1813. С. 437.

⁴ Шишков А.С. Избранные труды. С. 361.

⁵ Там же. С. 362.

де Линь называл Екатерину не Великая, а Великий: Catherine le Grand¹. Комментируя высказывание князя, адмирал писал, что императрица «соединяла в себе ум великого царя с прелестями и слабостями любезной женщины»². Он перечислял достоинства правления Екатерины, составляя летопись её славных дел: расширила пределы царства, просветила свой народ; при ней собраны законы, воздвигнуты многие академии, вежливость и пристойность умягчили нравы двора, отверзлись храмы правосудия и т. д.³ Так же как и Н.М. Карамзин, А.С. Шишков видел историческую преемственность в деяниях Петра I и Екатерины II: «императрица довершила начатое Петром»⁴.

Адмирал описывал Екатерину в приватном пространстве как простую женщину: «Те, которые были допущены в домашнюю беседу, с удивлением видели, что она... сложив с себя величие... царствовала, но только уже как простая хозяйка дома, ласкою, приятностью, разумом. Разговоры её живые, веселые, лёгкие, без всякого приготовления... закрывали в ней царицу, которая не прежде опять появлялась, весьма как редко, в те минуты, когда речь заходила о каких-нибудь политических предметах: тогда некоторый порыв, не столько от ума, сколько от души исторгающийся, тотчас являл в ней Великого Екатерину»⁵. Шишков отмечал, что сама императрица о себе говорила как о женщине с великим духом⁶.

В публичном выражении женские качества Екатерины проявлялись, по Шишкову, в милосердном характере её правления. Адмирал приводил в пример случаи, когда она жалела преступников⁷. Прощение Екатерины он называл «материнским», а саму императрицу – «милосердной монархиней»⁸. А.С. Шишков воспроизвёл разговор на одном из приёмов во дворце императрицы, который свидетельствовал о том, что Екатерина II задумывалась о социально-

¹ Там же. С. 421.

² Там же.

³ Там же. С. 362.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 364.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 375.

⁸ Там же. С. 437.

политических ролях полов. Императрица задала присутствовавшим вопрос: «Как вы думаете, чем бы я была, если б родилась частным человеком и мужчиною?». В ответ она услышала следующие ответы: искусным послом, великим государственным чиновником, славным писателем. А.С. Шишков предположил, что императрица могла бы быть храбрым и знаменитым военачальником. Сама Екатерина утверждала, что, зная свою горячую голову, она не дошла бы до военначальства и была бы убита в чине конного поручика¹.

Таким образом, А.С. Шишков позитивно характеризовал правление Екатерины, отмечая её милосердие, необходимое для решения государственных вопросов. Будучи галлофобом, адмирал подчёркивал русскость императрицы, её стремление опираться на национальные традиции и обычаи россиян.

П.А. Вяземский хвалил императрицу Екатерину II за то, что «она искренно и крепко оперлась на народ, и с той поры все грозы были бы против нее бессильны. Её престол, поддерживаемый миллионами людей, убежденных в выгоде его поддержать, должен был быть непоколебим и независим... Она умела спрашивать и слушать...»². Мыслитель разделял позитивную оценку царствования Екатерины II Н.М. Карамзиным³ и А.С. Шишковым, и, по мнению М.И. Гиллельсона, пронёс идеализированное представление о правлении императрицы через всю жизнь⁴. Он приветствовал политику монархини в области женского образования: «Царствование Екатерины должно было иметь и вполне имело влияние на умственное образование Русской женщины. Женские воспитательные учреждения, пользовавшиеся особенным покровительством и заботливым сочувствием императрицы, были рассадниками образованных женщин. Имена некоторых из них упоминаются с уважением и похвалою в мемуарах и

¹ Там же. С. 364.

² Вяземский П.А. Избранное. С. 385.

³ Вяземский П.А. Отметки при чтении «Исторического похвального слова Екатерине II», написанного Карамзиным. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0350.shtml (дата обращения – 20.09.2011).

⁴ Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 208.

переписках многих европейских писателей»¹. П.А. Вяземский явно придавал политике гендерное измерение: «Как мы пали духом со времен Екатерины, то есть со времени Павла. Какая-то жизнь мужественная дышит в этих людях царствования Екатерины, как благородны сношения их с императрицею; видно точно, что она почитала их членами государственного тела. И самое царедворство, ласкательство их имели что-то рыцарское: много этому способствовало и то, что царь была женщина. После все приняло какое-то холопское уничижение»². В отличие от Н.М. Карамзина, Вяземский полагал, что любовные связи Екатерины не мешали ей быть великой государыней³. В «Записных книжках» он упоминал примечательный факт: он вступил в переписку с леди Морган, которая отзывалась «с большим уважением о Екатерине и предпочитала её Петру»⁴. Для книги писательницы «Женщина и её господин» князь подобрал выписки из «узаконений русских касательно женского пола» и «известия о наших женских знаменитостях»⁵.

Таким образом, П.А. Вяземский полагал императрицу достойным политиком за крепкую связь с народом, за аристократический стиль её правления, за распространение просвещения среди женщин.

Сосредоточенные на проблеме самобытности российской культуры славянофилы видели положительный эффект правления императриц в тех случаях, когда самодержицы стремились к укреплению ценностей национальной культуры. Если Анна Ивановна, по мнению А.С. Хомякова, связала «имя своё с ужасами Бирона», то «царствование Елисаветы было ознаменовано ожесточенною борьбою против немецкого влияния»⁶. Мыслитель полагал, что слава возрождения отечества в период между царствованием Петра I и Екатерины II

¹ Вяземский П.А. Письма из Парижа 1826–1827. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0609oldorfo.shtml (дата обращения – 15.02.2012).

² Вяземский П.А. Записные книжки. М., 1992. С.140–141.

³ Там же. С. 245.

⁴ Там же. С. 194.

⁵ Там же.

⁶ Хомяков А.С. Речи, произнесенные в Обществе любителей российской словесности. URL: http://dugward.ru/library/homyakov/homyakov_rechi.html (дата обращения – 05.05.2013).

принадлежала «Елисавете, той самой, при которой Россия покорила всю Восточную Пруссию с Берлином включительно, при которой выстроены наши лучшие здания, при которой основан Московский университет и при которой старый завет Мономаха утвержден законом, вечно памятным для нас и завидным для Запада»¹.

Тема сохранения национальной культуры была заявлена и в работах И.В. Киреевского, полагавшего, что после презрения Петра I ко всему русскому и раболепству перед иностранным, после немецкого правления Бирона, народ «Елисавету встретил... радостно на престоле как русскую, как избавительницу от немецкого ига только потому, что она была не Курляндская и не Брауншвейгская, а дочь его прежнего Царя»². Славянофил проанализировал манифест Екатерины II, в котором она объявляла о низвержении Петра III и о своем восшествии. В заявлении императрицы о том, что Петр III собирался ввести в России лютеранскую веру, мыслитель видел понимание самодержицей значение православной веры для российских подданных, для единства страны³.

Ю.Ф. Самарин рассматривал проблему легитимации правления российских императриц XVIII в. в работе «На чем основана и чем определяется верховная власть в России». Данная проблема, считал Самарин, возникла уже сразу после смерти Петра I, так как Екатерина вступила на престол «не по праву рождения и не по завещанию, ибо Петр I не назначил по себе преемника, но... “понеже в 1724 была удостоена своим супругом короною и помазанием”, как значится в Манифесте 1725 года»⁴. В свою очередь, полагал Самарин, императрица изменила Вечный устав Петра о престолонаследии «с тем, во-первых, “чтобы мужеский пол всегда имел преимущество перед женским” и, во-вторых, “чтобы никто никогда российским престолом владеть не мог, который не греческого закона или кто уже

¹ Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения. М., 2010. С. 90.

² Киреевский И.В. Записка об отношении русского народа к царской власти. URL: http://dugward.ru/library/kireevskiy/kireevskiy_zapiska.html (дата обращения – 13.03.2013).

³ Киреевский И.В. Два письма к Кошелеву. URL: http://dugward.ru/library/kireevskiy/kireevskiy_dva_pisma.html (дата обращения – 13.03.2013).

⁴ Самарин Ю.Ф. Указ.соч. С. 359.

другую корону имеет”»¹. Мыслитель выявил, что после кончины Петра II и прекращения мужской линии наследования вступила на престол Анна Иоанновна не в силу Вечного устава Петра I и не по завещанию, «а, как сказано в манифесте 1730 г., февраля 4-го (№ 5499), по избранию, общим же на то согласием всего российского народа»². Самарин сконцентрировал своё внимание на том, что Анна Иоанновна проявила характер настоящей императрицы, поскольку отвергла, в конечном счёте, предлагаемое ей некой партией аристократов «ограниченное владычество» и «соизволила воспринять самодержавство»³. Следующая императрица Елизавета Петровна, занявшая трон вопреки завещанию Анны Иоанновны, согласно историческим раскопкам славянофила, сослалась на родство по крови и желанию российского общества («отеческий наш престол всемилостивейше воспринять соизволили, и по тому нашему законному праву, по близости крови к самодержавным нашим вседражайшим родителям, государю императору Петру Великому и государыне императрице Екатерине Алексеевне, и по их всеподданнейшему наших верных единогласному прошению») ⁴.

По мнению Ю.Ф. Самарина, Манифест о вступлении на престол императрицы Екатерины II заслуживал особого внимания. Без всяких притязаний на законность, считал он, императрица оправдывала свой приход к власти, указывая на недостатки правления Петра III: на потрясение православной веры, посрамление военной славы России, ниспровержение внутренних порядков, составлявших целостность отечества, на явное желание подданных видеть Екатерину на троне. На основе манифестов императриц, в которых они обосновывали легитимность своего правления, Самарин сделал вывод, что «в нашей истории поражает не нарушение формальной законности, даже не малое к ней уважение, а совершенное и, может быть, единственное в мире отсутствие всякого о ней понятия»⁵. «Какие права на престол имела Елизавета при живом Иоанне,

¹ Там же. С.359–360.

² Там же. С. 360.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 362.

⁵ Там же. С. 367.

Екатерина при живом её муже и при взрослом сыне? Между тем, именно эти два самые незаконные царствования потомство поминает добром. Россия знает, что с именем Елизаветы связаны прекращение смертной казни, восстановление национальной чести и прекращение, хотя временное, наглого владычества чужеземцев. Россия помнит, на какую высоту Екатерина подняла знамя двуглавого орла... Вот чем приобретает у нас сочувствие подданных, и вот чем определяются их отношения к государям», – писал Самарин¹. Таким образом, мыслитель не ставил вопрос о значении принадлежности монарха к женскому или мужскому полу для легитимации его власти, а рассматривал только содержание его политики – насколько главы российского государства опирались на национальные традиции, соблюдали православную веру, отстаивали неограниченный характер самодержавия, насколько они способствовали богатству и процветанию своей страны. В соответствии с выработанными Самариним критериями оценки царской власти наиболее положительными правлениями оказались царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II.

А.И. Кошелев считал, что Анна Иоановна проявила себя как настоящая самодержица, поскольку, «вступив на престол... тотчас уничтожила подписанную ею грамоту и стала самодержавно править государством», оправдывая это тем, что ограничения «препятствуют государю радеть о пользе народа и в особенности низших его классов»². Мыслитель высоко оценивал личность Екатерины II, которая «премудро поняла источник силы и славы самодержавия, обратила особенное внимание на народное благосостояние и принимала разные меры к его поднятию и упрочнению»³. А.И. Кошелев полагал, что императрица «признавала пользу и необходимость местного самоуправления», «даровала его городам, губерниям и уездам», «признавала необходимость уничтожения крепостной зависимости»⁴. Премудрость императрицы Кошелев видел ещё и в том, что она осознавала, что «одною внешностью, одними вещественными позаимствованиями

¹ Там же. С. 366.

² Кошелев А.И. Указ. соч. С. 385.

³ Там же. С. 378.

⁴ Там же. С. 379.

мы далеко не уйдём, что и с бритой бородою и с французскими кафтанами мы останемся в умственном отношении рабами Европы», а потому она «основала академии и разные учебные заведения и принимала самые сильные меры к возбуждению умственной деятельности в России»¹.

К.П. Победоносцев в одном из писем лишь отметил позитивную роль Екатерины II в связи с освобождением дворян от военной службы в 1785 г., когда императрица признала «перед лицом всей России исторические заслуги её дворянства на благо и славу государства и престола» и призвала «всё дворянство к ближайшему участию в местном управлении»².

К.Н. Леонтьев положительно оценивал деятельность Екатерины II в рамках концепции «византизма», потому что она привела Россию к творчеству и росту, усилила неравенство, охраняла крепостное право и целостность поземельной общины, давала льготы дворянству, возвысила его аристократические свойства, ведущие к расцвету культуры³. Поскольку, считал мыслитель, все действия императрицы вытекали из её собственного гения, а не из требований общества, то это дало ему основание считать императрицу истинной самодержицей. Н.А. Шестаков считает, что екатерининское сословное общество представляло для Леонтьева модель гармоничного государства в высшей стадии своего развития, где уживались и благополучно дополняли друг друга охранительные и либеральные тенденции⁴. Последующие самодержцы, проводившие реформистскую политику, привели, по мнению Леонтьева, к тому, что «европеизм и либеральность сильно расшатали основы наши за истекший период уравнительных реформ»⁵. Таким образом, позитивная оценка мыслителем правления Екатерины II совпадала с мнением более ранних философов консервативного лагеря.

¹ Там же. С. 424.

² Победоносцев К.П. и его корреспонденты: Письма и записки с предисловием М.Н. Покровского. Пг.; М., 1923. Т. 1, полутом 2. С. 523.

³ Леонтьев К.Н. Избранное. С. 50.

⁴ Шестаков Н.А. Константин Леонтьев и русский либерализм // Вестник МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 2. С. 60.

⁵ Леонтьев К.Н. Избранное. С. 613.

Л.А. Тихомиров, придерживаясь отеческого характера власти самодержца и цитируя К.П. Победоносцева, отмечал трудности восприятия женщин в качестве верховного правителя: «“Как это странно, – замечает К.П. Победоносцев по поводу одного выговора, объявленного императрицей Елисаветой Синоду в 1752 году, – в женщине и одной женщине сосредоточивается высшая церковная власть...”»¹. Л.А. Тихомиров с уважением отзывался о личной вере православных императриц, которые сами ходили на богомолье². Мыслитель указывал также на важность православия в русификации иностранных принцесс, которые становились русскими императрицами³. В «Монархической государственности» Тихомиров хвалил Екатерину II за её стремление опираться на дворянство, через которое она «угадывала дух нации», прежде чем издавать свои узаконения⁴. Он цитировал слова императрицы, в которых раскрывался механизм принятия ею государственных решений: «Я разбираю обстоятельства, изведываю мысли просвещенной части народа. Когда я уверена в общем одобрении, тогда выпускаю я мое повеление... Я стараюсь угождать каждому сообразно с заслугами, достоинством и т. д.»⁵.

С точки зрения П.Б. Струве, при оценке личности Екатерины II было «важно не то что, она была немка, а то, что, будучи русской государыней, она не хотела быть немкою... важно то, что она понимала национальные интересы России, любила и высоко ценила русский народ»⁶. Мыслитель писал: «В народной русской поговорке “Бог бескровен, царь безроден” выражается именно та мысль, что народу нужен царь, символ и представитель его единства, царь, понимающий своё дело, свои права и обязанности, а до того, какой у него род-племя, какая у него кровь и кто ему родня – ему все одно. Даровит и способен царь, будь он

¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. С. 320.

² Там же.

³ Там же. С. 376.

⁴ Там же. С. 362, 376.

⁵ Там же. С. 479–480.

⁶ Струве П.Б. Дневник политика. С. 95.

родом чистый немец, подобно Екатерине II, он полюбит, заставит себя любить и уважать русский народ»¹.

В центре внимания исследований М.О. Меньшикова – политическая деятельность княгини Ольги, которую он оценивал как культурно-исторический подвиг². Мыслитель называл княгиню «святой», «матерью народа русского», «матерью нашей государственности», так как видел её главную заслугу в том, что «именно святой Ольгой начинается наша христианская цивилизация, именно ею начинается наша национальность и наша народная слава... ею заканчивается варяжская история в России и начинается русская»³. Мыслитель постоянно подчёркивал славянское, русское происхождение княгини, связывая с ним истоки силы и мудрости Ольги. Описывая древлянский бунт, он отмечает: «И то, с чем не справился суровый муж-варяг, заставлявший дрожать Византию, – с тем справилась мудрая его жена-славянка»⁴. М.О. Меньшиков отмечал, что «великая, мудрейшая, святая» Ольга повела себя как первый государь России, «ибо она первая вспомнила о мирных обязанностях власти», первая из князей принялась за хозяйственные походы, ездила по «огромной и дикой стране, всюду устраивая государственную и культурную организацию». С точки зрения мыслителя, великая женщина «воспитала свой высший класс в государственных заботах и дала ему приобрести опыт правления»⁵. М.О. Меньшиков вслед за Н.М. Карамзиным назвал Ольгу «великим мужем русской истории», полагая, что «в этой удивительной женщине столько было красоты, нежности и богатырского мужества, что во все времена, в долготу веков, она подаёт пример не одной, а обеим половинам нации»⁶. Женщину такого типа, считал Меньшиков, нельзя

¹ Там же.

² Меньшиков М.О. Вечное воскресенье. URL: http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0100.shtml (дата обращения – 22.07.2013).

³ Там же.

⁴ Меньшиков М.О. Выше свободы. URL: http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0090.shtml (дата обращения – 20.07.2013).

⁵ Меньшиков М.О. Вечное воскресенье. URL: http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0100.shtml (дата обращения – 22.07.2012).

⁶ Меньшиков М.О. Выше свободы. URL: http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0090.shtml (дата обращения – 20.07.2013).

назвать слабосильной и слабонервной, бездеятельной и бесхарактерной. Мыслитель отмечал исключительные физические свойства Ольги, которая родила и воспитала «неукротимого героя и завоевателя» Святослава¹.

М.О. Меньшиков также позитивно оценивал деятельность «наследницы души Петра» – Екатерины II: «Сама немка, она была из тех немцев, которые чувствуют величие России и вмещают его в себе. И Петр, и Екатерина – европейцы мирового размаха, понимали, что без национальности они ничто... Ещё Екатерина Великая крепко держалась старого принципа царей, выразившего собой инстинкт народный: Россия для русских»².

Рассуждения И.А. Ильина о конкретных монархах указывают на то, что для него не женщины, а мужчины являлись лучшими правителями. В частности, он считал, что «императрица Елизавета Петровна и императрица Екатерина не были свободны от своих заговорщиков и от ведомого ими сословия и поэтому не имели всенародной социальной идеи»³. Кроме того, он ставил под сомнение легитимность власти практически всех русских императриц: «Россия знала различные порядки приобретения престола: избрание князя на вече, завоевание княжества силою, захват княжества посредством убийства соперника, наследование удела, покупка удела, назначение ханским ярлыком. Позднее императрицы Анны Иоанновна, Елизавета Петровна, Екатерина Алексеевна – были не то “избраны”, не то “провозглашены”, не то возведены на трон дворцовым переворотом. Строгий порядок престолонаследия водворился в России, как известно, только после Павла I»⁴.

Полагая, что «личная жизнь государя есть во всём и всегда достояние его народа»⁵, И.А. Ильин критиковал правление Екатерины II: «Милостивый царь Алексей Михайлович строил милосердие своего народа, Петр Великий творил своею храбростью, волею и предвидением русскую национальную стратегию;

¹ Там же.

² Меньшиков М.О. Письма к русской нации. URL: http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0120.shtml (дата обращения – 21.07.2013).

³ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2, кн. 2. С. 280.

⁴ Там же. С. 431.

⁵ Там же. С. 283.

личная жизнь императрица Екатерины II Алексеевны органически-политически отражалась на жизни и судьбе ее народа»¹.

Таким образом, позитивно оценивая православный дух правления российских императриц, он осуждал их личную жизнь и в целом полагал нелегитимным занятие ими престола.

И.Л. Солоневич резко негативно высказывался относительно женского правления, не признавая в принципе возможность занятия женщинами поста главы государства: «Империя Олега существует более тысячи лет. Её росту не помешали ни княгиня Ольга, которая уже по одному женскому происхождению едва ли годилась в полководцы»². С точки зрения мыслителя, девушки царской семьи не отличались истинным патриотизмом, поскольку, вступая в брак, будущая императрица или королева была вынуждена менять родину³. Он считал, что в XVIII в. почти на сто лет Россия осталась без монархии – «её место занимает власть случайных женщин на престоле»⁴, при которых «внутренняя история России пошла так сказать вспять»⁵. Солоневич полагал, что «матушки-царицы никакой властью не были, ибо на престол они поднимались на штыках какого-нибудь измайловского полка»⁶. «Когда мы говорим о самодержавии – то... большинство из нас подразумевает не самодержавие Екатерины I, а самодержавие московских царей... с земскими и церковными соборами, с патриархом, со всероссийскими съездами городов», – писал штабс-капитан⁷. Солоневич называл Елизавету «доброй женщиной», которая не понимала ничего в государственных делах, но «попыталась смягчить зверство тогдашних наказаний»⁸. Мыслитель отрицательно относился к правлению Екатерины II, которая для него не была ни русской, ни царицей, а мелкой немецкой принцессой, ставшей путем

¹ Там же.

² Солоневич И.А. Народная монархия. С. 218.

³ Там же. С. 211.

⁴ Там же. С. 153.

⁵ Солоневич И.А. Наша страна. С. 26.

⁶ Там же. С. 71.

⁷ Там же. С. 162.

⁸ Солоневич И.Л. Народная монархия. С. 374.

мужеубийства и цареубийства «почти тем же, чем сейчас является Сталин»¹, «случайной вывеской на пустом престоле»², «куклой в руках тех людей, которые несли её и на кровать и на престол»³. И.Л. Солоневич считал, что матушкой-царицей она была для десятков своих любовников, а не для миллиона крестьян, раздаренных этим любовникам⁴, каждый из которых удостоился специальной биографии⁵. Поэтому только после периода правления цариц, по его мнению, «первые законные русские цари снова берутся за прерванное Петром занятие»⁶.

Итак, российские консерваторы рассматривали правление женщин как специфичное, отличное от правления мужчин. Наибольшее внимание мыслителей привлекала персона Екатерины II. Н.М. Карамзин, А.С. Шишков, П.А. Вяземский, славянофилы, К.П. Победоносцев, К.Н. Леонтьев, П.Б. Струве так или иначе легимитизировали статус российских императриц в политическом пространстве. Консерваторы-эмигранты XX в. И.А. Ильин и И.Л. Солоневич не признавали законность политической власти женщин.

Н.М. Карамзин, посвятившей Екатерине II отдельное произведение, предложил принципы оценки женского правления, которые затем воспроизводились в работах более поздних мыслителей: для утверждения императрицы в качестве политического лидера он указывал на культурную преемственность её правления с царствованием Петра I, приписывал ей выдающиеся личностные свойства (ум, проницательность и пр.), демонстрировал воплощение самодержицей идеала «просвещенной» монархии, отмечал роль фемининных качеств монархини в формировании гуманного характера её правления, воплощение в её царствовании семейной модели государства, своего рода матриархата, основанного на любви и заботе матери Отечества о своих подданных. Н.М. Карамзин отметил и недостатки правления Екатерины II, которые он связал с её принадлежностью к женскому полу. Слабость

¹ Солоневич И.Л. Наша страна С. 327.

² Солоневич И.Л. Народная монархия. С. 225.

³ Солоневич И.Л. Наша страна. С. 327.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Солоневич И.Л. Народная монархия С. 291.

⁶ Там же. С. 303.

императрицы к своим фаворитам нарушала принцип равной заботы её обо всех подданных, демонстрировала поверхностность её реформ, увлеченность внешней стороной преобразований. Мнение консерватора об императрице вписывается в «двойной моральный стандарт», так как он предъявлял разные требования к нравственности монархов в зависимости от их принадлежности к определенному полу.

Следуя логике и аргументации Карамзина, последующие российские консерваторы выделяли ту или иную сторону женского правления, придавая ей абсолютный характер. Для А.С. Шишкова были важны милосердие Екатерины как женщины и её русскость как императрицы, проявлявшаяся в стремлении опираться на национальные традиции и обычаи. П.А. Вяземский считал императрицу достойным политиком за крепкую связь с народом, за аристократический стиль правления, за распространение просвещения среди женщин. Славянофилы отмечали положительный эффект от царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II за воплощение неограниченного самодержавия, опору на православные традиции. К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев, Л.А. Тихомиров положительно оценивали деятельность Екатерины II по возвышению ею статуса дворянского сословия.

И.А. Ильин и И.Л. Солоневич сосредоточили своё внимание на незаконном приходе к власти российских императриц – заговорах, переворотах и пр. Они считали, что императрицы нарушали принцип неограниченной власти самодержавия, попадая в зависимость от тех людей, которые способствовали их приходу к власти. Вместо материнского характера женского правления, о котором писал Н.М. Карамзин, они видели только распущенность российских императриц. Таким образом, в российском консерватизме XIX – первой половины XX в. сложились две традиции восприятия и оценки женского правления в России – апологетическая и критическая.

ГЛАВА 3. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА XIX–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

§ 1. Гендерные аспекты политического языка российских консерваторов XIX – первой половины XX века

Прежде чем проводить гендерный анализ публичной и приватной сфер, обратимся к понятиям «публичного» и «приватного». Согласимся с мнением исследователей, что концепты «публичность», «приватность» как феномены получают множественное и вариативное обозначение¹. Ю.В. Шкудунова считает, что сферы публичного и приватного являются переменными величинами и в зависимости от типа политического режима заключают качественную специфику стадий развития, упадка, обновления общества².

Основные подходы к анализу «публичного» и «приватного» были разработаны Х. Арендт, Ю. Хабермасом и др. Философы полагали, что различие публичного и приватного оформилось в Древней Греции на основе разделения сфер «polis»-«oikos». «Простое различие между приватным и публичным соответствует сфере домохозяйства с одной стороны, пространству политического с другой, а эти области существовали как различные, строго отделяемые друг от друга единицы по меньшей мере с начала античного города-

¹ Шкудунова Ю.В. Соотношение публичной и приватной сфер жизнедеятельности: социально-философский аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2006. С. 6; Мирошниченко И.В. Социальные сети в российской публичной политике: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2013. С. 4–5.

² Шкудунова Ю.В. Указ. соч. С. 6–7.

государства», – писала Х. Арендт¹. Это разделение между публичной и частной сферами изменилось в Средние века, когда правитель стал единственной публичной фигурой. Т.А. Алексеева замечает, что средневековый правитель представлял власть перед людьми, а не людей во власти, и не являлся частью публики².

В период формирования капиталистической экономики, национальных государств, средств массовой информации изменилось соотношение между частным и публичным. Буржуазная публичная сфера была сформирована в ходе артикуляции и агрегации интересов основных участников общественной жизни: обладавшие частной собственностью индивиды путем проведения дебатов формировали общественное мнение, в том числе по вопросу о должном устройстве государства. Ю. Хабермас понимал под публичной сферой, прежде всего, ту область социальной жизни, в которой может сформироваться общественное мнение³. Главной характеристикой публичной сферы, по мнению мыслителя, является её открытость, которая становится возможной при наличии гарантий свободы слова и собраний. Затрагивая вопрос о границах между публичной и государственной сферами, Хабермас высказывает мнение, что публичная сфера приобретает политическое измерение, когда интерес граждан направлен на деятельность государства. При этом, утверждает мыслитель, государство – не часть публичной сферы, но государственная власть – это публичная власть, поскольку она проявляет заботу о публике. Таким образом, публичная сфера определяется философом как посредник между частной сферой и государством: в ней артикулируются интересы граждан, которые государство должно принимать во внимание.

С формированием общества всеобщего благосостояния произошло новое изменение в соотношении публичного и частного: экономический и социальный протекционизм государства привел к замещению публичного и

¹ Арендт Х. *Vita Activa* или О деятельной жизни. СПб., 2000. С. 38.

² Алексеева Т.А. «Публичное» и «частное»: где границы «политического»? URL: http://www.politstudies.ru/vm/vm2/vm2_tez_4.htm (дата обращения – 12.07.2013).

³ Jürgen Habermas on Society and Politics: A Reader. Beacon Press, 1989. PP. 25–26.

приватного социальным¹. А.А. Галкин и Н.М. Римашевская трактуют публичную сферу как область «соприкосновения и перекрещивания институтов власти и институтов гражданского общества», выделяя в государственной политике её стержень – социальную политику, отождествляя последнюю с публичной политикой².

В противоположность публичному «приватность» рассматривается как среда, защищенная от вмешательства государственных институтов. «Границы приватного пространства, как правило, сужены и локализованы в конкретном месте (доме)», – считает С.В. Климова³. Ю.В. Шкудунова полагает, что частная жизнь неустранима и при всех обстоятельствах обладает той или иной мерой автономии⁴.

Мы уже отмечали, что в рамках гендерных исследований была проведена ревизия политической философии по вопросу о соотношении публичной и приватной сфер. Гендеристы констатировали, что в Новое время усиливается маскулинизация публичной сферы и в теории, и на практике, а гендерные роли становятся предметом публичной дискуссии⁵. Критикуя концепцию Ю. Хабермаса, Н. Фрейзер высказала идею о том, что публичная сфера не является открытой для всех, поскольку женщин вытеснили из публичной жизни в частную, имеющую незначительную социальную ценность⁶. Для того, чтобы репрезентировать женские интересы в публичной жизни, по мнению А. Филлипс, необходимо проводить «политику присутствия», вести диалог с разными социальными группами, овладевать публичным языком, позволяющим обсуждать

¹ Абрамова Е.В. Публичная сфера, городское пространство и новые медиа. URL: http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_9/7.pdf (дата обращения – 14.08.2013).

² Публичная сфера и государственная публичная политика в современной России (материалы круглого стола) // Социс. 2000. №4. С. 85.

³ Климова С.В. Дом и мир: проблема приватного и публичного. URL: http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=177890 (дата обращения – 15.07.2013).

⁴ Шкудунова Ю.В. Указ. соч. С. 7–8.

⁵ Репина Л.П. Пол, власть и концепция «разделенных сфер»: от истории женщин к гендерной истории // Общественные науки и современность. 2000. №4. С. 130.

⁶ Fraser N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // Habermass and the Pudlic Sphere. Mass., 1992. P. 119.

общезначимые проблемы¹. Другое решение проблемы «публичное/частное» предлагают исследователи, расширительно трактующие «личное» как «политическое». Таким образом, множество интерпретаций дихотомии «публичного» и «приватного» допускает однозначное определение данных понятий только в рамках определённых теоретико-методологических подходов.

В России XIX в. утверждение идеологии «разделённых сфер» проходило в формах, несколько отличных от европейских. После принятия Манифеста о вольности дворянской в 1762 г. многие дворяне предпочли деревенскую жизнь в своих усадьбах. В то же время появление первых салонов и журналов в конце XVIII в. свидетельствовало о зачатках публичной жизни. В данном параграфе мы рассмотрим формирование политического языка как одного из факторов генезиса публичной сферы.

«Благость Божия, даровав нам душу, даровала и слово, без которого не могли бы ни чувства наши возвышаться, ни разум преуспевать... Но сей величайший дар, сие слово, только отличающее нас от бессловесных тварей...», – писал А.С. Шишков в начале XIX в.² «Всё в языке взаимно связано и обусловлено, все слито воедино, все органически сращено», – указывал И.А. Ильин в середине XX в.³ Для консерваторов язык и слово представляли не случайный интерес, поскольку они видели в них один из конституирующих принципов национальной культуры и государственности.

Для анализа концептуального аппарата политической философии российского консерватизма необходимо задействовать дискурсивный подход, поскольку формирование категорий описания политического мира находится в прямой зависимости не только от состояния политического мира, но и от развития языка как такового. «Под словом “дискурс” подразумевают идею о том, что язык организован в соответствии со структурами, свойственными высказываниям людей в различных сферах социальной жизни», – считают исследователи

¹ Phillips A. Dealing with Difference: A Politics of Ideas or a Politics of Presence? // Contemporary Political Philosophy. Oxford, 2001. P. 176.

² Шишков А.С. Избранные труды. С. 275.

³ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2, кн. 2. С. 114.

Л.Дж. Филлипс, М.В. Йоргенсен¹. По их мнению, приписывание значений в дискурсе является средством изменения мира, а борьба на уровне дискурсов и воссоздает социальную реальность².

Особый интерес среди многочисленных подходов к анализу дискурсов³ представляет методология М. Фуко, связавшего дискурс и власть. «В любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых – нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события, избежать его такой полновесной, такой угрожающей материальности», – формулировал свою позицию французский мыслитель⁴.

В трудах Р. Барта выдвигается идея, что через сформированные языковые практики человек оказывается помещённым в рамки объективированных модусов властных отношений, воспринимая реальность в соответствии с положением в социуме⁵.

П. Бурдьё рассматривает язык как один из элементов символической власти, власти worldmaking – конструирования мира: «Социальные классификации, оперирующие главным образом (как, например, в архаических обществах) бинарными противопоставлениями: мужской–женский, высокий–низкий, сильный–слабый и т. п., организуют восприятие мира и при определённых условиях реально могут организовать сам этот мир»⁶. Наделенные властью обладатели символического капитала официально санкционируют данный символический капитал, утверждая при этом «монополию легитимного символического насилия»⁷.

¹ Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ: Теория и метод. Харьков, 2004. С. 14.

² Там же. С. 26.

³ Дейк Т. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013; Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003. С.83–100.

⁴ Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет. М., 1996. С. 51.

⁵ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 547.

⁶ Бурдьё П. Начала. С. 202.

⁷ Там же. С. 200.

О. Хархордин видит важность дискурсивного подхода именно в том, что в его рамках утверждается идея конструирования реальности. Сконструированные отдельными индивидами понятия навязываются остальным как имеющие всеобщее значение, «поскольку, когда эти категории утверждаются как обязательные для всех граждан данного государства, все начинают пользоваться ими для интерпретации своей повседневной жизни»¹. Аналогичной позиции придерживаются и другие исследователи, указывая, что в гендерном контексте дискурс власти определяется как организованная система смыслов и значений, выраженная в языковых категориях, выстроенная в терминах иерархии и исключения, формирующая определенные нормативные поля и тем самым легитимирующая социальное и культурное пространство, где формируется и воспроизводится гендерная субординация².

В 1970-е гг. в рамках гендерных исследований усиливается внимание к проблемам языка. А. Дворкин писала об особом постулате мужской «великой и возвышенной» власти – власти давать имена: «Он (мужчина – прим. моё. – *Н.К.*) активно утверждает свою власть именовать посредством силы, и он оправдывает силу посредством власти давать имена. Мир принадлежит ему, поскольку он называет в нем всё, включая её (женщину – прим. моё. – *Н.К.*). Она использует этот язык против себя, поскольку больше этот язык ни для чего не пригоден»³. С точки зрения Д. Смит, объективированное в дискурсе общество санкционирует иерархию и исключение из дискурсов власти категорий людей, им же признанных маргинальными, к числу которых принадлежит и женщина⁴.

Предметом гендерных исследований в лингвистике, отмечает А.В. Кирилина, стали – дискурсивный анализ женской и мужской речи, деконструкция зафиксированных в языке стереотипов фемининности и маскулинности,

¹ Хархордин О. Основные понятия российской политики. М., 2011. С. 67.

² Кукаренко Н.Н., Поспелова О.В., Данилова О.Л. Философские и политические категории в феминистском дискурсе. Архангельск, 2006. С. 84.

³ Дворкин А. Порнография: мужчины обладают женщинами // Гендерные исследования. 2000. № 4. С. 10–11.

⁴ Смит Д. Социологическая теория: методы патриархатного письма // Хрестоматия феминистских текстов. СПб., 2000. С. 30.

инвентаризации средств выражения мужественности и женственности в русском языке на фонологическом, лексическом, грамматическом уровнях и на уровне текста¹.

Суммируя результаты гендерных исследований в лингвистике (труды Р. Лакоффа, Ю. Кристевой и др.), необходимо отметить следующее. Язык не только антропоцентричен, но и андроцентричен – в нём зафиксированы главным образом мужская перспектива, мужская субъективность, мужская картина мира, а женщинам отводятся второстепенная, маргинальная роль и статус объекта². Учёными выделяются такие признаки андроцентризма: 1) отождествление понятий человек и мужчина; 2) имена существительные женского рода являются, как правило, производными от мужских, а не наоборот; 3) существительные мужского рода могут употребляться неспецифично, т. е. для обозначения лиц любого пола (действует механизм «включенности» в грамматический мужской род); 4) наименования одних и тех же профессий в мужском и женском вариантах неравноценны; 5) синтаксическое согласование происходит по форме грамматического рода соответствующей части речи, а не по полу референта; 6) фемининность и маскулинность разграничены резко – как полюса и противопоставлены друг другу в качественном (положительная и отрицательная оценки) и в количественном (доминирование мужского как общечеловеческого) отношении, что ведёт к образованию гендерных асимметрий³.

В рамках гендерных исследований в лингвистике различают два течения. Первое относится к исследованию языка с целью выявления асимметрий в системе языка, направленных против женщин, которые получили название языкового сексизма. Речь идёт, отмечает А.В. Кирилина, о патриархатных стереотипах, зафиксированных в языке и навязывающих его носителям определенную картину мира, в которой женщинам отводится второстепенная роль и приписываются в основном негативные качества⁴. В рамках этого

¹ Гендер как интрига познания: сб. ст. / под ред. А.В. Кирилиной. М., 2000. С. 7.

² Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах. С. 12.

³ Там же. С. 17.

⁴ Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. С. 41.

направления исследуются: какие образы женщин фиксируются в языке, в каких семантических полях представлены женщины и какие коннотации сопутствуют этому представлению и т. д.¹ Вторым направлением стало исследование коммуникации в однополых и смешанных группах². Сами же учёные отмечают неоднозначность и дискуссионность выводов гендерных исследований в лингвистике, призывая применять их с определенными оговорками³

Применяя принципы дискурсивного анализа к текстам российских консерваторов, следует начать с «литературных споров» начала XIX в. Дискуссии между литературными сообществами «Арзамас» и «Беседа», между карамзинистами и шишковистами имели не только филологический, но и общественно-политический смысл⁴. Ю.М. Лотман полагал, что обостренный интерес к языку в русском обществе начала XIX в. не был ни попыткой уйти от политики в филологические проблемы, ни стремлением скрыть за обсуждением вопросов языка общественно значимые темы, которые по цензурным соображениям не могли гласно обсуждаться⁵. В этой борьбе, считает М.Г. Альтшуллер, дискутировались и проблемы развития русского языка, и пути развития русской литературы, культуры, истории, идеологии, образа мыслей, русского просвещения и русской государственности⁶.

Н.М. Карамзин предложил языковую реформу – использовать в российском сообществе «новый слог», задействовать иностранные слова, неологизмы, упростить русский синтаксис и сократить употребление церковно-славянизмов⁷. Карамзин и его последователи, вошедшие в объединение «Арзамас», стремились расширить спектр тем и жанров современной им литературы⁸. Ещё в 1780-е гг. Карамзин сформировался как писатель-сентименталист. Наиболее яркими

¹ Там же. С. 41.

² Там же. С. 42.

³ Горошко Е., Кирилина А. Гендерные исследования в лингвистике сегодня // Гендерные исследования. 1999. № 2. С. 238.

⁴ Мартин А. Допотопный консерватизм... С. 59.

⁵ Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 446.

⁶ Альтшуллер М.Г. Александр Семёнович Шишков. С. 37.

⁷ Орлов П.А. История русской литературы XVIII века. М., 1991. С. 250–257.

⁸ Арзамас: сб.: в 2 кн. М., 1994.

произведениями автора на данном этапе были «Бедная Лиза» и «Письма русского путешественника». В.Н. Топоров пишет: «“Бедная Лиза” – точка отсчёта... для всей русской прозы Нового времени»; «она... пятнадцать лет владела умами русских читателей»¹. Признавая основой познания ощущения, Карамзин желал развивать в женщинах сентиментальность как основу добродетели. На страницах его произведений женщины представлены как натуры чувствующие, страстные, жаждущие любви, хотя, по замечанию советских исследователей П. Беркова и Г. Макогоненко, часто с трагичной судьбой². Чувственность позволяла выступать женщинам в качестве муз художников или создавать собственные произведения. Вращаясь в интеллектуальных кругах России и Европы, зная литературные произведения французских писательниц (м-м Жанлис, м-м де Сталь), Карамзин отмечал их художественную ценность и переводил на русский язык.

Как идеалист, рыцарь масонской ложи, Карамзин нашёл в женщинах свою авторскую аудиторию. Современный отечественный историк Ю.С. Пивоваров считает, что «Карамзин – первый среди русских социально субстанциональная личность. Человек, заговоривший с Богом, властью, обществом, женщиной и самим собой на частном языке, который и стал русским литературным языком»³. В.В. Виноградов полагает, что автор апеллировал к дамскому вкусу как высшему арбитру в языковых спорах⁴. Отмеченная русским литературным критиком В.Г. Белинским «приторная чувствительность»⁵ текстов Карамзина отражала внутренний мир женских переживаний. Мотивировки и психологические тонкости, примеры сердечных привязанностей, философия оптимизма делали произведения Карамзина популярными среди женщин. Исследователь журналистского амплуа Карамзина Т.Ф. Пирожкова считает, что изображение

¹ Топоров В.Н. Указ. соч. С. 6–7, 23.

² Берков П., Макогоненко Г. Жизнь и творчество Н.М. Карамзина // Карамзин Н.М. Избранные сочинения: в 2 т. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 18.

³ Пивоваров Ю.С. Полная гибель всерьёз: Избранные работы. М., 2004. С. 80.

⁴ Виноградов В.В. Язык Пушкина М.; Л., 1935. С. 223.

⁵ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1953. Т. 7. С. 56, 58.

жизни простых людей давало «пищу для женского ума»¹. Специалист в области русской литературы И.Л. Савкина пишет, что «гендерный аспект активно использовался Карамзиным в его борьбе за новый литературный язык и новую литературу»². По мнению А.А. Алексеева, «новый слог» Карамзина был рассчитан на женское сообщество, поскольку, учитывая низкий уровень образования дворянок и их слабую связь с книжной традицией, автор снабжал свой текст просторечно-разговорными добавлениями и лексическими семантическими и синтаксическими галлицизмами³.

«Феминизируя» русский литературный язык, Карамзин противопоставлял его «подьяческому языку» с его славянизмами и элементами приказности, а также торжественному языку описания политиков, т. е. выносил его за рамки публичности. Для него содержание и значимость тем, способы выражения мыслей отражали иерархию общественной и приватной сфер.

Главный оппонент Н.М. Карамзина в литературных спорах А.С. Шишков в 1803 г. создал своё знаменитое произведение «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (далее – «Рассуждения»). Необходимо отметить, что Шишков не был профессиональным филологом. Н.Н. Булич – специалист по истории русской литературы – в начале XX в. высмеивал адмирала: «Шишков весь отдался своим полемическим трудам, корнерытию, как называли тогда»⁴. «Человек прямой и честный, но обидчивый, не без литературного дарования и некоторых познаний, с значительною примесью честолюбия и желания власти. Шишков готовился стать моряком, командовать фрегатом или кораблем и попал в ученые по русской и сравнительной филологии!», – так характеризовал адмирала

¹ Пирожкова Т.Ф. Н.М. Карамзин – издатель «Московского журнала» (1791–1792 гг.): лекции. М., 1978. С. 21.

² Савкина И.Л. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века) // *Frauen Literaturgeschichte: Text und Materialien zur russischen Frauenliteratur*. Wilchemshorst, 1998. S. 13–20.

³ Алексеев А.А. Язык светских дам и развитие языковой нормы в XVIII веке // *Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII века*. Л., 1984. С. 91–93.

⁴ Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века: в 2 т. СПб., 1905. Т. 1. С. 14.

Н.Н. Булич¹. Отсутствие специального образования, поверхностное знание русской словесности, нежелание учитывать исследования других учёных, что В.С. Парсамов расценивает как выполнение Шишковым, прежде всего, идеологических задач², вызвали волну профессиональной критики. Современники и потомки отмечали у него преобладание фантазии вместо строго логического мышления, «непривычку» к философскому мышлению и к анализу фактов, непонимание логики исторического развития. «Всё это он думал заменить своими личными рассуждениями... он поставил себя в ложное положение перед наукой», – пишет В. Стоюнин³.

А.С. Шишков ратовал за самобытное развитие России, отвергая для страны путь приобщения к западной цивилизации⁴. Язык в понимании Шишкова – инструмент, отражающий культуру человека: «Никогда безбожник не может говорить языком Давида... никогда развратный не может говорить языком Соломона»⁵. Увлечение Шишкова проблемами русского языка нельзя назвать узколингвистическим, поскольку для Шишкова «язык есть душа народа, зеркало нравов, верный показатель просвещения»⁶. Адмирал считал язык основой культуры и предписывал ему определенные социальные и политические формы и функции.

А.С. Шишков относился к слову как носителю божественного духа. М.Г. Альтшуллер показывает, что «благоговейно-уважительное отношение к слову» у Шишкова восходит к библейской ветхозаветной традиции⁷. Основная проблема «Рассуждения» – это уход от активного использования элитой русского языка, увлечение европейскими языками, прежде всего французским, подражание чужой литературе и потеря своих социокультурных корней и традиций.

¹ Там же. С. 122.

² Парсамов В.С. Указ. соч. С. 27.

³ Стоюнин В. Александр Семенович Шишков // Вестник Европы. СПб., 1877. Т. 5 (67), кн. 10. С. 514.

⁴ Альтшуллер М.Г. Александр Семёнович Шишков. С. 40.

⁵ Шишков А.С. Избранные труды. С. 275.

⁶ Там же.

⁷ Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова... С. 27.

В.С. Парсамов полагает, что состояние русского языка в дворянстве – барометр культуры у Шишкова¹.

По мнению адмирала, старый церковно-славянский слог – основа русской культуры. Новый слог – современный русский язык, который развивается под влиянием европейских языков, прежде всего французского, который внёс элементы чужой для России цивилизации. В работе он показывал «нелепицы нынешнего слога»: искажение смысла, утрату красоты и величия русской словесности, «излишнюю кучерявость мысли», отсутствие собственного творчества в угоду подражательству («обезьянничанью»). Опасность распространения новой литературы через французское воспитание заключалась во вторжении «правил и понятий чуждого народа»².

Для демонстрации выдающейся роли русского языка А.С. Шишков писал о его полифункциональности, ссылаясь на высказывания императора Священной Римской империи Карла V: на испанском языке надо разговаривать с Богом, на французском – с друзьями, на немецком – с неприятелями, на итальянском – с женским полом. Шишков предполагал, что если бы император в русском языке искусен был, то посчитал бы, что на нём «со всеми оными говорить пристойно»³. Он считал, что русский язык соединяет великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого и нежность итальянского.

А.С. Шишков сосредоточился на критике нового слога, «щеголяющего... тарабарским языком»⁴, на разборе произведений Карамзина и его последователей. «Молодые писатели наши... ополчаются против важного величественного в них слога... вооружаются против многих коренных слов, изгоняют их и на место оных переводят буквально чужие... утверждая, что это будет очищенный русский язык, подобно французскому, на котором вельможа и простолюдин пишут и говорят в беседах с равною простотою», – утверждал Шишков⁵. Для него темы,

¹ Парсамов В.С. Указ. соч. С. 19.

² Шишков А.С. Избранные труды. С. 72–73, 77, 96, 150, 200–201.

³ Там же. С. 103.

⁴ Там же. С. 130.

⁵ Там же. С. 211.

затрагиваемые Карамзиным, в частности истории бедной Лизы, Натальи, боярской дочери и других, выразивших внутренний мир человека, свидетельствовали о несерьёзном подходе к общественному назначению литературы. Он стремился сохранить высокий слог церковно-славянского языка, который не использовался в салонной беседе и отражал социальную и гендерную иерархию. Указывая на красоту церковно-славянского языка, адмирал называл его слог «мужественным»¹. «Милые дамы, которых надлежало бы только послушать, чтобы украсить Роман или Комедию любезными, счастливыми выражениями, пленяют нас не русскими фразами. Милые дамы, или по нашему грубому языку женщины, барыни, барышни, редко бывают сочинительницами, и так пусть их говорят, как хотят. А вот несносно, когда господа писатели дерут уши наши не русскими фразами», – считал А.С. Шишков². Из приведенной цитаты очевидно, что адмирал соотносил публичный язык с мужским, а приватный – с женским, таким образом исключая женщин из сферы функционирования публичного языка.

Идею различения серьёзной и несерьёзной литературы А.С. Шишков развивал и в более поздний период своего творчества, когда выделил три вида литературы: высокие темы, умствования и размышления; народный язык; подражательная современная литература³. Первая, основанная на церковно-славянском языке, языке «героев и богов»⁴, – официальная литература, которая предназначена для публичной сферы. Народная литература отражала внутренний мир человека и преобладала в частной жизни. Третья, по мнению адмирала, не имела права на существование, т. к. изобиловала большим количеством галлицизмов. Таким образом, Шишков в своей литературно-языковой концепции окончательно закрепил разделение публичной и приватной жизни с их гендерной спецификой. Он предлагал молодым людям проштудировать церковно-славянские книги, понимая это как значительный труд. «Искание чинов не мешает

¹ Там же. С. 124.

² Там же. С. 141.

³ Альтшуллер М.Г. Александр Семёнович Шишков... С. 36–37.

⁴ Шишков А.С. Избранные труды. С. 276.

балам, ужинам, праздникам, а жизнь авторская любит частное уединение»¹, – писал А.С. Шишков, осуждая сложившуюся в России французскую модель салона, которая предполагала лишь развлекательный характер общения.

Попытки Шишкова опираться на национальные традиции исследователи оценивают как утопические². В.С. Парсамов утверждает, что Шишков не мог быть в то время традиционалистом, потому что единственно устоявшаяся к тому времени традиция франкоязычного говорения дворянских детей не могла естественно восприниматься как традиция национальная³. Высоко оценивая народную культуру, не затронутую французским влиянием, Шишков заявлял: «мужички наши Миныны и ему подобные, с простым, но здравым умом своим и честностью, будут в глазах наших почтеннее, чем все пустоголовые говоруны и театральные маркизы»⁴. Таким образом, народная культура в трудах адмирала также имела гендерное измерение и являлась мужицкой культурой.

После опубликования «Рассуждения» А.С. Шишков пытался объединить вокруг себя литераторов, разделявших его позиции. В 1810 г. частные литературные вечера под его руководством превратились в публичные. Конкретные обстоятельства появления новой литературной организации, цель которой состояла в обсуждении произведений русских литераторов, можно найти у биографов и исследователей творчества Шишкова⁵. По его собственным словам, он принципиально отверг иностранные названия для своей организации, в частности «Лицей», и утвердил русское название «Беседа любителей русского слова»⁶. Она состояла из попечителей, действительных и почётных членов, которые делились на подразделения. За сложность организации и участие в её деятельности не только литераторов, но и чиновников различного ранга исследователи определили «Беседу» как официально-бюрократическую

¹ Там же. С. 143.

² Лотман Ю.М. История и типология русской... С. 457.

³ Парсамов В.С. Указ. соч. С. 20.

⁴ Шишков А.С. Избранные труды. С. 501.

⁵ Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русской слова... С. 60.

⁶ Двенадцать собственноручных писем адмирала Шишкова. СПб., 1841. С. 4.

структуру¹. На проходивших с большой помпой торжественных заседаниях собиралось до 400 человек. На мой взгляд, «Беседу» можно рассматривать как попытку создать новую модель салона, в котором общение полов носило бы дидактический, поучительный характер.

А.С. Шишков в «Записках» писал, что решил «приглашать на сии чтения как мужчин, так и женщин»². Среди почетных членов «Беседы» числились «княжна Катерина Сергеевна Урусова, девица Анна Петровна Бунина, девица Анна Алексеевна Волкова»³, произведения которых регулярно зачитывались на заседаниях организации. Нестандартное решение Шишкова приглашать женский пол на торжественно-камерные заседания «Беседы», нарушавшие сложившийся в высших кругах гендерный порядок, обсуждалось среди его современников⁴. А. Мартин отмечает, что Шишков особенно радовался присутствию на собраниях многих дам, потому что он высоко ценил их роль в формировании культуры и нравов аристократии. В письме к одной молодой знакомой он жаловался, что «весь этот прелестный пол, который управляет нашими чувствами, изощряет наш ум, внушает в нас вежливость, остроту, нежность, вкус, язык, весь этот пол иным языком не говорит, как французским! Каждая из вас частно не виновата; но вообще вы причина уничтожения русских и самих себя. Знает ли она, что когда язык свой в пренебрежении, тогда всё в пренебрежении – науки, словесность, художества, рукоделия?»⁵

Исследователь В.С. Парсамов указывает, что при открытии «Беседы» Шишков сделал значительный реверанс в сторону женского вкуса как языкового критерия: «Трудолюбивые умы вымышляют, пишут, составляют выражения, определяют слова; женщины, читая их, научаются чистоте и правильности языка; но сей язык, проходя через уста их, становится яснее, глаже, приятнее и слаще»⁶.

¹ Альтшуллер М.Г. Александр Семёнович Шишков. С. 54; Парсамов В.С. Указ. соч. С. 44.

² Шишков А.С. Избранные труды. С. 450.

³ Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова... С. 404.

⁴ Там же. С. 60.

⁵ Цит. по: Мартин А. Допотопный консерватизм... С. 61.

⁶ Парсамов В.С. Указ. соч. С. 46.

Расчёт Шишкова на женскую аудиторию оказался верным: уже на следующий день после первого заседания «Беседы» графиня С.В. Строганова, влиятельная особа, жена члена Негласного комитета, пригласила в свой великосветский салон И. Крылова читать басни¹. А.С. Шишков не только использовал женщин для распространения своих идей, но и помогал отдельным писательницам пропагандировать своё творчество. В частности, писательнице-сентименталистке Волковой адмирал помог организовать сбор средств для издания книги «Стихотворения девицы Волковой», которые вышли в свет в 1807 г.

О характере гендерных отношений в рамках «Беседы» можно судить по эпизоду с Анной Петровной Буниной на собрании организации 11 ноября 1811 г., когда была прочитана поэма писательницы «Фаэтон». Как пишет М. Альтшуллер, «женщине было неприлично выступать перед аудиторией» и И. Крылов согласился прочитать «Фаэтон»². Сюжет произведения носил политический подтекст, намекая на государственную деятельность Александра I: Фаэтон, сын Гелиоса, не совладал с солнечной колесницей отца, сам погиб и чуть не погубил землю. А.П. Бунина писала, что Шишков торопил её с созданием произведения: «По личному ко мне снисхождению желал непременно в чтении своем иметь мое стихотворение; я по личному к особе его уважению обещала повиноваться»³.

Таким образом, чётко разделяя публичный и салонный язык как мужской и женский, А.С. Шишков мобилизовал женщин как ресурс для трансляции церковно-славянского языка. Указывая на значительную связь женщин с домом и бытом, адмирал считал их носительницами языкового прошлого. А.А. Алексеев, анализируя роль женского фактора в литературных спорах Карамзина и Шишкова, указывает: «И Карамзин, и Шишков видят в женщинах носительниц разговорной стихии, однако по-разному это оценивают: для Карамзина они становятся вершителями судеб литературного языка, для Шишкова – вообще не

¹ Шишков А.С. Избранные труды. С. 450.

² Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова... С. 247.

³ Там же. С. 244.

имеют к нему никакого отношения»¹. Тем не менее, несмотря на то, что Н.М. Карамзин и А.С. Шишков по-разному подошли к женской аудитории, они оба выделяли женский язык как язык непубличный.

Проблема чистоты русского языка затрагивалась в течение всего рассматриваемого периода существования российского консерватизма. И.А. Ильин писал о реформе русского языка: «Новое кривописание не различает мужской род и женский в окончании прилагательных (множеств, числа) и местоимений... Мужчины, просящие на улицах милостыню, суть “нищие”, а женщины? Они не нищия, они тоже нищие. Это означает: грамматическое и смысловое различие падежей и родов остается, а орфографическое выражение этих различий угашается. Это равносильно смешению падежей, субъектов и объектов, мужчин и женщин... Так сеются недоразумения, бессмыслицы; умножается и сгущается смута в умах. Зачем? Кому это нужно? России? Нет, конечно; но для мировой революции это полезно нужно и важно»².

Традиция подразделять литературу на высокую/публичную и низкую/приватную также сохранилась в трудах более поздних консерваторов. Высокий слог – слог описания монарших – неизменяем и недоступен массам, по мнению представителей консервативной мысли. На протяжении всей истории русского консерватизма сохранялся торжественный стиль, напоминавший оду, тем самым символически отделяя политическую сферу от приватной. При описании коронации Александра III Победоносцев стремился передать праздничность момента: «Не забудет Москва лучезарный день Его Коронации, светлый, тихий, точно день Пасхальный. Тут, казалось, Он и Его Россия глядели друг другу в очи, лобзая друг друга. Благодетельный Царь, облеченный всем величием сана и священства церковного, являл Своему народу в церкви и все величие Своего царственного смирения»³.

¹ Алексеев А.А. Указ. соч. С. 60.

² Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2, кн. 2. С. 118.

³ Победоносцев К.П. Избранное. С. 187.

Полагая, что государственная политика определялась только словом монарха, а описание власти возможно только в рамках консервативного дискурса с присущими ему элементами торжественности, пиетета и пр., консерваторы стремились очистить публичное пространство от «пишущей братии». Главным объектом критики консерваторов стала прозападническая либеральная, а затем и социал-демократическая интеллигенция. Идея парламента – оплота многоголосия интеллигенции – отрицательно оценивалась консерваторами. По мнению Л.А. Тихомирова, человек нашей интеллигенции формирует свой ум преимущественно по иностранным книгам¹, в которых он «наслаждается фейерверками трескучих фраз»².

Даже в трудах славянофилов, придерживавшихся принципов свободы слова, речь шла только о том, чтобы донести правду царю, оставляя за ним безусловное право на принятие решения. Для обер-прокурора К.П. Победоносцева слово являлось драгоценным созданием духа, драгоценным орудием дел человеческих: «Но как часто становится оно делом пустословия, орудием спора, ни к чему не приводящего, кроме смешения понятий и столкновения личных самолюбий. И думается иногда, что наше время есть время пустословия. Точно всеми овладела какая-то страсть к речам, какая-то похоть ораторства. Заговорили все, кому есть что сказать и кому сказать нечего; и те, кто понимает и знает, и те, кто понятия не имеет о том, о чем говорит»³.

Вступая в дискуссии, близкие по агрессивности тона к военным кампаниям, консерваторы стремились разоблачить ложь политических идей оппонентов, вытеснить их из сферы публичности. В предыдущих параграфах была затронута оригинальная интерпретация консерваторами актуальных для России, с их точки зрения, таких понятий, как «развитие», «прогресс», «свобода», «равенство», «братство». Относительно последних Победоносцев писал: «Едва ли найдутся на человеческом языке ещё другие три слова, которые произвели бы столько

¹ Тихомиров Л.А. Критика демократии. С. 26.

² Там же.

³ Победоносцев К.П. Избранное. С. 298.

путаницы в понятиях, напустили бы туману в человеческие умы и распространили бы в массах народных столько губельного обольщения»¹.

Таким образом, пользуясь терминологией Бурдьё, российские консерваторы стремились обладать символической властью производить новые значения терминов. В гендерной перспективе словесную войну можно определить как мужское дело, поскольку слово принадлежало только мужчинам и понималось как оружие против идеологических врагов.

Обратимся теперь к анализу произведений консерваторов сквозь призму достижений гендерных исследований в лингвистике.

Гендерная асимметрия публичного дискурса консерваторов также задавалась регулярным применением понятий, основанных на корнях «муж-« и «патр-»: «возмужание», «юношеское развитие», «патернализм», «патриархальный» и др.

Российские консерваторы писали свои тексты для мужчин и обращались к мужской аудитории. Основная целевая группа – «милостивые государи мои»² – мужчины, представлявшие высшие дворянские круги, которые имели доступ к политической власти либо влияли на неё. В риторике славянофилов распространённым стало обращение «братья». «Отцы и учителя церкви» – такими словами начинались многие произведения Победоносцева³, а многие работы И.Л. Солоневича адресованы штабс-капитанам⁴.

Значительная часть текстов консерваторов обращена к воспитателям, гувернёрам, учителям, а также ученикам. Подростающее поколение – именно юношество как политическое будущее России – являлось объектом неустанной заботы консерваторов, которые были обеспокоены сложившейся в России системой образования: «Правители наши... вместо школы, образующей людей в духе простоты и добрых нравов, навязывают нам школу, отрешенную от жизни, школу без веры, развращающую юношество»⁵. Рассуждения о роли старого и

¹ Победоносцев К.П. Государство и церковь: в 2 т. М., 2011. Т. 2. С. 207.

² Шишков А.С. Избранные труды. С. 202.

³ Победоносцев К.П. Тайный правитель России. С. 404.

⁴ Солоневич И.Л. Белая империя. С. 17.

⁵ Победоносцев К.П. Тайный правитель России. С. 218–219.

нового слова Шишков сочетал с дидактическими наставлениями, ставившими задачу повлиять на воспитание подрастающего поколения. «Молодому человеку, наподобие управляющего кораблем кормчего, надлежит с великою осторожностью вдаваться в чтение французских книг, – писал адмирал¹. – Раскройте пред глазами воспитанников ваших свою веру, свою историю,... пользы Государства... и из разнеженных голов Сенских питомцев родятся... истинные Русские, добрые граждане, сыны своего Отечества!»².

В произведениях С.С. Уварова, полагавшего, что система отечественного образования должна простираться «на разные состояния в государстве, на разные возрасты и оба пола»³, безусловным приоритетом воспитания и образования считал «благородное юношество». Отдельное воспитание «лучшего цвета возрастающего поколения» определялось предназначением юношей к занятию важнейших должностей в государстве⁴. На посту Министра просвещения Уваров заботился о приобретении для академии «мужей с талантами и основательными знаниями». В гимназиях, по его мнению, должны обучаться юноши, долженствующие «со временем произносить приговоры касательно чести и имущества сограждан своих или вести их по пути воинской славы, или творениями своими образовывать и восхищать сердца их»⁵.

Все примеры из работ К.П. Победоносцева связаны с мужским полом – мальчиками и юношами. Например, в работе «Ученье и учитель» обер-прокурор писал: «Учитель вложил мысль в детскую голову, и мальчик понимает обращенную к нему речь учителя»⁶. С точки зрения Победоносцева, задача образования «с самого начала в ребенке, тем более в юноше» воспитать «сознание долга», «укрепить человека, чтобы он стал нужен для жизни и для дела»: «Если юноша вынесет из школы и немного из материала учебного, воспитание не пропало даром, когда он вынесет из школы чуткий ум и запросы, требующие

¹ Шишков А.С. Избранные труды. С. 74.

² Там же. С. 131.

³ Там же. С. 355.

⁴ Уваров С.С. Избранные труды. С. 351.

⁵ Там же. С. 207.

⁶ Там же. С. 467.

ответа»¹. Обер-прокурор выдвигал особые требования к педагогическому составу, полагая, в частности, что «начальнику школы необходимо любить юношество, быть заботливым об нём в нужде»², а «добрый учитель» должен «всматриваться в душу ребенка и юноши, и работать над нею»³. Аналогичные мысли находим в работах славянофилов: «Наши средние учебные заведения не развивают, а притупляют юношество... направляют юношей к материализму»⁴.

При анализе текстов консерваторов становится очевидным, что они отражают мужской социальный опыт, а потому в ряде случаев не требуют употребления конкретных обращений к мужчинам. «Дело идет о значении и характере всего бытия человеческого, о том, чем мы живем и движемся – о наших надеждах, опасениях, привязанностях, об отношениях наших к *жене* (курсив мой. – *Н.К.*), к отцу и матери, о воспитании детей наших» – писал К.П. Победоносцев⁵. «Положение рабочих может быть различно: один рабочий *женат* (курсив мой. – *Н.К.*), другой нет; у одного рабочего более детей, у другого менее»⁶; «Все мы, *сыны* (курсив мой. – *Н.К.*) единой России... должны стать на путь служения “великому” Божьему и земному делу»⁷, – встречаем в работах П.И. Новгородцева. «Я говорю о личной чести, так как вы ведь сочли бы долгом чести защищать права своей *жены* (курсив мой. – *Н.К.*), сестры, дочери, матери»; «Чтобы делать историю, нужно, прежде всего, быть кровным *сыном* (курсив мой. – *Н.К.*) своего народа и унаследовать именно богатырские его черты», – указывал М.О. Меншиков⁸. «Пусть люди глупо торгуют, глупо *женятся* (курсив мой. – *Н.К.*), глупо лечатся... за всем этим скрывается незримая, но могучая сила естественного инстинкта»⁹; «как можно не заботиться о прокормлении себя, *жён*

¹ Там же. С. 474.

² Там же. С. 462.

³ Там же. С. 481.

⁴ Кошелев А.И. Указ. соч. С.432.

⁵ Победоносцев К.П. Тайный правитель России. С. 367.

⁶ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 310.

⁷ Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. С. 366.

⁸ Меншиков М.О. Письма к русской нации. URL: http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0120.shtml (дата обращения – 21.07.2013).

⁹ Ильин И.А. Собр. соч.: Кто мы?. С. 37.

(курсив мой. – *Н.К.*) и детей?¹; «кандидат (республиканец – прим. моё. – *Н.К.*) старается угодить толпе – то пожиманием рук, то показыванием *своей жены* (курсив мой. – *Н.К.*), то политическими и хозяйственными обещаниями, то... партии им руководят, он зависим от них»² – находим в произведениях И.А. Ильина. «Если каждый отдельный человек действует как «*pater families*», то даже и чисто арифметическая сумма этих отцов будет действовать на основании того же принципа... Нация, сверхиндивидуальное целое, составлена из людей, которые умерли тысячи лет тому назад, людей, которые родятся ещё через тысячу лет, действует как тот же добрый отец семейства. Он копит для потомства, отказывая самому себе», – писал И.Л. Солоневич³.

В работах российских консерваторов можно встретить отождествление понятий «человек» и «мужчина». А.С. Шишков писал: «Беспутный человек, беспутная женщина...»⁴. «Но человек есть сын земли своей, отпрыск своего народа», «история земли и народа образует человека, сына земли своей»⁵, «взглянет человек в лицо брату, встретит взгляд его ласковый... и вот душа, дотоле спокойная, невольно сама загорается тем же огнем... вот какая чудесная сила течет от человека к человеку»⁶, – такие фразы отыскиваем в текстах обер-прокурора Победоносцева. «Самая лучшая вещь в слуге – чтобы он был не умён и не глуп. Дело другое в вольном человеке: он должен позаботиться о том, чтоб припасти к старости, на случай болезни; ему надобно подумать или об отце и матери или о жене и детях», – писал А.И. Кошелев⁷. «Кто видел когда-нибудь это загадочное существо – “человека”? Мы встречаем земледельцев, ремесленников, писателей, чиновников – но что такое “человек”? Даже ресторанный “человек” – специалист известного труда. Если юноша совсем не специалист и ничем его назвать нельзя, то будьте уверены, что это бездельник, творение самое несчастное

¹ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2., кн. 2. С. 294.

² Там же. Т. 4. С. 496.

³ Солоневич И.Л. Белая империя. С. 40.

⁴ Шишков С.С. Избранные труды. С. 186.

⁵ Победоносцев К.П. Тайный правитель России. С. 407.

⁶ Победоносцев К.П. Избранное. С. 418.

⁷ Кошелев А.И. Указ. соч. С. 37.

на земле», – утверждал М.О. Меньшиков¹. «Когда же человек постигает чужое одиночество... тогда он говорит: ...“братья, я помогу вам”», – формулировал И.А. Ильин².

Для придания большего веса женским персонажам или явлениям, определяемым в женском роде, консерваторы использовали мужские категории. Характеризуя этапы развития общества, С.С. Уваров сравнивает современную Европу с измождённым старцем, а Россию – с бодрым и цветущим юношей³. Используемое Уваровым сравнение «юноши» с Россией, которая «возмужает» (выделено мной. – *Н.К.*) на следующих стадиях исторического процесса, также отражало диссонанс гендерного и социально-политического дискурсов патриархатной культуры. Показывая потенциал настоящего и будущего своей страны, Уваров задаётся вопросом: «Каким образом сей народ – младший сын в многочисленном Европейском семействе – в течение одного столетия превзошёл своих братьев... и стремится похитить у других и лавр воинской славы, и пальму гражданской доблести?»⁴

Главными действующими персонажами трудов консерваторов, носителями социальности и этничности являлись мужчины. Для обозначения субъекта творчества, истории, политики они использовали понятие «муж» – «недостойно людей и мужей закрывать глаза на большую угрозу и исторический поворот судьбы»⁵, «недостойно человека и мужа – знать правду и... молчать из хитрости или мести, утаивая её от других»⁶.

С.С. Уваров разграничивал понятия «мужи» и «мужчины» как социальные и демографические категории. Во время своего путешествия по Европе в начале

¹ Меньшиков М.О. Письма к русской нации. URL: http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0120.shtml (дата обращения – 21.07.2013).

² Ильин И.А. Собр. соч. Т. 3. С. 164.

³ Уваров С.С. Избранные труды. С. 212.

⁴ Там же. С. 270.

⁵ Ильин И.А. Собр. соч. Мир перед пропастью. Ч. III. Аналитические записки и публицистика (1928–1941). М., 2001. С. 152.

⁶ Там же.

XIX в. он писал об итальянских мужчинах: «Наименование мужа есть пустое звание, которое носят как будто для того, чтобы не выполнять обязанностей его»¹.

В некоторых случаях консерваторы, не называя действующих лиц, использовали описания одежды, символически очерчивая принадлежность данных лиц к мужскому полу, – сюртуки, пиджаки, фраки.

Представители консервативной политической мысли демонстрировали богатство социальных ролей мужчин. В частности, в трудах А.С. Шишкова читаем: «Рассмотрите физически и морально всякое юное существо, вступающее в учение; определите с первой буквы его состояние, его место в обществе... сделайте из него доброго гражданина, или ученого, или судию, или воина, или пресвитера, или купца, или земледельца»² или «храбрая душа воина воспламеняется новою любовью к славе, отсюда зодчий почерпает мысль о великолепии храма, отсюда живописец учится изображать величество юпитера и силу Геркулеса, отсюда ваятель и камнесечец бесчувственным своим истуканам дают жизнь и прелесть»³.

«Государственный человек у кормила правительства», «писатель в тишине кабинета», «помещик посреди своих поселян», «торговец», «фабрикант», «крестьянин» – эти и другие примеры находим в текстах С.С. Уварова⁴. «Араб из пустыни под своим шатром поднимает свою живописную голову, чтобы послушать сказку. Грустной песнью он оплакивает своего любимого боевого коня»⁵, – писал Уваров о мужчинах как носителях этнической культуры. «Исследование совсем не является монополией ученого... исследуют все, кто имеет непосредственно дело с предметом: моряк, ведущий свой корабль, крестьянин, налаживающий свое хозяйство, офицер и солдат на поле сражения, рабочий у своего станка, купец в своей лавке, учитель в школе, священник в

¹ Уваров С.С. Избранные труды. С. 60.

² Шишков А.С. Избранные труды. С. 130.

³ Там же. С. 276.

⁴ Уваров С.С. Избранные труды. С. 293.

⁵ Там же. С. 67.

своем приходе»¹, – находим у И.А. Ильина. В статье «Сквозь призму» К.Н. Леонтьев давал комментарии выбранных им случаев, опубликованных в различных газетах. Мыслитель изображал мужчин или персонально (в частности, подзаголовок одной из статей назывался «Иван Арсеньев»), или по социальной роли (статья именовалась «Сапожник»), тогда как женщины фигурировали в статьях как представительницы своего пола (статьи имели названия – «Дама», «Японская дама»)².

Ранее отмечалось, что гендерную асимметрию задают различные термины. В качестве примера мы рассмотрим термин «братство», поскольку разрабатываемая консерваторами политическая философия задействовала его в качестве одного из важных концептов. М.П. Погодин впервые поместил истоки русского народа в общеславянском прошлом. С актуализацией балканских проблем политическая риторика о православных братьях усилилась³. «А для нас, сербы, вы земные братья по роду и духовные братья по Христу», – писал А.С. Хомяков⁴.

Понятие «братство» имело в концепциях консерваторов в основном религиозные коннотации. «Разноплеменные и разноцерковные люди могут во многих отношениях при встрече во взаимном общении почувствовать себя братьями и подать друг другу руки; но для того, чтоб они почувствовали себя братьями в одном храме, соединились в религиозном общении духа, для этого надобно им долго и много прожить вместе, друг друга понять во всей жизненной обстановке и сплестись между собою в самых внутренних корнях глубины душевной», – так понимал термин К.П. Победоносцев⁵. Согласно Тихомирову, трудовая этика восходила в своем источнике к сознанию общечеловеческого братства: «Все люди – братья, все члены одного великого целого, все каждой былинкой своей работы служат другим людям»⁶.

¹ Ильин И.А. Избранное. С. 587.

² Леонтьев К.Н. Избранное. С. 422–423.

³ Шириняц А.А., Рясенцев К.В. Михаил Петрович Погодин // Погодин М.П. Избранные труды. М., 2010. С. 40–46.

⁴ Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения. С. 245.

⁵ Победоносцев К.П. Избранное. С. 210.

⁶ Тихомиров Л.А. Критика демократии. С. 299.

По мнению И.А. Ильина, «братство» заключалось в уважении и доверии людей друг к другу, а значение его состояло в том, что оно «сообщало государственному состоянию духовное состояние»¹, а само государство выступало при этом «как орудие братства и солидарности»². Общечеловеческое братство, по Ильину, выступало как братство всех людей перед лицом Бога³: «“Братство” и есть тот способ отношения человека к человеку, глубочайшее истолкование которого дано Христом. Поэтому истинный политик имеет все основания признавать себя – и по цели и по духу христианином»⁴... «Любить ближнего как самого себя может только тот, кто нашел и утвердил в себе сына божия»⁵. Мыслитель осуждал лозунг «Свобода, равенство, братство», «столь торжественно и в то же время столь беспомощно провозглашённый первой французской революцией»⁶. По мнению Ильина, в республиканском правосознании, в котором теряются идея родовой сопричастности, чувство кровной связи через общего предка⁷, «братство» становится пустым словом, слабым и мертвым отголоском родового семейного строя: «Рядом живущие атомы никогда не станут братьями, менее всего при социализме или коммунизме»⁸. Термин «братство» Ильин использовал для характеристики не только внутривнутриполитических, но и внешнеполитических отношений, когда государства в его концепции выступали «в братском сотрудничестве»⁹. Итак, использование термина «братство» не рефлексировалось мыслителями в гендерном ключе, но, тем не менее, носило характер, исключая женский социальный опыт.

Итак, анализируя работы консерваторов, необходимо квалифицировать их тексты как определённый тип дискурса, отражающий и задающий желаемую для

¹ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 4. С. 376, 378.

² Там же. С. 272.

³ Там же. С. 255.

⁴ Там же. С. 276.

⁵ Ильин И.А. Избранное. С. 216.

⁶ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 4. С. 276.

⁷ Там же. С. 480.

⁸ Там же. С. 479.

⁹ Там же. С. 276.

мыслителей реальность отечественного политического порядка. Литературные споры в российском обществе начала XIX в. показали роль слова как символического капитала в борьбе за отстаиваемую консерваторами картину мира политики. Представители российской консервативной мысли разделяли высокую/публичную и низкую/приватную литературу, которая в гендерном контексте соотносится с мужской и женской сферами. Консерваторы рассматривали женское сообщество высшего света как потенциальную аудиторию для трансляции и ретрансляции собственных политических идей.

Разбирая тексты консерваторов с точки зрения достижений гендерных исследований в лингвистике, следует отметить андроцентризм используемого мыслителями языка, формирование политического дискурса как мужского. Тексты создавались для мужчин, авторы обращались к мужской аудитории, нередко отождествляли понятия «человек» и «мужчина», определяли в качестве главных действующих субъектов мужчин – таковы основные дискурсивные стратегии, присущие работам изучаемых авторов. Постоянное использование в трудах таких терминов, как «возмужание», «юношеское развитие», понятий, производных от корня «патр» – «патернализм», «патриархальный», «патриархальные ценности», а также словосочетаний «проблема отцов и детей», «традиции отцов и дедов», «братство», «братские отношения», задавали гендерную асимметрию дискурса консерваторов.

§ 2. Модели мужественности в теоретическом конструировании политики

Мужские исследования представляют собой критическое и в значительной степени политизированное направление гендерной теории, считает российский специалист в области гендерных исследований И.Н. Тартаковская¹. По её мнению,

¹ Тартаковская И.Н. Гендерная социология. М., 2005. С. 149–150.

цель мужских исследований заключается в артикуляции властной составляющей, инкорпорированной во взаимоотношения между полами и внутри каждого пола. «Вследствие этого, – пишет И.Н. Тартаковская, – акцент в анализе сместился с критики традиционной мужской роли и способов её реализации на осмысление и критику отношений доминирования и подчинения, существующих между различными типами мужественности»¹. Наша исследовательская задача – выявить различные модели маскулинности и проанализировать их связь с конструированием мира политики в трудах российских консерваторов.

Цель данного параграфа – на основе предложенных российскими мыслителями-консерваторами образов мужчин типологизировать наиболее значимые модели мужественности в контексте конструирования «политического».

Придерживаясь самодержавных форм правления, российские консерваторы трактовали государство как орудие классового согласия², а политику – как монополию правящего императорского дома и находящихся на государственной службе мужей. Мыслители настаивали на элитарном, аристократическом и меритократическом характере политики. «Выбирая лучших из своей среды, каждый гражданин приносит Отечеству драгоценнейшее, что у него есть. Но тут нужно руководствоваться больше нравственным критерием, нежели партийным, – нужно выбирать не политиков, а аристократов (в моем смысле), и только тогда политика у нас будет высокая, а не низменная», – считал М.О. Меньшиков³.

В наиболее развёрнутом виде определение политики как искусства избранных, искусства объединять людей, искусства свободы, искусства права, искусства справедливости⁴ принадлежит И.А. Ильину. «При всяком строе власть должна принадлежать лучшим людям»⁵; «власть фактически не может и не

¹ Там же.

² Шамшури В.И. Оправдание государства и права (политология и политическая социология) // Социс. 1996. № 10. С. 91.

³ Меньшиков М.О. Письма к русской нации. URL:http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0120.shtml (дата обращения – 21.07.2013).

⁴ Ильин И.А. Избранное. С. 627, 632, 634.

⁵ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 4. С. 282.

должна осуществляться всем народом сообща и в одинаковой степени»¹; «властвование от лица государства всегда было и всегда будет связано с определенным духовным цензом»²; «тот, кто желает служить России в сфере политики, должен, прежде всего, понять, что к этому служению необходимо умственно и нравственно подготовиться»³ – аналогичные цитаты представлены в работах мыслителя в большом объеме. По мнению И.А. Ильина, политика востребует только качественных людей, людей «высокой духовной силы», людей «первого ранга». Данный тезис составлял третью аксиому власти в концепции мыслителя⁴. С точки зрения философа, политические гении должны обладать «религиозно и нравственно сильным характером»⁵, а главное – быть призванными к власти, уметь прислушиваться к «молчащему правосознанию своего народа»⁶, обладать качествами вождя, чтобы «народ, узнав его чутьём», следовал за ним⁷. В сердце истинного политика, по Ильину, государственный интерес и его личный интерес пребывают в состоянии живого неразложимого тождества⁸. Поскольку истинная политика в концепции Ильина – это не карьера, не личный жизненный путь, не удовлетворение тщеславия, честолюбия и властолюбия, а служение, то она «предполагает в человеке повышенное чувство ответственности и способность забывать о своем личном успехе-неуспехе перед лицом Дела»⁹.

Поскольку государство, по определению И.А. Ильина «есть множество в виде единства»¹⁰, которое ставит себе задачу обеспечить достижение «единства и общности для всех граждан»¹¹, то и политика как социальный феномен также должна быть единой¹². «Политика не приемлет никакого чисто личного,

¹ Там же. С. 283.

² Там же. С. 284.

³ Там же. Т. 2, кн. 2. С. 351.

⁴ Там же. Т. 4. С. 298.

⁵ Там же. Т. 2, кн. 2. С. 74.

⁶ Ильин И.А. Избранное. С. 483.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 492.

⁹ Там же. С. 626.

¹⁰ Там же. Т. 4. С. 115.

¹¹ Там же. С. 267.

¹² Там же. С. 265.

группового или классового интереса, но или отвергает его совсем, или же признает его верным и справедливым естественным правом и тем превращает его в интерес общий и политический», – писал Ильин¹. Сущность политики мыслитель видел не в том, что граждане борются друг с другом, а в том, что они сотрудничают²:

В своей критике парламентаризма и политических партий консерваторы вскрывали недостатки присутствия масс в публичной сфере. Начиная с Н.М. Карамзина, посетившего заседания французского парламента и осудившего нескромное поведение депутатов³, все российские консерваторы отмечали недопустимую, с их точки зрения, фривольность в деятельности легислатур. «Впервые входя в Palais Bourbon, невольно настраиваешь себя на высокий тон. Вспоминаются Рим, “отцы отечества”, великие граждане. Не гармонирует с этим высоким настроением сутолока лестниц и коридоров, – описывал свои впечатления о заседании французского парламента Л.А. Тихомиров. – Этот важный Palais Bourbon, такой серьезный снаружи, начинает казаться жалким базаром житейской суеты. Всякое чувство уважения к представительству мысли и гения нации исчезает бесследно»⁴.

В своих трудах А.С. Шишков создал идеальный образ гражданина/подданного – сына Отечества. О. Кишенкова считает, что для российского консерватизма характерно своеобразное представление о гражданстве и подданстве: гражданство понимается как служение Отечеству, как долг перед ним⁵.

Используя исторические параллели, адмирал называл главными субъектами исторического процесса, носителями чувства народной гордости таких героев русской истории, как «Пожарские, Минины, Дионисии, Филареты, Палицыны,

¹ Там же. С. 273.

² Там же. С. 274.

³ Карамзин Н.М. Избранные произведения. Т. 2. С. 557–560.

⁴ Тихомиров Л.А. Панама и парламентаризм. URL: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/2234> (дата обращения – 02.04.2012).

⁵ Кишенкова О. Консерватизм как «идеологическая подкладка»... С.50.

Трубецкие, и множество других верных сынов России»¹. Поскольку Отечество Шишков сравнивал с семейством, то и носителями патриотического сознания были члены семьи – братья, сыны и др. Анализируя «Рассуждения», можно с уверенностью утверждать, что Шишков использовал понятия «сын отечества» и «гражданин» как синонимы, исключая из гражданства половину населения – женщин. «Премудрость Божия повелела тебе родиться от отца и матери, иметь братьев, сестер, родных, ближних... благость Создателя Вселенной... повелела, чтоб единое семейство посредством брака соединялось с другими: да течет во всех одна и та же кровь, да свяжут сии священные узы весь народ, и да скрепят его единомыслием, любовью, дружбою. Отсюда законы назвали тебя гражданином, единомысленцы братом, отечество сыном», – писал Шишков². «Когда один народ идёт на другого с мечом и пламенем в руках, откуда у сего последнего возьмутся силы отвратить сию страшную тучу... если любовь к отечеству и народная гордость не дадут ему оных? Какой щит тверже единомыслия граждан, защищающих жен и детей своих», – вопрошал мыслитель в другой части произведения.

Об особенности взглядов А.С. Шишкова на природу любви к Отечеству писали многие исследователи, утверждая, что он требовал слепой любви к нему³. Для выражения сущности любви к Отечеству адмирал прибегал к характеристикам пола. Ссылаясь на мнение «одной из почтенных наших женщин», автор полагал, что Отечество «требует от нас любви даже пристрастной, такой, какую природа вложила в один пол к другому»⁴. Он сравнивал любовь к Отечеству с любовью к матери, утверждая, что любовь к Отечеству «надлежало мне с молоком матери моей сосать»⁵: «Какой изверг не любит матери своей? Но Отечество меньше ли нам, чем мать?»⁶. Любовь к

¹ Шишков А.С. Избранные труды. С. 265.

² Там же. С. 268

³ Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова... С. 338.

⁴ Шишков А.С. Избранные труды. С.275.

⁵ Там же. С. 274.

⁶ Там же. С. 258.

Отечеству приобретала в трудах А.С. Шишкова природный характер, напоминающий биологический инстинкт.

При назначении адмирала государственным секретарем, «самой лучшей поры литературной деятельности Шишкова»¹, несколько изменился жанр его произведений. Он начал создавать манифесты для поднятия боевого духа «сынов Отечества», «мужественных и православных воинов»².

В этих работах А.С. Шишков усилил маскулинистский/милитаристский/патерналистский дискурс, призывая к борьбе за веру, царя и Отечества. В манифестах и последующих «Записках» проявилась приверженность Шишкова к принципам жёсткой сословной иерархии, в которой отражался и андроцентризм социальной конструкции. Он выделил три сословия: дворянство, духовенство и простой народ, для каждого из которых подобрал своего социального героя. «Да встретит он (верный сын России. – *Н.К.*) в каждом Дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина», – писал автор в манифесте от 6 июля 1812 г.³ В пьесе «Маленький праздник или слабая дань благодарности русским воинам в лице главнокомандующего над ними», написанной в 1813 г., Шишков выделил дополнительные категории социальных групп:

Всемогущий Бог
 Твердый духом Государь
 Искусный Полководец
 Мужественный Военачальник
 Храбрые Воины
 Верный народ⁴.

Таким образом, настоящие граждане России, по А.С. Шишкову, – это мужественные воины, а основная задача граждан – защищать своё отечество.

¹ Булич Н.Н. Указ. соч. С. 18.

² Шишков А.С. Избранные труды. С. 267, 284, 297, 331.

³ Там же. С. 285.

⁴ Там же. С. 309.

Неспособность женщин выполнять данную функцию обесценивала их роль в поддержании российской политики.

Мы уже отмечали, что в трудах консерваторов для обозначения субъектов творчества, истории, политики использовалось понятие «муж». «Наши мужи по городам получали от князя воинов... Бояр и мужей, соответствующих западным воеводам, у нас было гораздо меньше, чем на западе», – писал М.П. Погодин¹. А.И. Кошелев ссылался на Свод законов Российской империи (т. IX, ст. 14. Изд. 1857): «Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и доброты начальствовавших в древностей мужей, отличивших себя заслугами; чем, обращая самую службу в заслугу, приобрели потомству своему нарицание благородное»². «Господа или муж, и смерд или мужики» – такие социальные группы выделял Струве в структуре свободного населения древней Руси³.

Российские консерваторы создавали портреты великих мужей, воплощавших, с их точки зрения, сущность политической сферы. В своих трудах С.С. Уваров стремился законсервировать время личностей, а не масс, подчеркнуть величие их деяний, индивидуальных черт и качеств. В рамках созданных министром биографических портретов великих людей получают свои чёткие очертания модели дворянской аристократической маскулинности.

Для характеристики созданных Уваровым идеалов мужественности необходимо рассмотреть биографии аристократов-политиков, прежде всего «избранного из многих»⁴ Жана Виктора Моро, которому автор посвятил «Надгробное слово»⁵. Суждения Уварова об этом человеке расходились с общественным мнением, поскольку, будучи французом, Моро боролся против Наполеона, что расценивалось французским и российским сообществами как предательство Родины. Позиция Уварова вытекала из его воззрений на политическую ситуацию во Франции: он видел в Наполеоне беду Франции, а

¹ Погодин М.П. Указ. соч. С. 254, 258.

² Кошелев А.И. Указ. соч. С. 173.

³ Струве П.Б. Избранные труды. С. 108.

⁴ Уваров С.С. Избранные труды. С. 224.

⁵ Там же. С. 215–233.

потому и оправдывал действия Моро против французского императора: «Нет отечества там, где нет добродетели и чести... Франция может быть спасена, если она будет побеждена...»¹. Он уважал решение Моро сражаться за свои политические идеалы с целью вернуть своему отечеству дореволюционную систему управления, называл Моро «человеком Европы» и предлагал «каждому народу Европы считать его своим соотечественником»².

Понимая власть как бремя, а политику как деятельность одного лица – монарха, Уваров высоко оценивает отказ Моро от предложенной ему власти. По его мнению, властолюбие заставляло людей забывать об общем благе: «Никогда его не видели придающимся суетному властолюбию, которое он бы называл безумным и бесчеловечным...»³. С точки зрения С.С. Уварова, Моро как человек сдержанный, не властолюбивый, не имел склонности к интриганству, не умел составлять заговоры и ненавидел гражданскую войну, а отличался благородными помыслами и выполнял свой долг подданного⁴. Политические идеалы Моро, считал С.С. Уваров, базировались на реализме, ибо он придерживался мнения, что мечты человека никогда не должны влиять на его поведение в политике⁵. Моро признавал, что республиканское правление, которое он называл воображаемым государством, требует от людей идеальной добродетели и не может быть принято современными большими государствами Европы. В глазах большинства людей эта форма правления была дискредитирована ужасами и бедами французской революции⁶. Уваров приветствовал и разделял политические взгляды Моро относительно эффективности монархического правления и аристократических оснований политики.

С.С. Уваров не ограничился характеристикой своего героя как субъекта публичной жизни. Он акцентировал внимание на любви подчинённых к своему генералу: «Спросите армию, которая не была ему родной, и она вам скажет: Моро

¹ Там же. С. 223.

² Там же. С. 224.

³ Там же. С. 217.

⁴ Там же. С. 221.

⁵ Там же. С. 225.

⁶ Там же.

был честью французской армии, отцом солдат, гордостью и тайной надеждой Франции»¹. Он ценил в Моро умение дорожить удовольствиями частной жизни, покидать суету военных лагерей и нежно заботиться о своей семье². «Соединение талантов общественного деятеля с добродетелями частного лица», – так Уваров совмещал публичные и приватные характеристики в политическом портрете Моро³.

Аристократическую модель маскулинности Уваров раскрывал также в политических портретах «четырёх мужей» – прусского и российского государственных деятелей Штейна и Поццо-ди-Борго. В друге юности Наполеона, а позднее – вдохновителе антинаполеоновской коалиции, русском дипломате и графе Поццо-ди-Борго, Уваров ценил, прежде всего, аристократический дух: «Поццо, плебей, возникший из одной школы с Наполеоном, был, собственно, мужем власти, питал отвращение к стихии демократической, а доверие только к постановлениям, крепко утверждённым, и даже охотно облёк бы оные отличительными признаками самодержавия»⁴.

Создавая политический портрет Штейна, С.С. Уваров отмечал его патриотизм как политического деятеля, который «Германии служил ревностно и мужественно», а «привязанность его к прусской монархии и её вождю не ведала пределов»⁵. Уваров разделял цель трудов Штейна: «совокупить Отечество могущественное и свободное под одно знамя, даровать ему постановления просторные... собрать около себя полный сонм способных мужей родины»⁶. Самопожертвование как альтернативу воле к власти отмечал Уваров в характере Штейна: «Силу и бескорыстие, возвышенные гражданские намерения, благородные нравственные добродетели, врожденную гордую честность принёс Штейн на алтарь Отечества»⁷. Отмечая переломность исторического момента,

¹ Там же. С. 215.

² Там же. С. 219, 222.

³ Там же. С. 222.

⁴ Там же. С. 487.

⁵ Там же. С. 484.

⁶ Там же. С. 485.

⁷ Там же. С. 485.

Уваров писал, что оба государственных мужа были суровыми защитниками порядка и были более искусны в битве, нежели в созидании, а потому являлись «чистым произведением своего века»¹.

Ещё одним персонажем, воплощавшим дворянскую маскулинность в работах Уварова, являлся князь де Линь. Н.А. Зверева отмечает, что князь де Линь был для Уварова образцом аристократии². Влюбленный с молодости в старый режим, по его собственным словам, князь был одним «из последних представителей этого очаровательно и невозвратно утраченного мира», мира восемнадцатого века³. При знакомстве с князем, которому было 72 года, Уваров отмечал хорошую физическую форму, бодрость, прямую осанку и в целом отменное здоровье⁴. К его аристократическим манерам Уваров относил умение галантно обходиться с дамами, следовать рыцарской модели ухаживания, а также искусно вести светские беседы и развлекаться: «Самый неутомимый из праздношатающихся князь де Линь бывал повсюду: в театре, в кабачках... в гостиных и редко при дворе. Вся Вена: народ и вельможи – с удовольствием приветствовали его»⁵. «Столь тонко насмешливый и весело ироничный ум в князе де Лине сочетался с мягкостью характера и бесподобной уравновешенностью. Скорее беспечный, чем здравомыслящий, он без сожаления тратил отпущенное ему время, и никто не осмеливался нарушить беспечность этого»⁶.

Одной из главных характеристик князя, прошедшего на войнах часть своей жизни и продемонстрировавшего «самую блестящую храбрость», Уваров считал нежелание заниматься политикой. Приведём в пример отрывок из письма де Линя Уварову: «С 20 лет я принял окончательное решение. Я стремился играть первые роли на войне, но при дворе я довольствовался ролями наперсников или

¹ Там же. С. 488.

² Зверева Н.А. Общественно-политические взгляды С.С. Уварова: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2005. С. 18.

³ Уваров С.С. Избранные труды. С. 336.

⁴ Там же. С. 335.

⁵ Там же. С. 342.

⁶ Там же. С. 340.

статистов. Когда пьеса столь коротка, а партер так плох, надо быть сумасшедшим, чтобы желать чего-то другого!»¹.

Таким образом, аристократические идеалы мужественности политиков подразумевали нелюбовь к народной стихии, преданность отечеству, наличие идеалов и бескорыстие. Общие черты, которыми наделял Уваров находившихся на государственной службе мужей, – аристократизм поведения, следование понятиям чести и долга. Государственные деятели демонстрировали свою отчужденность от власти и политики, оставляя сферу политического исключительно в ведении главы государства. Военная доблесть в сочетании с миролюбием во многом нейтрализовала черты агрессивности мужей-аристократов.

В трудах славянофилов внимание акцентировалось на древнерусских персонажах – Великом князе Владимире и богатырях. Самого князя К.С. Аксаков характеризовал как просветителя русской земли². В его эпитете «красное солнце», по мнению мыслителя, выражалось «благотворное и вместе всерусское значение великого князя Владимира»³. Отдельные недостатки князя Владимира – не одарен богатырской силой, не имеет храбрости, часто пугается перед бедою, не имеет величавого образа – компенсируются его добродушностью и приветливостью. С точки зрения К.С. Аксакова, постоянные праздники, устраиваемые Владимиром, свидетельствовали о гостеприимстве князя и отражали христианскую солидарность, так как на пиры собиралась вся объединённая христианской верой русская земля. Автор отмечал, что собравшиеся вокруг великого князя Владимира могучие витязи занимали почётное место на богатырской скамье не по аристократическому праву породы, как рыцари на Западе, а по заслугам: и Ставру, богатому боярину, и Алеше, сыну попа, и Ивану, сыну гостя (купца), и Илье Муромцу, крестьянину – всем им равный почет. Аксаков указывал на существование богатырского этоса, подчёркивая честь и достоинство витязей:

¹ Там же. С. 341.

² Аксаков К.С. Полное собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. М., 1889. С. 315–316.

³ Там же.

«Отношения богатырей к великому князю почтительны, но неподобострастны; они вольно собрались вокруг него, зовут его красным солнцем, солнцем киевским, охотно служат ему службы; но ни в чем не выражается униженное их отношение к великому князю»¹. Несмотря на то, что все богатыри разные по характеру (Алёша Попович – хитрый плут, а Чурила Пленкович – изнеженный щеголь и волокита, и пр.), их объединяли, по Аксакову, христианская вера, почтительность к отцу и матери, личный подвиг духа². Таким образом, физическая сила и христианские добродетели, прежде всего доброта, составили суть модели богатырской маскулинности, предложенной К.С. Аксаковым.

В работах А.С. Хомякова российский исследователь П.Л. Зайцев выделил два образа мужского: кушитский и иранский. «Маскулинное мироотношение, выстроенное по кушитскому типу, содержит в себе те жизненно-необходимые качества, которые закрепила за мужским родом архаика. Ноша титана, давящее на плечи небо были распределены между представителями “кушитов”, измеряющими “мужское” той долей общего времени, что смог на себя взвалить и вынести каждый из них... Подчинение необходимости – вот единственная форма “мужского”, исходящего из идеи власти и ответственности над миром и его элементом. Социальные роли мужчины, включаемые в масштаб кушитства, определяются “волей к власти”», – считает исследователь³. Иранство, согласно исследователю, представляет собой иной вариант «мужского». Такая модель легитимизирует маскулинность «людей книг» – монахов, пророков, поэтов, философов⁴.

Тема достоинства военного сословия и государства, в котором правят воины и жрецы, была развита в трудах К.Н. Леонтьева: «Мне стало нравиться, что мне было прежде почти чуждо... мне стали дороги: монархии, чины, привилегии, знатность, война и самый вид войск, пестрота различных положительных

¹ Там же.

² Там же. С. 320.

³ Зайцев П.Л. Два образа «мужского» в историософии А.С. Хомякова // А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист / Сб. ст. по материалам Междун. науч. конф.: в 2 т. М., 2007. Т. 2. С. 188.

⁴ Там же. С. 189.

вероучений»¹. Консервативный идеал Леонтьева в гендерной перспективе обретал всё более маскулинный характер: «Я стал любить монархию, полюбил войска и военных, стал и жалеть и ценить дворянство, стал восхищаться статьями Каткова и Муравьевым-Виленским; я поехал и сам на Восток с величайшей радостью – защищать даже и православие, в котором, к стыду моему, сознаюсь, я тогда ни бельмеса не понимал, а только любил его воображением и сердцем... Государство, монархию, “воинов” я понял раньше и оценил скорее; Церковь, православие, “жрецов” – так сказать – я постиг и полюбил позднее². Анализ текста на основе гендерного подхода даёт возможность понять, что преобладание жрецов и воинов, т. е. церкви и армии как социальных институтов, недоступно для женщин и создаёт условия для их политического отчуждения. С точки зрения Леонтьева, данные институты берут на себя значительную функциональную нагрузку. «Я верю, что благо тому государству, где преобладают эти “жрецы и воины” (епископы, духовные старцы и генералы меча), и горе тому обществу, в котором первенствуют “софист и ритор” (профессор и адвокат)... Первые придают форму жизни; они способствуют её охранению; они не допускают до расторжения во все стороны общественный материал; вторые, по существу своего призвания, склонны способствовать этой гибели, этому плачевному всерасторжению»³. «Самый высший род гражданства – это гражданство боевое, отдающее жизнь за Отчизну; самый лучший гражданин – это честный в своем призвании, смелый и даровитый воин», – писал мыслитель⁴. Утверждение, что военные легко находят применение и в мирной жизни, что «военный может легко и скоро стать всем: дипломатом, администратором, министром, хозяином сельским, хорошим мировым судьей, художником, ученым», что «генерала можно прямо сделать начальником губернии или поручить ему дипломатический пост»⁵,

¹ Из воспоминаний К.Н. Леонтьева. Публикация О.Е. Майоровой // Лица: биографический альманах. СПб., 1995. № 6. С. 465.

² Леонтьев К.Н. Избранное. С. 552.

³ Там же. С. 552.

⁴ Там же. С. 313.

⁵ Там же. С. 314.

вполне соответствовало идеальному видению Леонтьевым общества, в котором доминируют принудительные и силовые методы реализации власти.

В качестве носителей идеальной маскулинности Леонтьев упоминал в своих текстах известных военачальников – Гурко, Скобелева и др. Главными героями являются не презираемые мыслителем персонажи Гоголя – чиновники, а служащие преданно царю и Отечеству русские офицеры. «Из воспоминаний» Леонтьева о князе Алексее Церетелеве, дипломате и литераторе, авторе «Писем с похода» мы узнаём, что «он был герой и в самом тесном значении этого слова, т. е. в смысле военного мужества; он был просто очень храбр... Человек очень сложный, изящный, занимательный, многосторонний... его юношеская красота, мужественная и тонкая в одно и то же время, его веселость и неутомимая энергия, его отважный патриотизм, его оригинальные шутки и серьезный образованный ум, равно способный к теоретической мысли и к самым быстрым и основательно-практическим соображениям, его настойчивость и даже злость его языка и некоторых его действий пленили меня»¹. Таким образом, идеальный гражданин для Леонтьева – это сильный и отважный воин, представляющий собой образец маскулинной аристократии.

С точки зрения К.П. Победоносцева, политика должна представлять собой не борьбу партий, а сферу деятельности «мужей государственных»², поскольку далеко не каждый может управлять государством: «История свидетельствует, что самые существенные, плодотворные для народа и прочные меры и преобразования исходили от центральной воли государственных людей или от меньшинства, просветлённого высокою идеей и глубоким знанием; напротив того, с расширением выборного начала происходили принижение государственной мысли и вульгаризация мнения в массе избирателей»³. Победоносцев отмечал изменения в политической культуре современной ему России, полагая, что «понятие о благородстве, бывшее когда-то прежде ключевым

¹ Из воспоминаний К.Н. Леонтьева. С. 456–457.

² Победоносцев К.П. Избранное. С. 229.

³ Там же. С. 211.

сводом политического здания», не актуально для массы¹. «Лучшим людям, людям долга и чести противна выборная процедура: от неё не отвращаются лишь своекорыстные, эгоистические натуры, желающие достигнуть личных своих целей, – писал он². «К числу самых сложных вопросов, – считал мыслитель, – принадлежат, например, политические вопросы, требующие крайнего напряжения умственных сил у самых способных и опытных мужей государственных»³. «Какой *богатырь* (курсив мой. – Н.К.) направит силы наши на действительные улучшения, в которых мы так много и со всех сторон нуждаемся и которых жаждет жизнь действительная», – вопрошал обер-прокурор⁴. Подчеркивая андроцентризм власти, в письме к Е. Тютчевой он писал о стареющем императоре Александре II: «Власть изверилась, измочалилась – все стали не мужчины, а “сердцем хладные скопцы”»⁵.

Закрепление за мужским полом права и обязанности заниматься политикой, по мысли Победоносцева, необходимо ограничивалось социальным происхождением и возрастом. В своих произведениях, письмах он комментировал важность дворянского класса для отечественной политики, отмечая в связи с этим позитивную роль Екатерины II, которая засвидетельствовала в 1785 г. «перед лицом всей России исторические заслуги её дворянства на благо и славу государства и престола» и призвала «все дворянство к ближайшему участию в местном управлении»⁶.

Высокое право состоять при дворе на государственной службе признавалось обер-прокурором только за дворянами, образованными и воспитанными в духе лояльности к царской власти. В частности, дворян-декабристов Победоносцев осуждал, полагая, что их действия совершались «под влиянием ложной веры в ложное начало искусственной и чуждой нам цивилизации»⁷. Патриотизм

¹ Там же. С. 215.

² Там же. С. 223.

³ Победоносцев К.П. Тайный правитель России. С. 364.

⁴ Победоносцев К.П. Избранное. С. 286.

⁵ Цит. по: Зубов А.Б. Указ. соч. С. 199.

⁶ Победоносцев К.П. и его корреспонденты. С. 523.

⁷ Победоносцев К.П. Тайный правитель России. С. 402.

российских подданных К.П. Победоносцев рассматривал как проявление русскости, понимая этнос как социокультурную общность. Поэтому в большей степени обер-прокурор ценил обрусевших на государственной службе иностранцев, чем этнических русских – «великих мужей», презиравших русскую культуру.

Возрастные ограничения на занятия политикой, которых требовал Победоносцев, свидетельствовали, что обер-прокурор считал эффективными только геронтократические политические режимы. В Древнем Риме, писал он, возник первый организованный орган правления – Сенат: «Не было речи о выборе лучших людей, требовались только старшие, и они действительно были лучшие, способнейшие править делами государства»¹. Победоносцев критиковал практику привлечения в политику молодых кадров, когда «неопытный юноша становится прокурором, судьей, правителем, составителем законодательных проектов; былинка, вчера только поднявшаяся из земли, становится на место крепкого дерева», «когда юноши, едва покинувшие школьную скамью, притом плохо обсиженную, начинают уже строчить в канцеляриях полуграмотные проекты новых уставов или произносят речи, нанизывая фразу за фразой»². Таким образом, К.П. Победоносцев обосновывал сохранение за высшим дворянским сословием, находившемся на государственной службе, монополию на политическую власть.

М.О. Меньшиков полагал военную службу высшим видом деятельности свободных мужчин, ставя её выше мирных профессий, которыми были заняты женщины: «Если некоторые воинственные варвары, вроде древних германцев, презирали труд, возлагая его на женщин и рабов, то не надо забывать, что эти же варвары весь досуг свой посвящали тяжелой охоте, военным состязаниям и поединкам, что стоит всякого повышенного труда»³. В целях демонстрации моделей «настоящей мужественности» вслед за К.С. Аксаковым он обращается к

¹ Победоносцев К.П. Избранное. С. 215.

² Там же. С. 269, 388.

³ Меньшиков М.О. Письма к русской нации. URL: http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0120.shtml (дата обращения – 21.07.2013).

теме «богатырства». Мыслитель видит в воинском сословии Древней Руси носителей национального характера: «Наши богатыри, созданные народным воображением, были истинные джентльмены в сравнении с немецкими героями “Нибелунгов”... Русские богатыри проливали кровь свою не за чужое золото, неведомо где зарытое, а за свободу родной земли, за честь родной веры, за славу родного престола... Народный наш характер каким был в эпоху Ильи и Микулы, таким и остался»¹. С точки зрения мыслителя, святорусские богатыри выполняли основную государственную задачу – «они стояли на страже земли Русской, на границах её и проезжих заставах, давая сверхчеловеческий по силе и доблести отпор всякому разбойному соседу, всякому “вору-нахвальщине”»². Богатырское сословие Меньшиков называл «нашим национальным рыцарством», которое нашло своё продолжение «в тех героических полках, что сражались под знаменами Мстиславов Храбрых и Удалых, Александра Невского и Дмитрия Донского», а также в казачестве и современной консерватору российской армии³.

Современное дворянское сословие, гербом которого в «петровские, героические времена» служил орел, полагал мыслитель, выродилось: «В широких кругах полупросвещённой буржуазии нашей, неправильно именуемой дворянством, в Скотинине, в Обломове погасло мужество, поникла вера, поблекло истинное благородство. Что касается Обломова, то он – подобно несравненному г-ну Верховенскому-отцу – кончает ролью содержанца у сердобольной женщины»⁴.

И.А. Ильин в качестве достойных граждан, истинных вождей приводил в пример только мужчин – Владимира Мономаха, Даниила Галицкого и Александра Невского, Михаила Скопина-Шуйского, патриарха Гермогена, Минина и Пожарского, Петра I, А.В. Суворова, П.Н. Врангеля и др. «“Сила государства – в великих мужах, которые рождаются в нём в нужный час”, – сказал Фридрих

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Великий. Однажды этот нужный час пробьёт и для России»¹, – писал И.А. Ильин, обосновывая свою позицию, что политика – мужское дело.

Посвящая надгробное слово «Светлой памяти генерала Врангеля», Ильин считал его представителем традиции русского национального рыцарства, традиции, «которую всегда строилась и держалась Россия»²: «Быть рыцарем – значит утопить свое малое “я” в Великом, во всенародном и подчинить свое личное общему спасению... Всё за родину, все за родину... Человек рыцарского уклада строит свою жизнь на свободном повиновении... Рыцарственный человек вносит во все дела свои дух верного и обоснованного ранга, дух не уравнивающей справедливости; и всегда несет слабому защиту, а злomu грозу»³.

И.А. Ильин считал дух рыцарства духом «православной государственности, ведшей всех сильных и доблестных борцов за Россию... верных строителях нашей истории»⁴. Проникнутая глубиной и спасительностью, по выражению И.А. Ильина, идея христоролюбивого воинства, символами которой он полагал Дмитрия Донского и Сергия Радонежского перед Куликовской битвой⁵, мыслитель развивал и в других трудах.

В «Наших задачах» в разделе о правах и обязанностях российских граждан он писал, что «вооруженная защита отечества и государства есть не только священная обязанность, но и почетное право каждого русского гражданина»⁶. Лишение данного права по суду, с точки зрения мыслителя, должно было сопровождаться утратой всякой публичной правоспособности (право голоса, право общественной и государственной службы и др.)⁷. «Мужское население подлежит призыву в войска согласно установлениям закона. Права и обязанности женщин в деле обороны страны определяются особым законом»⁸, – указывал

¹ Ильин И.А. Собр. соч. Мир перед пропастью. Ч. III. С. 152.

² Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2, кн. 2. С. 164–165.

³ Там же. С. 166.

⁴ Там же. С. 167.

⁵ Ильин И.А. Избранное. С. 298.

⁶ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2, кн. 2. С. 86.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Ильин, исключая возможность для женщин проходить службу в войске и попасть в пантеон национальных героев.

П.Б. Струве также посвятил известным русским полководцам – Врангелю, Колчаку, Гурко и др. – «громкое и мужественное слово»¹.

В трудах российских консерваторов прослеживается ещё одна модель маскулинности – это модель «русского мужика». «А на что не способен Русский человек? ...взглянем на сиволапого мужика», – писал М.П. Погодин². Народность как один из компонентов формулы С.С. Уварова получила своё развитие в работах славянофилов. «Простой народ есть основание всего общественного здания страны», – утверждал К.С. Аксаков³. В качестве простого народа, воплощавшего своим бытом русскую культуру у представителей славянофильства фигурировали русские мужики. «“Стоит только русскому Императору отпустить себе бороду, и он непобедим”, – сказал гениально Наполеон... Под символом “бороды” разумеется здесь образ и подобие русского народа, в значении его духовной и нравственной исторической личности», – рассуждал И.С. Аксаков⁴. Славянофилы боролись против того мнения русского образованного общества, которое выставляло крестьян в негативном свете: «Представьте себе читателя, принявшего за правду ваши рассказы о мужиках: захочет ли он ехать в нашу деревню... вы показываете нравственного уroda»⁵.

Восприятие русского мужика как носителя русской национальной культуры было подхвачено почвенничеством. Полагая, что любая национальная литература должна вырастать «на почве того народа, которому принадлежит»⁶, и поставив себе и другим мыслителям задачу уяснить «сознание нашей народной самобытности»⁷, в «бедной» русской литературе Н.Н. Страхову удалось обнаружить национальный идеал, выраженный в русском мужике – герое

¹ Струве П.Б. Дневник политика. С. 137, 195, 227, 281.

² Погодин П.М. Указ. соч. С. 181.

³ Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. М., 2010. С. 281.

⁴ Аксаков И.С. Сочинения: в 7 т. М., 1886. Т. 2. С. 148.

⁵ Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. М., 1996. С. 468.

⁶ Страхов Н.Н. Избранные труды. М., 2010. С. 195.

⁷ Там же. С. 71.

произведения Л.Н. Толстого «Война и мир» Платоне Каратаеве: «В лице Каратаева Пьер видел то, как русский народ мыслит и чувствует при самых крайних бедствиях, какая великая вера живёт в его сердцах. Душевная красота Каратаева поразительна, выше всякой похвалы»¹.

В «Письмах о нигилизме» Н.Н. Страхов указывал, что революционеры напрасно мнят себя страдальцами, тем самым обижая «бедных мужиков», оставляя им в удел только материальные нужды и страдания: «Вокруг нас бесконечное море этих мужиков, твёрдых, спокойных, ясных, знающих, как им жить и умирать... Не мы, а они счастливы, хотя бы они ходили в лохмотьях и нуждались в хлебе; не мы, а они истинно мудры, и мы только по крайней своей глупости вообразили, что на нас лежит долг внушить им правильные понятия о жизни и обратить эту жизнь из несчастной в счастливую»². Как пишет Л.Р. Авдеева, в интерпретации Страхова русский народ явил миру новую форму героической жизни – мощь и величие скромности, смирения и доброты³.

В трудах К.Н. Леонтьева государство представляли исключительно великие мужи – дворяне, аристократы, а лавры строителей российской цивилизации они делили с представителями низшего крестьянского сословия – мужиками. Прошлое России мыслитель определял как «полудворянское, полумужицкое»⁴.

В работах Леонтьева мужики выступали в двух важных с позиции гендерного подхода ипостасях: как представители этноса (Леонтьев в данном случае использовал понятие «народ») и как представители демоса (Леонтьев в данном случае использовал понятие «простой народ»). Мыслитель сблизил в понятии «народ» семантику «этноса» и «демоса», поскольку носителем «этноса» у него выступил «демос». Таким образом, ассоциируя народ (этнос-демос) с мужиками, Леонтьев придал русской национальной культуре андроцентричный характер.

¹ Страхов Н.Н. Литературная критика: сб. ст. СПб., 2000. С. 330.

² Там же. С. 387.

³ Авдеева Л.Р. Русские мыслители: Ап.А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов. Философская культурология второй половины XIX века. М., 1992. С. 114.

⁴ Леонтьев К.Н. Избранное. С. 398.

В первом обозначенном нами смысле русского мужика как представителя этноса наиболее важным, по Леонтьеву, является сохранение им русской культуры. Он полагал, что можно разделить русское общество на две половины: народную, которая ничего кроме своего русского не знала, и космополитическую, которая своего русского почти вовсе не знала¹. Мыслитель считал, что «в нашем простом народе отчасти скрыт, отчасти уже ясен наш национальный характер»². В отличие многих мыслителей XIX в. он отмечал положительный эффект от жёсткой разделённости высшего и низших сословий в России, так как это, с его точки зрения, и позволило сохранить русскую культуру в мужике: «Прежнее сословное отдаление сознательной части нашего общества от наивной его части принесло ту пользу, что сохранило простой народ в большой неприкосновенности... Удалённый от высшего сословия, нисколько не сходный с ним ни в обычаях, ни в одежде, ни в интересах, страдавший нередко от самовластия помещиков и неправосудия чиновных властей, народ наш встречался с европеизированным дворянином как соотечественником только на поле битвы и в православной церкви»³.

Характеризуя русского мужика, мыслитель противопоставлял его представителям других этносов бинарной парой «Свой–Чужой». Описание последнего Леонтьев насыщал обилием негативных коннотаций, рельефно манифестирующих превосходство и чистоту «своего» идеального образа: «русский мужик очень развит, особенно в некоторых губерниях. Он умен, тонок, предприимчив; в нем много поэтического и музыкального чувства; местами он неопрятен, но местами очень чист и всегда молодец. Он умеет изворачиваться в таких обстоятельствах, в которых растеряются грамотные, но тупые французские или немецкие поселяне... Великоросс может все, что может другой славянин; но он сверх того способен на многое, на что ни другой славянин, ни грек или француз, ни другие европейцы не способны!»⁴.

¹ Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. СПб, 2005. Т. 7, кн. 1. С. 116.

² Там же. С. 129.

³ Там же. С. 115.

⁴ Там же. С. 128.

К.Н. Леонтьев в работе «Грамотность и народность» привёл в пример знаковые для него случаи, в которых русский мужик рассматривался как символ русской нации и русской культуры. В первом случае речь шла об итальянском карнавале, в котором участвовала колесница с комической группой, изображавшей борцов «Восточного вопроса»: турок был в своей классической одежде, англичанин был в образе матроса; француз – в виде парижского франта, а «русский в виде мужика»¹. Во втором случае автор описывал и комментировал события, произошедшие на Всемирной промышленной выставке в Лондоне в 1862 г.: иностранцам понравилась русская утварь – мужицкие миски².

Рассматривая русского мужика как представителя демоса, Леонтьев акцентировал внимание на его месте в системе властных отношений. В своих произведениях он представил русского мужика как носителя особенной политической, а более точно, аполитичной культуры. По мнению мыслителя, русский мужик гораздо глубже, чем представители других классов, понимал сущность власти: «Мужик наш, освобождённый Государем от вековых условий необходимого в свое время крепостного права... адресов не пишет, альбомов не заказывает, праздников “государственных” и “национальных” не празднует... он повинуется не только с виду, но и по идее. Он молится в церкви за Царя и Его Семейство. Он не играет в мелкую оппозицию, он не “либеральничает”, не суется судить и рядить обо всем... Он благодарен – и молится... Он, по прекрасному выражению нашего великого романиста Л. Толстого, говорит и верит, что “Александр Николаевич всех нас обдумывает”!»³. По мнению мыслителя, особый пиетет русского мужика к монархии распространялся и на бюрократический аппарат: «Губернатора мужик готов даже любить за то только, что он Царский губернатор»⁴.

Описанная патриархально-подданническая культура русского мужика отличала его от представителей других классов, прежде всего от части

¹ Там же. С. 96.

² Там же. С. 112–113.

³ Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. СПб., 2007. Т. 8, кн. 1. С. 278.

⁴ Леонтьев К.Н. Избранное. С. 487.

космополитического дворянства и интеллигенции, отражая иерархию маскулинностей. Если маскулинность представителей высших и низших выстраивалась, прежде всего, через связь с самодержавием – дворянство состояло на службе у государя, крестьянство несло повинности и сохраняло традиционную русскую культуру, то интеллигенция являлась носителем негативных антиэтатистских, с точки зрения Леонтьева, установок: «В этой “интеллигенции” господствует полный индивидуализм интересов и собственности; она либеральна, тревожна и растеряна»¹. Тем самым Леонтьев маргинализировал маскулинность интеллигенции, расположив её ниже маскулинностей дворян и крестьян. Лишенные связи с государством и национальной культурой мужчины-интеллигенты превращались у Леонтьева в предателей Родины, против которых он вёл борьбу на публицистическом поприще.

Политическая культура русского мужика, по мнению автора, была ориентирована на поддержку самодержавия и имела в себе «больше охранительной твёрдости, больше верности преданиям, больше даже государственного инстинкта, чем в тех общественных слоях наших, которым предоставлена полная свобода беднеть, богатеть, продавать и покупать личную собственность, менять место оседлости и так далее»². Негативно оценивая заражённую «либеральной испорченностью» российскую элиту, он приветствовал безграмотность и стихийную мощь мужицкого мировоззрения: «Мужик, например, не только молясь в Церкви, но даже и сидя в кабаке, уже тем умён и хорош, что он в прогресс не верит (т. е. в прогресс благоденственный и вечный). Он, когда ему случается подумать о чем-нибудь другом, кроме хозяйства, податей и водки, думает, что “все мы под Богом” и “все от Бога!”»³. В результате своих размышлений Леонтьев сделал вывод, что России необходимо было «побольше местного самоуправления с мужицким оттенком в уездах и побольше отеческого самоуправства в высших сферах власти»⁴. Таким образом, проблема сохранения

¹ Там же. С. 357.

² Там же. С. 356.

³ Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. Т. 8, кн. 1. С. 408.

⁴ Леонтьев К.Н. Избранное. С. 483.

национальной культуры и национальной самобытности имела в концепции Леонтьева ярко выраженный гендерный аспект: носителями русской культуры выступали только мужики.

В работах П.Б. Струве затрагиваются судьбы русских мужиков и интеллигенции. «Мужики – уменьшительное, уничижительное с оттенком сожаления сироты, зависимые», – писал мыслитель¹. «Маленький наивный духовный мирок мужика-общинника», по мнению Струве, позволил Льву Толстому выделить в качестве главного народного героя Иванушку-дурачка². В труде «Государство, интеллигенция, революция» мыслитель отмечал, что «интеллигенция в русском политическом развитии есть фактор совершенно особенный: историческое значение интеллигенции в России определяется её отношением к государству в его идее и в его реальном воплощении. Идейной формой русской интеллигенции являются её отщепенство, её отчуждение от государства и враждебность к нему»³. Струве выделил два вида отщепенства – абсолютное (анархизм) и относительное (радикализм)⁴. С данными тезисами был солидарен и П.И. Новгородцев⁵.

Для негативной характеристики интеллигенции М.О. Меншиков использовал образы, созданные русскими писателями: «Наша интеллигенция, современная Достоевскому, казалась ему стадом свиней, в которое по Божьему попущению вселились бесы»; «русскому человеку, упростившемуся до “желудочно-полового космополита” (выражение Щедрина), стало безразлично, свое ли чавкать или чужое. Чужие деликатесы он стал предпочитать родному хлебу. Чужие идеи, как бы они ни были нелепы, начали казаться умнее собственного и народного смысла»⁶.

¹ Струве П.Б. Избранные труды. С. 118.

² Струве П.Б. Избранные сочинения. С. 131.

³ Там же. С. 166.

⁴ Там же. С. 167.

⁵ Новгородцев П.И. Сочинения. С. 352.

⁶ Меншиков М.О. Письма к русской нации. URL: http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0120.shtml (дата обращения – 21.07.2013).

И.Л. Солоневич, выделяя в составе русского народа три элемента – крестьянство, пролетариат, интеллигенцию¹, признавал историческую значимость только за крестьянами – мужиками. «Образ оратая Микулы Селяниновича, вероятно, на иностранные языки непереволим вовсе, а именно этот оратай создал землю русскую», – полагал И.Л. Солоневич². Согласно мыслителю, уральские, тяглые и другие мужики являлись основными действующими персонажами русской истории³. «В смутное время победили тягловые мужики»⁴, «мужик в гвардейском мундире спас Николая I»⁵, «самодержавие и строил и поддерживал мужик»⁶, «крепостной мужик стоял на страже монархии»⁷ – данные и аналогичные цитаты в трудах Солоневича отражали его главную мысль о крестьянах как основной социальной опоре российской монархии.

С точки зрения автора, крестьянское сословие в лице мужиков разделило судьбу монархии: «Мужик имеет только одного равного товарища по несчастью – царскую семью»⁸. Основной жертвой революции Солоневич считал крестьянское сословие: «Не помещики, не фабриканты, не профессора оплачивают в основном эти страшные “издержки революции” – их оплачивает мужик. Это он, мужик,дохнет миллионами и десятками миллионов от голода, тифа, концлагерей»⁹.

Негативную роль в крушении самодержавного режима Солоневич приписывал интеллигенции: «Общественная мысль, оторванная от народных корней, металась на побегушках у западноевропейской моды и щеголяла обносками с барских плеч европейской философии. У властителей дум и довоенной, и нынешней России не хватало самого простого мужицкого ума тургеневского Хоря: «это нам подошло бы, а вот этого нам не надобно»¹⁰. Он

¹ Солоневич И.Л. Наша страна. С. 161.

² Солоневич И.Л. Белая империя. С. 63.

³ Солоневич И.Л. Народная монархия. С. 150, 152, 318, 319, 356, 409.

⁴ Там же. С. 303, 313.

⁵ Там же. С.286.

⁶ Там же. С. 323.

⁷ Солоневич И.Л. Белая империя. С. 34.

⁸ Солоневич И.Л. Наша страна. С. 158.

⁹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. 2- изд. М., 2000. С. 53.

¹⁰ Солоневич И.Л. Белая империя. С. 53.

противопоставлял данной социальной группе «отсталого», «политически несознательного мужика», который «ясно знал, что ни при каком строе, он мужик, править не будет»¹. «За русским мужиком никакой эрудиции нет – только в предвоенные годы профессорская эрудиция несколько и ненадолго сбила с этого мужика панталыку»², – писал Солоневич, и поэтому «мужик не вывез в 1917 году»³, и история России перевернулась «вверх ногами»⁴. В своих планах по переустройству России Солоневич настаивал, что необходимо делать только то, что полезно русскому мужику⁵. Таким образом, в работах Солоневича мысль российских консерваторов XIX в. о мужике как носителе русской культуры находит своё логическое продолжение и развитие.

Подводя итоги, отметим, что модели маскулинности, предложенные отечественной консервативной мыслью, носят сословный и этакратический характер. Анализируя созданные консерваторами труды, можно выделить несколько моделей маскулинности – модель «аристократа–воина–богатыря», «русского мужика», «интеллигента». Используя концепцию Д. Гилмора, можно утверждать, что модели маскулинности, трактуемые мыслителями позитивно, заключались в служении их носителей, в готовности давать, дарить и помогать, в щедрости и бескорыстии, доходящих до жертвенности, в готовности к испытаниям⁶. Главным объектом служения выступает государство. Первая модель реализуется в околополитической сфере. Политическая жизнь понимается мыслителями как закреплённая только за царствующим домом область деятельности с находящимися на государственной службе дворянами-аристократами. Привлекательный и позитивный характер модели «аристократа–воина–богатыря» вытекает, прежде всего, из связи воинов с самодержавием, нахождением дворянства на государственной службе. В этой модели

¹ Там же. С. 90.

² Там же. С. 89.

³ Там же. С. 134.

⁴ Там же. С. 137.

⁵ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 293.

⁶ Гилмор Д. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности. М., 2005. С. 235.

консерваторы делали акцент на внутреннем этосе носителей маскулинности – чувстве долга, чести, достоинстве. Важным моментом, определяющим данную модель маскулинности, являлась политическая отчуждённость и отсутствие властных амбиций воинов – они только выполняли задачи, поставленные перед ними царской властью.

Православная вера и чувство патриотизма являлись обязательными атрибутами данной модели маскулинности, что позволяло нейтрализовать агрессивность военного сословия. Если консерваторы начала XIX в. считали наиболее предпочтительным вариантом самодержавия «мягкое» правление опирающейся на дворянство императрицы Екатерины II, то мыслители второй половины XIX – первой половины XX века полагали образцами идеального правления «силовые», агрессивно-маскулинны режимы Ивана Грозного, Петра Великого, Николая I, Александра III.

Модель «русского мужика» выполняет важную роль в философии консерваторов – русский мужик становится носителем народной культуры, которую он смог сохранить после реформ Петра I в отличие от высших слоёв общества. Кроме того, русский мужик в консервативной политической философии воплощает в себе не только этнос, но и демос (простой народ). В обеих ипостасях маскулинность выстраивается через отказ от политической деятельности, оставляя сферу управления государством только монарху.

Модель «интеллигента» наделяется негативными чертами: стремлением следовать по пути западной культуры, отказом от православных ценностей, слабой связью с государственной службой, претензией на политическую власть.

Таким образом, вся публичная сфера в политической философии консерватизма базируется на принципе андроцентризма, а модели маскулинности так или иначе определяются характером связи носителей маскулинности с государственной службой.

ГЛАВА 4. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРИВАТНОЙ СФЕРЫ В КОНЦЕПЦИЯХ РОССИЙСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

§ 1. Мироззренческие основы консервативной трактовки природы и социального назначения женщин

Механизмы исключения «женского» и женщин из политической/публичной сферы анализируются гендеристами в рамках теории патриархата (универсальной системы мужского господства, построенной по закону господства силы, по принципам властного доминирования, и реализующей угнетение женщин как социальной группы¹). Е.А. Здравомыслова и А.А. Тёмкина указывают, что механизмы исключения меняются и соответствуют разным типам патриархата и разным институциональным контекстам². Основными механизмами исключения, полагают исследователи, являются «вытеснение», «моральная дискриминация» и «моральное давление», а также «патриархальная сделка»³. Суть последней заключается в том, что возникает договор между группами, выделяемыми по признаку пола, на основе общей выгоды. «Патриархальная сделка» представляет собой гарантию защиты и безопасности для представителей низших статусных групп, которую они получают в обмен на подчинение предписанным ролям⁴. В первой главе мы уже указывали, что представители гендерных исследований, анализировавших политические теории, считали основным механизмом исключения предписывание женщинам свойств и качеств, несовместимых с их деятельностью в публичной жизни. Рассмотрим подробно предлагаемые

¹ Костикова А.А. Указ. соч. С. 72.

² Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб., 2007. С. 79.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 80.

отечественными мыслителями-консерваторами механизмы исключения «женского» из сферы политики.

Основная позиция в работах представителей российского консерватизма, определяющая социальное назначение женщин, сводилась к биологическому детерминизму. Главная цель интеллектуалов – выяснить, в чём заключается женская природа, чтобы определить социальные границы женского бытия. Природа женщины трактовалась консерваторами как неизменная и заключалась в их физической слабости, интеллектуальной и моральной несостоятельности. Практически во всех текстах российских консерваторов можно встретить понятие «женщина», а не «женщины». Индивидуальное своеобразие представительниц женского, впрочем, как и мужского, пола практически не артикулировалось в трудах консерваторов. Показательным в плане аргументации консерваторов оказывается разбор в большинстве случаев не реальных женщин, а литературных персонажей: Если французский мыслитель Прудон ссылаясь на похотливость библейских женщин, то российский мыслитель П. Бакунин – на онегинскую Татьяну или других героинь, представлявших плод мужской фантазии.

Физическая слабость как ключевой биологический признак женского пола присутствовала в трудах практически всех мыслителей. А.С. Шишков даже использовал выражение «слабейший женский пол»¹. Из физической слабости женщин логически вытекали, по мнению мыслителей, и другие специфические женские черты.

Н.Н. Страхов полагал, что «женщина и мужчина суть различные организмы», относительно которых он выводил правило: «каждая часть и каждое явление организма имеют на себе особый отпечаток, отражают на себе особенность целого»². Он утверждал, что психический строй человека имеет строгую параллель с его физическим строем, а тело есть оболочка души и различие в

¹ Шишков А.С. Избранные труды. С. 334.

² Страхов Н.Н. Женский вопрос: разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщин» // Заря. 1870. № 1–2. С. 119.

телесном устройстве непременно влечёт за собою различие душевных способностей¹.

Относительно интеллектуальной несостоятельности женского пола Н.Н. Страхов писал, что «женщины пока ещё не произвели ни одной из тех великих, светлых идей, которыми отмечаются новые эры в мышлении, и ни одной из тех радикально новых концепций в искусстве, которые раскрывают впереди целый ряд возможных результатов... Их сочинения по большей части построены на существующем фундаменте мысли»².

В то же время Н.Н. Страхов полагал, что если речь идёт не о высоких материях, а об обыденных вещах, то женщина вполне может сформулировать свою позицию. Участвуя в обсуждении «женского вопроса» на страницах печати, он отверг выдвинутые одним из журналистов (Виногоровым) обвинения в неспособности женского пола к разумному суждению: «Он не может себе представить, чтобы женщина говорила серьёзно, спокойно, разумно о предметах, касающихся отношений мужчины и женщины. Говорить о разврате, о нарушении семейного счастья... он не считает приличным для женщины... Говорить об этом могут только мужчины... Женщина – существо слабое – таково поистине кавалерское убеждение Виногорова... По нашему мнению, и для мужчин и для женщин одинаково возможна серьезная целомудренная речь обо всем, что необходимо входит в сферу понятий зрелого человека»³. Русский мыслитель желал видеть в женщине «самого чистого и ясного развития женских качеств, а не каких-нибудь других». По мнению Н.Н. Страхова, «благородство и прелесть женской натуры принадлежат ей только на том условии, чтобы она не изменяла самой себе. Чем прекраснее вещь, тем отвратительнее её уклонения от типа, извращения ее природы»⁴. Поэтому главной задачей общества, по его мнению,

¹ Там же. С. 120.

² Там же. С. 125.

³ Страхов Н.Н. Один поступок и несколько мнений г. Камня-Виногорова в №8 газеты «Век» // Время. 1861. № 3, т. 2. С. 116.

⁴ Там же.

должны стать «охранение» женщины во всей её чистоте, развитие тех качеств, которые она может иметь, и устранение тех недостатков, которые ей свойственны.

Откровенно мизогинистических позиций российские консерваторы не высказывали и отмечали положительные черты женщин. «Я всегда признавал преимущество женщин над нами и, право, не из одной любви к ним, а из любви бескорыстной... Я довольно ездил по России, жила и в губернских и в уездных городах, и везде находил, без всякого лицепрития, что сумма, какова бы она ни была, мыслей, утонченных чувств, образованности и сведений перетянет всегда к стороне женской» – писал П.А. Вяземский¹. Однако свою позицию относительно социальных ролей женщин он сформулировал очень чётко: «Но всё же настоящее, природою указанное, святое место женщины есть дом, есть семейный очаг, будь она мать, дочь или сестра. Внешняя, шумная, боевая, деловая жизнь, многосложная деятельность, можно сказать, несовместна с призванием женщины, даже недостойна ее; в скромном и светлом призвании она выше, независимее, свободнее, нежели будет она на искусственных и завоеванных ею подмостках»². С.П. Шевырёв выразил данную идею в стихотворной форме:

В семейной счастливой тиши
Храните зеркало души,
Чтоб думы облачной печали
Его хрусталь не помрачали³.

К.П. Победоносцев в «Напутственном слове выпускницам училища для дочерей священно- и церковнослужителей», озвучивая его в Ярославле 9 июня 1880 г., указывал: «не место женщине ни на кафедре, ни в народном собрании, ни в церковном учительстве. Место её в доме, вся красота её и сила во внутренней храмине и в жизни, без слов служащей для всех живым примером»⁴. Сравнивая мужской и женский пол, обер-прокурор пришёл к выводу, что женщины от

¹ Вяземский П.А. Письма из Парижа 1826–1827. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0609oldorfo.shtml (дата обращения – 15.02.2012).

² Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. С. 374.

³ Шевырёв С.П. К женщине. URL: <http://shevyrev.ouc.ru/zhenschine.html> (дата обращения – 05.09.2012).

⁴ Победоносцев К.П. Государство и церковь. М., 2011. Т. 1. С. 525.

природы обладают качествами, несовместимыми с теми, которые требуются в публичной сфере. В проекте «Записки о реформе судебных учреждений» (1885 г.) он писал: «Публичные заседания по уголовному делу превращаются в спектакль: женщины, девицы и даже дети присутствуют в нервном волнении при самых возмутительных и соблазнительных сценах»¹. Исследователи творчества Победоносцева справедливо отмечали, что не только суд, но и сфера светского высшего образования, дававшая публичные профессии для женщин, по мнению Победоносцева, не должны быть им доступны². Когда в 1882 г. Александром III были упразднены женские врачебные курсы при военном госпитале, Победоносцев в письме к императору сообщил о своей позиции по этому вопросу: «Совершенно разделяю Ваше мнение... я всегда был и буду против этого ложного направления высшего женского образования»³.

В работах Л.А. Тихомирова интеллектуальная несостоятельность женщин демонстрировалась на примерах представительниц низших классов – баб. Они характеризовались мыслителем как деструктивный социальный персонаж, как источник искажающей информации. В своих дневниках Тихомиров описывал разговоры крестьянок на базаре о том, что царя «уже давно нет в России», так как он уехал в Германию «переждать войну». Мыслитель объяснял этот факт тем, что «баба – дура, и, вероятно, даже перевирает то, что в менее бессмысленных формах толкуют мужики». С его точки зрения, мужик и более молчалив, и осторожен, а «баба – что на уме, то и на языке»⁴.

Для К.Н. Леонтьева было характерно несколько презрительное отношение к женскому полу, который он считал интеллектуально бездарным: «И так как это уже всеми признаваемая аксиома, что у мужчин (и тем более у мужчин современно образованных) ум преобладает над чувством, то, разумеется, вся сила

¹ Победоносцев К.П. Тайный правитель России. С. 185.

² Соловьев А.Л. Общественно-политические взгляды и государственная деятельность К.П. Победоносцева: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001. С. 23; Полунов А.Ю. Указ. соч. С. 140.

³ Победоносцев К.П. Тайный правитель России. С. 296.

⁴ Дневник Л.А. Тихомирова: 1915–1917 гг. М., 2008. С. 95–96.

в них. Куда склонится течение мыслей у наиболее развитых и влиятельных мужчин, туда позднее пойдут за ними и женщины, и народ»¹.

Относительно моральных устоев женского пола мыслитель высказывался также негативно. «Смолоду я сам был пламенный защитник женщин, но к 1/2 жизни я жестоко разочаровался в них и перешел на сторону мужчин», – писал К.Н. Леонтьев². О подлостях, «столь обычных женщинам», «достоинство которых литературою вообще преувеличено», – сообщал он в письмах своим корреспондентам³. С точки зрения мыслителя, необходимо было сохранить контроль за женской телесностью, так как «стоит только приучить всех женщин перед совокуплением впрыскивать известные жидкости, и они все перестанут рожать»⁴.

Славянофил А.С. Хомяков полагал, что требовать от женщин и мужчин одинаковых моральных добродетелей неразумно: «Есть у многих народов нелепое и богопротивное мнение, что чистота нравов более прилична женщине, чем мужчине. Смотрите на такое мнение с презрением! От нравов мужеских зависит нравственность женщины; а мужчине, сосуду крепкому и главе создания Божиего, требовать от сосуда слабого – женщины – таких добродетелей, которых в нём самом нет, есть дело не только неразумное, но и нечестное»⁵.

М.О. Меньшиков полагал, что «мужчины, как пол господствующий, сильный, учёный, умный, – они бесспорный авторитет для женщины»⁶. О физической слабости женщин консерватор указывал в тех случаях, когда вёл речь о необходимости физического труда для представителей всей нации, за исключением слабых детей, женщин и стариков⁷. Он признавал, что в изречении Ф. Ницше – «мужчины созданы для борьбы, а женщины – для отдохновения воинов» – кроется доля правды: «Женщины созданы для ремонта жизни, как

¹ Леонтьев К.Н. Избранное. С. 595.

² Леонтьев К.Н. Избранные письма. СПб., 1993. С. 573.

³ Там же. С. 368.

⁴ Там же. С. 438.

⁵ Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения. С. 267.

⁶ Меньшиков М.О. О любви. СПб., Ставрополь, 1994. С. 122–123.

⁷ Меньшиков М.О. Письма к русской нации. URL: http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0120.shtml (дата обращения – 21.07.2013).

свидетельствует значение слова “Ева”»¹. С точки зрения мыслителя, «преобладание женственности в иных странах ведет к гибели... излишняя изнеженность и кротость ведут к беспечности, к забвению всех опасностей»². Когда начинается война, считал Меньшиков, «на поддержку ослабевшей женственности должно выступить... задремавшее мужество народное»³.

Традиционные для патриархатной картины мира бинарные оппозиции «слабость/сила» – «женщина/мужчина» были использованы Меньшиковым для характеристики русского национального характера в заочной дискуссии с О. фон Бисмарком. Мыслитель считал оскорбительным мнение «железного канцлера», что «славяне – племя женственное по характеру, тогда как немцы – племя мужское». Он нашёл аналог фразе «железного канцлера» в русском выражении «Не будь бабой», которой, полагал консерватор, «хотят выразить, что мужчине неприличны слабость сердца, мягкосердечие, чувствительность и излишняя нежность»⁴. В принципе М.О. Меньшиков был согласен с немецким политиком в том, что славянам недостает твердости характера, что славянское добродушие, мягкость, простота, безыскусность дают возможность представителям других наций «поэксплуатировать» русских «без всякой требовательности относительно вознаграждения»⁵. В то же время он считал, что немцы недооценивают женские качества, видя в женщинах «“второй сорт” человека, существо на целую ступень ниже мужчины»⁶. М.О. Меньшиков полагал, что образы «сильных женщин» никак не дискредитируют русский национальный характер: «Нет сомнения, женское начало в русской жизни могущественно – порою оно сильнее мужского... Но если женственность России такова, какую выразилась в первом русском человеке нашей истории – в св. Ольге, то с такою женственностью ещё можно жить. Эта женственность

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

героическая, богатырская, победоносная, поражающая смуту, просветительная»¹. М.О. Меньшиков считал, что в своем лице Ольга-язычница оставила вечный завет, какой женою и матерью нужно быть русской женщине: «Красавица, пленившая варяжского князя в молодости и византийского императора на склоне лет, – Ольга тем самым оставила завет народу русскому, прежде всего, блюсти красоту расы»².

М.О. Меньшиков в поисках идеала женщины обращался даже в начало истории и находил его у первобытных и древних германцев: «Если кое-где (во Франции, в Румынии, в Швеции, в Америке) женщины допущены с недавнего времени в адвокаты, то мы уже видели на примере Франции, как мало из этого вышло толку. В большинстве же культурных стран – в Германии, Австрии, Италии, Бельгии, Швейцарии, Испании и других – с этим вопросом не спешат. Там стоят ближе, чем мы, к средневековой и античной цивилизациям; там знают, что женское равноправие обсуждалось на все лады еще в эпоху Аристофана и довольно удачно разрешено в его несколько скабрёзной комедии («Женщины в народном собрании» – прим. *Н.К.*). Древние народы ревниво оберегали государственное правление и суд от вмешательства женщин»³.

Отрицательная реакция возникла в среде консерваторов на книгу О. Вейнингера «Пол и характер». М.О. Меньшиков так охарактеризовал труд европейского мыслителя: «Чудовищная она по величине, по страшному грузу знаний, в нее вложенных, по цинизму темы, по молниям правды и свинцовой туче предвзятости, которой она полна... Никто никогда не высказывал такого бешеного презрения к женщине, такой злобы к очарованию женственности, такой гадливости к тому, что составляет тайну романа. Никто ещё не привлекал в качестве палачей над “прекрасной половиной” человеческого рода столько книжного знания и столько молодого невежества. Женоненавистник Шопенгауэр

¹ Меньшиков М.О. Выше свободы. URL: http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0090.shtml (дата обращения – 20.07.2013).

² Там же.

³ Меньшиков М.О. Женское брожение // Мужские ответы на женский вопрос в России. Вторая половина XIX – первая треть XX в.: антология: в 2 т. Тверь, 2005. Т. 2. С. 335.

– образец галантности в сравнении с юношей Вейнингером»¹. И.Л. Солоневич высказался относительно данной книги в ещё более резких тонах: «Вейнингера с его “Полом и характером” и Мебиуса с его “Физиологическим слабоумием женщины” я бы повесил безо всякого зазрения совести... Если бы я был в своё время человеком, власть имеющим, я не очень вежливо поступил бы и с “Крейцеровой сонатой”. Должны быть установлены какие-то правила литературно-общественного приличия, не допускающие клеветы на наших матерей, жен, сестер и дочерей... Функции у нас и у женщин несколько разные. Но я не знаю, что почётнее и что труднее: давать ли миру тракторы и пулеметы или давать миру новых людей. Я предпочитаю людей»².

Из всех представителей российского консерватизма XIX – первой половины XX в. в наиболее полной мере природу женщин пытался раскрыть в своих произведениях И.А. Ильин: «Женщину не следует вовлекать во все страсти, пошлости и интриги политической жизни, ибо женщина имеет лучшие и интимнейшие задания, драгоценные для государства»³. По мнению мыслителя, республиканское правосознание склонно давать право голоса женщинам, вводить совместное обучение мальчиков и девочек, открывать женщинам доступ в адвокатуру и парламент⁴. Он обращал внимание на необоснованность и опасность всеобщего избирательного права ввиду обилия «необразованных и глупых людей»⁵. В «Наших задачах» в качестве примера такой опасности, как введение всеобщего избирательного права Ильин приводил ситуацию на выборах в Италии: «Из мужчин воспользовались правом голоса 93,5%, из женщин 94,7 %... В результате Италия повернула налево... Слабость политического суждения у итальянских баб и ребят и свобода коммунистического лганья – пошатнули всё здание итальянского государства»⁶. Тем не менее в своих работах он

¹ Меньшиков М.О. Письма к русской нации. URL: http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0120.shtml (дата обращения – 21.07.2013).

² Солоневич И.Л. Белая империя. С. 255–256.

³ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 4. С. 485.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Т. 2, кн. 2. С. 202.

неоднократно писал о возможности предоставления избирательного права для женщин.

Ильин считал, что женщина «по рождению равная с мужчиной, но не одинаковая с ним в плане своеобразия; она достойна его, но как личность не обладает его могуществом»¹. Таким образом, мыслитель мужчину выбирал за образец, норму, а женщину трактовал как особенное, специфичное по сравнению с мужским, что характерно для патриархатной картины мира.

В чём же заключаются назначение женщин, их «лучшие и интимнейшие задания», по мнению мыслителя? В труде «Взгляд в даль. Книга размышлений и упований» в разделе «Женщина» Ильин писал: «Для женщины ни счастья, ни мудрости нет, если она не хранит верность сокровенной сути своей... А сколько зла причинила гибельная женская сущность, мы видим из истории судов над ведьмами, мрака сектанства, деяний вероломных преступниц типа Валерии Мессалины и леди Макбет»².

И.А. Ильин утверждал, что сущность женщины неоднозначна, многотональна и богата. В ней мыслитель выделил три ипостаси – цветок, дитя и ангел. Рассматривая женщину как цветок, Ильин видел её призвание в нежности и красоте: «Нежно её восприятие; нежна её природная тайна, которую она в себе воплощает; нежна её фигура; нежен её взор»³. По мнению Ильина, женщина «должна довериться дремлющей в себе энтелехии, самозабвенно, целиком, произвольно расцвести на солнце универсума... призвана формироваться в тиши, в неколебимом покое обетования ждать, в скромном смирении следовать послушанию и всем – даже в несчастье – дарить благоволение, утешение и радость»⁴. Следуя за мыслью Гегеля о женщине-растении, Ильин показывал, почему суэта политической жизни противопоказана женщине. Поскольку природные объекты, с точки зрения Ильина, не пытаются самоуправно исправить свою природу, не имеют ни тщеславия, ни властолюбия, ни зависти, то и

¹ Там же. С. 490–491.

² Ильин И.А. Собр. соч. М., 1998. Т. 8. С. 483.

³ Там же. С. 484.

⁴ Там же. С. 485.

жаждущая блеска, охочая до румян, тщеславная, деспотичная, завистливая женщина «прегрешает тем самым против воли сокровенной сущности»¹.

Вторая ипостась женщины – женщина-дитя – в понимании Ильина заключалась в том, что она живёт чувствами, а потому во многом наивна и некритична². Автор повторял традиционные для патриархатной картины мира идеи, что интуиция – способ мышления женщины, вчувствование – это способ её постижения вещей; созерцание – это её состояние восприятия и познания. Женщина-дитя, утверждал философ, стремится к целостности и единству, что объясняло тот факт, почему женщина была издревле восприимчивой и хранительницей веры. Обратная сторона женщины-дитя, полагал мыслитель, проявлялась в её капризности, ненадёжности, ветрености, безответственности, неосмотрительности, коварности и жестокости. «И со всей её несносностью, придётся хлебнуть немало горя и заняться строгим перевоспитанием», – писал Ильин, вспоминая известный сюжет из книги У. Шекспира «Укрощение строптивой»³.

Третья ипостась женщины, которая подпитывается природной невинностью и душевной чистотой, – это земной ангел⁴. Служение женщины в образе ангела, считал Ильин, не есть прерогатива времён рыцарства, так как женщина ищет своего героя всегда: «Она должна следовать своей энтелехии, представляя последнюю как нечто крепко связывающее мужчину, чтобы потом его, связанного, освободить для творческой жизни... Она должна также безошибочно угадать энтелехию предстоящего к освобождению мужчины и указать ему верный путь. Тогда своим советом, увещанием, предостережением и поддержкой она станет ему утешением и защитой, разбудит в нём творческое вдохновение»⁵. Не все женщины, полагал философ, стремятся к воплощению данной ипостаси, поскольку одни не хотят отпускать от себя влюблённого «пажа», другие не

¹ Там же.

² Там же. С. 485–486.

³ Там же. С. 486.

⁴ Там же. С. 487.

⁵ Там же.

способны справиться со своими страстями, третьи неверно понимают энтелехию своих мужей. Наиболее негативный облик женщины-ангела возникает тогда, считал Ильин, когда женщины блокируют свободу творца своей опекой, «своим бабьим властолюбием подавляют и губят в мужчине творческий потенциал»¹.

По мнению Ильина, все три облика образовывали в женщине гармонию «вечно женственного», и в этом случае ей удавались всевозможные аспекты служения, заложенные в ней природой и Богом. «Первое предназначение женщины – быть живым источником любви. Она и шествует по жизни как носительница любви. В любви её главная сила, обетование, смысл её бытия; она – её самый существенный орган»², – писал Ильин. По его мнению, любовь женщины «зажигает» семейный очаг и поддерживает его, она же хранит духовную ткань Отчизны во всём своеобразии её традиций.

«Второе предназначение – быть кормилицей. Так предопределено природой: младенец нуждается в молоке матери и она получает его от Бога в дар», – так формулировал Ильин свой следующий тезис о путях служения женщины³. «Кухня», считал мыслитель, как центр домашнего очага являлась исключительной прерогативой женщины. Кроме кухни он возлагал на женщину всю ответственность по ведению домашнего хозяйства, когда женщина «становится воистину повелительницей всего хозяйства»⁴. Ильин видел непосредственную связь между домашним и национальным хозяйством, утверждая, что на первом «лежит отпечаток национальных традиций, именуемый повсюду “воздухом” Родины», и в этом плане женщина становилась ответственной за сохранение национальной культуры.

«Третье предназначение женщины – быть целительницей. Это в ней тоже от природы: хорошая мать инстинктивно чувствует, что надо её плачущему малышу, когда, где и как она должна ему помочь», – полагал Ильин⁵.

¹ Там же.

² Там же. С. 487–488.

³ Там же. С. 489.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 490.

Всеми вышеуказанными предназначениями, по мнению мыслителя, не исчерпывалось служение женщины, но, тем не менее, задавало его пределы: «Она не вездесуща; не ко всякой профессии пригодна, не ко всякому месту, не ко всякой должности. Она всегда ко двору там, где может, где имеет право и где должна оставаться женщиной»¹.

Потеря вечноженственного, вред от всего сверхпрозаического, сверхтрезвого вызывали озабоченность мыслителя, полагавшего, что равноправие может способствовать женскому пьянству, вызовет желание у женщин стать палачом или содержать публичный дом². «Женщина – не солдат, не матрос, не полицейский, не биржевой маклер, не палач. *Не для политики она рождена, не для трона, не для митингов толпы* (курсив мой. – Н.К.): ей предстоят более изящные дела; ей надобно прислушиваться к более вещим голосам, созерцать более благородные сферы... Она всё может, но ей это ни к чему... Женщина обладает *от природы* (курсив мой. – Н.К.) неотъемлемыми привилегиями. Она может то, чего мужчина не может, а потому ей не следует претендовать на мужскую роль... Всё в мире призвано хранить верность своей собственной первородной сущности. А потому и женщина должна иметь смелость во всём быть и во всём оставаться женщиной»³, – так с позиций биологического эссенциализма охарактеризовал Ильин место женщины в социальном пространстве.

Поскольку, считал мыслитель, современное ему общество утратило интуицию, истинный путь в духовной культуре, а мужская половина нуждалась в услугах ангела-хранителя, то женщина должна была взять на себя выполнение данной миссии и нести её бремя⁴. Таким образом, он отводил женщинам конкретную инструментальную роль – быть вдохновительницей мужчин, стимулировать их творчество с тем, чтобы они смогли преодолеть сложившуюся в российском обществе кризисную ситуацию.

¹ Там же.

² Там же. С. 491.

³ Там же. С. 491–492.

⁴ Там же. С. 492.

В работе «О вечно-женственном и вечно мужественном в русской душе» И.А. Ильин ссылался на трактовку природы женщины и мужчины, данную пифагорейцами: женственное – это бесформенная материя, склонная к пассивному пребыванию, мужественное же стремится к активному пребыванию, мужчина должен жаждать власти и должен взять власть¹. Из различных природ женщин и мужчин мыслитель выводил и различие в их социальном назначении. Задачей вечно-женственного он считал созидание общества на принципах сострадания, милосердия, благотворительности; задачей вечно-мужественного – построение общественных отношений на праве, притязании, правовом конфликте, суде и государстве. «Вот почему политика никогда не была уделом женщин», – заключал Ильин².

Вечно-женственное и вечно-мужественное, полагал консерватор, каждым конкретным народом воспринимаются по-своему и, в отличие от индусов, римлян и германцев, которых мыслитель считал «мужскими» народами, русская душа в избытке вобрала в себя лучи вечно-женственного, подвергнувшись лучам вечно-мужского в гораздо меньшей мере³. Он считал, что вечно-женственное делает русский характер гибким, многосторонним и ковким, что русскому характеру недостаёт формы, активности, дисциплины: «Вечно-женственное одаривало нас своими дарами; вечно-мужественному приходилось навёрстывать: слабым оставался характер, слабой – организация, слабым – государство. И революция начала с превращения упадка в хаос, чтобы затем отдать бразды правления сверхмужескому волевому клубку безрелигиозного тоталитаризма»⁴.

Но русская душа, писал Ильин, оплодотворенная лучом вечно-женственного, «везде, во всех сферах ищет она форму вечно-мужественного», что «вечно-женственное ей дано, а вечно-мужественное – задано»⁵. Русские женщины, полагал мыслитель, отличались от женщин другой национальности; их

¹ Ильин И.А. Собр. соч. М., 1997. Т. 6, кн. III. С. 171–172.

² Там же. С. 181.

³ Там же. С. 185.

⁴ Там же. С. 193.

⁵ Там же. С. 185.

особенности определялись историей России: «бесконечные войны, лучшие мужи уходят на поле брани, погибают, возвращаются ранеными, калеками»¹. Поэтому жизнь требовала от русских женщин преобразования – «мужской формы, воли, твёрдости характера, интенсивности»². В конечном счёте, делал вывод консерватор, России был жизненно необходим синтез вечно-женственного и вечно-мужественного. Путь для преодоления тоталитаризма он видел в усилении вечно-женственного: «Сверхнапряжение не должно сниматься методом дальнейшего повышения его перегрузки. И вечно-женственное здесь – явно спасительное средство»³.

В эссе «Мужское сообщество» И.А. Ильин раскрыл благотворное влияние женщин на социальные качества мужчин. Он утверждал, что без женщин уровень мужского общения «начинает колебаться и снижаться»: «За умным анекдотом следует глупый, за солёным – пресный, анекдоты сменяются непристойностями, и, наконец, скатываются на такой уровень, что, расходясь по домам... все полагают, будто при этом присутствовала некая злая Цирцея, околдовавшая и лишившая их всех достоинства»⁴. «Отсутствие дам», по мнению Ильина, «ослабляет внимание к требованиям хорошего тона»⁵, когда у мужчин вырывается инфантильный инстинкт тщеславия. Для устранения подобных ситуаций необходима творческая сила, которая проявляется в женском присутствии. При этом он ссылаясь на диалог Платона «Пир», в котором участвовала мудрая Диотима⁶.

Поскольку в трудах российских консерваторов женщины как субъекты социально-политической деятельности практически отсутствовали, то их описание осуществлялось преимущественно с эстетических позиций. «Говорю о женщинах для того, что сердцу моему приятнее заниматься ими», – писал

¹ Там же. С. 191.

² Там же. С. 190–191.

³ Там же. С. 195.

⁴ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 3. С. 131.

⁵ Там же. С. 132.

⁶ Там же.

Н.М. Карамзин¹. В «Письмах русского путешественника» он сравнивал красоту представительниц разных народов: «Женщины в Лондоне очень хороши, одеваются просто и мило; все без пудры, без румян, в шляпках, выдуманных грациями. Они ходят, как летают; за иною два лакея с трудом успевают бежать»². Или в Швейцарии он писал: «только женщины здесь отменно дурны; по крайней мере, я не видал здесь ни одной хорошей...»³. Для Карамзина было важно передать пасторальное настроение, навеянное женской красотой: «Прекрасный лужок, прекрасная рощица, прекрасная женщина – одним словом, всё прекрасное меня радует... образ милой саксонки остался в моих мыслях, к украшению картинной галереи моего воображения»⁴.

С.С. Уваров оставил заметки о неапольских женщинах: «Женский пол дурён, чёрная одежда умножает в нём недостаток красоты»⁵. Мыслитель одобрял гендерный порядок своего времени, построенный на ценности эстетических характеристик женщин. В качестве идеала женской красоты он приводил «последнюю великую даму Франции и Европы» – графиню де Брион, княгиню Лотарингскую, которая сохранила в 80-летнем возрасте следы ослепительной красоты: «Её негромкий голос, её красивый правильный профиль, её мягкий и величественный взгляд глубоко отпечатались в моей памяти. Это была королева без трона...»⁶.

Жизненным пространством женщин высшего света, по мнению автора, являлись салоны, а смысл их занятий – «желание нравиться», которое «было высшим законом» элиты⁷. Приемлемую для себя гендерную культуру Уваров воспроизводил по письменным отрывкам князя де Линя в «Заметках о Франции»: «Самое лучшее воспитание давали матери, отличавшиеся легким поведением... Во Франции посреди того, что называли распутством, было много изысканности,

¹ Карамзин Н.М. Избранные произведения. Т. 2. С. 570.

² Там же. С. 523.

³ Там же. С. 212.

⁴ Там же. С. 143–145.

⁵ Уваров С.С. Избранные труды. С. 59.

⁶ Там же. С. 344.

⁷ Там же. С. 343.

было много хорошо отлаженных поведенческих стереотипов, была семейная кастовость... Мужья не все были верны, но все они были любезны и внимательны... Франция стала неуправляемой с тех пор, как она перестала быть легкомысленной»¹.

Как видим, акцент на эстетических характеристиках женщин порождал их восприятие в качестве объектов мужского желания. В рамках патриархатного дискурса красивые женщины не претендовали на публичные роли. Принятие адюльтера для Уварова, который, как писали его биографы, сам практиковал подобного рода отношения², имела и политический характер. Французская и российская история показали, писал мыслитель, что «отказ от легкомысленности», ориентация на серьёзные политические темы могут привести к социальным взрывам, в частности, к французской революции и восстанию декабристов.

«Женщина, как известно, по красоте, по прелести душевной и телесной есть первое существо в мире, венец создания», – писал Н.Н. Страхов³. С точки зрения К.Н. Леонтьева, женщина должна быть прежде всего внимательной «к собственной внешности, к манерам, к выбору выражений в разговоре, к щеголеватости даже дома, наедине»⁴, чтобы быть приятной мужчине. Поэтому мыслителя в старости расстраивала неопрятность жены и он давал своим корреспондентам следующие советы: «В кофточках целые дни дома не ходить (и не принимать в этом виде Уманова, Тиличеева, ни даже дворника!), папирос на пол не бросать, “проценты” и т. п. не говорить»⁵. По мнению Леонтьева, все качества и поступки светской женщины должны быть направлены на центр своего бытия – мужчин: женщины всегда должны быть весёлыми, нарядными, окружать себя цветами, петь и тем самым порождать «греховную борьбу» в мужчинах.

¹ Там же. С. 343.

² Хотеев В., Чернета В. Граф С.С. Уваров – министр и просветитель // Высшее образование в России. 1996. №1. С. 149.

³ Страхов Н.Н. Женский вопрос. С. 140.

⁴ Там же. С. 403.

⁵ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 403.

В трудах славянофилов с эстетических позиций рассматривались женщины-славянки. «Коса есть, бесспорно, первая красота женщины, и она так понималась славянами; коса была первою красотою девушки, предметом первой ее заботы; она была на виду и составляла необходимую отличительную особенность девического образа, её право и знамя», – считал К.С. Аксаков¹.

Вопрос о красоте крестьянок был поднят одним из журналистов (П. Великосельцевым) «Земледельческой газеты», который в статье назвал бабу ворчащей, пыхтящей, грязно одетой, «безобразной чучелой»: не любознательная от природы и не думающая об образовании «русская баба развалилась на печи, на полатах или на скамье, не помышляя о том – благопристойна или нет её артистическая поза», и всячески мешает мужику развиваться². Автор статьи связал «это замечательное различие между нашим мужиком и бабою» с их образом жизни: «Дело просто: мужик более развит, он и работает, и ездит на базар, видит и слышит то и другое; невольно ум его приходит в некоторое движение; трудом тела возбуждается также до некоторой степени и труд ума. Баба же сидит дома, никого и ничего, кроме поля да печи, не видит, ничто не привлекает, ничто не рассеивает, ничто не интересует, следовательно, ничто не развивает её; ей бы только поесть и поспать»³. П. Великосельцев полагал, что баба имеет «беспечное нежелание нравиться» своему мужу, но, будучи неизящной, не может удовлетворить его вкусы, а потому предлагал ввести в круг образования крестьянок чтение романов. Удручал автора и внешний вид русских баб, которые «дурно одевались и сами были так дурны», что наводили уныние⁴.

В свою очередь, Ю.Ф. Самарин возмутился главной идеей статьи П. Великосельцева, прежде всего, утверждением автора, что в Пензенской губернии женщины не работают, а муж, дети, дом для женщины не существуют: «Хотелось бы спросить: кто в Пензенской губернии на ранней заре отправляется

¹ Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 303.

² Великосельцев П. Заметки о связи между улучшенной жизнью, нравственностью и богатством в крестьянском быту // Земледельческая газета. 1856. 23 марта (№ 24). С. 93–95; 27 марта (№ 25). С. 98–99.

³ Там же.

⁴ Там же.

за водою, потом затапливает печь, месит тесто, печет хлеб, готовит обед и ужин, кто ежечасно отрывается от дела и подбегает к люльке, чтобы накормить расплакавшегося грудного ребенка; кто копается на огороде, убирает сено, раскидывает навоз, жнёт и укладывает снопы на телеги; кто треплет лён и коноплю, стрижёт овец, доит коров, моет шерсть, прядёт, выделяет холст и сукно, шьёт и чинит бельё на весь дом, и пр. и пр.? Вероятно, на всё это имеется в каждой избе особая кормилица, гувернантка, стряпуха, швея, а для ряженных работ батрачки. Завидное житьё пензенских неработающих баб!», – считал славянофил¹.

Отвечая на вопрос автора статьи, кто же виноват в неопрятности, закоснелости, в безобразной одежде крестьянок, Самарин затрагивал основы российской гендерной культуры. По его мнению, в понятиях русского человека женщина только до замужества жила для себя и старалась нравиться, кому хотела. Славянофил считал, что с выходом замуж эта веселая, беззаботная пора сменялась другою, более строгою: начинался труд, подвиг жизни и постоянное жертвование собой мужу, семье и дому. «Жена, мать, хозяйка, – писал Самарин, – живёт уже не для себя, а для других и все свои требования и вкусы подчиняет желаниям и воле своего мужа, главы семейства»².

Ю.Ф. Самарин высмеивал идею П. Великосельцева о необходимости добиться таких семейных отношений, чтобы крестьянин считал большим удовольствием поцеловать руку своей жены. «Мужик будет целовать руку у бабы! Если б об этом услышали наши деды, они бы удивились этому больше, нежели железной дороге», – полагал мыслитель³.

С точки зрения Самарина, вопрос заключался не в образовании крестьянских женщин, которое у автора статьи сводилось к достижению внешнего лоска, и не в установлении учтивых и нежных отношений между мужиком и бабою. Он отмечал полное непонимание Великосельцевым крестьянской культуры, в силу чего у последнего сформировалось негативное восприятие деревенского быта и

¹ Самарин Ю.Ф. Собрание соч.: в 5 т. СПб., 2013. Т. 1. С. 213.

² Там же. С. 215.

³ Там же. С. 217.

установка на посильную помощь – «прививка желанного добра»¹. Чуждая для России, выросшая на европейской почве утонченность обращения, в которую входило целование рук, славянофил связывал с идеями и практикой немецкого средневековья, а именно рыцарской чести: «Какой же смысл, какое плодотворное значение, какую образовательную силу могут иметь эти формы, внесённые в цельный быт народа, не принимавшего участия ни в средневековой жизни германцев, ни в поэтическом её отражении в романтизме?»², – задавал вопрос Ю.Ф. Самарин².

В эссе «Красивая женщина», «Некрасивая женщина» И.А. Ильин раскрыл свой взгляд на природу женской красоты. Он описывал женщин через эстетические категории, показывая, как красота формирует их идентичность. Философ обрисовывал неприятные переживания, которые испытывала красивая женщина: «Женщине, считающейся красавицей, стоит только войти – как сразу же начинаются мнения и пересуды. Она чувствует, что за ней наблюдают, на ней останавливают внимание, она выставлена напоказ толпе так называемых знатоков и оценивается ими... сыплются банальные комплименты...»³. Ильин использовал термин «расплачиваться» за красоту, полагая, что красавицы становятся объектом и зависти, и ревности, и злорадства. Однако настоящим несчастьем женщины, по мнению мыслителя, являлось то, что для большинства людей красота женщины исчерпывалась её внешностью: «Восхищаются её телом и желают его... Ей не нужно быть умной, тонкой, образованной. С духовностью она тоже может не иметь ничего общего»⁴. Таким образом, делал вывод философ, женская красота воспринималась как женская сущность, что затрудняло духовное сближение и подлинную дружбу с мужчинами⁵.

В эссе «Некрасивая женщина» он утверждал, что совсем не нужно быть красавицей, чтобы заслужить любовь и иметь право наслаждаться счастьем. «Что

¹ Там же. С. 220.

² Там же. С. 229–230.

³ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 3. С. 116.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 117.

есть красота, где начинается она?» – вопрошал Ильин¹. Он считал, что «каждая женщина может быть красивою и может стать красивою», так как для женщины красота существует как скрытая предрасположенность. Мыслитель полагал предрассудком определение красоты как правильности черт, форм и красок, утверждая, что именно «внутренняя красота делает внешнюю гармоничность истинной красотой»². Цитируя Гёте – «что внутри – то и снаружи», он полагал, что человек получает своё лицо и своё тело не как нечто окончательное, раз и навсегда завершённое, а как исходную точку, предварительно данный материал, формирование которого предоставляется и доверяется его душе. Поэтому философ считал, что каждая некрасивая женщина может и должна стать красивой не путём поверхностных внешних поправок, а изнутри. По его мнению, внутренняя гармония, доброта, достоинство, идейное богатство, сила характера, любящее сердце и весёлый нрав могут компенсировать неправильные черты лица: «Женщина должна уйти в себя, в глубину, где она услышит пение ангелов и забыться в нём»³. Ильин сформулировал положение о том, что «внутренняя красота имеет тайную власть, которая превращает неправильные черты в пленительные»⁴.

Таким образом, традиционные в патриархатной картине мира эстетические способы описания женщин были характерны для творчества Ильина, но переосмысливались им. Он не отказывался от понятия «красота» как ключевого для определения женщины, но предлагал сосредоточиться на внутреннем аспекте красоты – красоте души. Понимая, как сложно жить женщинам, которых общество (читай – мужчины. – *Н.К.*) оценивали только по внешним данным, по внешней красоте, он предлагал для них другой выход – жить по законам внутренней красоты, ориентируясь на морально-нравственное развитие личности.

¹ Там же. С. 119.

² Там же.

³ Там же. С. 120

⁴ Там же. С. 119.

В этом заключался подход Ильина к решению «женских» проблем – «заслужить любовь и иметь право наслаждаться счастьем»¹.

Согласно консерваторам, единственный вид профессиональной деятельности, в котором женщины могли проявить свой талант и обрести социальные роли, выходящие за пределы приватной сферы, – это литературное и педагогическое творчество. С.П. Шевырёв и К.П. Победоносцев находили замечательными некоторые педагогические сочинения женщин². Н.М. Карамзин, А.С. Шишков, П.А. Вяземский, славянофилы, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев, И.А. Ильин признавали дар художественного творчества за отдельными представительницами женского пола – Жорж Санд, Н.С. Кохановской, Марко Вовчок, О.А. Новиковой³. В основном консерваторы положительно высказывались о писательницах, антилиберальные и антиевропейские идеи которых были созвучны их мировоззрению.

Труд в сельской школе К.П. Победоносцев рассматривал как «великий подвиг души, подвиг истощающий, но и питающий души, подвиг, на который именно женская душа способна», так как «тут надобно жить в нужде, в голоде и в холоде, иногда по целым месяцам без горячей пищи, – и делить эту жизнь с бедняками, живущими в голоде и холоде»⁴. Однако любовь к детям, жалость к их бедноте и темноте, горячее желание строить детские души, терпение, напряжение духовных сил, по мнению автора работы «Призвания женщины в школе и обществе» (1901), должны пересиливать все невзгоды⁵. «Вот на какое дело могут стремиться многочисленные в наше время женские души, томящиеся в искании живого себе дела и жизненной цели», – писал Победоносцев⁶. Таким образом, в рамках служения своему отечеству женщины должны были выполнять свой долг, заботясь о детях.

¹ Там же. С. 118.

² Шевырёв С.П. Избранные труды. М., 2010. С. 237; Победоносцев К.П. Призвание женщины в школе и в обществе. М., 1901.

³ Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений. Т. 7, кн. 1. С. 101.

⁴ Победоносцев К.П. Тайный правитель России. С. 484.

⁵ Победоносцев К.П. Призвание женщины в школе и в обществе. М., 1901.

⁶ Победоносцев К.П. Избранное. С. 338–339.

Итак, представление российских консерваторов о различиях в природе полов предопределило их воззрения на различия в социальных ролях женщин и мужчин. Различия полов, выступающие в совокупности во взаимодополняемости и единстве, иерархически выстраивались консерваторами, отдавая приоритет мужским качествам. Констатируемые консерваторами природные свойства женщин, а именно – меньшая физическая сила, недостаточная развитость интеллекта, детерминировали приватное/семейное пространство как место бытия женщин, исключали их присутствие в публичной жизни. В трудах отдельных представителей консерватизма прослеживались элементы мизогинизма, но в целом данная позиция не была характерна для данного течения российской общественно-политической мысли. В текстах мыслителей женские социальные роли ограничивались тем, что женщины являлись женами/-матерями/бабушками/кухарками, описывались как «вдохновительницы любви», «хранительницы очага», «воспитательницы», «повелительницы», «спутницы жизни» и т. д. Внесемейные роли женщин являлись продолжением семейных: воспитывая детей в школе в качестве учительниц, женщины выполняли свой «природный» долг перед обществом.

§ 2. Семья в политической философии российского консерватизма

Историки отмечают, что семейная жизнь русского дворянства никогда не была частной в полном понимании этого слова: в доме жили многочисленные родственники, приживалки, для которых ставились спектакли, игры и пр.¹ В дворянских «гнездах» XIX в. протекала жизнь, насыщенная различными

¹ Большакова О.В. История России в гендерном измерении: современная зарубежная историография. М., 2010. С. 41.

культурными событиями. Исследователи полагают, что семейная жизнь играла не меньшую роль в функционировании общества, чем публичная¹.

В предыдущих параграфах мы показали, что пространство семейной жизни, по мнению консерваторов, – основная сфера жизнедеятельности женщин, а патриархальная семья – важнейшая ячейка государства. В данном параграфе мы реконструируем концептуальные представления российских мыслителей о распределении власти в брачном и семейном союзах, прежде всего, о роли женщины в данных социальных институтах.

Семья составляла одну из фундаментальных ценностей в концепции консерватизма. «Все предания исторические свидетельствуют нам о добром семейном начале, граждански развитом, которое легло в основу нашей древней Руси», – писал С.П. Шевырёв². «Семья есть первый, естественный и в то же время священный союз, в который человек вступает в силу необходимости», – утверждал И.А. Ильин³.

«Милые союзы родства, являющиеся твердейшею опорой добрых нравов, – и если я в чем-нибудь завидую нашим предкам, то, конечно, в привязанности их к своим ближним», – считал Н.М. Карамзин⁴. Сосредоточенность на ценностях семейной жизни он в буквальном смысле воспевал в «Письмах русского путешественника». Описывая швейцарок, писатель указывал, что «здесь мать почитает воспитание детей главным своим упражнением, а так как и самые богатые из цюрихских жителей не держат более одной служанки, то всякая хозяйка находит для себя много дела в домашней жизни, не угнетается праздностию, матерью многих пороков, и редко ходит в гости...»⁵. Находясь в Англии, Николай Михайлович с умилением описывал картину «добрых нравов и семейственного счастья», когда семьи после воскресного посещения церкви прогуливались по городу: «Матери окружены детьми... милостивая хозяйка

¹ Там же. С. 42.

² Шевырёв С.П. Избранные труды. С. 271.

³ Ильин И.А. Избранное. С. 395.

⁴ Карамзин Н.М. Избранные произведения. Т. 2. С. 569–570.

⁵ Там же. С. 238.

гуляет рука в руку с мужем своим, а не с прелестником, не с чичисбеем... Англичанка, воспитываемая для домашней жизни, приобретает качества доброй супруги и матери... Войдите здесь поутру в дом: хозяйка всегда за рукодельем, за книгою, за клавесином, или рисует, или пишет, или учит детей»¹.

Как подвижник Просвещения Н.М. Карамзин с удовольствием отмечал обучение девочек, с которым он столкнулся в Швейцарии: «В Цирихе есть так называемая девичья школа (Tochter-Schule), которая достойна внимания всех, приезжающих в сей город. В ней безденежно учатся шестьдесят молодых девушек (от двенадцати до шестнадцати лет) читать, писать, арифметике, правилам нравственности и экономии, то есть приготавливаются быть хорошими *хозяйками, супругами и матерями* (курсив мой. – Н.К.). Приятно видеть вместе столько молодых, опрятно и чисто одетых красавиц, которые занимаются своим делом в тишине и с великою прилежностью, под надзором благонравных учительниц, обходящихся с ними кротко и ласково. Тут дочь богатейшего цирихского гражданина сидит подле дочери бедного соседа своего и научается уважать достоинство, а не богатство»². Как видно из текста, просвещенческие идеи Карамзина носят утилитарный характер: образование должно быть нацелено на более успешное выполнение традиционных женских социальных ролей. При образовании девочек речь шла только о минимальном наборе знаний, позволявшем вести домашнее хозяйство: «Я всегда думал, что дальнейшие успехи просвещения должны более привязать людей к домашней жизни»³.

А.С. Шишков основное внимание в трудах уделял жертвенности женщин-матерей, способных к преодолению материнского инстинкта через самопожертвование во имя Отечества: «Спартанка, мать троих сыновей, составлявших всю её гордость и надежду, вопрошает притекшего во град гонца: что войска наши? что мои дети? Гонец отвечает, вздохнув: все трое убиты. – Так гибнет отечество наше? – Нет, оно спасено, торжествует над врагами. – Довольно,

¹ Там же. С. 567–568.

² Там же. С. 237.

³ Там же. С. 569–570.

сказала Спартанка, иду. – Куда? – Во храм, благодарить богов. Вот сила любви к отечеству: кого преодолела она? Материнское сердце!»¹. И далее продолжал: «Сколько таковых Спартанок найдем мы у себя дома? Не видим ли в прошедших и нынешних временах мужей, сынов, жен, сестер, матерей наших, исполненных любви к отечеству? ... Мужеский и женский пол, юноши и девы, отроки и старцы без всякой неволи, без всякого принуждения, по единому подвигу любви, все текут, всяк со всем семейством своим, имуществом и домом»². Любовь к отечеству распространяется на оба пола: «Сыны и дочери её (России. – *Н.К.*) всегда во все времена дышали любовью к ней»³.

Шишков цитировал одного из стихотворцев, описывавших самопожертвование матерей:

И жёны зрелище явили беспримерно,
 Усердие граждан дея нелицемерно.
 Сокровища, привык что нежный пол ценить,
 Оне в дар обществу спешили приносить, Вручали
 Минину уборы те драгие...
 Прими от нас, рекли, ты сей залог священный,
 И сердцу матери толико драгоценный!
 С сей речью в сонм един детей совокупив,
 И горькими их грудь слезами окропив,
 Как часть самих себя от персей отрывали.
 И трепетной рукой на брань благословляли⁴.

Таким образом, женщины в роли жён, сестёр, матерей оказывались вовлечёнными в такой общественно-политический процесс, как война. Патриотизм и любовь к Отечеству проявлялись у женщин в мирный период путём рождения и воспитания детей, а в военный период – через самопожертвование собой и своими близкими.

¹ Шишков А.С. Избранные труды. С. 258.

² Там же.

³ Там же. С. 277.

⁴ Там же. С. 259.

Определяя семью как место жизнедеятельности женщины, консерваторы очерчивали круг её обязанностей и ролей, ссылаясь на христианское учение. С.П. Шевырёв утверждал, что «муж да будет главою жены, как Христос глава Церкви»¹: В то же время он полагал, что «таинство брака сохранено у нас Церковно во всей его силе... Совершенное равенство прав гражданских отца и матери, равенство и взаимная независимость детей обоего пола перед законом могут служить образцом семейного устройства и для иных государств, гордящихся перед нами своим просвещением»². Мыслитель опровергал клевету, возведенную на русских иностранными путешественниками, что в древней Руси женщины находились в униженном состоянии, вели затворнический образ жизни в тесном кругу своей семьи. По мнению С. Шевырёва, «наружные преимущества западной женщины перед нашею древнею Россиянкою» не содержат в себе ничего существенного³. Сравнивая практики семейной жизни в различных обществах на разных исторических этапах, мыслитель пришёл к выводу, что на Руси положение женщины было более «завидным» – «мать была природною опекуншею детей своих», «её собственность принадлежала исключительно ей», «в гражданском быту женщина допускалась у нас к судебным поединкам наравне с мужчиною»⁴.

В философии славянофилов дом-гнездо и семья выступали как основополагающие, всеобъемлющие архетипические образы⁵. Нравственные узы членов семьи, объединение под общим кровом родных и близких являлись для славянофилов основой более высокого уровня солидарности – общины. А.С. Хомяков рассматривал семью и брак с религиозных позиций: «О таинстве Брака учит св. Церковь, что благодать Божия, благословляющая преемственность поколений во временном существовании рода человеческого и святое соединение мужа и жены для образования семьи, есть дар таинственный, налагающий на

¹ Шевырёв С.П. Избранные труды. С. 259.

² Там же. С. 271.

³ Там же. С. 269–270.

⁴ Там же. С.270–271.

⁵ Шукин В.Г. Концепция Дома у ранних славянофилов // Славянофильство и современность сб. ст. СПб., 1994. С.33.

приемлющих его высокую обязанность взаимной любви и духовную святость, через которое грешное и вещественное облекается в праведность и чистоту»¹. Славянофил относил теремное заключение женщин к обычаям, перенятым высшим боярством от татар, так как «ничего подобного» он не видел «ни в песнях, ни в сказках истинно русских, ни в древнем быте других славян, ни в народной жизни»².

По мнению К.С. Аксакова, «брак в народе русском не был делом частным, но делом общественным» и носил «у нас название суда Божьего»³. Поэтому мыслителю было вполне понятно, почему вступление в брак казалось для девушки таким страшным: «В браке, в который она вступала, начинались для неё забота и труд, жизнь действительная с хлопотами и нуждами»⁴. Славянофил полагал, что при глубоком уважении к женщине у славянских народов девушка была наиболее уважаемое, лелеемое существо: «Это было какое-то целепривилегированное сословие, не знавшее ни труда, ни заботы, знавшее лишь игры да песни, лишь счастье молодости и красоты»⁵.

С точки зрения К.С. Аксакова, «жена – не ребенок, не воспитанница; жена стоит не позади мужа; нет, оба, и муж и жена, стоят рядом рука в руку и рядом идут в жизни, неся вместе ее бремя»⁶. Утверждая, что «брак есть отношение равное», Аксаков не видел в этом противоречия «святой Апостольской истине, что муж есть глава жены»: «Первенство не мешает равенству... Как равенство необходимо для брака, так необходимо взаимное уважение, которого может и не быть в отношениях неравных, хотя и проникнутых любовью... Это равенство не есть равенство лет или учености... Это независимое равенство в духе, единство в чувствах веры, в нравственных убеждениях, в понимании добра»⁷.

¹ Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения. С. 61.

² Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. М., 1881. Т. 1. С. 228.

³ Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 302–303.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 406.

⁷ Там же.

И.В. Киреевский отстаивал ценность «цельной» патриархальной семьи, в которой «один член семейства всегда готов добровольно пожертвовать собою за другого», а «каждый член семьи... в своих усилиях не имеет в виду своей личной корысти», при этом «весь избыток хозяйства идёт безотчетно одному главе семейства»¹. На Западе ослабление семейных связей, полагал мыслитель, было следствием общего направления образованности: «В высших слоях европейского общества семейная жизнь, говоря вообще, весьма скоро стала, даже для женщин, делом почти посторонним. От самого рождения дети знатных родов воспитывались за глазами матери. Особенно в тех государствах, где мода воспитывать дочерей вне семьи, в отделённых от неё непроницаемыми стенами монастырях, сделалась общим обычаем высшего сословия, – там мать семейства вовсе почти лишена была семейного смысла»².

Социальное назначение брака и семьи, их историческая эволюция, права и обязанности членов семьи являлись предметом тщательного изучения К.П. Победоносцева, который изложил свои изыскания в фундаментальном труде «Курс гражданского права». Профессиональный юрист Победоносцев рассматривал вступление человека в брак как удовлетворение одной из трёх природных потребностей – «дополнить и продолжить личное бытие своё в органическом союзе брака и семейства»³. Он отвергал теорию брака как договора, поскольку семейственный союз, по его мнению, возникал непосредственно из природы человека и в существе своём не вполне зависел от его личной воли: «Человек вступает в семейственный союз так же, как в гражданский союз, самим актом рождения, бессознательно, прежде чем он в состоянии сознать, избрать и изъявить свою волю. Затем, основывая сам новую семью, он вступает, правда, по свободному соглашению, в брак. Но жизнь его в этом союзе, продолжение союза, определяется не условиями договора, а высшими нравственными и естественными началами его природы и возникающего из них отношения»⁴.

¹ Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения. С. 432.

² Там же.

³ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Т. 1. С. 80.

⁴ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. СПб., 2003. Т. 3. С. 11.

Понятие «семья» консерватор рассматривал в трёх аспектах: во-первых, как союз, которым соединены супруги как между собой, так и со своими детьми; во-вторых, как отношение, в котором находится глава дома ко всем членам дома и семьи, находящимся у него в подчинении; в-третьих, как круг лиц, соединённый связью общего происхождения¹.

К.П. Победоносцев считал, что власть в семейном союзе может принадлежать только одному человеку. При этом он видел в семейной власти особые свойства: «Она (власть в семье. – *Н.К.*) проистекает не из частной воли, получающей силу права, но из естественного, природного отношения... здесь власть руководительная и защитительная является не ради себя самой... Глава семьи или дома представляется естественным распорядителем и руководителем для остальных членов семьи»².

Наличие одной воли, преобладание одной из двух волей в семейном союзе Победоносцев объяснял необходимостью соблюдения в нём мира: «Власть эта и по естеству и по закону принадлежит мужу, причем закон по необходимости не может избрать средний путь, дабы не учинить бесплодного и раздражающего вмешательства в отношения супругов, и посему власть мужа в законе получает по необходимости свойство безусловной власти»³. Обер-прокурор полагал, что «каждая семья имеет своего главу и представителя; каждый мужчина в семье рано или поздно должен стать главой и представителем семьи своей»⁴. С заключением брака, указывал он, осуществлялось «сопричисление обоих супругов к одному праву, общению прав личных, политических, прав состояния, имени, чести, звания, чина. Муж сообщает все свои права жене. Муж и жена одно тело. Муж глава жены. Жена от мужа не отлучается»⁵. Неравенство супружеских прав, по Победоносцеву, было необходимо прежде всего самим женщинам: «Как надлежит смотреть на брак: как на договор между равными или как на договор между более

¹ Там же. Т. 2 С. 7.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 110.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ Там же. С.110.

сильной и менее сильной или слабой стороною, предполагающей по некоторым предметам необходимое подчинение слабейшего сильнейшему? Я утверждаю, что первое мнение будет основано на обманчивом предположении и непременно ведет к самой жестокой несправедливости относительно женщины...»¹. Обер-прокурор аргументировал последнее утверждение тем, что мужчина, когда вступил в брак, устроился в жизни, а женщина, напротив, когда выходила замуж, теряла возможность заниматься другим промыслом, кроме домашнего. Данный аргумент мыслителя можно рассматривать как «патриархатную сделку», в которой каждый участник брачного союза видел определённые выгоды для себя. Брачный договор профессиональный юрист Победоносцев не относил к договорам между равными: «Я утверждаю, что жена должна поступиться своим мнением; должна повиноваться мужу и действовать так, как он решит»². Взгляд на обязанность жены подчиняться мужу как на унижение и обиду Победоносцев рассматривал с точки зрения низкого, недостойного, мятежного расположения духа. Он полагал, что без власти невозможна деятельность людей – «сшить пару сапог, управлять ли государством – нет ни малого, ни великого далее, в котором кому-нибудь одному не принадлежала бы власть решать, сила последнего слова»³. Он сравнивал асимметричные отношения в семье между мужем и женой с отношениями на корабле между капитаном и старшим офицером: «На корабле начальственное право капитана несколько не препятствует ему быть в близком дружеском отношении со старшим офицером»⁴. Поэтому обер-прокурор считал, что отношения «между мужчиною и женщиной должны клониться к одной цели: обеспечить общее благо той и другой половине рода человеческого, так как обе они связаны самыми тесными и прочными узами и не могут иметь противоположных интересов»⁵. Таким образом, в его работах единственно

¹ Победоносцев К.П. Государство и церковь. Т. 2. С. 223.

² Там же. С. 225.

³ Там же. С. 224.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 225.

правильной формой семьи была патриархальная семья, построенная на асимметрии прав и обязанностей супругов.

Признавая, что власть мужа над женой в частных случаях может быть очень тяжелой, К.П. Победоносцев полагал, что «жена может освободиться от неё не иначе как вместе с разрушением брачного союза»¹. Невозможно требовать ослабления власти мужа в супружеском союзе, поскольку смягчение данной власти «зависит не столько от закона, сколько от смягчения нравов общественных и от изменения общественных понятий»². Выступая против разводов, он указывал, что «с неразрывностью брака, правда, соединены для женщины великие тягости вследствие её подчиненного положения, но зато с ней же связано и то высокое нравственное положение, которое принадлежит женщине»³.

Победоносцев осуждал практикуемую народами Востока и азиатскими племенами «испорченную» форму семьи – многожёнство. Он считал, что такой брак сводится к совокуплению, отвергая нравственные основы семейного союза: «Это – совокупление, приведенное в норму, и главная цель его – удовлетворение чувственности и инстинкта деторождения. Из такого брака не возникает семейство, ибо в нём нет единства и цельности, необходимых для образования семьи. Женщина в нём стоит невысоко; она служит мужчине только средством для удовлетворения природного инстинкта. За этим предметом брака закрывается почти вовсе удовлетворение духовной потребности, цель духовного общения мужа с женой. В многоженстве брак – по преимуществу частное дело мужчины»⁴.

Историческая эволюция, по мнению Победоносцева, привела к замене многоженства одножёнством; в этом отразились «признание женщины подругой мужчины в нравственном и юридическом смысле; освобождение женщины из домашнего заключения и появление её в обществе»⁵.

¹ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Т. 2. С. 110.

² Там же. С. 110.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 19

⁵ Там же. С. 24.

С введением христианства, полагал мыслитель, на Русь был перенесён священный идеал брака и введены канонические правила о браке в Кормчей книге. По его мнению, славянская семья отличалась отсутствием строгого юридического начала, в отличие от германского права: после смерти главы семьи его главенство не передавалось по наследству, а семья или продолжала жить общей жизнью, причем вдова умершего могла занять его место, или распалась на новые отдельные семьи¹. «Таков тип семьи славянской, до ныне существующий ещё в наших землевладельческих сословиях; но он начинает уже переживать себя, патриархальные начала его уже не в силах устоять против начала личности, повсюду заявляющей свои требования», – писал обер-прокурор².

В крестьянском быту, считал мыслитель, понятие о браке представляется явственнее с материальной стороны: «Жена должна быть помощницей, и главным образом помощницей в материальном труде по дому и хозяйству. Этой потребностью определяется, прежде всего, выбор жены: требуется выбрать не столько жену, соответствующую духовной потребности мужа по его натуре, сколько соответствующую потребностям хозяйства. На жене должен лежать тяжелый труд по дому и хозяйству, которое исключительно принадлежит ей... в такой жене целая семья, т. е. вся рабочая семейная община... и муж приобретает себе важное приумножение рабочего капитала»³. Анализируя законодательство о наследовании земли, в работе «Семейные участки», он писал, что «для государства в высшей степени важно существование и умножение благоустроенных семейных союзов, преемственно, из поколения в поколение связанных с хозяйственно-устроенной земельной дачей»⁴. «Старики, главы семейств имеют наблюдение над молодыми семьями, беспристрастно распределяют работы и продукты, стараются искоренить леность и не допускают неблагоприятных расходов. Подобный патриархальный порядок обеспечивает равномерное распределение довольства между всеми членами семьи и, не

¹ Там же. С. 15.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 31.

⁴ Победоносцев К.П. Избранное. С. 95.

допуская, чтобы порочные или малоспособные впадали в бедность, доставляет всем обладание насущным хлебом», – считал Победоносцев¹. Из всех видов семей обер-прокурор приветствовал именно патриархальный тип семьи как самый устойчивый, поскольку «вся собственность, за исключением только некоторой движимости, остается нераздельною, и отец распоряжается ею и заведует работами... по смерти его это право переходит к тому из сыновей, которого он сам назначил своим наследником»², не допуская тем самым дробления земельных наделов как основы существования патриархальной семьи.

Рассуждение о том, насколько предложенный Победоносцевым идеал семейных отношений был трудно реализуем на практике, находим в работах К.Н. Леонтьева. В отсутствии пиетета у Леонтьева к институту семьи Н.А. Бердяев видел основное отличие мыслителя от славянофилов³. Как подчёркивают исследователи жизнедеятельности Леонтьева, негативное отношение к институту брака он вынес с детства⁴. Собственная семейная жизнь Леонтьева также не удалась: заключив в 1861 г. неожиданный для всех брак с крымской гречанкой Елизаветой Политовой, он постоянно изменял ей, в чём не стеснялся признаваться в переписке своим респондентам⁵. На седьмом году брака у жены начали проявляться признаки слабоумия и большую часть своей семейной жизни супруги прожили раздельно.

«Брак есть разделение труда, тяжкий долг, святой и неизбежный, но тяжелый, налагаемый обществом, как подати, работа, война и пр. ... Брак же для женщины опасен физически, а для мужчины – скучен большею частью крайне»⁶. Поэтому Леонтьев отговаривал своих друзей и знакомых от вступления в брак: «Дай, Господи, чтобы Ваша будущая супруга была... одной из тех

¹ Там же. С. 117.

² Там же. С. 119–120.

³ Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли // К.Н. Леонтьев: pro et contra. СПб., 1995. Кн. 2. С. 57.

⁴ Иваск Ю.П. Константин Леонтьев. Жизнь и творчество... С. 231.

⁵ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 233.

⁶ Там же. С. 87.

исключительных женщин, которых и мне посчастливилось изредка встречать. Встречал, но мало, а больше несносны! Трудная вещь брак!»¹.

Анализируя воззрения Прудона и других европейских мыслителей на брак как рабочий контракт, в котором жена является почти работой мужа, он находил такие идеи оригинальными, но несовместимыми с христианскими идеалами². Леонтьев соглашался с Герценом, что строгая семья без религии, семья, построенная на одном рассудке и отвлеченном долге, – «это какая-то каторжная семья»³. Мыслитель осуждал несерьёзное отношение к «свадебному апостолу» («А жена да боится мужа своего!»): «Так как хорошая жена должна хоть вид подчинения показывать, если у неё и нет настоящей боязни»⁴. Согласно Леонтьеву, у апостола Павла речь идёт не о том, «чтобы у всякой жены ноги подкашивались от страха при взгляде на мужа, но о духовном страхе, о страхе согрешить не только изменой, но и всякими мелкими сопротивлениями и словесными оскорблениями, на которые так падки большинство женщин»⁵. Он утверждал безусловную ценность мужчины по сравнению с женщиной, а потому расценивал вступление мужчин в брак как принесение себя в жертву, которую женщина должна была осознать и быть благодарной и смиренной⁶. Поскольку мужчина в отличие от женщины имел широкий спектр приложения сил, то семья сковывала его свободу, тогда как для женщины брак являлся самоцелью. Мыслитель приводил в пример собственный брак: его жена Лиза «просто-напросто не скрывала своей почти детской эгоистической радости, что вышла замуж за человека давно любимого и вдобавок за “дворянина”, за “барина”, который её из последнего наряжает и балует»⁷. Поэтому муж должен быть строг и требователен, не показывать вида, что жена может быть ему полезной⁸. Леонтьев выразил согласие с одним из своих знакомых, который полагал, что «муж должен

¹ Там же. С. 573.

² Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений. Т. 8, кн. 1. С. 181.

³ Леонтьев К.Н. Избранное. С. 598.

⁴ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 573.

⁵ Там же. С. 573.

⁶ Там же. С. 402.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 403.

быть главою, но пусть хорошая жена вертит им так, как шея вертит голову... не надо, чтобы жена видимо командовала, это скверно»¹. Помимо смирения, которое Леонтьев ценил в женщинах, важными качествами являлись наличие «женского такта», которое выражалось в полном согласии с мнением мужа, в нежелании рассуждать на общественные темы, в неконфликтности. «Когда вижу светских и образованных женщин, то просто не понимаю ни их, ни мужей их!», – писал мыслитель².

В работе «Сквозь нашу призму» К.Н. Леонтьев комментировал социально-политические события в Японии, в которой «на многоженство начинают смотреть как на величайшую несправедливость», а «японские дамы требуют себе права гражданского голоса на выборах»³. Аргументация мыслителя против отмены многоженства заключалась в том, что нарушался традиционный порядок (читай, – гендерный) как составная часть национальной культуры, поэтому ему турецкий султан и многоженец микадо нравились больше, чем «честный» европейский безбожник. Положительно оценивал мыслитель многоженство у мормонов: «Однако не надо забывать и того, что женщины, которые нам кажутся в этом случае жертвами, довольно охотно покоряются этому учреждению, как и всякому другому брачному уставу; факт этот объясняется общепринятыми идеями и привычками; так как женщин с ранних лет приучают смотреть на брак как на единственную важную цель, то очень понятно, что для них кажется лучшим выйти за человека, у которого уже несколько жен, чем не ходить замуж вовсе»⁴.

Рассмотрение семьи с идеалистически-патриархальных позиций характерно для трудов П.А. Вяземского: «Старое поколение», «Фонвизин», «Московское семейство старого быта», «Князь Андрей Борисович Вяземский», «Князь Пётр Борисович Козловский» и др. По мнению М.И. Гиллельсона, в этих работах,

¹ Там же. С. 573.

² Там же. С. 252.

³ Леонтьев К.Н. Избранное. С. 422–423.

⁴ Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений. Т. 7, кн. 1. С. 47.

отвергавших современность¹, автор стремился воссоздать атмосферу XVIII в. По мнению Л.В. Дерюгиной, Вяземский в старости взял на себя роль путеводителя по ушедшей России, описывая в своих статьях главные черты её топографии, человеческие типы и обычаи².

В произведении «Московское семейство старого быта» Вяземский отстаивал ценности патриархальной семьи: «Семейное начало есть почва, есть основа, на которой зиждется и общественное. Если не признавать семейного авторитета и дома, не приучаться уважать его, едва ли будем мы позднее способны признавать авторитет общественный и честно и с любовью служить ему. Если мы из родительского дома выносим начало розни, то неминуемо внесём ту же рознь и в общество. Тогда уже общества собственно нет, а будут отдельные общества, расколы, которые каждый создает по образу и подобию своему»³. Вяземский констатировал кризис современной ему семьи и «зародыш некоторого таящегося общественного разложения»⁴. Для демонстрации патриархальных установок Вяземский выбрал московское семейство, противопоставляя старую Россию в лице «тогдашней патриархальной Москвы, богатой многосемейным и особенно многодевичьим составом», и новую в лице Петербурга: «Законная столица России Москва... Дай бог цвести в красоте и славе Петрограду! (Воля ваша, мы здесь, старые русаки, не можем приучиться русской город называть немецким именем). Но дай бог здоровье и матушке Москве!»⁵. Л.В. Дерюгина видит в описании московского семейства старого быта искреннюю тревогу автора за судьбу общества⁶. Нас интересует распределение власти в семье.

Прежде всего, П.А. Вяземский стремился показать бесконфликтный «благодарный, светлый» мир большой патриархальной семьи, которой руководит

¹ Гиллельсон М.И. Пётр Андреевич Вяземский // Вяземский П.А. Сочинения: в 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 15.

² Дерюгина Л.В. Эстетические взгляды П.А. Вяземского // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 41.

³ Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. С. 374.

⁴ Там же.

⁵ Вяземский П.А. Записные книжки. Книжки первая, вторая. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0070.shtml (дата обращения – 20.04.2012).

⁶ Дерюгина Л.В. Указ. соч. С. 42.

«родоначальник многоколенного потомства Оболенских»¹ князь Петр Александрович Оболенский. В первой фразе произведения П.А. Вяземский подчеркнул, что в современном общественном мнении князь Оболенский слыл оригиналом: «То есть таковым был бы он преимущественно ныне, а в прежнее время, в эпоху особенных личностей и физиономий более определенных, оригинальность его не удивляла и не колола глаза»². Для Вяземского было принципиально отметить, что князь не подстраивался под требования времени, не менял своих привычек: «Платье его, разумеется, не изменялось по моде, а держалось всегда одного и им приспособленного себе покроя. Все домашние или комнатные принадлежности... не следовали ни моде, ни нововведениям»³. В отличие от большинства его современников, которые вели светский образ жизни, он «уклонялся от общества», был «безвыходным домоседом», а «дома занимался он чтением русских книг и токарным мастерством»⁴. В то же время Вяземский показывал, что князь «не был нелюдим, суров и старчески-брюзглив», любил своих детей, десять из которых умерли «в разные времена, а десять пережили родителей своих»⁵.

Секрет счастливой семейной жизни Вяземский видел в жене князя – Екатерине Андреевне Вяземской, которой он посвятил основную часть работы: «О подобной женщине молчать не стоит»⁶. Начиная с описания внешних, эстетических качеств, он стремился подчеркнуть в княгине особую женскую породу: «Несмотря на совершение своих двадцати женских подвигов, княгиня была и в старости, и до конца своего бодра и крепка, роста высокого, держала себя прямо, и не помню, чтобы она бывала больна. Таковы бывали у нас старосветские помещицы сложения. Почва не изнурялась и не оскудевала от плодovitой растительности»⁷. Переходя к интеллектуальным характеристикам

¹ Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. С. 363, 365.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 363–364.

⁶ Там же. С. 375.

⁷ Там же. С. 364.

княгини, Вяземский демонстрирует незначимость образования женщин для выполнения семейных ролей, отсутствие связи образования с моральными ценностями женской личности: «Безо всякого приговорительного образования, была она ума ясного, положительного и твердого»¹. Муж для неё был авторитетом, экспертом в политических вопросах, и в случае необходимости она обращалась к нему за консультацией². Имея «нравственные правила, самородные и глубоко засевающие», княгиня не поощряла флирта императора Александра I с одной из своих дочерей³.

Принципиально важным для понимания сложившегося в семье гендерного порядка является анализ распределения ролей и власти между её членами: «В семействе и в хозяйстве княгиня была *князь и домоправитель, но без малейшего притязания на это владычество* (курсив мой. – Н.К.). Оно сложилось само собою к общей выгоде, к общему удовольствию, с естественного и невыраженного соглашения. Она была не только начальницею семейства своего, но и связью его, сосредоточием, душою, любовью»⁴. В приведённой цитате П.А. Вяземский приветствовал самостоятельность женщины-матери в принятии семейных решений, наличие у неё неформальной власти и значительных полномочий, подчинение ей всех домочадцев при отсутствии претензий на формальную власть в семье. Она являлась главным агентом социализации и заботилась обо всех членах этой многопоколенной семьи: «Будничный обеденный стол был уже порядочного размера, а праздничный вырастал вдвое и втрое. Особенно в летние и осенние месяцы, в подмосковной, эта семейная жизнь принимала необыкновенные размеры и характер»⁵. Разрастание семьи происходило в результате заключения детьми Оболенских браков, что потенциально содержало угрозу единству ячейки общества. Существование семьи как единого целого, когда «пришлые, чуждые приращения скоро и незаметно сливались, спаивались,

¹ Там же.

² Там же. С. 366.

³ Там же. С. 364.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 365.

сцеплялись, срастались вместе в благоустроенном организме, первоначальном и цельном», приводило, по Вяземскому, к тому, что «после некоторого времени, более или менее краткого или продолжительного, и мужа, вошедшие в семейство, и жены, в него поступившие, казалось, также искони урожденными Оболенскими»¹. Описывая вхождение в семью Оболенских дочери Ю.А. Нелединского, он подчеркнул, что «молодая внесла новый, свежий элемент литературной и более утонченной светскости в патриархальную среду принявшего её семейства. Но не менее того добрый, простодушный строй его вскоре подчинил и её общему семейному настроению. В этой семье не могло быть разногласия»².

По мнению Вяземского, внутреннюю силу этого отдельного мира по-прежнему составляла мать: «Такова была привлекательная и нежнолюбивая сила семейная, которая образовалась и окрепла под сенью и благословением умной, твёрдой и чадолубивой матери... И вся эта сила почерпала свое законное, освященное, любвеобильное начало, в одном чувстве, чувстве семейной связки; в одном имени, в одной власти: имени и власти матери. Река принимает в себя, сосредоточивает в своём лоне влекущиеся к ней ручьи просто, естественно, потому что она река. Мать, общим притягательным притоком, сосредоточивает в себе семью просто потому, что она мать. Нет власти естественнее, святее власти материнской»³. Альтернативы патриархальной семье Вяземский не видел: «Если признавать семью, то надобно же кому-то оставаться дома; а когда жена подобно мужу, будет обязана отправляться на службу, на работу, к должности, то кто же останется представителем и ответственным лицом семейного дома, семейного начала?»⁴.

Таким образом, семья, по мнению Вяземского, являлась не только местом обитания женщины-матери, но и её работой, сферой её ответственности, служения. Неформальный матриархатный гендерный порядок в семье был

¹ Там же. С. 366.

² Там же. С. 368.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 374.

замаскирован надстроенным над ним патриархатным порядком, в котором поддерживалось строгое разделение отцовских и материнских ролей при их равновесии. К аналогичным выводам приходит и историк К. Келли, которая полагает, что в России XIX в. произошла «довольно-таки бессистемная эволюция семейных отношений» – сосуществование представлений о подчинённом положении жены и её самостоятельности¹.

М.О. Меньшиков разделял христианскую трактовку брака и семьи, указывая, что основой брака может служить только цель, указанная при творении – необходимость человеку иметь помощника. «Не для наслаждений страсти, не для каких-либо материальных выгод создана жена, а исключительно для помощи своему мужу, помощи в великом повелении Божьем “возделывать и хранить” рай, в котором человек поселен (Быт. II, 15)» – писал консерватор².

Истинное супружество мыслитель рассматривал как сотрудничество в выполнении всех целей, «из которых слагается рай жизни». Брак, считал он, представляет собой нравственный союз только тогда, «когда каждый видит в своей человеческой половине нечто нравственно ему недостающее», когда «один пересоздаёт другого по образу своему и подобию»³. Таким образом, делал вывод мыслитель, «идеал отношений мужчины и женщины – любовь братская»⁴.

Будущее семьи и женские роли в семье при социализме затрагивал Л.А. Тихомиров. Он осуждал социализм за стремление разрушить семью как социальный институт. По его мнению, семья представляла собой учреждение, союз с правами и обязанностями своих членов в отношении друг друга⁵, тогда как социалисты понимали под семьёй простое сожительство мужчины и женщины без взаимных обязательств: «Даже на детей, происшедших в результате сожительства, сами родители не могут иметь прав, потому что обязанность

¹ Kelly C. *Refining Russia: Advice literature, polite culture and gender from Catherine to Yeltsin*. Oxford, 2001. ILIV. P. 81.

² Меньшиков М.О. О любви. С.126.

³ Так же.

⁴ Там же.

⁵ Тихомиров Л.А. Критика демократии. С. 317.

воспитания и право им распоряжаться переходит от родителей к обществу»¹. Он сочувствовал семейному положению современных рабочих, особенно женщин-работниц. «Она и не мать, она и не жена, а временная подруга, прибавляющая этим немножко дохода к своему скудному заработку», – писал он в статье «Гражданин и пролетарий»².

В работах И.А. Ильина центром семьи также являлась женщина: «Женщина является естественной основой семьи. Она в биологическом и душевном смысле есть семейный очаг... Женщина остаётся дома, мужчина идёт на добычу»³. Выражая своё негативное отношение к такому социально-психологическому явлению, как забота, которая «всегда мелочна и близорука», которая «хочет скрыть от нас великие, божественные жизненные цели», которая «настоящий враг творческого восторга и вдохновения», а потому «мы должны научиться её преодолевать»⁴, мыслитель в то же время считал её приемлемой для материнства. «Только заботливая мать остается для нас вечно любимой: ибо она заботится о других и тем самым облагораживает заботу любовью»⁵, – писал философ. Он наделил материнство чертами страдания: «Каждая мать носит дитя и страдает. Каждая мать кормит грудью своего малыша... Щедрость как профессия. Жертвенность как образ жизни»⁶.

Таким образом, семья рассматривается консерваторами как одна из основополагающих ценностей. Начиная с Н.М. Карамзина, все теоретики консерватизма настаивали на сохранении традиционной патриархальной семьи.

С точки зрения консерваторов, основными задачами женщин являлись ведение домашнего хозяйства и воспитание детей. Семья определялась мыслителями как сфера ответственности и служения женщин. Консерваторы наделяли женщин-матерей такими качествами, как забота о других, жертвенность своими интересами. Признаваемая мыслителями необходимость женского

¹ Там же.

² Тихомиров Л.А. Критика демократии. С. 257.

³ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6, кн. III. С. 176–178.

⁴ Там же. Т. 3. С. 97, 98, 99.

⁵ Там же. С. 97–98.

⁶ Там же. С. 204.

образования рассматривалась ими только в рамках выполнения женщинами домашних обязанностей.

Представители российского консерватизма отвергали договорной характер брака, полагая его истоки в природе человека. Определяя семью как место жизнедеятельности женщины, консерваторы очерчивали круг её обязанностей и ролей, ссылаясь на христианское учение: «Муж да будет главою жены, как Христос глава Церкви». Руководящее мужское начало в семье и в обществе не ставилось под сомнение консерваторами и оценивалось позитивно. С юридической точки зрения консерваторы признавали за отцом как главой семьи верховенство. Основная аргументация в пользу асимметрии прав и обязанностей супругов сводилась к заинтересованности в ней обеих сторон. В рамках гендерного подхода данная практика репрезентирует такой механизм исключения женщин как «патриархатная сделка».

Христианская концепция брака подразумевала также неюридическое равенство супругов – «равенство в духе», когда брак выступал как нравственный союз. С точки зрения отечественных консерваторов, христианская позиция видения женщины как помощницы мужчины, приводящая к моногамному браку, более правильна, чем исламская, порождающая полигамию. Полигамный брак разрушает духовное общение мужа с женой, на необходимости которого настаивали российские мыслители консервативной ориентации.

Итак, консерваторы выстраивали неформальный, параллельный правовому порядок в семье, в котором признавали равенство мужа и жены, а иногда и приоритет жены.

§ 3. Модели женственности в политической философии российских консерваторов XIX – первой половины XX века

«Красота женской души и достоинство женской жизни» (Н.Н. Страхов) в разной степени воплощались в образах женственности, которые можно

реконструировать по трудам российских консерваторов. Для более рельефного описания представлений консерваторов о природе и свойствах женщин автором предлагается определённая схематизация женских образов (моделей).

Модель «женщины–богатырши» разрабатывали славянофилы. В трудах К.С. Аксакова женщины принимали деятельное участие в «громкой жизни подвигов»: «Они часто также носят куяки, панцири, кольчуги, также выезжают в поле искать бранных опасностей. Сила их иногда не уступает мужской»¹. Ссылаясь на конкретных богатырш – Настасью-королевишну, Василису Микулишну и др. – Аксаков пришёл к выводу, что славянская женщина была независима и имела равные права с мужчиной даже в ратном деле, и поэтому не признавал идею о рабстве или угнетении женщин у славян². М.О. Меншиков также писал, что «наш эпос знает – наряду с богатырями – и богатырш, да ещё более крепких, чем их отцы и братья»³.

Модель фемининности – «русская православная женщина» – органично вписывалась в систему ценностей консерваторов. М.П. Погодин отмечал значение пресвятой девы Мария как венца древнего мира: «Так точно женщинам, освящённым Мариною, христианская религия дала права их... женщины начали принимать участие в жизни»⁴. Идеи С.П. Шевырева были созвучны позиции Погодина: «Радуйтесь, жены! Древний плен ваш кончился: не изнеженности нравов, как в Греции, не обычаям диких Германцев, даже не семейному быту Рима вы обязаны будете своею свободою, а Ей – Матери Божией! Она разрушит на вас оковы всемирного унижения и оградит вас в обществе Своим целомудрием. Она, Сама бывшая сосудом Бога на земле, смирит непреклонную гордость мужа перед вами, как перед сосудом немощным»⁵. Мыслитель подмечал чрезвычайно важную роль женщин-христианок в воспитании детей: «Известно, какое славное участие принимали жены в распространении Христианства, а жены

¹ Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 321.

² Там же.

³ Меншиков М.О. Выше свободы. URL: http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0090.shtml (дата обращения – 20.07.2013).

⁴ Погодин М.П. Избранные труды. С. 146, 156.

⁵ Шевырёв С.П. Избранные труды. С. 258.

могли только действовать в недрах семейств. В жизнеописаниях Св. Отцов первобытной Церкви сияют имена их матерей. Св. Иоанн Златоуст был воспитан матерью своею Анфусою, которая овдовела в самом цветущем возрасте и для воспитания сына пожертвовала всеми прелестями жизни. Григорий Богослов родился от благочестивой Христианки Нонны, был плодом молитв её, и от неё вместе с молоком принял первые семена Религии. Эмилия, блаженная мать Василия Великого, воспитала целую семью подвижников Христианства»¹.

Традиционные женские роли жены и матери С.С. Уваров демонстрировал в очерке, написанном по случаю кончины вдовы Александра I – императрицы Елизаветы, которую консерватор назвал одной из самых «совершенных женщин, когда-либо живших на земле»². Будущий министр просвещения видел особую связь императора и императрицы, но не видел в ней самостоятельную личность, называя её частицей императора, а его – лучшей половиной её существования: «У императрицы только одно желание: ни на одну минуту не разлучаться со своим августейшим супругом»³.

С.С. Уваров отмечал женские добродетели императрицы – её скромность, благочестие, желание жить без чванства и огласки: «Одаренная большим тактом и изящным вкусом, обладая массой разнообразных и глубоких познаний, она всегда старалась скрывать свои дарования... Ея ум имел свойство созерцания... но вместе с тем пылкое и богатое воображение придавало этому строгому уму прелесть и грацию простоты... Освоенная со всей европейской литературой и, постигая отдельный характер каждой нации, императрица почерпала у всех источников умственной жизни богатство мысли и зрелое мышление, придававшая ей беседе замечательный характер»⁴. Не оставил без внимания Уваров и красоту императрицы: «Императрица Елизавета сохранила, до последней минуты своей жизни, наружность величавую и приветливую, покорявшую все сердца;

¹ Там же. С. 260.

² Уваров С.С. Императрица Елисавета Алексеевна. Род. 13-го янв. 1779 г., ум. 4-го мая 1826 г. URL: <http://memoirs.ru/texts/UvarovRS1884.htm> (дата обращения – 11.12.2011).

³ Там же.

⁴ Там же.

прелестный орган, восхитительный стан, грацию во всех движениях, полную простоты и царского величия. Ея дивная красота, не имея себе ничего подобного, поразила всю Россию»¹.

Тон некролога свидетельствует о том, что Уваров сочувствовал императрице в её нелёгкой царской доле. Он писал о «тесном круге жизни женщины», определенным «судьбой и любовью», о постоянном уединении императрицы, о её связи с природой, об отдохновении в искусствах.

Социальное назначение женщин и идеалы женственности К.П. Победоносцева диктовались православными ценностями: «Чистый, святой образ Матери Божией должен каждую минуту напоминать деве христианской, что нет на земле имени и места святее и чище имени и места Девы»². Модель взаимоотношений матери и сына, соотносившую читателей с Богоматерью и Иисусом, Победоносцев регулярно воспроизводил в педагогических текстах³. Основные черты Девы Марии – чистота, скромность, любовь, смирение, забота о детях, по мнению обер-прокурора, должны были составлять портрет каждой россиянки: «В народных сказках и легендах наших – самая могущественная фея всегда меньше всех ростом. В учении о благодати смирение выше всех добродетелей, и живой образец смирения – Мадонна»⁴.

В рамках православного идеала Победоносцев создал галерею женских портретов – Великой княгини Елены Павловны, баронессы Эдиты Федоровны Раден, руководительницы женской школы Надежды Павловны Шульц.

Обер-прокурор подчёркивал важность умственной и нравственной красоты женщин, обусловленную истинной православной верой, которая также придавала им такие черты, как доброта, терпение, страдание, скромность, милосердие. Он отмечал не интеллект женщин, а «умственное одушевление», которое, в частности, позволяло великой княгине быть для общества «светлым центром» в

¹ Там же.

² Победоносцев К.П. Избранное. С. 314.

³ Там же. С. 317–320, 338.

⁴ Там же. С. 440.

собраниях её гостиных¹. О дружбе славянофила Самарина и баронессы Раден он писал, что их переписка «останется навсегда памятником дружественной борьбы крепкого, *глубокого мужского ума* (курсив мой. – Н.К.), проникнутого сознанием правоты своей, с *глубокою женской душой* (курсив мой. – Н.К.), вооружённую всей горячностью чувства, ищущего правды в человеческих отношениях», противопоставляя ум как преимущественно мужское качество душе в целом как женскому атрибуту².

Богатство душ описанных Победоносцевым женщин было направлено на служение людям. Обер-прокурор отмечал роль Великой княгини и баронессы Раден в создании Крестовоздвиженской общины сестер милосердия в период Крымской войны, в помощи талантам, в участии в подготовке реформы по освобождению крестьян³.

Относительно Великой княгини Победоносцев подчеркивал принципиально важное для него свойство представителей аристократического круга – умение нести бремя власти: «В лице Её объявлялось и оправдывалось предо всеми высокое и благодетельное общественное значение сана. Она носила свой сан достойно и праведно»⁴.

К.П. Победоносцев обращал внимание на иноземное происхождение и Великой княгини, и баронессы Раден, которые тем не менее прониклись уважением к Русской православной церкви и являлись истинными патриотками России.

Заслуги Надежды Павловны Шульц обер-прокурор видел в её работе «на пользу русского просвещения», так как она занималась подготовкой будущих жен сельских священников, каждая из которых должна была стать не только хозяйкой, но и «учительницею детей своих», «помощницею мужа в народном обучении»⁵. «Я ставлю, прежде всего, своим долгом – просветить ум своих воспитанниц,

¹ Там же. С. 138.

² Там же. С. 163.

³ Там же. С. 136–139, С.145–163.

⁴ Там же. С. 137.

⁵ Там же. С. 140.

утвердить у них в сердце горячее желание приносить пользу и делать добро на всяком месте, где ни случится им быть... Чем просвещённее будут они, тем лучше поймут, что никакое занятие не ниже их достоинства, если только может приносить пользу», – цитировал обер-прокурор Н.П. Шульц¹.

Поэтому Победоносцев рекомендовал в числе «весьма замечательных» книг, официально предназначенных для руководства при обучении в женских школах, «Нравственное и гражданское наставление молодым девицам» г-жи Гревилль. Он признавал положительную сущность предложенного автором учения: «Оно зовёт к порядку, к доброй нравственности, к чистоте мысли и намерения, к добродетели и обращается энергически к чувству и сознанию долга, а женщине строго указывает её обязанности в домашней жизни и в обществе»².

К.Н. Леонтьев приветствовал женское религиозное движение³, которое планировал использовать как ресурс в консолидации власти для достижения идеала сильного государства: «До сих пор я говорил почти исключительно о мужчинах, потому что их религиозность несравненно важнее женской... Но если мы признали, что вера чистосердечная (женская и народная) полезна даже и в те времена, когда передовые мужчины охладевают к религии, то в такую эпоху, когда, напротив, у этих передовых мужчин начинает замечаться отвращение к рационализму и безбожию и является поворот к вере, – женская религиозность своей беззаветностью и симпатичностью может удесятерить возрастание религиозных сил в целом обществе нашем»⁴. Поэтому мыслитель выступал за увеличение женских монашеских общин. В результате женский ресурс должен был быть задействован в предложенной Леонтьевым модели невестернизированной, национально-ориентированной модернизации, и при этом должен был сохраниться в качестве архаической иллюстрации русской традиционной культуры.

¹ Там же. С. 142.

² Там же. С. 320.

³ Леонтьев К.Н. Избранное. С. 595–597.

⁴ Там же. С. 596–597.

С точки зрения М.О. Меньшикова, для христианского мирозерцания женственное воплощалось в невинности: «Для нас идеалом женственности служит мать, не переставшая душой быть столь же целомудренной, какою была до брака»¹. Полагая, что «змеиным коварством смуты, подлогом высоких целей увлечены бесчисленные толпы русских женщин», консерватор предлагал противопоставить этому «национальный, патриотический разум»: «Следовало бы незараженным русским женщинам соединяться в кружки, общества, союзы, чтобы общими силами бороться с бедой»². По его мнению, такие патриотические женские кружки могли бы принять великое имя княгини Ольги и выполняли бы задачи по поддержанию христианских начал культуры³. «Пусть честные русские женщины вспомнят Христа и спросят бунтарей: “Неужели хватать за горло – это свобода? Неужели метать бомбы, без суда, без следствия – это равенство?”», – писал мыслитель⁴.

Негативные модели феминности консерваторы конструировали в противоположность позитивным. Их отрицательный характер задавался невыполнением женщинами своих домашних/семейных обязанностей и их стремлением проявить свою «женскую власть», влиять на публичную сферу.

Проблему «женской власти», на мой взгляд, необходимо рассматривать в двух измерениях – публичном и частном. В первом случае речь идёт о «женщине на троне», во втором – о проявлении женской власти в приватной сфере. Сошлёмся на П.А. Вяземского: «В женщинах мы видим торжество силы слабостей. Женщины правят, господствуют нами, но чем? Слабостями своими, которые нас привлекают и очаровывают. Они напоминают ваяние, представляющее амура верхом на льве. Дитя обуздывает царя зверей»⁵.

¹ Меньшиков М.О. Выше свободы. URL: http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0090.shtml (дата обращения – 20.07.2013).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Вяземский П. Записные книжки. Книжки первая, вторая. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0070.shtml. (дата обращения – 20.04.2012).

В последнем варианте «женская власть» понималась как особая власть, позволяющая женщинам достичь желаемых целей¹, в том числе через подчинение мужчин. С точки зрения Е.А. Здравомысловой и А.А. Тёмкиной, женская власть как «власть слабых» в отличие от мужской власти «сильных» с её легитимным принуждением обладает следующими характеристиками: выступает как манипулирование или не прямое влияние на тех, кто доминирует открыто; границы её легитимности неопределенны и подвижны; носители такой власти могут ускользнуть от ответственности за результаты действия; женская власть укоренена в сфере семейных и интимных эмоциональных отношений, погружена в повседневность; она индивидуализирована, рутинизирована и потому трудно распознаваема, её трудно разрушить как таковую².

Какие представления о «женской власти» можно реконструировать в трудах консерваторов? Среди качеств «козлиц» семейной жизни Леонтьев отмечал своеволие, неуважительность к мужу, ехидство, грубое сердце, а среди недостойного поведения – курение в церкви: «Наши дамы до того избаловались, что ужас!.. я говорю об их “правовом”, так сказать, “фырканье”, об их крайне неделикатном отношении к слабостям и недостаткам мужа, об их дурацком воображении, что они, дуры, словно обязаны иметь свое мнение обо всем и т. д.»³. Мыслитель предлагал бороться с данным явлением телесными наказаниями женщин: «Нынешние женщины привыкли безнаказанно говорить мужьям, любовникам, братьям, знакомым, даже отцам или воспитателям такие вещи, за которые телесное наказание весьма ещё слабое возмездие»⁴.

К.П. Победоносцев даже позволял себе критиковать вторую жену императора Александра II княгиню Юрьевскую за то, что она держит себя нескромно: «Она постоянно вмешивалась – в послеобеденном кружке – в разговор, выпуская резкие

¹ Репина Л.П. Гендерная иерархия и «власть женщин» // Искусство власти / отв. ред. О.В. Дмитриева. СПб., 2007. С. 486–504.

² Российский гендерный порядок: социологический подход. С. 75–78.

³ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 310.

⁴ Там же. С. 573–574.

замечания и отзывы, в которых выражалась – довольно глупо – претензия высказать свое мнение о лицах... Словом сказать – девка девкой»¹.

Анализируя поговорки русского народа, Л.А. Тихомиров пришёл к выводу, что и русский народ полностью разделял установки Ивана Грозного: «Горе тому дому, коим владеет жена, горе царству, коим владеют многие»². Данную мысль Тихомиров развивал, комментируя современный ему политический процесс – правление Николая II. В своём дневнике он сожалел о подчинении царя его супруге: «О Государе болтают, что он в Ставке отнесся к смерти Распутина очень безразлично, но, прибыв в Царское Село, подпал настроению Супруги. Вообще говорят, будто бы он, безусловно, под её влиянием»³. В дневнике 1917 г. находим запись аналогичного содержания: «Рассказывают... будто Государыня просит, чтобы Государь предоставил ей всё внутреннее управление, а сам был при армии»⁴. Связывая вмешательство императрицы в политику и кризис самодержавной власти, он писал после отречения Николая II от власти: «Я думаю, что основная причина гибели царя – его ужасная жена. Но, конечно, не погибать же стране из-за неё... А он был под башмаком»⁵.

По логике И.А. Ильина, если подданные доверяют монарху, то значит, он должен обладать полнотой власти и полнотой ответственности⁶. В таком случае возникает проблема реальной автономии монарха, когда позволяется «встать между государственным делом и своим решением другому человеку»⁷. Среди субъектов, способных ограничить автономию монарха своим влиянием, Ильин указывал: 1) других членов династии, 2) женщину или женщин (любовниц), 3) войска (преторианцы), 4) деньгодателей или банкиров, 5) придворные партии и камарильи, 6) духовенство, 7) временщиков⁸. Как видим, женщин как агентов

¹ Победоносцев К.П. в 1881 году (Письма к Е.Ф. Тютчевой). С. 182.

² Там же. С. 272.

³ Дневник Л.А. Тихомирова. С. 221.

⁴ Там же. С. 325.

⁵ Цит. по: Репников А.В. Лев Александрович Тихомиров // Отечественная история. 2008. № 2. С. 155.

⁶ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2, кн. 2. С. 555, 557.

⁷ Там же. С. 576.

⁸ Там же.

влияния он расположил на втором месте. «Рядом с безвольным монархом появляется его незаконный волевой двойник – иногда в лице его супруги или родственника, иногда в лице временщика, избранного самим государем, или ловко выдвинувшегося интригана», – писал И.А. Ильин¹.

Негативные образы фемининности, выработанные в политической философии консерватизма, условно можно разделить на следующие модели: «женщины-политики», «новые женщины», «светские львицы», «женщины-революционерки».

Модель фемининности «женщина-политик» предложил в лице Марфы Борецкой Н.М. Карамзин. Историческая повесть «Марфа-посадница или Покорение Новгорода» была создана Карамзиным в 1802–1803 гг. и опубликована в литературно-политическом журнале «Вестник Европы»².

События исторической повести «Марфа-посадница» посвящены теме присоединения Новгорода к Москве и относят нас к 1485 г. – к первым попыткам централизации русских земель московскими князьями. Осуждая феодальную раздробленность, автор повести показывал мудрость московского государя: «Мудрый Иоанн должен был для славы и силы отечества присоединить область Новгородскую к своей державе: хвала ему»³. На этом фоне он демонстрировал историческую обречённость Новгорода, воплощённую в женском образе Марфы Борецкой. Ю.М. Лотман так пишет по этому поводу: «Попытки реализовать химеру теоретиков могут прикрывать или благородство трагически обреченных мечтателей, или своекорыстный эгоизм честолюбцев – и тем и другим противостоит осторожная мудрость государственных практиков. Таков конфликт между благородной носительницей идеалов новгородской свободы, “Катоном своей республики” Марфой, идеалов, уже преданных и обреченных на гибель падением нравов и эгоизмом новгородцев, и суровым орудием государственной пользы Иоанном в повести “Марфа-посадница”»⁴.

¹ Там же. Т. 2, кн. 2. С. 274.

² Вестник Европы. 1803. Ч. 7, № 1, 2, 3.

³ Карамзин Н.М. Избранные произведения. М.;Л., 1964. Т. 1. С. 680.

⁴ Лотман Ю.М. Карамзин: Сотворение Карамзина... С. 275–276.

С моей точки зрения, Карамзин выбрал не случайно из всех драматических событий присоединения русских земель к Москве именно новгородский, а не тверской, не рязанский или какой-либо другой сюжет. Впервые в русской истории борьбу целой территории за независимость возглавила женщина. Карамзин всячески подчёркивал уникальность данной ситуации: «Однако же природа любит иногда чрезвычайности, отходит от своего обыкновенного закона и даёт женщинам характеры, которые выводят их из домашней неизвестности на театр народный... Марфа-посадница была чрезвычайная, редкая женщина, умев присвоить себе власть над гражданами в такой республике, где женщин только любили, но не слушались»¹. Описывая свой образ жизни до столкновения Новгорода с Москвой, Марфа, по словам Карамзина, рассказывала детям, что «было время... когда мать ваша жила единственно для супруга и семейства в тишине дома своего... не знала ни вольности, ни рабства, не знала, повинуюсь сладкому закону любви, что есть другие законы в свете, от которых зависит счастье и бедствие людей»².

Карамзин в принципе осудил желание Борецкой заниматься политикой: «И летописи и старинные песни отдают справедливость великому уму Марфы Борецкой, сей чудной женщины, которая умела овладеть народом и хотела (весьма некстати!) быть Катонем своей республики»³. Однако историческая реальность, воссозданная Карамзиным, была такова, что помимо Марфы не нашлось граждан, желавших и способных артикулировать выступление против притязаний Иоанна. Отсутствие сильных мужчин-воинов, которое и привело Марфу к нестандартному решению стать посадницей, также показывает историческую обреченность Новгорода. Поскольку Марфа в силу своего пола не могла возглавить войнство, она назначила молодого юношу Милослава главой новгородского войска. В этом Карамзин видел одну из многочисленных политических ошибок, совершённых Марфой, – её недалёковидность как

¹ Карамзин Н.М. Избранные произведения. Т. 2. С. 227.

² Карамзин Н.М. Избранные произведения. Т. 1. С. 703.

³ Там же. С. 681.

политика. «Только страстную, пылкую, умную, а не великую и не добродетельную женщину» видел в Марфе, по словам Карамзина, летописец¹, который отмечал её «тайное побуждение», «фанатизм», мешавшие Марфе стать достойным политиком. Единственно мудрым общественным деятелем в повести выступает московский князь Иоанн, который, по словам Карамзина, «всё предвидит, и, зная, что разделение государства было виною бедствий его, он уже соединил все княжества под своею державою и признан властелином земли русской»². По Карамзину, Марфа не понимала значения централизации государственной системы для борьбы с монголо-татарами, требовала от новгородцев неразумных действий сопротивления Москве и даже не видела «знаков» грядущего поражения – падение башни с вечевым колоколом накануне битвы³. Тем не менее, Карамзин называл её «величавой женой», «мудрой», «великодушной», «смелой», описывал тихий, важный и скорбный облик Марфы. Карамзина привлекали люди с сильным характером, в Марфе он воплотил образ выдающейся женщины, которой он, несомненно, сочувствовал.

В повести сходятся две правды, два порядка, две политические системы, имеющие гендерный подтекст – Московская и Новгородская. Московская правда славилась самодержавием – «народы мудрые любят порядок, а нет порядка без власти самодержавной»⁴. Она воплощала в себе власть отцовскую, которая не потерпит «отделение старшего сына Новгорода от братии»⁵. Московская правда видела в действиях Новгорода не только нарушение традиций единой государственной власти, заложенной Рюриковичами, но и признаки государственной измены, мятежа, посягательства на исконно законную власть. Правда новгородская славилась вольностью и честью. Марфа отстаивала эту правду, обличая на народном собрании «клевету» и «властолюбие» московского князя, его корысть и зависть к благополучной судьбе и богатствам Новгорода, не пострадавшего от монголо-

¹ Там же.

² Там же. С. 685.

³ Там же. С. 682.

⁴ Там же. С. 683.

⁵ Там же.

татарского ига¹. Марфа Борецкая являлась единственной персоной, которая до конца отстаивала историческую правду и политическую модель Новгорода. Перед казнью она говорила: «Если любовь к свободе есть преступление для гражданки вольного отечества, то я не буду оправдываться... я всё принесла в жертву свободе моего народа... Подданные Иоанна! Умираю гражданкою новгородскою»².

Как и в других произведениях Карамзина, в нарративной структуре «Марфы-посадницы» важную роль играли мотивировки и психологические тонкости³. Поскольку женщины в Новгородской республике не могли участвовать в народном собрании, то первой задачей своего выступления Марфа считала обоснование легитимности своего поведения. «Сердце моё любит славу отечества и благо сограждан... Жена дерзает говорить на вече, но предки мои были друзья Вадимовы (Вадим Храбрый – герой Новгорода, выступавший против Рюрика. – *Н.К.*), я родилась в стане воинском под звуком оружия, отец, супруг мой погибли, сражаясь за Новгород. Вот право моё быть защитницею вольности! Оно куплено ценою моего счастья»⁴. Патриотизм, кровь предков, место рождения и, наконец, статус вдовы, за которую некому постоять, – вот причины нарушения Марфой гендерного политического порядка. Однако главным фактором, побудившим Марфу выступить в качестве политического лидера, являлась супружеская клятва, которую она дала мужу перед его смертью. «С моею смертью умолкнет голос Борецких на вече, где он издревле славил вольность и воспалил любовь к отечеству... Клянись заменить Исаака Борецкого в народных советах, когда его не будет на свете!», – так супруг требовал от неё отказаться от традиционного для женщины образа жизни⁵. Муж апеллировал к честолюбию Марфы, ссылаясь на жён тех князей, которые мстили врагам после их смерти, и требовал, чтобы Марфа превзошла их. О данной клятве Марфа рассказывала своим детям: «Что ж

¹ Там же. С. 688–690.

² Там же. С. 727.

³ Топоров В.Н. Указ. соч. С. 190.

⁴ Карамзин Н.М. Избранные произведения. Т. 1. С. 687.

⁵ Там же. С. 703.

действует в душе моей?.. Одна любовь... к отцу вашему, сему герою добродетели, который жил и дышал отечеством!»¹. После открытия читателю повести клятвы посадницы умирающему супругу становится понятным отмечаемый летописцем «фанатизм» Марфы. Её политическая деятельность являлась следствием выполнения ею социальной роли жены. В ходе событий Марфа регулярно приходила на могилу своего супруга Исаака Борецкого, разговаривала с его тенью, отчитываясь в совершенных делах.

Марфа рассказывала детям о преобращении своего сознания, о своём становлении истинной патриоткой Новгорода. «Некогда робкая, боязливая... с смелою твердостью председатель теперь в совете старейшин, является на лобном месте среди народа многочисленного, велит умолкнуть тысячам, говорит на вече, волнует народ, как море, требует войны и кровопролития», – так говорила о себе Марфа². Раскрывая собственные личностные черты характера, она противопоставляла мужские и женские качества: «Гордость, славолюбие, героическая добродетель есть свойство великого мужа: жена слабая бывает сильна одною любовию»³. Таким образом, самостоятельность в вопросах политики, по Карамзину, не может быть свойственна женщинам. Сила чувств – единственный источник, который питал присутствие Марфы в публичной жизни Новгородской республики.

По мере приближения к развязке сюжета Карамзин придал Марфе черты Богородицы с её качествами заступницы, покровительницы. Он изобразил Марфу, окружённую символами изобилия и дарами земными: «многочисленные слуги носили за нею корзины с хлебами», а она раздавала их голодавшим во время осады новгородцам⁴. Карамзин показал внутреннюю борьбу Марфы со своими страданиями и её упорство: когда народ начал голодать и роптать, одна Марфа осталась «тверда душою, деятельна в совете, словоохотна на Великой площади

¹ Там же. С. 703–704.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 701.

среди граждан и весела с домашними»¹. Несмотря на воинственный, агрессивный стиль поведения, образ Марфы не становится менее женственным. В день решающей битвы «новгородцы составляли одно семейство: Марфа была его матерью», была «любима народом своим», «хотела казаться равною со всеми и казалась царицею»². Многие сами упали на колена перед Марфою, называли её «материю новгородскою»³. Она вдохновляла народ и во время битвы: стояла на стене, держала в руке хоругвь отечества; иногда, видя отступление новгородцев, она грозно восклицала и махом святой хоругви обращала воинов в битву. «Имя вольности и Марфы бывало также радостным кликом победителей (ибо вольность и Марфа одно знаменовали в великом граде)», – признавал Карамзин⁴. После поражения Марфа из грозной стала смиренной, но не сдалась; она затворилась в доме Борецких, занялась рукоделием и ждала решения своей участи.

В последнем слове Марфы, обращённом к дочери, она подвела итоги своей политической деятельности: «Я всё принесла в жертву свободе моего народа: самую чувствительность женского сердца... самую нежность матери»⁵. Марфа считала, что она исполнила клятву перед мужем: «ибо князь московский считает меня достойною погибнуть вместе с вольностию новгородскою»⁶. Казнь Марфы являлась логичным заключением её земного женского пути. Не имея возможности погибнуть в битве как мужчина-воин, она умерла на эшафоте как равная мужчинам.

Смерть Марфы означала установление нового политического порядка, имевшего гендерный контекст: царство матери сменилось царством отца. «Да узнает народ, что Иоанн желает быть отцом его... отныне вся земля русская будет вашим любезным отечеством, а государь великий – отцом и главою... Не вольность, часто гибельная, но благоустройство, правосудие и безопасность суть три столпа гражданского счастья: Иоанн обещает их вам пред лицом бога

¹ Там же.

² Там же. С. 706.

³ Там же. С. 722.

⁴ Там же. С. 717.

⁵ Там же. С. 725.

⁶ Там же. С. 724.

всемогущего...» – говорил в повести князь Холмский¹. Самодержавие как царство отца утвердило новую политическую систему. Карамзин показал, что Марфа проиграла как политик. Налицо одна из причин её проигрыша – ограниченность властных ресурсов: Марфа не могла представлять политическую власть в силу своего пола. Как женщина она не имела в Новгороде ни гражданской, ни военной власти. Но она обладала авторитетом и была духовным вдохновителем борьбы за независимость. Поэтому Карамзин так ярко прописал достоинства Марфы – её величавость, великодушие, жертвенность, упорство, патриотизм, умение владеть словом, необходимые для завоевания доверия новгородских граждан.

Марфа была политиком неопытным: публичный мир открылся ей только тогда, когда она стала взрослой женщиной. Она – политик по необходимости. Война как общая судьба для всех жителей Новгорода явилась тем чрезвычайным условием, при котором стало возможным вхождение женщины в сферу политической власти. На мой взгляд, клятва мужу – ключевой фактор в формировании гражданского самосознания известной новгородской жены. Данный супругу обет потребовал от Марфы мобилизации духовных сил, отказа от частных ценностей, которые необходимы ей для становления в качестве духовного лидера и символа вольности Новгорода. Таким образом, Карамзин описывал Марфу как чрезвычайно примерную жену, готовую выполнить любую волю мужа, даже нетипичную для русской женщины того времени социальную роль политика. Но обреченность публичной миссии Марфы вытекала из её статуса как жены: она должна разделить судьбу супруга, погибнуть за Отечество. Придание действиям Марфы частно-семейной мотивации принизило её самостоятельность как политика, обесценило её подвиг, но в то же время облегчило её восприятие как политика, поскольку она не нарушила традиционных женских ролей. Более того, Карамзин усилил женственные черты Марфы качествами Богородицы и зафиксировал создание в Новгороде матриархального сообщества во главе с Марфой в период сопротивления. Поражение власти матери Новгорода – Марфы – являлось показателем крушения старого

¹ Там же. С. 727.

политического порядка и проявлением эффективности нового, отцовского, самодержавного порядка. Таким образом, гендерное насыщение политического процесса через личность Марфы было необходимо Карамзину для демонстрации силы и величия складывавшегося самодержавия. В консервативном мировоззрении Карамзина женщины-вдовы выступали жертвами своей любви к мужьям и отечеству, жертвами трагического фатализма патриархального гендерного порядка.

Образ «новой женщины» в философии консерватизма – это модель фемининности, суть которой заключается не только в выходе из частного круга семьи и вступлении в общественную жизнь, но и в посягательстве на публично-политическое пространство, стремлении переопределить «правила игры» между полами. К «новым женщинам» XIX в. исследователи относят шестидесятниц-нигилисток и революционерок¹.

С.С. Уваров создал портрет «новой женщины» в лице мадам де Сталь. Его обращение к персоне де Сталь, с точки зрения исследователей, не является случайным, это – стремление бывшего министра подчеркнуть через знакомство с французской писательницей собственную значимость². «Эта выдающаяся женщина принадлежит отныне истории», – писал уже отставной министр³. Тон очерка в некоторых отрывках текста носит характер презрения и насмешливости.

Урожденная Анна-Луиза Жермена Неккер (1766–1817) – одна из наиболее ярких фигур общественно-политического пейзажа Европы рубежа XVIII–XIX вв. С рождения она принадлежала к аристократическому кругу, общалась с известными французскими писателями и мыслителями. О себе Жермена заявила собственными литературными произведениями⁴. Изгнанная Наполеоном из

¹ Пиетров-Эннер Б. «Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М., 2005; Рабжаева М. Женская эмансипация как опыт конструирования гендера (на материале социокультурной ситуации в России 50–60-х гг. XIX в.) // Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 172–189; Новые женщины» и старые гендерные порядки / под ред. В.И. Успенской. Тверь, 2011.

² Уваров С.С. Избранные труды. С. 697.

³ Там же. С. 529.

⁴ Аникст А.А. О жизни и творчестве Жермены де Сталь // Сталь Ж. де. О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями. М., 1989. С. 7–34.

Франции, упрямая, не подчинившаяся его произвольной и капризной воле¹, по словам Уварова, Жермена де Сталь была вынуждена путешествовать по европейским странам, культурная и общественно-политическая жизнь которых являлась объектом её изучения. Уваров ставил имя м-м де Сталь в один ряд с французским писателем и общественным деятелем Шатобрианом, а произведения обоих квалифицировал как «полную революцию в древнем владении французского духа», как переворот в литературе с целью расширить языковые границы и увеличить её возможности². Уваров писал, что оба великих писателя были первыми прозаиками своего времени, а по своему стилю м-м де Сталь была прямым последователем Руссо. Во время пребывания в России писательница встречалась с российским императором Александром I, с которым впоследствии вела переписку о судьбах Европы. Таким образом, как фигура мадам де Сталь, так и её произведения приобрели публичный характер.

Очерк Уварова о Жермене де Сталь – это его воспоминания об их совместном пребывании в Вене зимой 1807/1808 г. Прежде чем приступить в очерке к описанию м-м де Сталь, Уваров как бы мимоходом дал характеристику личности графини де Ромбек, в доме брата которой (австрийского посла в России Л. фон Кобенцля) и состоялось знакомство будущего российского министра с французской изгнанницей. Уваров назвал графиню «самой оригинальной из женщин», главным двигателем жизни которой была преданность брату. Не имевшая детей госпожа де Ромбек никогда с братом не разлучалась. «Неисчерпаемая сердечная доброта, подлинная чувствительность, возвышенный ум, богатое воображение – всё это в ней соединялось с веселым и шутливым, почти шутовским характером, впрочем, не вредящим приятности ее пола», – писал С.С. Уваров³. Одним из ценимых Уваровым качеств была подлинная аристократичность, ибо она «принимала гостей в своем салоне с изяществом и тактом, выделяющими её на фоне остальных»⁴.

¹ Уваров С.С. Избранные труды. С. 525.

² Там же. С. 526.

³ Там же. С. 523.

⁴ Там же.

На фоне блестящей характеристики графини де Ромбек Уваров наносил первый штрих к портрету м-м де Сталь, причём делал это в традиционном ключе: он оценивал её внешность: «Среднего роста, довольно полная <...> платье в стиле ампир с высокой, почти до груди, талией придавало всей её фигуре что-то неуклюжее и массивное»¹. Автор отмечал красоту её живых черных глаз и белых круглых рук, но при этом констатировал, что «всё остальное было вульгарно и почти безобразно»².

Однако недостатки внешности писательницы, с точки зрения Уварова, компенсировали её способность естественно и непринужденно поддерживать разговор, умение одинаково легко говорить на все темы, которые позволяли ей проявить всё разнообразие своего красноречия³. Искусство салонной беседы более всего ценил Уваров в писательнице и, с его точки зрения, именно оно позволило преодолеть негативное отношение к м-м де Сталь высшего света Вены: «Она то устремлялась в глубины политических и социальных проблем, то затрагивала метафизику чувств... Не каждый мужчина мог оспорить у нее пальму первенства в импровизации»⁴. Периодически проявлявшееся снижение высоких стандартов ведения светской беседы французской писательницей Уваров связывал с её экспансивностью, которую считал фемининным качеством. Когда речь заходила о вопросах, связанных с эмоциями, Жермена де Сталь впадала в чувствительную туманность, часто лишавшую её речь чистоты и определённости, и сама того не осознавая, едва не становилась посмешищем⁵.

Уваров писал, что м-м де Сталь соблюдала все правила салонной игры, которые табуировали разговоры на политические темы: «По взаимному соглашению людей хорошего тона между госпожой де Сталь и князем де Линем никогда не было произнесено ни одного серьёзного слова о 1789 году. В этом вопросе у них была полная несовместимость, никогда они не смогли бы понять

¹ Там же.

² Там же. С. 524.

³ Там же. С. 525.

⁴ Там же. С. 526–527.

⁵ Там же.

друг друга в том, что касалось революции»¹. Нежелание Уварова обсуждать политику в салонах, по-видимому, можно связать с тем, что он понимал возможность расколов в аристократической среде по партийно-политическому принципу. Стараясь сохранить единство и целостность аристократического круга, он считал политику исключительно прерогативой монарха.

С.С. Уваров уделял внимание и научным талантам м-м де Сталь. При этом он отмечал некоторую несамостоятельность писательницы, которая поручала подготовительную работу над материалами своему секретарю, учителю своего сына – немецкому мыслителю Августу Вильгельму Шлегелю. «Влияние господина Шлегеля на мадам де Сталь было слишком велико», – писал Уваров². Среди произведений писательницы он особо выделял тексты, посвящённые общественно-политической проблематике. В частности, «Рассуждение о Французской революции», в котором она выразила созвучное его мнению осуждение переворота, он расценивал как свидетельство полной зрелости её «чудесного таланта»³. Её стиль, с точки зрения Уварова, «является отпечатком, если можно так выразиться, и *воплощением мужественности её мышления* (курсив мой. – Н.К.), не встречающегося в стиле никакой другой женщины»⁴. Мужественность писательницы, видимо, проявлялась в обращении к политическим темам, в выражении своей общественной позиции и в критической оценке исторических событий, имевших для Франции судьбоносное значение. По этой же причине Уваров высоко оценивал и произведение «Десять лет в изгнании», в котором м-м де Сталь отразила свои наблюдения о происходивших в Европе общественно-политических процессах⁵.

Итак, воссозданный Уваровым образ м-м де Сталь, с одной стороны, вписывался в рамки консерватизма середины XIX в. Главными женскими качествами согласно нормам традиционной гендерной культуры – красотой и

¹ Там же. С. 528.

² Там же. С. 524.

³ Там же. С. 529.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

величием – м-м де Сталь не обладала и компенсировала свои эстетические недостатки другими чертами, свидетельствовавшими о её принадлежности к высшему свету, а именно обаянием и искусством вести салонную беседу. В рамках идеологии Просвещения Уваров признавал за женщиной в лице м-м де Сталь право на свободу художественного творчества, но при этом осуждал сентиментализм и романтизм её текстов. С другой стороны, полагая политику мужским делом, он осуждал придание деятельности женщин общественно-политического измерения, старался уйти от обсуждения собственно политических воззрений м-м де Сталь, показывал её несамостоятельность в создании общественно-политических произведений. Итак, претендовавшая на публичные роли м-м де Сталь, стала прообразом «новой женщины» консерваторов.

Модель «светской львицы» была наиболее распространённой в трудах российских консерваторов XIX – первой половины XX в.

В противоположность семейной гармонии Н.М. Карамзин рисовал неблагополучную картину выхода женщин в свет и их общение в салонах. С точки зрения мыслителя, покидая мужа и детей ради развлечения, женщины нарушали не только свои моральные обязательства, вставали на путь разврата, но разрушали и общественный порядок: «Светские дамы, будучи всегда на сцене, привыкают думать единственно о театральных добродетелях... В самую ту минуту, когда ты, беспечная мать, прыгаешь в контрдансе, маленькая дочь твоя падает, может быть, из рук неосторожной кормилицы, чтобы на всю жизнь сделаться уродом... Сперва молодая супруга хочет только заслужить общее внимание или красотой, или любезностию, чтобы оправдать выбор её мужа, как думает, а там родится в ней желание нравиться какому-нибудь знатоку более нежели другому, а там – надобно хитрить, заманивать, подавать надежду; а там»¹.

Выход женщин за пределы пространства семьи означал для Карамзина их возможность их общения со многими мужчинами, что проблематизировало контроль за жёнами со стороны мужей. Консерватор в этой связи показывал

¹ Карамзин Н.М. Избранные произведения. Т. 2. С. 569–570.

возможность одностороннего влияния мужского пола на женский: «Мягкое женское сердце принимает всегда образ нашего»¹.

А.С. Шишков также осуждал «благородных девиц наших», которые «стыдятся спеть русскую песню»², или русских женщин, которые отказывались от национального костюма «ради полуденных мод»³. В антитезу женщинам, помогавшим и пострадавшим во время военных действий, он порицал представительниц высшего класса, требовавших французских спектаклей на том основании, что им скучно⁴.

По мнению С.С. Уварова, женские салоны играли значительную роль в развитии искусства. Поскольку в салонах «политика не составляла главного предмета разговора – она всегда уступала место литературе», считал он⁵, то поэтому мыслитель ставил салоны выше, чем университеты в развитии литературы⁶. Мыслитель ссылался в основном на совершавшие перевороты во вкусах французские салоны герцогини Дю Мен, г-ж Дюдефан, Леспинас, Жофрен, полагая, что «критика этих остроумных женщин» была для писателей «страшнее всякой критики»⁷. С.С. Уваров предлагал российский вариант салона-семьи. В своих произведениях он ссылается на приёмы у А.Н. Оленина: «Дому Оленина служила украшением его супруга Елизавета Марковна, урожденная Полторацкая. Образец женских добродетелей, нежнейшая из матерей, примерная жена, одаренная умом и кротким нравом – она оживляла и одушевляла общество в своем доме. И.С. Крылов особенно находил в ней не только участие друга, но и даже попечительность доброй матери... Совершенная свобода в обхождении, непринужденная откровенность, добродушный прием хозяев давали этому кругу что-то патриархально семейное, что не может быть понято современным

¹ Там же. С. 570.

² Шишков А.С. Избранные труды. С. 201.

³ Там же. С. 422.

⁴ Там же. С. 499.

⁵ Уваров С.С. Избранные труды. С. 518.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 520.

поколением»¹. В приведённом отрывке Уваров демонстрировал традиционные для женского пола социальные роли жены и матери, считая их воплощением женских добродетелей. Ум и кроткий нрав супруги Оленина сосредоточивался не на вопросах эмансипации и изменении гендерного патриархатного порядка, а на «одушевлении общества» и заботе о людях. Неформальный характер отношений, которые Уваров считал уже утраченными в середине XIX в., превращали всех присутствовавших на приёме в доме Оленина в большую дружную семью под сенью главы-патриарха.

В трудах славянофилов отмечалось крайне негативное влияние европейских салонов на материнские обязанности. И.В. Киреевский считал, что европейская женщина «вступала в заколдованный круг светских обязанностей прежде, чем узнала обязанности семейные», а потому «чувствительность к отношениям общественным брала в ней верх над отношениями домашними»². «Самолюбивые и шумные удовольствия гостиней заменяли ей тревоги и радости тихой детской. Салонная любезность и умение жить в свете, с избытком развиваясь за счёт других добродетелей, сделались самою существенною частию женского достоинства. Скоро для обоих полов блестящая гостиня обратилась в главный источник удовольствий и счастья, в источник ума и образованности, в источник силы общественной, в господствующую и всепоглощающую цель их искусственной жизни», – полагал славянофил³.

К.С. Аксаков считал, что салоны являлись источником разврата: «В каком водевиле, в каком анекдоте, в каком светском рассказе незаконное волокитство (а часто и хуже) за женщиной замужней не представляется как дело очень милое, вызывающее на одобрительную улыбку? По мнению света, в этом деле достойно смеха только одно лицо, именно то, которое обмануто и оскорблено, то есть муж; но обманувшие и оскорбившие пользуются полным сочувствием и одобрением света»⁴. И.С. Аксаков полагал, что светская культура России, сформированная

¹ Там же. С. 518–519.

² Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения. С. 433.

³ Там же.

⁴ Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. С. 454.

под влиянием западноевропейских ценностей, представляла собой карикатуру, «смесь французского с нижегородским»¹. «Чуть не на каждом шагу красуются все эти Madame Olga, Madame Parascovie, а на одной из центральных московских улиц нам почти ежедневно приходится любоваться вывескою аршинными буквами: “Мадам Пузина”», – утверждал славянофил². Желание облагородить русское прозвание приставкой французского слова «мадам», по мнению Аксакова, искажало общественное развитие России и трагически сказывалось на судьбах русского общества³.

Среди пороков светских женщин Н.Н. Страхов отмечал фальшивость, отсутствие искренности и естественности⁴. При этом почвенник ссылаясь на высказывания литературных персонажей: Пигасов из романа И.С. Тургенева «Рудин» уверял, что добыть естественный звук от женщины можно не иначе, как неожиданно хвативши её колом в бок⁵.

К.П. Победоносцев порицал тех женщин, которые стремились идти по несемейной жизненной траектории – заниматься литературой, наукой, политикой, обсуждать в салонах работы Милля, Вагнера, Спинозы. С точки зрения обер-прокурора, они делали это «без меры и с аффектацией», разыгрывали «сущую комедию», сами ничего не читали, а что-то где-то слышали, время проводили не в библиотеках, а на балах⁶. Неспособность светских дам вникнуть в азы философии и литературы он видел и в том, что они «проходу не дают» молодому модному философу Вл. Соловьеву и увлекаются произведениями Л.Н. Толстого, труды которых обер-прокурор не признавал соответствовавшими духу истинного православия. Об одном из салонных заседаний он писал Е. Тютчевой: «Я хохотал в душе, а жена моя, сидя все время молча, решила, что она дура и ни о чем понятия не имеет»⁷. Предметом насмешки Победоносцева являлась и

¹ Аксаков И.С. Сочинения. Т. 2. С. 634.

² Там же. С. 633.

³ Там же. С. 634.

⁴ Страхов Н.Н. Женский вопрос. С. 141.

⁵ Там же.

⁶ Майорова О. «Пишу только для Вас...». С. 222.

⁷ Там же.

благотворительность светских дам, когда на благотворительных базарах «иная продавщица-дама, ничего от себя не жертвующая, носит на себе костюм, стоящий иной раз не менее того, что выручается от целой продажи»¹.

В произведении «Характеры» обер-прокурор создал обобщенный негативный образ светской дамы – гордой и величественной Мессалины: «Перед нею широко раскрыты все большие двери; нет знатного собрания, куда бы ни приглашали её и где бы ни встречали её с почетом; около неё кружится рой знатной молодежи; громкий титул, блестящая обстановка, роскошное гостеприимство привлекают в её салон всех, кто считает себя принадлежащим к избранному обществу. Все рассыпаются в похвалах её красоте, её вкусу, её любезности, её веселому нраву»². В отличие от светского общества Победоносцев осуждал образ жизни Мессалины, который сравнивал с непрерывным праздником – «зимою на бешеной тройке, или весною на шумном гульбище в шикарном экипаже, запряженном рысаками»³. Разнузданные речи, циничные шутки, сплетни, скандалы, щебетанье взаимного самодовольства и беззаботной веселости – все атрибуты сладкой жизни – делали Мессалину плохой матерью: «В особом отделении дома живут они с гувернантками. Ей нет времени думать и о детях, посреди нервного возбуждения, в котором проходят дни её и ночи»⁴. Победоносцев обвинял Мессалину как личность за неспособность к сочувствию, за тщеславие, за эгоизм и равнодушие к судьбам других людей, за то, что она «не спотыкается поневоле о заботу, о болезнь, о горе»⁵.

Стоит отметить, что второй женский персонаж произведения – куртизанка Лаиса, которая вызывала не презрение, а только сочувствие у Победоносцева: «Спокойно и без смущения смотрю я на Лаису... На лице у неё открыто написано, кто она, чего ищет, для чего живет... и она носит на себе имя свое без лицемерия,

¹ Победоносцев К.П. Избранное. С. 279.

² Там же. С. 379.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 379–381

хотя и без стыда»¹. Обер-прокурор жалел её, сравнивая с Магдалиной, которая «много и долго грешила», «но все её грехи были отпущены ей потому, что любила она много, хотя не знала до последней встречи с истинным началом любви, куда девать любовь»².

Таким образом, модель «светской львицы» представляла собой негативный образ женственности в трудах всех консерваторов. Выход за пределы частного пространства, отвлечение от своих домашних и религиозных забот, риск нарушения супружеских обязанностей, отказ от подлинных национальных ценностей, представление о жизни как о вечном празднике – всё это наделяло в понимании консерваторов данную модель фемининности отрицательными коннотациями.

Во второй половине XIX в. в связи с развитием революционно-демократического движения в России возник феномен женщин-революционерок. Отношение к женщинам, покушавшимся на традиционные ценности, среди консерваторов было остро негативное. К.Н. Леонтьев осуждал «акушерку Засулич», решившуюся «на политическое убийство из-за коммунистических сочувствий», и проявившую «ненависть к властям предрержащим», «убив градоначальника во имя “равенства и свободы”»³.

В наиболее полной мере с данным типом женщин был знаком Л.А. Тихомиров, когда был членом революционных организаций. Исследователь О. Милевский писал, что соратницы-женщины имели громадное нравственное значение на мужчин-чайковцев⁴. Он отмечал воздействие своего рода нравственного эталона революционерки-народницы Софьи Перовской на Тихомирова, под влиянием которой он в 1876 г вступил в организацию «Земля и воля»⁵. Последующий разрыв романтических отношений между ними, женитьба Тихомирова на революционерке Екатерине Дмитриевне Сергеевой, его переход в

¹ Там же. С. 379.

² Там же. С. 383.

³ Леонтьев К.Н. Избранное. С. 377–378.

⁴ Милевский О.А. Л.А. Тихомиров: из истории формирования... С. 73.

⁵ Там же. С. 95.

консервативный лагерь были отражены им в очерке «Андрей Иванович Желябов и Софья Львовна Перовская»¹. В нём автор создал образ Перовской как нефемининной в традиционном понимании женщины. Углубляясь в детство Перовской, он писал, что «кукол она не любила, не играла ими никогда, ея игры носили, что называется “мальчишеский характер”»². Основными чертами революционерки были «самообладание и неженское мужество»³. Тихомиров отмечал также, что Перовская была большой женской патриоткой и утверждала, что мужчины ниже женщин⁴.

В «Воспоминаниях» он подчёркивал, что после встречи с будущей женой «Перовская стала казаться мне не женщиной, а мужчиной. Я увидел настоящую женскую личность, сильную не мужскими, а женскими качествами: сердцем, любящим отношением к жизни, органической силой, инстинктивным понимаем множества тонкостей, столь трудно дающихся рассудку, а вместе с тем той непередаваемой скромностью, которая составляет лучшую красоту женщины, да и высшую красоту жизни. В сравнении с Катей Перовская совершенно исчезла для меня. И благодарю Господа, что спас меня от типичной революционерки и свёл с истинной женщиной и другом. У Перовской все её женские свойства были засыпаны слишком густым слоем “идейности”, радикализма. Они проявились тогда, когда она полюбила Желябова ей на горе»⁵. Тихомиров отмечал, что его жена «для своего круга могла считаться редкой хозяйкой и работницей»⁶. Современный российский исследователь М.В. Шерстюк справедливо отмечает, что с самого начала Тихомирова привлекали в Екатерине Дмитриевне Сергеевой не качества профессиональной революционерки и не степень идейной близости, а то, что она сумела создать своему мужу хорошие семейно-бытовые условия⁷. О.А. Милевский, в свою очередь, считает, что Лев Александрович напрямую

¹ Тихомиров Л.А. Андрей Иванович Желябов и Софья Львовна Перовская. Ростов н/Д, 1907.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 53.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ Воспоминания Льва Тихомирова. М.; Л., 1927. С. 111–112.

⁶ Там же.

⁷ Шерстюк М.В. Указ. соч. С. 147.

зависел от мнения жены, которая являлась семейным лидером и сыграла большую роль в отходе Тихомирова от революционного движения¹. В то же время, исследователи жизнедеятельности Тихомирова считают, что по мере погружения его жены в семейные проблемы и отхода от революционной борьбы проявилась обратная сторона «настоящей женственности» неработающей домохозяйки – она не могла в полной мере понять и поддержать мужа в пору его духовного перелома и сложной внутренней борьбы. В письмах Тихомирова М.В. Шерстюк выделил следующую мысль мизогинистического содержания: «Печальное явление на свете эти женщины. Как было бы великолепно жить и работать, если бы их не существовало. Но видно уж судьба такая... впрочем, в конце концов, жениться – это что-то вроде кары, которую приходится переживать»².

Таким образом, по мере переориентации Тихомирова на консервативную идеологию отношение к женщинам-революционеркам изменилось с позитивного на негативное. Он так же, как и Леонтьев, связывал с именем Веры Засулич начало эры политических убийств, а её оправдание расценил как факт, превышавший «всякие выходки революционеров»³. Тихомиров с ужасом описывал в дневнике уличные сражения барышень-курсисток с полицейским⁴. Его стали привлекать женщины с консервативными взглядами и он завёл дружеские отношения с О. Новиковой – сестрой убеждённого славянофила, генерала А.А. Кареева, крестницей Александра III⁵. «Что за странная личность эта О. Новикова. Что-то из ряда вон выходящее и по уму, и по сердцу», – писал он в «Воспоминаниях»⁶.

Итак, в трудах консерваторов при описании женщин преобладали эстетические характеристики. С точки зрения гендерного подхода, в рамках традиционной патриархатной культуры это означает объективацию женщин как сексуальных объектов и недооценку их свойств и качеств, не связанных с

¹ Милевский О.А. Указ. соч. С. 123.

² Цит. по: Шерстюк М.В. Указ. соч. С. 148.

³ Тихомиров Л.А. Критика демократии. С. 225.

⁴ Тихомиров Л.А. Начала и концы. Либералы и террористы. М., 1890. С. 101.

⁵ Милевский О.А. Указ. соч. С. 187.

⁶ Воспоминания Льва Тихомирова. С. 220.

эстетической сферой. Модели фемининности, которые можно выделить в творчестве консерваторов, условно подразделяются на позитивные и негативные, к первым относятся модели «богатырши», «русской православной женщины», а ко вторым – модели «женщины-политика», «новой женщины», «женщины-революционерки», «светской львицы».

Основная линия разграничения данных моделей фемининности на позитивные и негативные проходит по границе (без)властия. Выход за пределы приватной домашней сферы, отказ от выполнения обязанностей жены/матери, претензии на власть расценивались представителями консерватизма как нарушения гендерного и политического порядков. Проявление «женской власти» как частной стратегии женщин, выраженное в использовании непрямого влияния на власть имущих, по мнению консерваторов, также представляло угрозу для стабильности общества. Неформальность «женской власти», её неопределённость и подвижность создавали препятствия для традиционных институциональных форм контроля.

В наибольшей степени в политической философии консерватизма XIX – первой половины XX в. были артикулированы две противопоставленные друг другу модели фемининности «русской православной женщины» и «светской львицы». В первой модели все социальные роли женщин мыслились консерваторами как вытекающие из их природного назначения – быть женой и матерью. Данная модель рассматривалась мыслителями в рамках конвенций патриархатного порядка как нормативная и предполагала служение общему благу. Предложенный ими ключевой женский образ Богоматери нейтрализовав мизогинизм многих консерваторов. Женщины аристократического круга, не соответствовавшие данному порядку, описывались с использованием негативных коннотаций в рамках модели «светской львицы». Консерваторы связывали появление данных женских образов с отказом от русской традиционной культуры и следованием по западно-европейскому пути развития. Ориентированные на агрегирование традиционных ценностей национальной культуры славянофилы смоделировали такой конструкт фемининности как «богатырши», который в

рамках интеллектуального пространства консервативной мысли остался маргинальным, так же как и интерес к женщинам низших сословий. Модели «новой женщины», «женщины-революционерки», «женщины-политика», по мнению консерваторов, были прямой угрозой политическому порядку.

ГЛАВА 5. «ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

§ 1. Концептуализация «женского вопроса» в трудах российских консерваторов XIX – начала XX века

Публичная дискуссия в российском обществе XIX – начала XX в. по «женскому вопросу» показала сложность, многогранность и драматичность процессов модернизации социальных установлений. Казалось, созданные самой природой традиционные институты – семья, церковь и т. д. – подвергались сомнению и критике. В частности, российский публицист Д. Мацкевич писал: «В самой глубокой древности ум человеческий предавался исследованиям характера и призвания женщины; но, под влиянием предрассудков мыслители не вникали в сущность дела, и оттого идеи их о женщине представляют странную смесь заблуждений и истины»¹.

Специфика женского и мужского полов, их отношения в социально организованном пространстве, диспозитив гендерной и национальной идентичности стали частью всеобъемлющей работы по рефлексии и ревизии фундаментальных социальных дискурсов. Анализ дискуссии по «женскому вопросу» интересен в плане разбора способов артикуляции и механизмов снятия социальных проблем. Данный анализ важен также с точки зрения оценки готовности российского общества к социальным трансформациям, к модернизации общественных отношений. В советской историографии, а также в современной российской гендерной политологии сам факт постановки «женского вопроса» рассматривался как фактор социального прогресса. Г.А. Тишкин и

¹ Мацкевич Д. Заметки о женщинах // Мужские ответы на женский вопрос в России. Вторая половина XIX – первая треть XX в.: антология: в 2 т. Тверь, 2005. Т. 1. С. 9.

И.Н. Ковалёва указывали, что дискуссия вокруг «женского вопроса» сводилась, в конечном итоге, к борьбе с крепостничеством и сопутствующими ему экономическими и нравственными явлениями в русской жизни¹. С.Г. Айвазова анализирует «женский вопрос» в контексте модернизации российского общества². На мой взгляд, сама артикуляция «женского вопроса» в родном отечестве свидетельствовала о симптомах разрушения традиционной гендерной культуры, расчленении монолитного «домостроевского» дискурса и плюрализации моделей поведения женщин и мужчин.

В этом параграфе речь пойдёт об осмыслении «женского вопроса» представителями российского консерватизма XIX – начала XX в.

Первые публикации о роли и значении женщин появились в России в XVIII в. Многие исследователи связывают это явление с реформами Петра I. Восхваления женщин в последующую за Петром I эпоху царствования женщин – четырех императриц, как писала А.Н. Шабанова, были «поверхностны» и «модны»³. Е.А. Бобровник отмечает важность социально-политических изменений второй половины XVIII в. для постановки «женского вопроса»⁴. Г.А. Тишкин относит возникновение темы социальных ролей женщин к началу XIX в. и трактует его как составную часть освободительного движения на дворянском этапе⁵. Многие исследователи полагают, что литературное творчество в 1830–1840-х гг. открыло новую страницу в обсуждении роли «прекрасного пола» в семье и вне домашнего очага, свидетельствуя о новом этапе женской истории⁶. Американский историк, изучающий российское женское движение второй половины XIX – первой трети XX в. Р. Стайтс считает, что жоржсандовская идеализация женщины и идея свободы чувства дали сильный

¹ Тишкин Г.А. Указ. соч. С. 59; Ковалева И.Н. Указ. соч. С. 119; Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917). Иваново, 1994. С. 36.

² Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998. С. 5.

³ Шабанова А.Н. Очерки женского движения в России. СПб., 1912. С. 5.

⁴ Бобровник Е.А. Указ. соч. С. 7.

⁵ Тишкин Г.А. Указ. соч. С. 6–8.

⁶ Вишневецкая Г.А. Указ. соч. С. 57; Костюкевич Л.П. Указ. соч. С. 7; Айвазова С.Г. Идеи истоки женского движения... С. 127.

толчок русской мысли, которая начала работать над созданием новых идеалов женщины и семейных отношений¹.

Определяя конкретную историческую эпоху постановки «женского вопроса» в России, я солидарна с теми исследователями, которые считают ключевым моментом для его публичной артикуляции время окончания Крымской войны². По мнению И.И. Юкиной, озвучивание «женского вопроса» перекликалось с другими актуальными вопросами – крестьянским, жилищным и пр.³, обсуждение которых позволяло уточнить более универсальные понятия социокультурной и политической жизни – смысл жизни, справедливости, представительства и т. д. Известный исследователь женского движения в России С. Шашков заостряет внимание на влиянии Великих реформ на женский труд: «Женщина сороковых и пятидесятых годов была чувствительной барыней, которая беззаботно поживала на чужих харчах и стремилась развивать в себе только чувственную сторону своего существа. Теперь она должна была подумать о самостоятельной жизни, об обеспечении своего будущего положения трудами рук или головы своей»⁴.

Исследователи «женского вопроса» отмечали, что содержание данного понятия менялось в зависимости от исторической эпохи и идейных течений в обществе⁵. Р. Стайтс считает, что в начале в рамках публичных дебатов «женский вопрос» заключался в частичном исследовании проблем женского образования и его улучшения, и лишь позднее развился во всеобъемлющую антропологическую дискуссию об индивидуальной одарённости и особенной судьбе женщин⁶. Социалисты (А. Бебель, А. Коллонтай) придали «женскому вопросу» экономическое измерение.

¹ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004. С. 51.

² Карченкова Т.А. Указ. соч. С. 60–62; Женщины в обществе: реалии, проблемы, прогнозы. М., 1991. С. 29–30; Куприна И.В. Указ. соч. С. 7–8; Зырянова И.В. Указ. соч. С. 110–114.

³ Юкина И.И. Указ. соч. С. 44.

⁴ Шашков С. Очерки истории русской женщины // Мужские ответы на женский вопрос в России. Т. 1. С. 220.

⁵ Котляревский Н. Очерки из истории общественного настроения 60-х годов: женский вопрос в его первой постановке // Вестник Европы. 1914. № 2. С. 225–252; Тишкин Г.А. Указ. соч. С. 5.

⁶ Стайтс Р. Женское освободительное движение... С. 55–56.

Первоначально осмысление «женского вопроса» происходило в узких кругах мужской интеллектуальной элиты и носило публицистический характер. В многочисленных статьях на страницах светских и церковных журналов авторы высказывали своё мнение о правовом положении женщин, их воспитании и образовании, о природе женщин и т. д.

Дебаты по «женскому вопросу» открыла статья известного российского хирурга Н. Пирогова в журнале «Морской сборник» в 1856 г. В рамках утилитарного дискурса он акцентировал внимание на пользе для общества труда медицинских сестёр, которые работали вместе с хирургом в Крымскую кампанию. Традиционный поиск женской сущности – «злое или доброе естество у женщины» – знаменитого эскулапа в принципе не интересовал. Н.И. Пирогов утверждал, что констатацию великой «разницы в организации полов, – например, меньший вес в мозгу и проч.», нельзя принимать во внимание, поскольку «это никогда не выдержит серьезной критики»¹. Привлечение женщин к практической деятельности – вот кредо Пирогова.

Принципиально важно, что сам Пирогов отмечал появление женской проблематики как признак *новой* эпохи (курсив мой. – *Н.К.*): «Этот столь современный женский вопрос есть сам по себе последствие и плод радикального стремления нашего времени и особого рода мировоззрения... а современные женские общества служат знаком новых времен»².

Ответы на «женский вопрос» в России были как «за» (М. Михайлов, В. Хвостов), так и «против» женской эмансипации (П. Бакунин, Н. Страхов, Д. Мацкевич, Н. Соловьев, М. Меньшиков, А. Гиероглифов). Полярные ответы на вопрос о возможности и пределах женской эмансипации в рамках публичной дискуссии привели к выстраиванию новых типов социального дискурса о женщине – 1) ортодоксально-консервативного и 2) эгалитарно-прогрессистского. Главные различия в позициях сторон – неодинаковое понимание значения

¹ Пирогов Н. Письмо к баронессе Раден. О крестовоздвиженской общине сестер милосердия. О женском вопросе // Мужские ответы на женский вопрос в России. Вторая половина XIX – первая треть XX в.: антология: в 2 т. Тверь, 2005. Т. 1. С. 33.

² Там же. С. 28.

«женского вопроса» в общественно-политической жизни России: является ли данный вопрос одним из симптомов кризиса традиционного общества или же, наоборот, свидетельствует о прогрессе в социальном развитии страны. В ходе дискуссии проблема «разбивалась» на более конкретные темы – укоренён ли «женский вопрос» в российской действительности (выражает ли потребности русской жизни); широка ли его социальная база; связан ли женский вопрос с устройством семьи, трудовыми процессами, с развитием личности; какие последствия решения «женского вопроса» следует ожидать и т. д.

Анализируя труды представителей дискурса первого типа, можно утверждать, что основная аргументация в пользу позитивного решения «женского вопроса» была заимствована из европейских работ по антропологии, медицине и феминизму. В трудах «рыцаря эмансипации женщин»¹ М.Л. Михайлова звучали аргументы в пользу расширения сферы женской свободы, развития женской личности². Русский марксист Ю.Г. Жуковский утверждал тождество подчинённости женщин и эксплуатации рабочего класса³. Известный отечественный публицист Д.И. Писарев писал: «И если женщина кажется менее развитой, то это результат не природной неполноценности, а недостаточного развития, проистекающего от её бездеятельности»⁴.

Для второй, консервативной, точки зрения в публицистике были характерны риторические формы аргументации с большим количеством так называемой «литературщины» – использование в качестве примеров образов женщин из художественных произведений, а не из реальной жизни. Многие работы консерваторов отличались откровенным мизогинизмом⁵. Они рисовали дам, танцующих со скелетами и пьющих чай из черепов; стремящихся играть

¹ Катков М.Н. Наш язык или что такое свистуны // Русский вестник. 1861. Т. 32. Март. С. 22.

² Михайлов М. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Мужские ответы на женский вопрос в России. Т. 1. С. 78–80.

³ Жуковский Ю. Затруднения женского дела // Мужские ответы на женский вопрос в России. Т. 1. С. 147–170.

⁴ Писарев Д.И. Русская литература. Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова // Русское слово. 1861. С. 3.

⁵ Мещерский В.П. «Разве от того, что мы напихаем в университеты баб, Россия делается Европой...» // Родина. 1996. № 3. С. 24–25.

общественные роли женщин они называли «бесполоыми», «гермафродитами в юбках», «бесстыжими нигилистками»¹. Одна из стратегий, применяемая консерваторами-публицистами для дискредитации «женского вопроса», – высмеивание новых социальных ролей женщин.

В то же время зачастую публицистические статьи представителей прогрессистского лагеря носили поверхностный, карикатурный характер, чем вызывали адекватную критику со стороны консерваторов. В частности, теоретик российского консерватизма, Л.А. Тихомиров высмеивал решение «женского вопроса» в рамках теории эволюции видов, предложенное профессорами зоологии Мечниковым и Брандтом в статье «Петухоперость, мужеженство и будущность человечества»². Наблюдая за птицами, авторы утверждали, что среди них проявляются такие исключительные женские особи, которые не довольствуются нормальным течением прогресса, а предвосхищают и опережают его. «Это, так сказать, начало женского вопроса. Курица начинает подражать пению петуха», – комментировал Л.А. Тихомиров³. Тихомиров не разделял идеи профессора Брандта, который усматривал проявление «петухоперости» в человеческом сообществе в феномене «мужеженства». Консерватор не рассматривал появление мужеженских индивидов как поток естественного прогресса, который клонился к нивелировке человеческих особей в правах и обязанностях. Он осудил и идею Мечникова, который видел в безбрачии современных ему российских женщин решение «женского вопроса» по образцу, предусмотренному у гальских ос. «Просто беда с ними! – восклицал Тихомиров. – Это не петухоперость, а какая-то курицеперость, и право, явление этой умственной куцеперости мужчин, гораздо более говорит в пользу грядущего “бабьего царства”»⁴.

Приведём также в пример один из курьёзных случаев обсуждения публицистами «женского вопроса», возникший на почве публичного скандала с г-

¹ Соловьев Н. Женщины и дети // Мужские ответы на женский вопрос в России. Т. 2. С. 22.

² Тихомиров Л.А. Критика демократии. С. 446–449.

³ Там же. С. 446.

⁴ Там же. С. 448–449.

жой Толмачевой, которая 27 ноября 1860 г. в Перми читала А.С. Пушкина на музыкально-литературном вечере «Египетские ночи». В газете «Век» появилась статья журналиста Камня-Виногорова, в которой он назвал безнравственным публичное чтение женщиной произведения известного поэта. Журнал «Время» разместил материал о Толмачевой под рубрикой «Женщины-жертвы», указывая, что журналист «Века» – «некий свирепый человек», который «ополчился на женщину дикой и злобной статейкой»¹. На статью Виногорова откликнулись также Н.Н. Страхов, М.Л. Михайлов, Ф.М. Достоевский и многие другие публицисты, которые в оценке редактора «Русского вестника» М.Н. Каткова «растерзали» журналиста «Века»². Катков в свою очередь заступился за Камня-Виногорова, манифестируя своё понимание женской эмансипации. В частности, он полагал, что журналист, высмеивая г-жу Толмачёву, не демонстрировал тем самым неуважения к женщине, «к её нравственной чистоте», так как равные права мужчин и женщин выводят последних из сферы привилегий и деликатности и позволяют журналисту критиковать за плохую актёрскую игру представителей обоих полов. «Пользуясь совершенно одинаковым с мужчиной положением, женщина тем самым отказывается от всех особенностей собственно-женского положения, – писал Катков. – С мужчиной не церемониться как с существом полноценным во всех отношениях: зачем же церемониться и с женщиной, которая должна быть также существом полноправным во всех отношениях»³. Поэтому, с точки зрения М.Н. Каткова, эмансипаторы не понимали того, что их учение не даёт никаких новых прав женщинам, а ведёт только к тому, чтобы снять с мужчины его обязанности относительно женщины⁴.

Относительно предоставления прав женщинам М.Н. Катков высказывал полное недоумение: «Права женщины! Но кто же отнимал у неё эти права, или каких прав ещё ей надобно? В гражданском положении она, именно у нас, ничем не уступает мужчине. Она не подлежит опеке и совершенно самостоятельна. В

¹ Женщины-жертвы // Время. 1861. № 2. С. 39–40.

² Катков М.Н. Указ. соч. С. 28.

³ Там же. С. 24.

⁴ Там же. С. 25.

доме она хозяйка, в салоне она царица; в литературе, в искусстве, даже в науке, ей везде есть место, был бы только талант и охота. Правда, у нас нет амазонских полков и женских департаментов. Но неужели женщина этого хочет? Неужели ей это нужно? Наконец, если между министрами не бывает дам, то нам известно, что пол женщины не лишает ее прав на верховную власть. У нас были знаменитые императрицы, на английском престоле восседает теперь королева, на испанском тоже. Каких же прав ей ещё нужно? В обществе она окружена почетом; века рыцарства выработали до идеальной тонкости отношения мужчины и женщины в образованном обществе. Тут личность женщины, не утратившей своего достоинства, есть нечто неприкосновенное и священное. Чего же может хотеть женщина?»¹. Катков делал вывод, что существующее в обществе положение вещей должно устраивать женщину, потому что она пользуется удобствами, «каких не имеет мужчина»².

Реакция М.Н. Каткова на случившееся событие демонстрирует типичную позицию представителя консервативной мысли. Ссылки на значительный объем гражданских прав, которыми располагала русская женщина, на нежелание самих женщин иметь больше свобод, на извращение природы эмансипированных женщин составляли ядро аргументов консерваторов против либерального варианта решения «женского вопроса». Практически все консерваторы полагали, что существующий социальный порядок выгоден для женщин. Поэтому они искренне не верили в возможность женщин добровольно от него отказаться. Более того, ценность семейного очага заключалась, с точки зрения М. Меншикова, в том, что он позволял женщинам избежать новых видов эксплуатации, неизбежно следуемых за равноправием. В частности, мыслитель приводил в пример деятельность одной из высокопоставленных особ, занимавшихся благотворительностью в пользу женщин-работниц. В ходе рассуждения М. Меншиков пришёл к выводу, что проблема социальной поддержки не возникла бы, если бы женщины-работницы были замужем и не

¹ Там же. С. 24.

² Там же.

работали бы на фабриках вовсе¹. С его точки зрения, женщины не способны выдерживать конкуренцию с мужчинами на рынке труда, а значит, их равноправие требовало льгот. Для консерватора это лишний раз доказывало, что женщины и мужчины равными быть не могут².

Для славянофилов «женский вопрос» являлся периферийным, но в то же время заслуживающим их внимания.

А.С. Хомяков писал, что «толки о так называемом освобождении женщины» бессмысленны, поскольку «многие нападали на эти мнимые права женщин, многие заступались за них, и во всем этом красноречивом разглагольствовании, возмущившем столько добрых душ и слабых голов, не были ни разу высказаны те начала нравственной обязанности и истины, признанной за всемирную, на которых могла бы опереться идея о праве и на которых мог бы по крайней мере происходить разумный спор»³. «Женский вопрос», по мнению славянофила, не заслуживал места в науке, но был важен «в отношении к жизни народов, ибо в нём отражается великий факт нравственной истории»⁴. А.С. Хомяков интерпретировал «женский вопрос» как возможность для женщины обрести право на разврат, которое уже успешно, с его точки зрения, реализовали мужчины: «Учение о законности разврата для женщины оправдывается общим развратом мужчин»⁵. Полагая «женский вопрос» вопросом нравственным, живым, крайне щекотливым, задорным, он называл проповедников Жорж Занд «безрассудными» и «отвратительными»⁶. По Хомякову, истинная любовь в основе брака имела высшее значение, соединяла две половины человеческого рода, «взаимно дополняющие друг друга, как в вещественном, так и в духовном отношении», а потому не могла допустить нарушение обязанностей членами семейного союза⁷.

¹ Меньшиков М.О. Утомленные женщины // Мужские ответы на женский вопрос в России Т. 2. С. 344.

² Меньшиков М.О. Выше свободы. URL: http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0090.shtml (дата обращения – 20.07.2013).

³ Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения. С. 81–82.

⁴ Там же. С. 107–108.

⁵ Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 560, 569.

⁶ Там же. С. 568.

⁷ Там же. С. 566–567.

Поскольку «разврат мужчины предполагает разврат женщины»¹, то основную цель борьбы с «женским вопросом» Хомяков видел в строгом приговоре против «низости и подлости душевной»² мужчин, осуждавших женщин за разврат. Перед обществом, считал Хомяков, стоит следующий выбор: «или разрешение пределов дозволенного разврата на женщину или подчинение мужчины строгости нравственного закона»³. Таким образом, мыслитель выступал против двойных моральных стандартов в отношении женского и мужского поведения.

Аналогичной позиции придерживался и М.О. Меншиков. В работе «Любовь» он писал: «Один из модных аргументов, на который опираются порочные современные женщины, даёт так называемый “женский вопрос”. Женщина равноправна мужчине и баста! Почему мужчины разрешают себе любить, кого хотят, а мы этого не можем? Почему они волочатся, имеют содержанок, ходят в дома терпимости, любезничают с горничными, а мы должны быть верными им? Вздор! Мы имеем те же права, и было бы унижением от них отказываться!»⁴. Мыслитель указывал, что на основании данных аргументов «иная эмансипирующая заводит себе – даже без особой нужды – любовника или сходится с лакеем»⁵. «Напрасно вы стали бы доказывать таким девицам, что все хорошие места одинаково открыты и для женщин – церкви, библиотеки, театры и т. п. – это только возбуждает гнев их», – писал он об эмансипированных женщинах⁶. Автор связывал появление самого феномена эмансипирующей с кризисом семьи, распространением нигилизма в 60–70-х гг. XIX в. Меншиков предлагал не рассматривать само хождение мужчин в публичные дома как прерогативу «сильного пола, оскорбляющую равноправность», а осудить сами притоны, а также безнравственные желания мужчин их посещать⁷.

¹ Там же. С. 571.

² Там же. С. 572.

³ Там же. С. 574.

⁴ Меншиков М.О. О любви. С. 139.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 140.

⁷ Там же.

Некоторые статьи консерваторов по «женскому вопросу» (К.П. Победоносцева, Н.Н. Страхова, К.Н. Леонтьева) были написаны как ответ Дж.Ст. Миллю на его произведение «Подчинённость женщины» (1870 г.).

Победоносцев вступил в дискуссию с Миллем, пытаясь опровергнуть мнение английского мыслителя, что «справедливость требует, чтобы все люди жили в обществе как равные»¹. Несмотря на утверждение, что «есть положения, которые крайне трудно доказывать, потому что они не требуют доказательства по всеобщей очевидности», К.П. Победоносцев выдвинул по поводу «неровностей» полов аргументы теологического и биологического характера. Первый аргумент заключался в том, что «лучшею частью рода человеческого Божеству присвоено имя Отца, потому что с этим именем естественно соединяются понятия о любви, почтении и повиновении»². «Все частности физического устройства указывают на физическое неравенство того и другого пола. Чтобы ни говорил об этом Милль... все эти речи не опровергнут очевидной истины, что мужчина сильнее и крепче женщины. Эта истина, признанная повсюду, во всех веках и народах и при всяческих обстоятельствах, повсюду вызывала и существующее, общеизвестное разделение труда между мужчиной и женщиной...», – утверждал Победоносцев³. «Следует ли мальчиков воспитывать вместе с девочками и учить одинаково? Учить ли мальчиков шитью, домоводству, кухонному искусству? Станут ли девочки играть в крикет, гребти и бегать наравне с мальчиками?» – вопрошал Победоносцев⁴. Как эксперт в области гражданского права мыслитель связывал имущественные права субъектов с обязанностью нести военную службу: «Женщина, на которой не лежала служба, не могла перед лицом общественной власти занимать одинаковое положение с мужчиной относительно прав по имуществу... Недвижимые имущества состояли из вотчин, поместий и тяглых городских имуществ. С правом на все такие имения соединялась личная повинность службы или тягла. Личным исполнителем таких повинностей мог

¹ Победоносцев К.П. Государство и церковь. Т. 2. С. 221.

² Там же. С. 222.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 223.

быть только мужчина; естественно, что мужчина же предполагался и держателем прав, соединённых с этими повинностями»¹.

Женский вопрос, женскую эмансипацию Победоносцев рассматривал как признак нравственной деградации общества, разрушения авторитета религиозной и родительской властей. С его точки зрения, наступившую в России «эпоху мрака и распада» можно было охарактеризовать словами индийского поэта Тульчи Даса: «В общем разврате иссякла вера... а вместо того лживые учителя рассеяли всюду ложные учения по своим фантазиям... Муж стал подвластен жене и вертится перед женою, как обезьяна. Все преданы похоти, корысти и насилию, все смеются над богами, над святыней, над священными книгами. Жены бегут от добрых мужей, отдаваясь бродягам и проходимцам. Дочь не слушает отца»².

Пропаганду женского равноправия Победоносцев описывал в рамках теологического дискурса, видя в действиях поборников равноправия действия «лукавого»: «Ночью, когда люди спят или впросонках бессильны, приходит лукавый и потихоньку, под видом доброго и благонамеренного человека, сеет свои плевелы... подольстится к девушке в простой семье такую речью: “Кто тебе докажет, что доля твоя – всегда зависеть от других и быть рабою мужчины? Разум говорит тебе, что ты равна ему во всем и на все решительно одинаково с ним имеешь право”»³. Поэтому Победоносцев в своих наставлениях призывал девиц не верить поборникам равноправия: «Когда услышите нынешних льстивых проповедников о женской свободе и вольности... ибо то говорят лживые пророки, вошедшие в мир»⁴.

К.Н. Леонтьев критиковал книгу Дж. С. Милля за желание сделать женщину менее оригинальной, похожей на мужчину, за стремление к уравниванию отношений между полами в семье и обществе⁵. Декларируемая мыслителем связь между неравенством и развитием делала его врагом любых форм равноправия, по

¹ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Т. 2. С. 131.

² Победоносцев К.П. Избранное. С. 304.

³ Там же. С. 225.

⁴ Победоносцев К.П. Государство и церковь. Т. 1. С. 525.

⁵ Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. Т. 8, кн. 1. С. 188.

мнению Г.Ф. Слесаревой, проповедником более высокой для него морали неравенства¹ «В теории же объявляется недостаточность этого политического равенства (упрощения) и требуется *равенство всякое, полное, экономическое, умственное, половое* (курсив мой – Н.К.); теоретические требования этого крайнего вторичного упрощения разрешаются, наконец, в двух идеалах: в идеале анархического государственно, но деспотического семейно идеале Прудона и в распущенно-половом, но деспотическом государственно – идеале коммунистов (например, Кабе и др.). Практику политического гражданского смешения Европа пережила; скоро, может быть, увидим, как она перенесет попытки экономического, умственного (воспитательного) и *полового* (курсив мой. – Н.К.), окончательного, упростибельного смешения», – писал Леонтьев².

Как и большинство российских консерваторов, которые отрицали возможность равенства разных, как они полагали, по своей природе мужчин и женщин, П.А. Вяземский считал, что нельзя «установить совершенное равноправие между прекрасным и вообще некрасивым полом»³. «Всё же, в том или другом соображении, один из полов может оказаться обиженным против другого. Например, за женщиною останется одно право, которое нельзя перенести и на мужчину, а именно право рожать. Но в этом случае маленько виновата натура: она не предвидела, не угадала, что вопрос равноправия мужчин и женщин будет стоять на очереди у наших журнальных публицистов», – полагал П.А. Вяземский⁴. Альтернативы патриархальной семье Вяземский не видел: «Если признавать семью, то надобно же кому-то оставаться дома; а когда жена подобно мужу будет обязана отправляться на службу, на работу, к должности, то кто же останется представителем и ответственным лицом семейного дома, семейного начала?»⁵.

¹ Слесарева Г.Ф. Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) // Философские науки. 1991. № 1. С. 105.

² Леонтьев К.Н. Избранное. С. 121.

³ Вяземский П.А. Современные темы, или канва для журнальных статей. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0910.shtml (дата обращения – 12.02.2012).

⁴ Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. С. 374.

⁵ Там же.

Скептически относясь к «женскому вопросу», он назвал его диалектической гимнастикой: «Нужно было бы положительно и откровенно выяснить, на какие мужские должности могут и право имеют поступать женщины. На все ли, так чтобы полное равноправие установилось между полами? В таком случае женщины должны равномерно подходить и под всеобщую и поголовную воинскую повинность»¹. Вяземский язвительно заметил, что «в древности бывали же амазонские полки», «но у нас, при таком порядке, не худо было бы, на всякий случай, иметь в придачу к полковым фельдшерам и несколько повивальных бабок»². Он предлагал мужчинам в качестве исключения «с вежливой уступчивостью поделиться с женщинами некоторыми своими присвоенными себе профессиями и занятиями, другие даже им вовсе уступить»³. По мнению П.А. Вяземского, непреодолимых преград общество перед женщинами не воздвигало; не было общественного давления, которое заглушало бы природные призвания и дарования, «когда теплились в них луч и зародыш дарования» и «всегда и везде бывали женщины ученые, политические; бывали женщины великие писатели, превосходные художники»⁴. В частности, он высоко оценивал литературные таланты м-м де Сталь, м-м де Жанлис⁵. В то же время в письме к поэтессе А.И. Готовцевой он советовал женщинам писать «о том, что у вас в глазах, на уме и на сердце»⁶. «Не пишите стихов на общие задачи. Это дело поэтов-ремесленников. Пускай написанное вами будет разрешением собственных, сокровенных задач. Тогда стихи ваши будут иметь жизнь, образ, теплоту, свежесть. В женских исповедях есть особенная прелесть. Свой взгляд, свое

¹ Вяземский П. Современные темы, или канва для журнальных статей. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0910.shtml (дата обращения – 12.02.2012).

² Там же.

³ Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. С. 374.

⁴ Там же.

⁵ Вяземский П.А. Избранное. С. 139; Вяземский П.А. Записки графини Жанлис 1825 года. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_1826_zapiski_grafini_zhanlis_oldorfo.shtml (дата обращения – 20.03.2012).

⁶ Вяземский П.А. Отрывок из письма к А.И. Готовцевой // Вяземский П.А. Сочинения: в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 130.

выражение придают печать оригинальности и новости предметам самым обыкновенным», – писал ей Вяземский¹.

Практически все представители консерватизма считали «женский вопрос» в России отражением социокультурной ситуации в Западной Европе, интеллектуальные истоки которой были заложены маркизом де Кондорсе, М. Уоллстонкрафт, Дж.С. Миллем, Ж. Санд, Р. Мальтусом и др.

И.В. Киреевский полагал, что в европейских государствах, где воспитание женщин высшего круга совершалось вне семьи, произошло нравственное гниение высшего класса, в котором он увидел первый зародыш «учения о всесторонней эмансипации женщины»². Показывая нерусскость «женского вопроса» в России, другой российский публицист начала XX в. М.О. Меньшиков сводил всё российское женское движение к деятельности еврейских женщин: «У нас пионерками допущения женщин в адвокаты являются такие представительницы русских женщин, как Гитель Абрамовна Флейшиц и Лея Гинзбург. ...Пусть сторонники женского равноправия кричат и вопят сколько им угодно, будто *все* русские женщины задыхаются от попрания их самого священного права быть присяжными поверенными, – Государственный Совет хорошо сделает, если спросит: кто же эти “*все* русские женщины?” ...Для пары евреек или даже для двенадцати колен израильских не стоит навязывать *всем* русским женщинам стремлений и домогательств, каковых они пока еще не имеют». С его точки зрения, на Западе социальной ценности правам вообще и правам женщин в частности «придают гораздо больше значения», чем в России³.

Утверждение «привозного» характера «женского вопроса» в размышлениях консерваторов осуществляется в дискурсивном пространстве традиционной для российской культуры проблемы «Россия–Запад». Наиболее показательной в демонстрации того факта, что «женский вопрос – один из самых интересных и простых примеров влияния на нас Европы», является работа Н.Н. Страхова⁴. Его

¹ Там же.

² Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения. С.433.

³ Меньшиков М.О. Женское брожение. С. 333.

⁴ Страхов Н.Н. Женский вопрос. С. 107–150.

обращение в 1870 г. к «женскому вопросу» имело цель показать отличие русской цивилизации от западной, более того – доказать самобытность русской науки¹. Для достижения данной цели он выбрал работу уже упомянутого нами английского мыслителя Дж. Ст. Милля, к творчеству которого русский мыслитель уже обращался: в 1861 г. в журнале «Время» он критиковал Милля за скептицизм², а в письме Данилевскому в 1873 г. он писал, что питает «величайшее презрение» к английскому философу³. В 1874 г. Страхов опубликовал критическую статью «Автобиография Джона Стюарта Милля»⁴.

Отечественный мыслитель рассматривал книгу Милля как «протест против существующего в Англии порядка, протест, для которого у нас нет таких сильных и многочисленных поводов, как там... Женский вопрос в том виде, как его представил Милль, имеет своеобразный, именно вполне английский характер... Это явление отчасти привозное, отчасти сочинённое... очевидно, никак не составляет выражения потребностей русской жизни. ... Мы не слышим в нём выражения какой-нибудь действительной потребности русских женщин, а видим только напускные требования, подражание иностранцам, фантазию, не имеющую никакой правильной и ясной связи с действительностью»⁵.

Н.Н. Страхов стремился показать, что в рассмотрении женского вопроса современные мыслители избрали неверный – западный – подход, базировавшийся на принципах скептицизма и практицизма. Оба принципа российский консерватор находил у оппонента: «Милль совершенный англичанин; сперва он кажется отчаянным скептиком, отвергающим самые простые истины; затем вдруг является решительным практиком, для которого отвлеченные рассуждения не имеют большой цены»⁶.

¹ Страхов Н.Н. Избранные труды. С. 434.

² Страхов Н.Н. Примечание к статье Г. Тэна «Джон Стюарт Милль и его система логики» // Время. 1861. № 6. С. 391–392.

³ Письма Н.Н. Страхова к Н.Я. Данилевскому // Вестник Европы. 1901. № 1. С. 128.

⁴ Страхов Н.Н. Автобиография Джона Стюарта Милля // Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе: исторические и критические очерки. СПб., 1883. Кн. 2. С. 260–268.

⁵ Страхов Н.Н. Женский вопрос. С. 137.

⁶ Там же. С. 130.

Н.Н. Страхов опровергал взгляды Милля на историю, основанную на законе превосходства силы. История, по его мнению, «управляется нравственными идеями», некоторыми понятиями о правах и обязанностях, а потому несправедливо и нелепо говорить только о властолюбии мужчин, так как более высокие стремления, чем власть, в человеке никогда не заглушаются: «Нужно быть англичанином, нужно очень любить власть и иметь в груди очень холодное сердце, для того чтобы рассуждать подобным образом», – такой комментарий давал Страхов Миллю¹.

Русского мыслителя беспокоило «чисто юридическое решение вопроса» английским либералом, т. е. его стремление доказать, что женщинам должны быть предоставлены те же права, как и мужчинам. Он отрицал связь между нравственным достоинством пола и наличием политических прав: «Если права должны быть даны женщинам, то не потому, что право есть нечто драгоценное, доступное лишь избранным, а потому, что обладание и пользование правами возможно и для людей мало способных и может быть им предоставлено без всякого препятствия»². Н.Н. Страхов сделал вывод об особенностях русской и английской наций: «Как западный человек вообще, и как чистый англичанин, Милль придает правам гораздо больше значения, чем мы, русские. Для него право – главный, существенный вопрос, которому подчиняется все остальное»³. Оппонент Милля стремился доказать, что русские не ценят того, что ценят англичане, а потому и не должны рассматривать вопросы, которые ставят англичане: «Нам, русским, прежде всего, бросается в глаза другая сторона дела, и мы находим, что и быть членом парламента значит исполнять некоторую важную и очень ответственную обязанность. Мы готовы видеть льготу для женщин в том, что они не несут государственной службы. Что для англичанина право, то для нас служба, и мы несем то, чем они пользуются»⁴. Страхов рассуждал о высокой степени властолюбия западного человека, который дорожит правами и добивается

¹ Там же. С. 124.

² Там же. С. 132.

³ Там же, С. 133.

⁴ Там же. С. 133–134.

их, потому что верит, что вполне способен пользоваться ими, что может наилучшим образом сделать все то, на что имеет право. Он считал, что подобная вера в себя часто приводила европейцев к насилию, которого русские никогда не совершали в таких размерах и с такою последовательностью, как европейцы¹. Разделявший многие идеи славянофилов и почвенников, Н.Н. Страхов видел коренное отличие русской цивилизации от европейской в том, что в русской истории практически отсутствовали акты агрессии русской власти в отношении народа, что мужчины и женщины одинаково подчинены общему порядку вещей, при котором «немного прав принадлежит мужчинам, немногие умеют их ценить и пользоваться ими»². «Не значит-ли это – драться из за медвежьей шкуры прежде чем убит медведь?» – вопрошал автор³.

По мнению мыслителя, мужчины в Англии и Америке так властолюбивы, что некогда лишили женщину всяких прав; а на современном этапе свою страсть к власти они внушают своим женам и сестрам. Он утверждал, что в российском законодательстве не существует полной бесправности женщины, которая господствует в английском законодательстве. Н.Н. Страхов считал, что по русским законам женщины несравненно менее ограничены, и, пользуясь свободой от некоторых повинностей, они обладают многими гражданскими правами совершенно в той же мере, что и мужчины. В частности, он приводил пример из российского законодательства, что «жена есть полная собственница своего имущества», муж не имеет ни самомалейших прав на это имущество, а в случае его смерти или дурного поведения жена признается законом опекуной над детьми. Русский мыслитель гордился также тем, что в дворянских собраниях женщины обладают выборным голосом наравне с мужчинами. Страхов резюмирует: в отношении к женщинам русские люди никогда не были так скупы на права, как англичане. Поэтому он обвинял российских издателей Милля, а

¹ Там же. С. 134.

² Там же. С. 146.

³ Там же. С. 147.

также всех участников дискуссии о «женском вопросе» в отсутствии соприкосновения с русской жизнью¹.

В то же время Н.Н. Страхов предлагал своё – русское – видение «женского вопроса». Мыслитель отмечал тот факт, что англичанки, находясь «в очень дурном юридическом положении», демонстрировали высокий тип женской красоты и женских душевных качеств, с которыми не могут равняться русские женщины. «Что́ будет из русской женщины? Даст ли она миру новый образец красоты человеческой природы, или же останется примером бесцветности и, пожалуй, какой-нибудь нравственной уродливости?» – вопрошал Страхов². Поэтому единственный важный, с его точки зрения, вопрос – это вопрос не о правах и свободах, а о том идеале, к которому женщины должны стремиться. В разделении двух предметов – прав и свобод, с одной стороны, и идеалов, с другой стороны, Страхов видел главную ошибку Милля, упрекая последнего в непонимании, что важны не право и не свобода сами по себе, а то, для чего нужны право и свобода, т. е. для стремления к идеалу.

Считая англичанина Милля скептиком, индивидуалистом и протестантом, он выражал сомнение в том, что Милль способен сформулировать женский идеал: «Какой может быть идеал женщины у скептика, который настойчиво утверждает, что мы не имеем ни малейшего ясного познания о женской натуре? С другой стороны, какой может быть идеал женщины у индивидуалиста, для которого независимость одного человека от другого есть лучшая идея человеческой жизни, для которого власть, право – дороже всего на свете? Даже на самые естественные связи женщины, на её связь с мужем, с детьми Милль смотрит прежде всего как на некоторые препятствия свободе и приписывает им даже вредное влияние на развитие женщины»³.

Н.Н. Страхов писал, что не имеет ничего против развития законодательства в смысле уравнивания прав полов, а возмущается только фальшивым видом всего

¹ Там же.

² Там же. С. 139.

³ Там же. С. 139–140.

дела. Он определил круг лиц женского пола, которые могли бы пользоваться политическими правами, – «старые девы и пристроившие всех детей своих старухи», а также «интересные девицы, которые не имеют особенного призвания к браку, или предпочитают супружеству другие занятия, вероятно кажущиеся им более почетными»¹. Общий вывод представлялся Страхову совершенно ясным: «Для общественных дел требуется женщина бесполоая, то есть или такая, которая не имеет пола от рождения, или такая, которая перешла уже за пределы полового возраста. Бесполость достигается еще одним средством, весьма известным в истории женщин, игравших политические роли; обыкновенно такие женщины, отвергая брак, отвергают вместе и любовь и стыдливость; они становятся развратными не в силу похотливости, как обыкновенные испорченные женщины, а в силу равнодушия к чисто женским стремлениям, в силу уклонения от пути женской природы»². Поэтому, по мнению Страхова, позиция Милля по женскому вопросу важна для бесполоых женщин, что представляло собой крайнюю уродливость: «Застарелая дева, или женщина распущенных нравов, – вот один из результатов, к которому необходимо приведут эксперименты, предлагаемые Миллем. Пусть женщинам будут открыты всевозможные поприща; что же из этого выйдет? Может быть, явится из женщин несколько порядочных солдат, несколько недурных членов парламента. *Велик ли от этого будет выигрыш для человечества?* А какое извращение истинной женской природы, какой опасный пример!»³. Таким образом, как считал Страхов, реализация «женского вопроса» по Миллю привела бы общество к нравственной анархии, при которой были бы зачёркнуты все понятия о женском идеале, о женской красоте и достоинстве, о чисто женских целях.

Вскрывая недостатки в расширении сфер женского влияния, Страхов все-таки утверждал, что женщинам нужно открыть всевозможные поприща на случай несчастья, на случай неудачи в жизненном пути, на тот случай, когда женщине

¹ Там же. С. 142–143.

² Там же. С. 144.

³ Там же.

нужен какой-нибудь исход из бедственного положения: «Девушка не нашла себе супруга, жена потеряла мужа, мать детей. Прежде в таких случаях часто шли в монастырь; нынче Милль предлагает поступить в солдаты или добиваться места в парламенте. Что же? Когда некуда себя девать, когда жизнь разбита — казарма и парламент тоже годятся для того, чтобы как-нибудь скоротать свой век»¹. Таким образом, Страхов рассматривал предоставление женщинам прав как неизбежное зло, отказываясь давать данному явлению позитивную оценку.

Отечественный мыслитель полагал, что на женщин не может быть возложена рекрутская повинность, а введение женщин в экономическую борьбу поставило бы их в ряды самостоятельных трудящихся, непрерывно воюющих за средства и удобства существования. Он не сомневался в том, что в свободной конкуренции труда мужчины задавили бы женщин, имели бы над ними постоянное и громадное превосходство и, следовательно, заставили бы их влачить весьма жалкое существование. Однако самая большая угроза для общества состояла бы в нравственных опасностях: «Женщина, отказавшаяся от идеала жены и матери, возмечтавшая о более почетных занятиях (как будто есть на свете звание более почетное, чем, например, мать!), такая женщина легче всякой другой испортит свою судьбу, доведет себя до какого-нибудь нравственного уродства, которого, пожалуй, не только не будет замечать, но которым будет даже хвалиться!»².

С точки зрения консерватора, промышленность, труд, политические права, государственные дела – все это вещи прекрасные, но в то же время есть нечто, что стоит и должно стоять выше всего этого: «Мы, русские, всегда это понимали, никогда не ставили красоту и достоинство человеческой жизни в тех вещах, в которых они вполне заключаться не могут. Идеал жизни для нас всегда стоял выше»³. Поэтому, считал философ, общество должно свято хранить женский идеал и давать всякий простор его раскрытию и осуществлению, но делать это не

¹ Там же. С. 145.

² Там же.

³ Там же.

столько законами и правами, сколько тем духом, в котором заключается внутренняя сила общества.

Страхов подводил итог своим размышлениям по поводу влияния Запада на Россию на примере «женского вопроса»: «Вместо идеала женщины, вместо представления того, в чем должна состоять красота женской души и достоинство женской жизни, Европа насылает на нас только те болезненные стремления, которыми сама страдает... все, что приносит к нам Запад по женскому вопросу, и весьма мало касается нашей жизни, мало идет к ней, и в то же время отличается явной односторонностью, явным отсутствием какого-нибудь дельного взгляда на дело»¹. Поэтому рассматривать Запад как источник просвещения и умственного развития, полагал Страхов, Россия не может.

Итак, следует отметить, что Н.Н. Страхов успешно справился с основной задачей – подвергнуть критике юридический подход Милля к решению «женского вопроса». В статье он продемонстрировал «неправильную» постановку женского вопроса английским мыслителем, которая вытекала прежде всего из национальной принадлежности Милля. По мнению Страхова, слепота к самым ясным явлениям и глухота к самым громким требованиям человеческой природы в работе Милля являлись отражением им в женском вопросе социальных практик Запада, а потому противоречили такой же постановке данного вопроса в России. Поскольку русское общество, полагал мыслитель, не ценило политические права, а мужская часть населения не обладала ими, то и предоставлять данные права женщинам он не видел смысла. Он предлагал расширить сферы женской деятельности в качестве исключения для тех женщин, которые не состоялись как жёны и матери. Суть женского вопроса, по Страхову, это нравственный идеал женщины, над которым должно работать русское общество.

Следует отметить, что в критике «женского вопроса» все консерваторы исходили из методологической посылки, что общество представляет собой единое целое, а индивидуальные и групповые социальные интересы подчиняются интересам общим. Что выиграет общество, если несколько женщин

¹ Там же. С. 146.

воспользуются правами и станут солдатами, депутатами и т. д., кто останется дома с детьми, когда мать уйдёт на работу, – эти и другие вопросы ставили консерваторы в противовес вопросам либералов о развитии женской личности, обладавшей меньшими, чем мужчины правами. Женские проблемы представители консерватизма вписывали только в контекст решения общих задач, стоявших перед обществом. Монолитное видение общественного организма консерваторами определяет женщин как часть целого, при котором социальные функции женского пола связаны с функциями общества, но при этом обособленные интересы женщин не связаны с интересами общества как целого, а противостоят им. Поэтому и «женский вопрос» консерваторы рассматривали как прямую угрозу целостности общества.

Подводя итог участия консерваторов в дискуссии по «женскому вопросу», необходимо констатировать, что мыслители рассматривали неравенство мужчин и женщин (гендерное неравенство) в России как закономерное и желаемое. При этом консерваторы не отличались единством взглядов на положение женщин в российском обществе, на их эмансипацию. В целом для представителей консерватизма, как верно отметил И.С. Кон, теория эмансипации означала противоречие законам божеским и человеческим¹. Консерваторы отрицали саму возможность постановки и тем более решения «женского вопроса» как чуждого потребностям российского общества и квалифицировали данный вопрос как угрозу судьбе российской цивилизации, рискующей потерять свою национальную самобытность. Стоя на позиции культурно-цивилизационного противостояния России и Запада, они отстаивали приоритет ценностей российской цивилизации в рамках существующей традиционной гендерной системы.

Отмечая тот факт, что российские консерваторы в собственных сочинениях называли себя друзьями женщин и выражали тревогу об их будущем, следует определить их позицию как антифеминистскую с незначительными элементами мизогинии. Хотя степень «дружественности» женщинам варьировалась в работах

¹ Кон И.С. Н.Г. Чернышевский – борец за раскрепощение женщин // Уч. записки Ленин. пед. инст. им А.И. Герцена. Л., 1953. Т. 90. С. 179.

консерваторов, заметим, что в отличие от публицистов консервативного лагеря, философы не агрессивно-эмоционально выражали своё отношение к «женскому вопросу», а стремились концептуально осмыслить его в контексте развития российской цивилизации. Несомненным достоинством вклада консерваторов в решение женского вопроса является обозначение тех потенциальных проблем, которые возникли на повестке дня в процессе его реализации и о которых сторонники либерального и социально-демократического лагеря не заявляли – неравенство на рынке труда, отсутствие социальных гарантий, сложности совмещения трудовых и материнских обязанностей и пр. В то же время недостатком позиций консерваторов является ограниченность их подхода, игнорирующего индивидуальные и групповые интересы. Обращаясь только к опыту женщины-дворянки, консерваторы не замечали начавшиеся процессы модернизации российской экономики, востребовавшей женский труд. Нежелание расширять сферы прав и свобод женщин демонстрирует андроцентризм позиций консерваторов, сохранивших монополию на решение социальных проблем за мужчинами. Квалификация «женского вопроса» как нерусского в работах консерваторов ещё в большей степени сузила горизонт модернизации гендерного порядка в России.

§ 2. Критика проекта «женской эмансипации» в политической философии российских консерваторов-эмигрантов XX века

«Пусть же судьба женщин в Советском государстве будет предостережением для женщин всех стран», – писал И.А. Ильин¹.

«Женский вопрос» после Октябрьской революции 1917 г. приобрёл иное звучание, чем в пореформенный период. Объектом критики консерваторов стала

¹ Ильин И.А. Собр. соч. Мир перед пропастью. Ч.III. С. 47.

политика большевиков в отношении женщин, которая вырабатывалась в рамках идеологии марксизма-ленинизма. Положение женщин в обществе, согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу, было связано с определенной конфигурацией производственных отношений, формой собственности на средства производства. К. Маркс указывал, что «общественный прогресс может быть точно измерен по общественному положению прекрасного пола (дурнушек в том числе)»¹. В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1891) Ф. Энгельс (1820–1885) утверждал, что формирование моногамной патриархальной семьи привело к устранению женщины от участия в общественном производстве, сделало женщину служанкой, рабой желаний мужа, простым орудием деторождения². Он полагал, что первой предпосылкой освобождения женщины станет «возвращение всего женского пола к общественному производству»³. Новый коммунистический строй, базирующийся на общей собственности на средства производства, гарантировал женщинам равный статус с мужчинами.

Немецкий социалист А. Бебель (1840–1913) в 1879 г. опубликовал работу «Женщина и социализм», в которой развил идеи своих предшественников. Он полагал, что женский пол страдает в двойном отношении – вследствие зависимости от мужчин и от экономической зависимости⁴. «Освобождение человечества невозможно без социальной независимости и равноправного положения полов», – настаивал Бебель⁵. В главе «Женщина в будущем» он писал, что в коммунистическом обществе быт будет устроен коллективно, а женщина нового общества в социальном и экономическом отношении будет совершенно независима, «она сама госпожа своей судьбы, она выбирает для своей деятельности такие области, которые соответствуют её желаниям, способностям и

¹ Маркс – Людвигу Кугельману (12 декабря 1868 г.) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 1964. Т. 32. С. 486.

² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 21. С. 60, 76.

³ Там же. С. 77.

⁴ Бебель А. Женщина и социализм. С. 43.

⁵ Там же. С. 44.

здаткам, и при одинаковых условиях она действует так же, как мужчина»¹. Таким образом, по Бебелю, полная эмансипация женщины и её равенство с мужчиной – одна из целей социального развития человечества, которая осуществима с ликвидацией классового господства.

В работах отечественных теоретиков В.И. Ленина, А.М. Коллонтай «женский вопрос» рассматривался в контексте борьбы пролетариата за социализм. Ленин полагал, что «не может быть социалистического переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нём значительного участия»². По его мнению, женщин необходимо привлекать к активному управлению советским государством, «сделать политику доступной для каждой трудящейся женщины»³. Вождь мирового пролетариата вслед за Максом, Энгельсом и Бебелем указывал, что «для полного освобождения женщины и для действительного равенства её с мужчиной нужно, чтобы было общественное хозяйство и чтобы женщина участвовала в общем производительном труде»⁴.

В трудах А.М. Коллонтай основной акцент был сделан на революции быта. Она считала, что женщина закабалена непроизводительным домашним хозяйством, которое «мешает ей отдаться непосредственному активному участию в борьбе за коммунизм»⁵. В работе «Общество и материнство» она писала: «Необеспеченность миллионов женщин-матерей и отсутствие попечения о младенцах со стороны общества создают всю остроту современного конфликта о несовместимости профессионального труда женщины и материнства, конфликта, лежащего в основе всей материнской проблемы. Стонет работница под семейным ярмом, изнемогает она под тяжестью тройных обязанностей: профессиональной работницы, хозяйки и матери»⁶.

¹ Там же. С. 546.

² Ленин В.И. Речь на I всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г. // Ленин. Полн. собр. соч.: в 55 т. М., 1969. Т. 37. С. 185.

³ Ленин В.И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике. Речь В.И. Ленина на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1970. Т. 39. С. 203.

⁴ Там же. С. 201.

⁵ Коллонтай А. Избранные статьи и речи. М., 1972. С. 268.

⁶ Там же. С. 160–175.

Раскрепощение женщины, согласно А.М. Коллонтай, станет возможным благодаря учреждениям общественного питания и молочных кухонь, системе дошкольных и школьных учреждений, развитой сети банно-прачечных предприятий¹. Новая мораль, новая семейная политика, полагаемая будущий нарком общественного призрения, должны «разбудить самосознание работниц и крестьянок», воспитать их в духе коммунизма².

Таким образом, радикальный проект реализации женской эмансипации в советской России базировался на классовом принципе, осуществлялся с позиции рабочего класса. Коренная перестройка всего производства на новых началах коммунистического хозяйства, новое семейное законодательство, по мнению теоретиков социализма, должны были преодолеть экономическое и политическое отчуждение женщин.

Однако, с точки зрения консерваторов, новые общественные отношения в Советской России и в СССР привели к ухудшению положения женщин. Консерваторы вписывали свою критику женского вопроса в анализ большевистского режима как такового.

В качестве примера того, как может быть искажена природа женщины и несправедливо решена проблема равенства неравных, И.А. Ильин приводил политику в Советской России – СССР. Критика государства советского типа, которое он понимал как «утверждение на земле дьяволова духа и дела»³ («когда лишённые средств производства и прокормления люди были вынуждены перейти к различным видам нелегальных отношений: растрата и тайная продажа “казенного имущества”; унос продуктов и полупродуктов с фабрик; ночное расширение крестьянами приусадебных участков; ложное доноительство как средство “спасения” и заработка, уголовщина, “протаскивание” коммунистами “через постель” подчиненных им интеллигентных женщин»⁴), стала одной из основных проблем в эмигрантской политической философии Ильина. Идея нового

¹ Марксистский феминизм: Коллекция текстов А.М. Коллонтай. Тверь, 2003. С. 230.

² Коллонтай А. Указ. соч. С. 310–311.

³ Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2, кн. 2. С. 249.

⁴ Там же. Т. 2, кн. 1. С. 35.

государства, с точки зрения философа, базировалась на безбожном мировоззрении, механическом миропонимании, отрицании органических основ общества¹. Мыслитель определял коммунизм «как законченное мировоззрение, проникнутое своеобразным менталитетом и старающееся провести в жизнь... новый план мирового порядка»². Для реализации этого нового всемирного плана, отмечал консерватор, коммунистам нужны новые люди – «люди с новым духовным уровнем, новой моралью, новым образом жизни и новым домашним бытом», так как исторически сложившийся человеческий тип не может служить коммунистам³. Коммунистов, стремящихся на практике «переплавлять» человеческие души, мыслитель называл недоучками и волевыми фанатиками, которые не уважают «иррациональные и таинственные глубины природы» и не умеют «считаться со страданиями человеческого индивидуума»⁴, игнорируют «благородные побуждения народной души», разлагают, осмеивают и дискредитируют их⁵. «Они (коммунисты – прим. мое. – *Н.К.*) видят в человеке и народе только корыстные и жестокие побуждения классового инстинкта и стараются возбудить и разнуздать эти побуждения», – писал мыслитель⁶. Высмеивая большевиков, полагавших себя обладателями социально-хозяйственной панацеи – священной догмы марксизма, Ильин видел в коммунизме доктринальную одержимость, направленную на «борьбу с Богом, семьей и частной собственностью»⁷.

Среди главных недостатков нового социалистического строя Ильин выделил разрушение семьи: «В своём разрушительном военном походе против всего буржуазного мира коммунисты с самого начала обратили особое внимание на семью»⁸. Он считал, что под «освобождением» человека в семье коммунисты подразумевают всеобщее «разнуздание» и вседозволенность, что в конечном

¹ Там же. Т. 2, кн. 2. С. 249.

² Там же. Т. 7. С. 85.

³ Там же.

⁴ Там же. Т. 7.

⁵ Там же. Т. 8. С. 143.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Т. 7. С. 86.

⁸ Ильин И.А. Собр. соч. Мир перед пропастью. Ч. III. С. 32.

счёте упразднит семью как социальный институт¹. Поскольку новый коммунистический человек должен быть без предубеждений, свободным от религиозных, моральных и других предрассудков, чтобы «выдержать коммунистическую бессемейственность», то разрушение семьи в политике большевиков, считал Ильин, выступало не только целью как таковой, но и средством создания подобного нового человека².

Подход коммунистов к семейной жизни, по мнению консерватора, определялся их взглядами на природу человека и общества. Ильин высмеивал положения марксизма о том, что «человек есть не что иное, как животное, которое умеет производить орудия труда»³, а брак и семья, их формы и развитие находятся исключительно под влиянием хозяйственного фактора. Ильин обнаруживал истоки современной ему большевистской политики в области семьи в утверждении марксизма о том, что изначально люди, подобно обезьянам, жили парами при полной свободе сексуальных отношений, соединяясь лишь на период детопроизводства, когда каждая женщина принадлежала каждому мужчине⁴. Согласно учению большевиков, излагал Ильин, с появлением частной собственности, женщина была порабощена, а современный буржуазный брак стал подобен клетке или тюрьме, поэтому коммунисты стремились его ликвидировать. Поскольку, как писал Ильин, коммунисты считают, что вся несправедливость возникает от недопустимого разделения на «моё» и «твоеё», то ставилась задача уничтожить «моё» и «твоеё» во всех сферах общественной жизни, в том числе и в семье⁵. В объявленной и пропагандируемой советской властью полной свободе половых отношений, теории «стакана воды» Ильин видел возвращение к сексуальному порядку далёкого прошлого. Идеи большевиков о том, что между мужчиной и женщиной не существует любви, а существуют только сексуальные отношения, презрение к любви как психологическому явлению и абсолютизация

¹ Там же.

² Там же. Т. 7. С.86–87.

³ Там же. С. 88.

⁴ Там же. С. 88–89.

⁵ Там же. С. 89–90.

физиологической стороны супружеских отношений были неприемлемы для Ильина.

Начав с уничтожения частной собственности и частного производства, по мнению Ильина, большевики не получили последующего разрушения брака и семьи, и, сбросив ненужные узы, советский брак не превратился в добровольный товарищеский союз двух людей разного пола со свободным выходом для него при желании одной из сторон¹. Мыслитель полагал, что в советской России слишком сильны «буржуазные предрассудки», приверженность людей к частной собственности и личному хозяйству, особенно в крестьянской среде. Он подчёркивал широкомасштабность антисемейной политики большевиков, которые подрывали институт семьи с помощью законов, школы, организации союзов красных пионеров, а также покровительствуя свободным коммунаам в городе и деревне, и пропагандируя антирелигиозные и антицерковные идеи². Последним, считал Ильин, придавалось особое значение в политике коммунистов, поскольку «если разрушить церковный брак, превратить брак в дело совершенно светское», в «добровольный товарищеский союз двух людей разного пола», то «в обычаях народа образуется так называемое пустое место»³.

Отношение коммунистов к браку Ильин характеризовал фразой профессора Гойхбарга: «Брак есть институт для более удобного и менее опасного удовлетворения сексуальных потребностей»⁴. Консерватор полагал право человека на эфемерные сексуальные отношения (по своему усмотрению) как разрушительные для брака и семьи, поскольку тем самым «вытравливаются здоровые, глубокие чувства святого, жертвенного и священного» в сущности данных социальных институтов⁵.

И.А. Ильин детально анализировал советское законодательство о браке, считая определение самого брака как «соответствующее законам природы

¹ Там же. С. 92.

² Там же. С. 90–91.

³ Там же. С. 91–92.

⁴ Ильин И.А. Собр. соч. Мир перед пропастью. Ч. III. С. 33.

⁵ Там же. Т. 7. С. 93.

явление общественной жизни, которое зависит от формы существующих производственных отношений», логически беспомощным и топорно циничным¹. В действующем законодательстве о браке мыслитель видел юридические основы для разрушения семьи – признание «зарегистрированного» и незарегистрированного видов брака². По сведениям Ильина, в СССР также существовали «красноармейский брак» – брак на время военной службы, «сезонный брак» – брак между сезонными рабочими, «клубный брак» – результат клубной встречи³. Незарегистрированный брак оставлял ненаказуемым, по мнению Ильина, двоежёнство, многожёнство, многомужество и кровосмесительный брак⁴. Единственное исключение в борьбе с многожёнством, указывал мыслитель, делалось для небольших мусульманских государственных образований с национальными меньшинствами, в которых женщина «ещё не вышла из гаремного состояния»⁵. В этих случаях, полагал консерватор, вопрос эмансипации женщин подчинён политике построения социализма.

Советское законодательство о сущности семьи, с точки зрения философа, следовало тем же тенденциям, что и декреты о браке: «расширить свободу и ослабить узы»⁶. На первый план, считал Ильин, большевики выдвигали фактическое скрещивание и рождение, отделяли друг от друга брачные отношения и семейные отношения: «Биологический факт для коммунистического закона превыше всего: он прерывает и разлагает единство и сплоченность семьи не только фактически, биологически, но и юридически»⁷.

Развод, сообщал Ильин, в советском государстве очень лёгок, так как для того, чтобы расторгнуть брак, достаточно было волеизъявления одного из супругов⁸. Среди парадоксов советского законодательства мыслитель отмечал тот факт, что на Украине даже заключение брака было возможно без ведома другой

¹ Там же. С. 95.

² Ильин И.А. Собр. соч. Мир перед пропастью. Ч. III. С. 33.

³ Там же. С. 35.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ Там же. Т. 7. С. 99.

⁶ Там же. С. 100–101.

⁷ Там же. С. 101.

⁸ Там же. Мир перед пропастью Ч. III. С. 35.

стороны¹. Незаинтересованность советского государства ни в прочности, ни в продолжительности брака, по мысли философа, была обусловлена тем, что оно само не желало брать на себя материальные обязательства, связанные с последствиями половых отношений². «Забота» советской власти, указывал консерватор, проявлялась в установлении отцовства, «виновного» в рождении ребёнка и возложении на него материальных расходов по содержанию детей³. «Брак и семья, в понимании коммунистов, есть не что иное, как проблема несения расходов: стоит только решить, кто же будет оплачивать неприятные последствия чувственного наслаждения», – писал Ильин⁴. Результатами такого законодательства оказывались, по Ильину, крайне негативные последствия и для мужчин, и для женщин: мужчины имели много женщин, женщины раскидывали сети, стараясь заманить мужчин с хорошей зарплатой⁵. «Наглая и алчная женщина указывает на любого обеспеченного мужчину, потому что тот сможет платить больше денег. Все решает судья»⁶. И.А. Ильин указывал, что до 1927 г. в случае, если отцовство точно не было установлено, алименты возлагались на всех потенциальных отцов, порождая тем самым в советской литературе понятие «коллективное отцовство». Ильин считал, что свобода заключения и расторжения браков приводила в деревне к тому, что там заводили жену только на лето, а осенью с нею разводились с крайне циничной мотивацией: «она своё отработала – пусть теперь кормится где хочет»⁷.

Мыслитель также осуждал стремление большевиков ограничить права родителей в области воспитания детей. Суть политики большевиков в этом вопросе, констатировал Ильин, заключалась в том, что общество не доверяло родителям воспитание детей, чтобы «родители отвыкли от горячей и неразумной

¹ Там же. С. 37.

² Там же. С. 35.

³ Там же. Т. 7. С. 100.

⁴ Там же. С. 102.

⁵ Там же. С. 107.

⁶ Там же. С. 103.

⁷ Там же. С. 111.

любви к детям, чтобы не воспитывали эгоистичных и своекобыстных индивидуалистов»¹.

И.А. Ильин ссылаясь на сообщаемые газетами факты, что многие советские женщины жаловались на «дурные последствия проводимой коммунистами политики», на цинизм в поведении мужчин и ущемление их женского достоинства, на то, что изнасилование «стало просто бедствием в советском государстве»². Он даже назвал изнасилование «чрезвычайно распространенным обычаем» – под угрозой грядущего увольнения начальники-мужчины принуждали находящихся в подчинении женщин к половым связям³. Мыслитель объяснял распространённость данного феномена как практическими, так и теоретическими факторами.

С практической точки зрения женщины вынуждены были соглашаться на половые связи в силу тягостей экономических условий: «На это от отчаяния идут – вдова, покинутая женщина, наивная женщина: всем надо прокормить детей»⁴, «женщины без супругов кормят детей на зарабатываемые ими деньги»⁵.

Концептуальную основу изнасилования Ильин видел в теории «стакана воды», которая формулировалась относительно потребностей мужчин: «1. Каждый, даже несовершеннолетний комсомолец и каждый студент “рабфака” (рабочий факультет) имеет право и обязан удовлетворять свои сексуальные потребности... 2. Если мужчина вожделеет к юной девушке, будь она студенткой, работницей или даже девушкой школьного возраста, то девушка обязана подчиниться этому вожделению»⁶. Неподчиняющиеся данным требованиям девушки и женщины подвергались психологическому давлению: «Косо смотрят на тех девушек, которые отказываются вступить в половые отношения»⁷.

¹ Там же. С. 104–105.

² Ильин И.А. Мир перед пропастью. Ч. III. С. 40–41.

³ Там же. Т. 7. С. 112.

⁴ Там же. С. 112–114.

⁵ Ильин И.А. Мир перед пропастью. Ч. III. С. 38.

⁶ Там же. С. 39.

⁷ Там же.

Показательным для определения отношения коммунистов к женщинам, по мнению Ильина, стал Чубаровский процесс, получивший своё название от Чубаровского переулка г. Ленинграда, где в 1926 г. банда молодых коммунистов изнасиловала двух женщин¹. «Чубаровщина», считает Ильин, выражалась в невероятном цинизме большевистских взглядов на отношение к женщине: «Женщина – не человек, а всего лишь самка. Каждая женщина – девка, с которой можно обходиться, как вздумается. Её жизнь стоит не больше, чем она получает за половое сношение»². Ильин утверждает, что «чубаровщина» отражала новое явление «полной зависимости женщины от начальства», последствием которой являлась «взятка натурой», так называемыми «женскими чаевыми»³. Таким образом, констатировал философ, коммунистические начальники старались полностью использовать экономическую зависимость женщин, общее обнищание и безработицу, с которой они сталкивались, а также теорию свободного удовлетворения сексуального инстинкта⁴. Рост проституции, по мнению мыслителя, также свидетельствовал о тяжёлом положении женщин⁵. Таким образом, разрушительную политику большевиков он не мог признать освобождением и защитой самых слабых, а именно женщин и детей⁶.

«Освобождение женщины» есть то, чем чаще всего кичатся большевики, считал Ильин. Он настаивал на непригодности данного тезиса. С его точки зрения, русская женщина и до революции не нуждалась в особом освобождении и была гораздо свободней, чем женщина в Западной Европе. Мыслитель стремился разоблачить слова Н.К. Крупской о том, что «советская власть освободила женщину от домашнего рабства, от тяжёлой и грубейшей домашней работы», что «советская власть создала образцовые детские сады и ясли и тем самым освободила женщину от домашних обязанностей». Ссылаясь на советские газеты,

¹ Там же. С. 41.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 45.

⁶ Там же. Т. 7. С. 110.

Ильин писал, что «положение освобожденной и уравненной во всём с мужчиной женщины в советском государстве и вправду тяжело и унинительно»¹.

Он отмечал, что работа коммунистов с женщинами даётся им «вовсе не легко», так как женщин мыслитель считал «инстинктивно самой консервативной частью населения»². «Для революционной и коммунистической работы годятся лишь женщины с нарушенным или вовсе разрушенным половым инстинктом. Своеобразная помесь доктринёрства и беспощадности, закоренелой жестокости и моральной толстокожести отличающая коммунистов, плохо подходит здоровой женской душе», – писал Ильин³. Поскольку, с точки зрения философа, коммунисты понимали, что «женщина как хранительница семейного очага представляет собою опору правопорядка и частной собственности», поэтому «разложить и завоевать женщину в коммунистическом духе» означало для них преддверие коммунистической революции⁴.

Для решения этой задачи, считал Ильин, коммунисты изобрели четыре стратегии: проблема заработной платы, тщеславие политизированных женщин, грошовая психология домохозяйки и молчаливый ужас женщины перед угрозой войны⁵. Но главным средством привлечения женщин к строительству коммунизма, по мнению Ильина, являлось втягивание их в организацию политической работы (делегатское движение, проведение конференций трудящихся женщин и т. д.) согласно тезису Ленина о том, что «каждая кухарка должна научиться управлять государством»⁶. «Коммунисты ведут упорную пропаганду среди женщин на Западе и Востоке. Они постоянно призывают... вступать в их организации и союзы, которые создаются “для защиты революции”. Они знают, что всякая революция, если её не поддерживают женщины, обречена на неудачу. Они придают особое значение успехам пропаганды среди женщин», –

¹ Ильин И.А. Мир перед пропастью. Ч. III. С. 43.

² Ильин И.А. Собр. соч. Т. 8. С. 144.

³ Там же. С. 144.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 145.

⁶ Там же.

писал консерватор¹. В статье «Планы III Интернационала по революционированию мира» Ильин посвятил девятую главу теме «Женщины и дети». Анализируя деятельность данной организации, мыслитель особое значение придавал работе Женского интернационала – органа Коминтерна, который специально занимался пропагандой среди женской половины человечества идеи полного равноправия женщин, «расписывая яркими красками те преимущества, которые им якобы уже дало коммунистическое государство в советской России»².

Мыслитель подчёркивал инструментальность в использовании женских масс для достижения большевистских целей. Он цитировал выдержки из докладов партийных и советских работников о задачах по работе среди женщин: «Женщины могут быть самыми лучшими и выносливыми борцами и активными функционерами в забастовках, классовой борьбе и на фронте солидарности», «завербовать в качестве вспомогательной силы в промышленности, производящую боеприпасы, и во вспомогательные отрасли военной экономики», «использовать ненависть женщин к войне вообще, обратить их против поджигателей войны... показать им, что не пацифизм, а только революционная борьба может устранить ... саму войну», «на трудящихся женщин во время войны ляжет новое бремя, женщины будут отливать снаряды и сделаются солдатами на этом этапе»³.

В работах И.Л. Солоневича специфика советского общественно-политического строя и решение в его рамках «женского вопроса» осмыслиется на основе собственного жизненного опыта и опыта своих близких и знакомых. Мыслитель, так много сил приложивший к тому, чтобы сбежать из СССР, безусловно, не признавал легитимности советской власти. Он рассматривал русскую революцию как «ограбление мужика»⁴, как историю «бесконечных страданий и бесконечного унижения» с кровью и грязью, которая уморила

¹ Там же. Мир перед пропастью. Ч. III. С. 46–47.

² Там же. Т. 8. С. 145.

³ Там же. С. 147–149.

⁴ Солоневич И.Л. Белая империя. С. 267.

голодом около 15 млн людей¹. Реальное лицо революции представлялось Солоневичу «не в виде грозного, но поэтического лика исторической Немезиды, а в виде миллиона присосков скользкого, безликого и безмозглого революционного осьминога»². Так же как Ильин, Солоневич отмечал утопизм большевистской политики: «Все социалистические программы наделяют всех людей теми свойствами, которые отсутствуют у почти всех людей... Чувства семьи, собственности, нации, по практической проверке историей, оказались реально существующими»³. Советскую революцию мыслитель рассматривал как логическое завершение политической конструкции, которая сложилась в результате петровских реформ и которая базировалась на полной оторванности «верхов» от «низов», «интеллигенции» от «народа», «разума» от «инстинкта»⁴.

Смысл своей эмигрантской деятельности мыслитель видел в том, чтобы «указать русскому, пока что подсоветскому человеку, наш чисто русский, монархический, национально-православный исторический путь», в котором необходимо «учитывать опыт десяти веков, опираться на то, что поддерживает русский мужик»⁵. И.Л. Солоневич рассматривал семью как основную опорную точку «всякого национального и государственного бытия»⁶. Он полагал, что «марксизм не догадался», что не экономика строит семью, а семья строит экономику: «Отец и мать, отдающие свой труд, свои заботы, свои жертвы ребёнку, действуют никак не из экономических соображений». С чисто экономической точки зрения Солоневич рассматривал «бытовые коммуны» как «вельми великие усовершенствования» – женщина рождает на свет ребёнка, а остальное доделывают «ясли», «коммуны» и прочее – никаких забот. Но, по консерватору, для матери забота о ребёнке является самым важным в жизни:

¹ Солоневич И.Л. Вся власть – русским мозгам!: сб. ст. СПб., 2003. С. 41.

² Там же. С. 42.

³ Солоневич И.Л. Народная монархия. С. 323.

⁴ Там же.

⁵ Солоневич И.Л. Белая империя. С. 17, 36.

⁶ Там же. С. 41.

«Отнимите эти заботы – и для подавляющего большинства матерей... станет очень скучно»¹.

И.Л. Солоневич отмечал, что новые советские женщины-активистки не подходят для семейной жизни: «На активистках не жениться. А мне жена нужна, а не трепло»². Он сочувствовал им в том, что советская власть лишила их отношений, основанных на романтической любви, и предложила взамен «любовь без черёмухи»³. Основные трудности, с которыми сталкивалась советская женщина, по мнению Солоневича, вытекали из сущности самого строя. Современный консерватору российский политический режим он определял как абсолютизм, который хочет быть просвещенным, а хозяйственный строй называл крепостничеством, которое хочет быть культурным⁴. «Эмигрантским мисс Россиям невозможно представить себе все те муки, весь тот героизм и самопожертвование, с которыми русская подсоветская женщина проходит свою жизнь и строит свою семью. Не мисс России стоят в очередях для передачи около ОГПУ, не они бегают за куском хлеба или стаканом молока для своего ребенка... На деле роль русской женщины намного более тяжела и намного более важна. Я бы даже рискнул и на такое утверждение, что эта роль для России является решающей», – писал мыслитель-эмигрант⁵. После окончания советской власти, на которое рассчитывал консерватор, он предлагал поставить три памятника в каждом городе: Царю-Мученику, Неизвестному русскому штабс-капитану, отдавшему свою жизнь за Россию, и Неизвестной русской женщине, давшей России новые имена⁶.

В своих произведениях Солоневич описывал судьбы советских женщин – женщин, попавших под репрессии в связи с уголовными делами своих мужей, женщин – заканчивающих жизнь самоубийством в результате сексуальных домогательств со стороны начальников и т. д. Символом советской России

¹ Там же. С. 164.

² Там же. С. 255

³ Там же.

⁴ Там же. С. 111.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 257.

Солоневич назвал голодную девочку, с которой он встретился в концлагере и дал ей кусок хлеба: «Я стоял перед нею пришибленный и растерянный, полный великого отвращения ко всему в мире, в том числе и к себе самому. Как это мы, взрослые люди России, тридцать миллионов взрослых мужчин, могли допустить до этого... Она для меня стала каким-то символом – символом того, что сделалось с Россией»¹.

Основные тезисы по реализации «женского вопроса» в советской России, СССР, мыслитель изложил в работе «Большевизм и женщина», которую посвятил своей первой жене, «сильной духом женщине, дочери своего отца – полковника В.И. Воскресенского», Тамаре Владимировне Солоневич, погибшей в 1938 г. от взрыва бомбы-посылки в редакции газеты «Голос России» (София, Болгария)².

«Я не принадлежу к числу сторонников так называемого женского равноправия. Одинаковые права предполагают одинаковые силы и одинаковые возможности. Суфражистская идея, нелепая в самой своей основе, советской практикой была доведена до абсурда <...> Советское равноправие женщины имеет очень много аспектов, не предусмотренных даже и Карлом Марксом», – высказывал свою позицию Солоневич³. Мыслитель полагал, что равноправие в созданных советской властью условиях гораздо больше ударило по женщине, чем по мужчине: «Не буду говорить и о равноправии на производстве, когда женщинам было предоставлено полное право работать на подземных работах, в шахтах Донбасса, таскать на спине кирпичи на московских стройках, рыть котлованы на Магнитке и рубить бревна в лесах концентрационных лагерей»⁴. Описывая гендерные отношения в концлагере, Солоневич указывает, что все заключенные мужского пола старались изолировать женщин от работ в лесу: «Это была своеобразная мужская вежливость, знакомая и Западной Европе. Но цена этой вежливости Западной Европе не знакома. Мужчина, уступающий даме место

¹ Там же. С. 182–185.

² Солоневич И.Л. Большевик и женщина // Вся власть – русским мозгам!: сб. ст. СПб., 2003. С. 35–46.

³ Там же. С. 38.

⁴ Там же.

в трамвае, рискует простоять всю остальную дорогу. Мужчина, путём служебного подлога, ограждающий женщину от лесных работ, рискует просидеть на Соловках всю остальную жизнь»¹.

Однако, по мнению консерватора, оградить женщину «от звериной стороны советского быта» мужчина был не в силах. По большинству железных дорог ходят не пассажирские вагоны, а так называемые теплушки, взобраться на которые женщина без посторонней помощи не может, сообщал Солоневич². «Нужны огромные мускульные усилия, чтобы влезть в трамвай, и приблизительно такие же, чтобы вырваться из него... Приходится спрыгивать на ходу, что опять-таки не одинаково легко для обоих полов», – писал он³. Мыслитель считал, что мужчины как-то приноровились «и к грязи, и ко вшам, и к прыжкам в трамвай и из трамвая, и к звериной хватке за кусок мяса и кусок хлеба», но русскую женщину практики советской власти поставили в отчаянное положение⁴. «Я только отмечу тот факт, что необходимость одеваться в лохмотья для женщины гораздо более чувствительна, чем для мужчины. Тамаре Владимировне приходилось одеваться и в лохмотья», – отмечал мыслитель⁵.

Солоневич также полагал, что служебная карьера при всём советском равноправии даёт мужчинам большие возможности. Так же как и Ильин, мыслитель отмечал страх женщин за свою честь, который добавляется к голоду, усталости, непосильному напряжению: «Романтические устремления комиссара всегда поддерживаются тяжёлой артиллерией постоянных сокращений, увольнений, чисток и арестов»⁶. Мыслитель выделял в отдельную, наиболее уязвимую для большевистской политики группу – группу интеллигентных женщин, жизнь которых стала невыносимой. Он объяснял это тем, что в новой советской реальности, в условиях «звериной борьбы, кулачного права, быта, который временами опускается до исторического уровня», «быта

¹ Там же.

² Там же. С. 39.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 39.

неандертальской пещеры СССР» физическая сила играет огромную роль¹: «К физической силе и к огромному кулаку плебс всегда относится с почтением»². Здесь мы выходим на важные, с гендерной точки зрения, рассуждения автора. Помимо того, что Солоневич вскрывает рассогласование между декларируемыми принципами равноправия полов и их реализацией, он отмечает, что одна доминирующая модель дореволюционной маскулинности, суть которой заключалась в рыцарском отношении к женщинам, сменилась новой – плебейской, основанной на грубой физической силе, характерной для рабочего класса индустриальной эпохи, и применяемой в том числе и к женщинам. Описанные Солоневичем случаи, в частности, когда он спасал жену от домогательств комиссаров – представителей указанной плебейской модели маскулинности, свидетельствуют о том, что выстраиваемая советской властью в ходе реализации «женского вопроса» модель гендерных отношений оставалась асимметричной.

По мнению Солоневича, проект женской эмансипации советской власти был обречён на неудачу по причине природной «контрреволюционности» самих женщин: «Над всеми этими и мучительными, и смешными, и позорными, и трагическими мелочами подсоветского быта властно господствует самый основной, самый глубинный инстинкт, инстинкт женщины-матери»³. С его точки зрения, суть этого инстинкта, который «стал поперёк дороги большевизму», заключается в том, что в противовес разрушительной силе коммунистической политики он носит созидательный характер: «Женщина, женщина-мать – она всегда созидательница. Своей семьи, своего очага и отсюда – своей нации. Большевизм разрушает и семью, и очаг, и нацию. Здесь примирения нет, и здесь примирения быть не может»⁴.

И.Л. Солоневич показывал, с какими усилиями жена пыталась вырваться из СССР: готовила планы побега, ходила ежедневно по 20 км, решилась на

¹ Там же.

² Там же. С. 40.

³ Там же. С. 41.

⁴ Там же.

фиктивный брак с иностранцем и пр. «О себе она никогда не думала, или по крайней мере, не говорила. А заплатить жизнью пришлось именно ей», – так он заканчивает свой очерк «Женщина и большевизм».

Таким образом, важность гендерной составляющей произведений российских консерваторов-эмигрантов как маркера между различными моделями социально-политического устройства определяется тем, что они – немногие мыслители – отразили в своих работах слом старой дореволюционной гендерной системы и замену её новой большевистской моделью отношений между полами; показали разрыв между декларациями равноправия полов и реальностью реализации данного проекта; подчеркнули инструментальность использования женских масс в достижении целей большевистской политики. Мыслители продемонстрировали, как асимметрично советская политика равенства полов повлияла на их статус, усилив эксплуатацию женского населения, создав практики «двойной занятости» на производстве и в домашнем хозяйстве. Анализ в трудах И.А. Ильина и И.Л. Солоневича семейного законодательства и его воплощения в жизнь позволил выявить его негативные последствия, прежде всего, для женского пола: свободные браки приводили к тому, что женщинам в одиночку приходилось содержать детей, а лежавшая в основе семейного законодательства «теория стакана воды» создавала угрозы для сексуального насилия женщин. Опираясь на принципы биологического эссенциализма, мыслители полагали, что советская власть исказила истинную природу женщин и противоречит созидательному характеру деятельности женщины-матери.

И.Л. Солоневич в своих трудах засвидетельствовал тот факт, что реализация принципа равенства полов на практике привела к смене одной модели маскулинности другой: приход к власти плебса с его культом физической силы predetermined новый гендерный порядок в советской России и СССР. В целом консерваторы-эмигранты разоблачили миф об успешной женской эмансипации в

советский период, их выводы во многом созвучны современным исследованиям гендерной политики в СССР¹.

¹ Российский гендерный порядок... С. 96–138; Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. С. 66–99.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политическая философия российского консерватизма XIX– первой половины XX в. артикулировала актуальные для отечественной политики вопросы селекции принципов и направлений, соотношения традиций и инноваций в построении национального государства. Зародившись в начале XIX в. как реакция на модернизационные процессы, отечественная консервативная мысль прошла длительный путь развития, когерентный направленности государственной политики страны, представлявшей собой последовательную смену реформ и контрреформ. Сочетание апологетики, критики и утопии, а также историософичность являются чертами российского консерватизма. Наличие критических установок по отношению к государственной власти объединяло консерватизм с либеральной и социал-демократической политической мыслью; апологетические черты консервативной политической философии отличали её от указанных выше направлений общественно-политических доктрин.

Российские консерваторы в качестве основного предмета анализа рассматривали прошлое, настоящее и будущее российской цивилизации, полагая политические процессы составной частью общесоциальных изменений и выходя тем самым за рамки узкоинституциональной трактовки государственности. Язык, религия, различные формы духовной и материальной культуры концептуально осмыслились консерваторами как факторы, непосредственно фундировавшие функционирование политической системы России. В политической философии российского консерватизма постулировалась непосредственная связь морали и политики.

Представители отечественного консерватизма рефлексировали рецепцию европейских ценностей российской политической культурой, демонстрировали их чужеродность фундаментальным основам российской цивилизационной модели развития. Обратившись к истокам национальной истории и культуры,

политическая философия отечественного консерватизма XIX – первой половины XX в. создала своего рода канон самобытного социально-гуманитарного знания. Критика европейских способов верификации знания, основанных на рационализме, ориентировала российских любомудров на выработку собственной национальной методологии, обеспечивавшей получение цельного научного знания, базирующегося и на принципе разума, и на принципе веры.

Невозможность выразить сущность российской цивилизации сформировавшимся на чужой почве понятиями, позволила консерваторам подвергнуть сомнению универсальность европейского знания, утверждавшего однолинейность исторического развития всех народов и культур. В политической философии российского консерватизма предлагалось новое прочтение выработанных западной социально-политической мыслью терминов, обозначавших социальную динамику, – «прогресс» и «развитие». Опираясь на органический подход, отечественные мыслители интерпретировали «развитие» как «прозябание», что подразумевало медленный естественный процесс без скачкообразных изменений. С точки зрения консерваторов, под «прогрессивным» необходимо понимать движение вперёд только на основе ценностей собственной национальной культуры. Можно утверждать, что представители российской консервативной мысли сформулировали базовые принципы невестернизированной национально-ориентированной модели развития страны, в которой акцент был сделан на материально-технических инструментах индустриального общества, а сопровождавшие её социокультурные и политические новации предлагалось «подморозить».

Внимание к духовным (культурно-религиозным) основам знания способствовало расширению консерваторами понятия «политическая литература», включению в него художественных и публицистических произведений. В силу данного обстоятельства политический язык отечественных мыслителей включал не только аналитические категории, но и аллитерации, мифологические и художественные метафоры.

Методологическими основаниями политической философии отечественного консерватизма явились органический и теологический подходы. Векторы развития отечественной политики рассматривались консерваторами в проблемном поле «Россия и Европа». Главными научными методами, используемыми мыслителями, стали компаративистский и исторический. Сопоставление генезиса, исторических этапов развития, форм политической организации, выявление специфики национальной культуры, прежде всего конфессиональных ценностей, привели к конципированию С.С. Уваровым отражавшей ключевые принципы цивилизационного бытия России триаде «Православие. Самодержавие. Народность». Порядок элементов «формулы официальной народности» (А.Н. Пыпин) в концепциях консерваторов приобретал различные конфигурации, но состав элементов под сомнение не ставился. Имманентность данных принципов российской цивилизации в политической философии консерватизма рассматривалась как гарант сохранения социальной стабильности и гражданского мира в России в противовес происходившим в Европе революционным катаклизмам.

При анализе проявившихся в начале на западной, а затем и на российской почве политических конфликтов российские консерваторы концептуально свели их к схеме «власть и народ», редуцируя всё многообразие и сложность социальных противоречий: народ представлялся как единое нерасчленённое целое, с одной стороны, и политическая элита, – с другой. В качестве интеллектуального ответа на вопрос, как можно примирить противоположность социальных интересов групп, российские консерваторы разработали монархические концепции власти. Опираясь на богословский фундамент («всяка душа властям да повинуется, власти бо от Бога учинены суть»), мыслители трактовали самодержавие как национальную (русскую) форму политической организации общества, которая не подлежит трансформации по европейскому типу. Исторически сложившаяся самодержавная форма политического правления в понимании консерваторов эффективно выполняла оборонческие функции, поддерживала правопорядок внутри государства, соответствуя при этом

аполитичной культуре русского народа. Важным социальным назначением самодержавия, сосредоточившего в себе все виды власти, в политической философии консерватизма выступало освобождение народных масс от необходимости заниматься политикой, предоставление им возможности сосредоточиться на исповедании православия.

Неограниченная институциональными противовесами самодержавная власть в политической философии консерваторов обосновывалась прежде всего аргументом теологического характера: монарх имел особую связь с Богом, что придавало его власти характер служения, а не привилегии. Принадлежность царя и народа православной конфессии была основой для взаимного понимания и доверия – через православие проявлялась связь государства и народа, а монархия выражала дух нации. В российском консерватизме самодержавие определялось как идеократия, т. е. в отличие от абсолютизма и деспотизма царь был ограничен «содержанием своего собственного идеала» (Л.А. Тихомиров). Важной чертой монархического правления выступала надпартийность царя, способного справедливо управлять по принципу «не взирая на лица», награждая подданных в соответствии с их заслугами. В созданных российскими консерваторами политических портретах императоров соединялись силовые/маскулинные характеристики с миролюбием, что было обусловлено необходимостью ограничения самодержавной власти государя.

Достоинства самодержавной российской монархии в максимально полной степени раскрывались представителями консерватизма в рамках критики складывавшейся в Европе и США системы парламентаризма. Расщепление политической воли, механический характер подсчёта голосов, возможность доступа к власти любого, в том числе неподготовленного человека, противопоставлялись мыслителями единству монархической власти, органическому (естественному) характеру правления, избранности, профессионализму, компетентности носителей политической власти.

Неограниченный характер самодержавия обосновывался российскими консерваторами признанием государства единственным субъектом социальных

изменений. Оказавшись перед необходимостью решения сложных экономических и социально-политических задач, обусловленных модернизацией, государственная власть в концепциях мыслителей должна была усилиться за счёт ещё большей концентрации.

Главным требованием консерваторов к политической власти являлась принципиальная невозможность ограничения монаршей власти, в том числе и самоограничения через делегирование власти представительным учреждениям. Мыслители отказывались признавать необходимость инноваций в политической жизни российского общества. Движение страны вперёд понималось как рост экономического и военного могущества, повышение статуса России на международной арене. В силу этого значительное количество произведений консерваторов посвящено внешнеполитическим и международным проблемам.

Применение методологии гендерного анализа к политической философии даёт возможность пересмотреть устоявшиеся точки зрения о сущности власти, политики и государства. Рассмотрение теоретических представлений о природе, свойствах мужского и женского пола в доктринах западных мыслителей, начиная с политических воззрений мыслителей Античности, позволяет исследователям сделать вывод, что одним из принципов определения границ публичной сферы являлась исключённость «женского» из политики. В европейской политической мысли до появления гендерного подхода сформировались два направления концептуального осмысления социальных ролей женщин и мужчин в политической жизни общества. Первое направление, родоначальником которого был Платон (последователи – Т. Мор, Т. Кампанелла, А. де Сен-Симон и др.), представляло собой теоретическое обоснование утопических проектов, в рамках которых предусматривалось равенство полов в социально-политической системе. Второе направление, доминировавшее в западной общественно-политической мысли и связанное с именем Аристотеля (его последователи – христианские мыслители, Дж. Локк, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо и др.), концептуализировало дихотомию публичного и приватного, ограничивая жизнедеятельность женщин

сферой семьи. Носителем власти признавался разумный по природе мужчина, который вкупе с другими мужчинами образовывал политическое сообщество.

Возникшая во второй половине XX в. гендерная методология предложила новый подход к анализу отношений между полами. «Гендер», или «социальный пол», – термин, который был введён для разграничения биологических и социокультурных различий между полами, для демонстрации сконструированного характера социальных ролей мужчин и женщин. Современное поле гендерных исследований представляет собой картину, отражающую множество теоретических направлений. В современном западном социогуманитарном знании категория «гендер» получила статус, равнозначный по значимости категориям «класс», «этнос».

Обращение к гендерному анализу политической философии во второй половине XX в. в западной политологии было связано с изучением гендерной асимметрии в политических процессах. Гендеристы выдвинули гипотезу, согласно которой одним из факторов политической отчуждённости женщин является андроцентричный характер политического знания. В процессе изучения лексикона политической науки, теорий политики, власти, демократии, гражданства исследователи пришли к выводу, что политический дискурс концептуализировал дихотомию публичной и приватной сфер, а присутствие женщин только в приватной сфере исключало женский опыт из анализа политических практик. Гендерная теория заострила внимание на том, что политическими акторами всегда были мужчины, а женские качества считались несовместимыми с политикой. Гендерный анализ западной классической политической мысли позволил продемонстрировать андроцентризм и сексизм науки, тем самым подвергнув сомнению универсальность основных категорий политической теории. Исследователи предложили свои трактовки базовых политологических терминов и концепций для того, чтобы отразить в них женский социальный опыт.

Российские консервативные мыслители XIX – первой половины XX в. выдвигали в значительной степени аналогичные западным идеи о природе и

социальном назначении мужского и женского пола. Рассмотрение социума как единого органического целого приводило представителей консервативной политической мысли к биологическому эссенциализму, трактовавшему социальные роли женщин и мужчин как асимметричные и взаимодополняемые. Женские интересы при этом интегрировались в контекст решения общих задач, стоявших перед обществом.

Теоретические представления мыслителей о свойствах полов отразились на концептуализации публичной и частной сфер, в гендерном контексте соответствовавших мужской и женской областям жизнедеятельности. Деление общества на публичную и частную сферы в философии консерваторов пересекалось со стратификационным сословным видением общества, что приводило мыслителей к узкой трактовке политики как реализации политической власти императорским домом с находившимися на государственной службе мужами. В трудах консерваторов XIX – первой половины XX в. теоретическое конструирование политической жизни непосредственно связано с моделированием маскулинных ценностей и ролей. Присутствие мужчин в публичной сфере легитимировалась мыслителями их способностью выполнять функцию защиты государства. Очевидная, с точки зрения консерваторов обусловленная природой неспособность женщин «быть в строю» обесценивала их роль как граждан. В политических концепциях мыслителей чётко прослеживается конструирование иерархии моделей маскулинностей, базировавшихся на принципах сословности и этакратизма. Позитивная модель «аристократа–воина–богатыря» определялась непосредственной связью представителей данной модели с самодержавием, с несением государственной и военной служб. Консерваторы делали акцент на внутренний этос носителей мужественности – чувство долга, чести и достоинства. Важными чертами аристократов и воинов были политическая отчуждённость и отсутствие властных амбиций – они выполняли поставленные монархом задачи. Православная вера и чувство патриотизма выступали обязательными атрибутами данной модели мужественности, что позволяло смягчить агрессивность военного сословия.

Негативная модель мужественности («интеллигент») конструировалась за счёт наделения её носителей секуляризированным сознанием, нигилистическим отношением к русской культуре, стремлением разрушить монополию царствовавшей династии на политическую власть.

Исключённость «женского» из публичной сферы органично вписывалась в разработанную российскими консерваторами XIX – первой половины XX в. концепцию отечественной политики, которая базировалась на принципах «Православие. Самодержавие. Народность». Теоретически выстраиваемый мыслителями мир политического – отеческий порядок правления – представляется с гендерных позиций как патриархальный и патриархатный. Политическая и семейная организации в концепциях российских консерваторов выстраивались изоморфно, основываясь на принципах андроцентризма.

Анализ трудов консерваторов в рамках дискурсивного подхода продемонстрировал андроцентризм используемого мыслителями языка, различие высокой/публичной и низкой/приватной литературы с явно выраженной гендерной асимметрией, а также формирование политического дискурса как мужского. Российские консерваторы писали свои тексты для мужчин, обращались к мужской аудитории. В трудах отражался мужской социальный опыт (государственной и военной служб). Как правило, они отождествляли понятия «человек» и «мужчина». Для обозначения субъекта творчества, истории, политики они употребляли понятие «муж». Использование в тексте понятий, производных от корня «патр» – «патернализм», «патриархальный», «патриархальные ценности», а также словосочетаний «проблема отцов и детей», «традиции отцов и дедов», «братство», «братские отношения» задавали гендерную асимметрию анализируемого политического дискурса. Понимание слова как символического капитала в борьбе за артикулируемые консерваторами ценности способствовало пересмотру их взглядов на женскую аудиторию. Рассматривая женщин высшего света как носительниц языкового прошлого, консерваторы мобилизовали их для трансляции собственных политических идей. В рамках создания национального

государства, формирования национального самосознания российских граждан интеллектуалы консервативного направления допускали расширение творческих видов деятельности для женщин.

Осмысляя опыт правления российских императриц в XVIII в., отечественные консерваторы XIX – первой половины XX в. предложили две трактовки женского правления в России – апологетическую и критическую. В рамках первой концептуальными способами легитимации женского правления выступили: ценность фемининных свойств в государственном управлении, выраженные в его мягком гуманном, материнском характере; опора императриц на национальные традиции и обычаи, предопределившая крепкую связь государства с народом; воплощение неограниченного самодержавия и аристократический стиль правления. В рамках второй точки зрения в качестве аргументов против женского правления консерваторы приводили незаконный характер занятия престола российскими императрицами и зависимость от фаворитов.

В политической философии консерватизма XIX – первой половины XX в. приватная сфера осмыслялась как область бытия женщин. Анализ природных различий полов приводил российских консерваторов к выводу, что физические, моральные и интеллектуальные свойства женщин менее развиты, чем аналогичные свойства мужчин, что не позволяло представительницам женского пола принимать участие в публичной жизни. Правовые отношения в рамках семьи теоретически выстраивались мыслителями как асимметричные, предполагающие главенство отца. В то же время консерваторы определяли порядок в семье в большей степени как матриархальный, замаскированный надстроенным над ним юридически оформленным патриархальным порядком, которым поддерживалось строгое разделение отцовских и материнских ролей при их относительном равновесии.

Опираясь на концепцию «женской власти» как «власти слабых» в политической философии российского консерватизма можно реконструировать позитивные («русская православная женщина», «богатырши») и негативные («женщины-политики», «новые женщины», «светские львицы», «женщины-

революционерки») модели женственности. Основная нормативная модель женственности «русская православная женщина» концептуально восходила к образу Богородицы и соответствовала отстаиваемым консерваторами ценностям православия. Манипулирование как способ влияния на агентов социального взаимодействия, функционирование в рамках приватной сферы, невозможность эффективного социального контроля за реализацией «женской власти», а также открытое стремление к реализации политической власти, отрешение от выполнения обязанностей жены/матери определялись мыслителями как факторы разрушения сложившейся в традиционном обществе конфигурации гендерных и политических отношений.

Отказ от институциональной трансформации общественно-политической системы, приоритет факторов культурно-идеологической модернизации в политической философии российских консервативных мыслителей способствовали концептуализации «женского вопроса» как морального, а не социально-политического. Мыслители предлагали разрабатывать нравственный идеальный образ русской женщины. Равноправие женщин и мужчин представлялось консерваторам на практике нереализуемым, противоречившим законам природы, угрожавшим существованию семьи и разрушению авторитета власти. Европейский путь борьбы женщин за экономические и политические права мыслился консерваторами как неприемлемый в силу отождествления модернизации и вестернизации. В их работах «женский вопрос» рассматривался в контексте «борьбы с Западом» (Н.Н. Страхов). В противовес эгалитарно-прогрессистскому типу социального дискурса о женщине в рамках дискуссии по «женскому вопросу» ортодоксально-консервативный тип чётко увязал тему пола и нации, формируя систему бинарных оппозиций для характеристики «русских своих» и «нерусских чужих». В «женском вопросе» авторы консервативного направления увидели напряженность русской и нерусской культур: православие против католичества, дух против плоти, мораль против права, традиция против модернизации, идеализм против практицизма.

В политической философии консерваторов-эмигрантов (И.А. Ильин, И.Л. Солоневич) осмысление проекта женской эмансипации в Советской России, СССР вписывалось в анализ сущности большевистского режима. В своих произведениях мыслители стремились подчеркнуть антигуманный, разрушительный характер нового социально-политического строя. Стремление большевиков создать «нового человека» И.А. Ильин и И.Л. Солоневич оценивали негативно и скептически, апеллируя, прежде всего, к неизменной консервативной природе женщины-матери.

Поскольку основным пространством социального бытия женщины консерваторы рассматривали семью, то изменение брачно-семейного законодательства СССР они полагали фактором, модифицировавшим положение советских женщин. Демонстративный отказ от церковного брака, признание незарегистрированных браков и т. д., с точки зрения И.А. Ильина и И.Л. Солоневича, не способствовали эмансипации женщин, так как на женщин возлагалась основная обязанность по материальному содержанию детей. Рост проституции, распространённую в СССР практику принуждения женщин начальниками-мужчинами к половым связям Ильин рассматривал как проявление тяжёлых материальных условий, в который находилась советская женщина. Частные случаи изнасилования женщин Ильин видел в теории «стакана воды», которая формулировалась относительно потребностей мужчин.

В трудах И.Л. Солоневича инструментальность в использовании женских масс для достижения большевистских целей больше подчёркивалась на примере обязательного привлечения женщин к общественному производству. Рассматривая женщин как существ более физически слабых, чем мужчины, мыслитель констатировал усиление эксплуатации женского населения, так как революция быта, которая согласно марксизму должна была облегчить нагрузки женщин в домашнем хозяйстве, критично оценивалась консерватором. По его мнению, переход к диктатуре пролетариата, приход к власти плебса с его культом физической силы привели к доминированию пролетарско-плебейской модели мужественности. Таким образом, консерваторы-эмигранты отразили в своих

работах слом старой дореволюционной гендерной системы и замену её новой большевистской моделью отношений между полами, рассматривая это как маркер между различными моделями социально-политического устройства. Они показали разрыв между декларациями равноправия полов и реальностью реализации данного проекта, разоблачили миф о женской эмансипации в советский период.

Таким образом, разработанная и применённая автором диссертации модель анализа политической философии российского консерватизма XIX – первой половины XX в. с позиций гендерного подхода позволяет сделать следующие выводы о значимости идей мыслителей. В современной России востребованными являются консервативные идеи «мягкой маскулинности», критика мизогинизма, высокая оценка роли женщин в частной сфере, позитивное восприятие женщин-носителей верховной власти и фемининных свойств в политическом управлении. В то же время теоретически сконструированная консерваторами XIX – первой половины XX в. архаизированная модель гендерных отношений содержит имплицитно проблемы реализации равенства полов, поскольку базируется на недооценке роли женского фактора в политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Аксаков, И.С. Отчего так нелегко живется в России? / И.С. Аксаков / сост., вступ. ст. В.Н. Грекова. – М.: РОССПЭН, 2002. – 1008 с.
2. Аксаков, И.С. Сочинения: в 7 т. / И.С. Аксаков. – М.: Типогр. М.В. Волчанинова, – 1886.
3. Аксаков, К.С. Полное собрание сочинений: в 3 т. / К.С. Аксаков. – М.: Университетская типогр., 1889.
4. Аксаков, К.С. Эстетика и литературная критика / К.С. Аксаков. – М.: Искусство, 1995. – 526 с.
5. Аксаков, К.С., Аксаков, И.С. Избранные труды / К.С. Аксаков, И.С. Аксаков // сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, А.В. Мырикова, Е.Б. Фурсова. – М.: РОССПЭН, 2010. – 888 с.
6. Арзамас: сб. в 2 кн. – М.: Худ. лит., 1994.
7. Аристотель. О возникновении животных / Аристотель. – М.;Л.: АН СССР, 1940. – 251 с.
8. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / общ. ред. А.И. Доватура / Аристотель. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4 – 830 с.
9. Бебель, А. Женщина и социализм / А. Бебель. – М.: Глав. изд-во полит. лит-ры, 1959. – 592 с.
10. Белинский, В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. / В.Г. Белинский. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 7. – 735 с.
11. Бёрк, Э. «Залог успеха – не наличие, а отсутствие таланта»: Ранние эссе / Э. Бёрк // Вопросы литературы. – 2008. – № 1. – С. 265–295.
12. Бёрк, Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию / Э. Бёрк. – М.: Рудомино, 1993. – 144 с.
13. Великосельцев, П. Заметки о связи между улучшенной жизнью, нравственностью и богатством в крестьянском быту / П. Великосельцев //

Земледельческая газета. – 1856. – 23 марта (№ 24). – С. 93–95; 27 марта (№ 25). – С. 98–99.

14. Воспоминания Льва Тихомирова. – М.; Л.: ГИЗ, 1927. – 515 с.
15. Вяземский, П.А. Отметки при чтении «Исторического похвального слова Екатерине II», написанного Карамзиным [Электронный ресурс] / П.А. Вяземский. – Режим доступа: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0350.shtml.
16. Вяземский, П.А. Записки графини Жанлис 1825 года [Электронный ресурс] / П.А. Вяземский. – Режим доступа: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_1826_zapiski_grafini_zhanlis_oldorfo.shtml.
17. Вяземский, П.А. Записные книжки / сост., вступ. ст., коммент. и имен. указ. Д.П. Ивинского / П.А. Вяземский. – М.: Русская книга, 1992. – 384 с.
18. Вяземский, П.А. Записные книжки. Книжки первая, вторая [Электронный ресурс] / П.А. Вяземский. – Режим доступа: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0070.shtml.
19. Вяземский, П.А. Избранное / П.А. Вяземский / сост., автор вступ. ст. и коммент. П.В. Акулышин. – М.: РОССПЭН, 2010. – 496 с.
20. Вяземский, П.А. Отрывок из письма к А.И. Готовцевой // Вяземский П.А. Сочинения: в 2 т. / сост., подг. текста и коммент. М.И. Гиллельсона. – М.: Худ. лит., 1982. – Т. 2. – С. 130–134.
21. Вяземский, П.А. Письма из Парижа 1826–1827 [Электронный ресурс] / П.А. Вяземский. – Режим доступа: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0609oldorfo.shtml.
22. Вяземский, П.А. Современные темы, или канва для журнальных статей [Электронный ресурс] / П.А. Вяземский. – Режим доступа: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0910.shtml.
23. Вяземский, П.А. Эстетика и литературная критика / П.А. Вяземский. – М.: Искусство, 1984. – 458 с.
24. Герцык, Е.К. Воспоминания [Электронный ресурс] / Е.К. Герцык. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gercyk_e_k/text_0030.shtml.

25. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к германо-романскому / Н.Я. Данилевский / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.В. Репников, М.А. Емельянов-Лукьянчиков. – М.: РОССПЭН, 2010. – 663 с.
26. Двенадцать собственноручных писем адмирала Шишкова. – СПб.: Типогр. мин. внутр. дел, 1841. – 86 с.
27. Дивная и мужественная повесть о храбрости и мудрости целомудренной девицы Динары царицы, дочери Иверского царя Александра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old-ru.ru/07-13.html>.
28. Дневник Л.А. Тихомирова: 1915–1917 гг. / сост., предисл., коммент. и прим. А.В. Репникова. – М.: РОССПЭН, 2008. – 440 с.
29. Женщины-жертвы // Время. – 1861. – № 2. – С. 39–40.
30. Жуковский, Ю. Затруднения женского дела / Ю. Жуковский // Мужские ответы на женский вопрос в России. Вторая половина XIX – первая треть XX в. Антология: в 2 т. / под ред. В.И. Успенской. – Тверь, 2005. – Т. 1. – С. 147–170.
31. Из воспоминаний К.Н. Леонтьева. Публикация О.Е. Майоровой // Лица: биографический альманах. – СПб.: Феникс, Atheneum, 1995. – № 6. – С. 453–472.
32. Ильин, И.А. Избранное / сост., авторы коммент. Т.А. Филиппова, П.Н. Баратов / И.А. Ильин. – М.: РОССПЭН, 2010. – 726 с.
33. Ильин, И.А. Собрание сочинений: в 10 т. / сост., автор вступ. ст. и комм. Ю.Т. Лисицы / И.А. Ильин. – М.: Русская книга, 1996–2001.
34. Карамзин, Н.М. Избранные произведения: в 2 т. / Н.М. Карамзин. – М.; Л.: Худ. лит., 1964. – Т. 1–2.
35. Карамзин, Н.М. Избранные труды / сост., автор вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц; автор вступ. ст. Д.В. Ермашов, автор коммент. А.И. Шевляков; сост. А.Ю. Старостин / Н.М. Карамзин. – М.: РОССПЭН, 2010. – С.160–217.
36. Карамзин, Н.М. История государства российского [Электронный ресурс] / Н.М. Карамзин. – Режим доступа: http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/karamzin/kar01_07.htm.

37. Карамзин, Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / прим. Ю.С. Пивоварова / Н.М. Карамзин. – М.: Наука, 1991. – 111 с.
38. Катков, М.Н. Наш язык или что такое свистуны / М.Н. Катков // Русский вестник. – 1861. – Т. 32. – Март. – С. 1–38.
39. Киреевский, И.В. Два письма к А.И. Кошелеву (о взаимоотношениях церкви и государства) [Электронный ресурс] / И.В. Киреевский. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/kireevskiy/kireevskiy_dva_pisma.html.
40. Киреевский, И.В. Записка об отношении русского народа к царской власти [Электронный ресурс] / И.В. Киреевский. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/kireevskiy/kireevskiy_zapiska.html.
41. Коллонтай, А.М. Избранные статьи и речи / А.М. Коллонтай. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1972. – 430 с.
42. Котляревский, Н. Очерки из истории общественного настроения 60-х годов: Женский вопрос в его первой постановке / Н. Котляревский // Вестник Европы. – 1914. – № 2. – С. 225–252.
43. Кошелев, А.И. Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. и коммент.: П.В. Акульшин, В.А. Горнов / А.И. Кошелев. – М.: РОССПЭН, 2010. – 599 с.
44. Крижанич, Ю. Политика / под ред. М.Н. Тихомирова / Ю. Крижанич. – М.: Наука, 1965. – 736 с.
45. Ленин, В.И. Речь на I всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г. // В.И. Ленин. Полн. собр. соч.: в 55 т., 5-е изд. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 37. – С. 185–186.
46. Ленин, В.И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике: Речь В.И. Ленина на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г. / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1970. – Т. 39. – С. 198–305.
47. Леонтьев, К.Н. Избранное / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.В. Репников. / К.Н. Леонтьев. – М.: РОССПЭН, 2010. – 728 с.

48. Леонтьев, К. Избранные письма / публ., предисл. и коммент. Д. Соловьева, вступ. ст. С. Носова / К. Леонтьев. – СПб.: Пушкинский фонд, 1993. – 640 с.
49. Леонтьев, К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. / К.Н. Леонтьев. – СПб.: Владимир Даль, 2000–2012.
50. Ломоносов, М.В. Сочинения / М.В. Ломоносов. – М.; Л.: Худ. лит., 1961. – 591 с.
51. Маркс – Людвигу Кугельману (12 декабря 1868 г.) / К. Маркс// Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд.: в 50 т. – М.: Глав. изд-во пол. лит-ры, 1964. – Т. 32. – С. 485–486.
52. Марксистский феминизм: Коллекция текстов А.М. Коллонтай / под ред. В.И. Успенской. – Тверь: Золотая буква, 2003. – 300 с.
53. Мацкевич, Д. Заметки о женщинах / Д. Мацкевич // Мужские ответы на женский вопрос в России. Вторая половина XIX – первая треть XX в.: антология: в 2 т. / под ред. В.И. Успенской. – Тверь: Феминист-Пресс, 2005. – Т. 1. – С. 9–27.
54. Меньшиков, М.О. Вечное воскресенье [Электронный ресурс] / М.О. Меньшиков. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0100.shtml.
55. Меньшиков, М.О. Выше свободы [Электронный ресурс] / М.О. Меньшиков. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0090.shtml.
56. Меньшиков, М.О. Женское брожение / М.О. Меньшиков // Мужские ответы на женский вопрос в России. Вторая половина XIX – первая треть XX в.: антология: в 2 т. / под ред. В.И. Успенской. – Тверь: Феминист-Пресс, 2005. – Т. 2. – С. 331–339.
57. Меньшиков, М.О. О любви / М.О. Меньшиков. – СПб.; Ставрополь: ТОО «Горница», 1994. – 192 с.
58. Меньшиков, М.О. Письма к русской нации [Электронный ресурс] / М.О. Меньшиков. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0120.shtml.
59. Меньшиков, М.О. Утомленные женщины / М.О. Меньшиков // Мужские ответы на женский вопрос в России. Вторая половина XIX – первая треть XX в.:

- антология: в 2-х т. / под ред. В.И. Успенской. – Тверь: Феминист-Пресс, 2005. – Т. 2. – С. 339–345.
60. Мещерский, В.П. «Разве от того, что мы напишем в университеты баб, Россия делается Европой...» / В.П. Мещерский // Родина. – 1996. – №3. – С. 24–25.
61. Милль, Дж. С. О подчинении женщины / Дж.С. Милль. – СПб.: Изд. С.В. Звонарева, 1869. – 255 с.
62. Михайлов, М. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе / М. Михайлов // Мужские ответы на женский вопрос в России. Вторая половина XIX – первая треть XX в.: антология: в 2 т. / под ред. В.И. Успенской. – Тверь: Феминист-Пресс, 2005. – Т. 1. – С. 35–100.
63. Моление Даниила Заточника, написанное им своему князю Ярославу Владимировичу // Памятники Древней Руси: XII век / общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачёва. – М.: Худ. лит., 1980. – С. 389–400.
64. Новгородцев, П.И. Об общественном идеале / П.И. Новгородцев. – М.: Пресса, 1991. – 640 с.
65. Новгородцев, П.И. Сочинения / сост., вступит. ст. и прим. М.А. Колерова / П.И. Новгородцев. – М.: Раритет, 1995. – 448 с.
66. О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и путешествие А. Радищева. – М.: Наука, 1983. – 571 с.
67. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / отв. ред. Д.С. Лихачев. – М.: Наука, 1993. – 432 с.
68. Пирогов, Н. Письмо к баронессе Раден. О крестовоздвиженской общине сестер милосердия. О женском вопросе / Н. Пирогов // Мужские ответы на женский вопрос в России. Вторая половина XIX – первая треть XX в.: антология: в 2 т. / под ред. В.И. Успенской. – Тверь: Феминист-Пресс, 2005. – Т. 1. – С. 28–34.
69. Писарев, Д.И. Русская литература. Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова / Д.И. Писарев // Русское слово. – 1861. – №12. – С. 1–53 (7-й паг.).

70. Письма Н.Н. Страхова к Н.Я. Данилевскому // Вестник Европы. –1901. – № 1. – С. 127–142.
71. Платон. Сочинения: в 3 т. / Платон. – М.: Мысль, 1970–1972.
72. Победоносцев, К.П. Великая ложь нашего времени / сост. С.А. Ростуновой; вступ. ст. А.П. Ланщикова / К.П. Победоносцев. – М.: Русская книга, 1993. – 640 с.
73. Победоносцев, К.П. Государство и церковь: в 2 т. / К.П. Победоносцев. –М.: Институт русской цивилизации, 2011.
74. Победоносцев К.П. и его корреспонденты: Письма и записки с предисловием М.Н. Покровского. Пг.; М., 1923. – Т. 1., полутом 2. – 1147 с.
75. Победоносцев, К.П. Призвание женщины в школе и в обществе / пер. с фр. К.П. Победоносцева в соавт. с С.А. Рачинским / К.П. Победоносцев. – М.: Синодальная типография, 1901. – 62 с.
76. Победоносцев, К.П. Тайный правитель России: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки (1896–1895). Статьи. Очерки. Воспоминания / сост. Т.Ф. Прокопов / К.П. Победоносцев. – М.: Русская книга, 2001. – 624 с.
77. Победоносцев, К.П.. Курс гражданского права: в 3 т. / под ред. В.А. Томсинова / К.П. Победоносцев. – М.: Зерцало, 2003.
78. Победоносцев К.П. в 1881 году (Письма к Е.Ф. Тютчевой) // Река времен: книга истории и культуры / редкол.: С.Г. Блинов и др. – М.: Эллис Лак: Тов-во «Река времен», 1995. – Кн. 1. – С. 178–189.
79. Победоносцев, К.П. Избранное / сост., автор вступ. ст. А.В. Репников / К.П. Победоносцев. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 5–36.
80. Погодин, М.П. Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. и комм. А.А. Ширинянц, К.В. Рясенцев / М.П. Погодин. – М.: РОССПЭН, 2010. –776 с.
81. Прокопович, Ф. Избранные труды / авт. вступ. ст. И.В. Кукушкин / Ф. Прокопович. – М.: РОССПЭН, 2010. – 624 с.
82. Самарин, Ю.Ф. Избранные произведения / сост., вступ. ст. Н.И. Цимбаева / Ю.Ф. Самарин. – М.: РОССПЭН. 1996. – 608 с.

83. Самарин, Ю.Ф. Собрание сочинений: в 5 т. / под ред. А.Н. Николукина / Ю.Ф. Самарин. – СПб., ООО «изд-во “Росток”», 2013.
84. Самарин, Ю.Ф. Избранные труды / сост., автор вступит. ст. Н.И. Цимбаев / Ю.Ф. Самарин. – М.: РОССПЭН, 2010. – 479 с.
85. Святитель Филарет (Дроздов). Избранные труды, письма, воспоминания. – М.: Правосл. Свято-Тихонов. Богослов. ин-т, 2003. – 992 с.
86. Соловьев Н. Женщины и дети // Мужские ответы на женский вопрос в России. Вторая половина XIX – первая треть XX в.: антология: в 2 т. / под ред. В.И. Успенской. – Тверь: Феминист-пресс, 2005. – Т. 2. – С. 24–55.
87. Солоневич, И.Л. Белая империя: Статьи 1936–1940 / И.Л. Солоневич. – М.: Москва, 1997. – 368 с.
88. Солоневич, И.Л. Вся власть – русским мозгам!: сб. ст. / И.Л. Солоневич. – СПб.: РусИнформ, 2003. – 192 с.
89. Солоневич, И.Л. Народная монархия / И.Л. Солоневич. – М.: Феникс, 1991. – 512 с.
90. Солоневич, И.Л. Наша страна. XX век / сост., вступ. статья и прим. М.Б. Смолина / И.Л. Солоневич. – М.: Москва, 2001. – 448 с.
91. Солоневич, И.Л. Россия в концлагере / подг. текста М.Б. Смолина. – 2- изд. / И.Л. Солоневич. – М.: Москва, 2000. – 560 с.
92. Страхов Н.Н. Автобиография Джона Стюарта Милля // Страхов Н.Н. Борьба с западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки / Н.Н. Страхов. – СПб.: Типогр. бр. Пантеллевых, 1883. – Кн. 2. – С. 260–268.
93. Страхов, Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе: истор. и критич. очерки / Н.Н. Страхов. – СПб.: Типогр. бр. Пантеллевых, 1883. – Кн. 2. – 272 с.
94. Страхов, Н.Н. Женский вопрос: разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщин» / Н.Н. Страхов // Заря. – 1870. – № 1–2. – С. 107–150.
95. Страхов, Н.Н. Избранные труды / Н.Н. Страхов. – М.: РОССПЭН, 2010. – 543 с.
96. Страхов, Н.Н. Литературная критика: сб. ст. / Н.Н. Страхов. – СПб.: Современник, 2000. 431 с.

97. Страхов, Н.Н. Мир как целое: черты из науки о природе / Н.Н.Страхов. – СПб.: Типогр. Замысловского, 1872. – 505 с.
98. Страхов, Н.Н. Один поступок и несколько мнений г. Камня-Виногорова в №8 газеты «Век» / Н.Н. Страхов // Время. – 1861. – № 3, т. 2. – С. 109–118.
99. Страхов, Н.Н. Примечание к статье Г. Тэна «Джон Стюарт Милль и его система логики» / Н.Н. Страхов // Время. – 1861. – № 6. – С. 391–392.
100. Струве, П.Б. Дневник политика (1925–1935) / П.Б. Струве. – М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004. – 872 с.
101. Струве, П.Б. Избранные сочинения / П.Б. Струве. – М.: РОССПЭН, 1999. – 472 с.
102. Струве, П.Б. Избранные труды / авт. вступ. ст. К.А. Соловьев / П.Б. Струве. – М.: РОССПЭН, 2010. – 559 с.
103. Сумароков, А.П. Слово на день восшествия на престол Её Величества, Государыни императрицы Екатерины / А.П. Сумароков // Общественная мысль России XVIII в. / автор вступ. ст. Т.В. Артемьева: в 2 т. – М.: РОССПЭН, 2010. – Т. 2. – С. 45–48.
104. Тихомиров, Л.А. Андрей Иванович Желябов и Софья Львовна Перовская / Л.А. Тихомиров. – Ростов н/Д: Типогр. «Донецкая речь». 1907. – 62 с.
105. Тихомиров, Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения / Л.А. Тихомиров. – М.: Трим, 1993. – 193 с.
106. Тихомиров, Л.А. Критика демократии / вступ. ст. и коммент. М.Б. Смолина / Л.А. Тихомиров. – М.: Москва, 1997. – 672 с.
107. Тихомиров, Л.А. Монархическая государственность / сост., автор вступ. ст., ком. А.В. Репников / Л.А. Тихомиров. – М.: РОССПЭН, 2010. – 752 с.
108. Тихомиров, Л.А. Начала и концы. Либералы и террористы / Л.А. Тихомиров. – М.: Университ. типогр., 1890. – 123 с.
109. Тихомиров, Л.А. Панама и парламентаризм [Электронный ресурс] / Л.А. Тихомиров. – Режим доступа: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/2234>.
110. Уваров, С.С. Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. и коммент. В.С. Парсамов, С.В. Удалов / С.С.Уваров. – М.: РОССПЭН, 2010. – 720 с.

111. Уваров, С.С. Императрица Елисавета Алексеевна. Род. 13-го янв. 1779 г., ум. 4-го мая 1826 г. / пер. Е.Б. Зубовой [Электронный ресурс] / С.С. Уваров. – Режим доступа: <http://memoirs.ru/texts/UvarovRS1884.htm>.
112. Флоренский, П. Около Хомякова [Электронный ресурс] / П. Флоренский. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/okolo_homyakova.
113. Хомяков, А.С. Полное собрание сочинений: в 8 т. / А.С. Хомяков. – М.: Типогр. П. Бахметьева, 1881–1900.
114. Хомяков, А.С. Речи, произнесенные в Обществе любителей российской словесности [Электронный ресурс] / А.С. Хомяков. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/homyakov/homyakov_rechi.html.
115. Хомяков, А.С., Киреевский, И.В. Избранные сочинения / сост., автор вступ. ст. и коммент. Н.И. Цимбаев / А.С. Хомяков, И.В. Киреевский. – М.: РОССПЭН, 2010. – 544 с.
116. Шабанова, А.Н. Очерки женского движения в России / А.Н. Шабанова. – СПб.: б.и., 1912. – 32 с.
117. Шашков, С. Очерки истории русской женщины // Мужские ответы на женский вопрос в России. Вторая половина XIX – первая треть XX в. Антология: в 2 т. / под ред. В.И. Успенской / С. Шашков. – Тверь: Феминист-Пресс, 2005. – Т. 1. – С. 197–220.
118. Шевырёв, С.П. Избранные труды / сост.: А.А. Ширинянц, К.В. Рясенцев, авт. вступ. ст. А.А. Ширинянц, авт. коммент. А.А. Ширинянц, К.В. Рясенцев, М.К. Кирюшина / С.П. Шевырёв. – М.: РОССПЭН, 2010. – 678 с.
119. Шевырёв, С.П. К женщине [Электронный ресурс] / С.П. Шевырёв. – Режим доступа: <http://shevyrev.ouc.ru/zhenschine.html>.
120. Шишков, А.С. Избранные труды / сост., автор вступительной статьи и комментариев В.С. Парсамов / А.С. Шишков. – М.: РОССПЭН, 2010. – 720 с.
121. Шишков, А.С. Рассуждения о старом и новом слоге русского языка / А.С. Шишков. – СПб.: Мед. типогр., 1813. – 437 с.
122. Щербатов, М.М. Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. и коммент. С.Г. Калинина / М.М. Щербатов. – М.: РОССПЭН, 2010. – 630 с.

123. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд.: в 50 т.– М.: Глав. изд-во пол. лит-ры, 1961. – Т. 21. – С. 23–277.

Монографии и сборники статей

124. А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: в 2 т. / А.С. Хомяков – М.: Языки славянской культуры, 2007.

125. Абелинскас, Э.Ю. Консерватизм как мировоззрение и политическая идеология: (опыт обоснования) / Э.Ю. Абелинскас. – Екатеринбург: Урал. отд-ние РАН, 1999. – 100 с.

126. Авдеева, Л.Р. Русские мыслители: Ап.А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов. Философская культурология второй половины XIX века / Л.Р. Авдеева. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 198 с.

127. Агапов, П.В., Афанасьев, В.В. Консервативная мысль в России / П.В. Агапов, В.В. Афанасьев. – М.: Канон+, 2009. – 208 с.

128. Айвазова, С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия / С.Г. Айвазова. – М.: РИК Русанова, 1998. – 408 с.

129. Акульшин, П.В. Петр Андреевич Вяземский / П.В. Акульшин // Вяземский П.А. Избранное / сост., автор вступ. ст. и коммент. П.В. Акульшин. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 5–36.

130. Алексеев, А.А. Язык светских дам и развитие языковой норм в XVIII веке / А.А. Алексеев // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII века: сб. науч. трудов / отв. ред. В.В. Замкова. – Л.: Наука, 1984. – С. 82–95.

131. Альтшуллер, М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства / М.Г. Альтшуллер.– М.: НЛЮ, 2007. – 2-е изд., доп. – 448 с.

132. Альтшуллер, М.Г. Александр Семенович Шишков / М.Г. Альтшуллер // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / отв. ред. А.Ю. Минаков. – Воронеж: ВГУ, 2005. – С. 19–92.

133. Аникст, А.А. О жизни и творчестве Жермены де Сталь/ А.А. Аникст // Сталь Ж. де. О литературе, рассмотренной в связи в общественными установлениями. – М.: Искусство, 1989. – С. 7–34.
134. Арндт, Х. *Vita Activa* или О деятельной жизни / Х. Арндт. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
135. Асонов, Н.В. Политические доктрины российского самодержавия и их модернизация / Н.В. Асонов. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – 298 с.
136. Афанасьев, В.В., Кобелев, П.С. Православная социология Константина Леонтьева / В.В. Афанасьев, П.С. Кобелев. – М.: НИЦ «Инженер», 2013. – 195 с.
137. Ачкасов, В.А. Запад как значимый другой России / В.А. Ачкасов // Консерватизм и либерализм: история и современные концепции: материалы Междунар. науч. конф. 15 февр. 2002 г. – СПб.: СПбГУ, 2002. – С. 132–145.
138. Балгимбаева, З.М. Культурно-философские основы гендерных предубеждений / З.М. Балгимбаева. – Алма-Аты, 2007. – 200 с.
139. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
140. Батлер, Д. Гендерное беспокойство / Д. Батлер // Антология гендерной теории: сб. пер. / сост. и коммент. Е.И. Гаповой, А.Р. Усмановой. – Минск: ПроPILEI, 2000. – С. 297–346.
141. Бенхабиб, С. О Гегеле, женщинах и иронии / С. Бенхабиб // Феминистская критика и ревизия истории политической философии / под ред. Н.А. Блохиной. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 182–203.
142. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
143. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев: Очерк из истории русской религиозной мысли / Н.А. Бердяев // К.Н. Леонтьев: pro et contra. – СПб.: Изд-во РХГУ, 1995. – Кн 2. – С. 29–179.
144. Берков, П., Макогоненко, Г. Жизнь и творчество Н.М. Карамзина / П. Берков, Г. Макогоненко // Карамзин Н.М. Избранные сочинения: в 2 т. – М.; Л.: Худ. лит., 1964. – Т. 1. – С. 5–78.

145. Бильшай, В. Решение женского вопроса в СССР / В. Бильшай. – 2-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. и науч. лит., 1959. – 247 с.
146. Благова, Т.И. Родоначальники славянофильства. Алексей Хомяков и Иван Киреевский / Т.И. Благова. – М.: Terra, 1995. – 350 с.
147. Блохина, Н.А. Понятие гендера: становление, основные концепции и представления / Н.А. Блохина // Общество и гендер: Материалы Летней школы в Рязани / сост. Н.А. Блохина. – Рязань: Поверженный, 2003. – С. 7–40.
148. Большакова, О.В. История России в гендерном измерении: современная зарубежная историография / О.В. Большакова. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – 122 с.
149. Боханов, А.Н. Самодержавие. Идея царской власти / А.Н. Боханов. – М.: Русское слово, 2002. – 352 с.
150. Брайсон, В. Политическая теория феминизма / пер. с англ. О. Липовской, Т. Липовской / В. Брайсон. – М.: Идея-Пресс, 2001. – 304 с.
151. Брандт, Г. Философская антропология феминизма. Природа женщины / Г.Брандт. – СПб.: Алетейя, 2006. – 160 с.
152. Булич, Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века: в 2 т. / Н.Н. Булич. – СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1905. – Т. 1. – 381 с.
153. Бурдье, П. Мужское господство / П. Бурдье // Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр. Ю.В. Марковой. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – С. 286–364.
154. Бурдье, П. Начала. *Choses dites* / пер. с фр. / П. Бурдье. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
155. Введение в гендерные исследования / под общ. ред. И.В. Костиковой. – 2-изд. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 255 с.
156. Виноградов, В.В. Язык Пушкина / В.В. Виноградов. – М.;Л.: Academia, 1935. – 489 с.
157. Виттекер, Ц.Х. Граф С.С. Уваров и его время / Ц.Х. Виттекер. – СПб.: Академический проект, 1999. – 157 с.

158. Вишленкова, Е.А. Война и мир в политической риторике России первой четверти XIX века / Е.А. Вишленкова // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. / отв. ред. А.Ю. Минаков. – Воронеж: ВГУ, 2004. – Ч. 1. – С.13–27.
159. Вишневский, А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР / А.Г. Вишневский. – М.: ОГИ, 1998. – 432 с.
160. Воронина, О.А. Теоретико-методологические основы гендерных исследований / О.А. Воронина // Теория и методология гендерных исследований: курс лекций / под общ. ред. О.А. Ворониной. – М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. – С. 13–106.
161. Воронина, О.А. Феминизм и гендерное равенство / О.А. Воронина. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 320 с.
162. Галкин, А.А., Рахшмир, П.Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. О социальных корнях консервативной волны / А.А. Галкин, П.Ю. Рахшмир / отв. ред. Б.И. Коваль. – М.: Наука, 1987. – 192 с.
163. Галкин, А.А. Консерватизм в прошлом, настоящем и будущем. Размышления о политике и политической науке / А.А. Галкин. – М.: Оверлей, 2004. – 278 с.
164. Гарольд, Г. Исследования по этнометодологии / пер. с англ. З. Замчук, Н. Макарова, Е. Трифонова / Г. Гарольд. – М.: Питер, 2007. – 335 с.
165. Гендер как интрига познания: сб. ст. / под ред. А.В. Кирилиной. – М.: Рудомино, 2000. – 191 с.
166. Гиллельсон, М.И. П.А. Вяземский: Жизнь и творчество / М.И. Гиллельсон. – Л.: Наука, 1969. – 391 с.
167. Гиллельсон, М.И. Пётр Андреевич Вяземский // Вяземский П.А. Сочинения: в 2 т. – М.: Худ. лит., 1982. – Т. 1. – С. 5–36.
168. Гилмор, Д. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности / Д. Гилмор. – М.: РОССПЭН, 2005. – 264 с.
169. Глинский, Б.Б. Константин Петрович Победоносцев (материалы для биографии) / Б.Б. Глинский // Победоносцев К.П. Тайный правитель России:

- К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1896–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания / сост. Т.Ф. Прокопов. М.: Русская книга. 2001, С. 6–34.
170. Готье, Ю.В. К.П. Победоносцев и наследник Александр Александрович. 1865–1881 / Ю.В. Готье// Тайный правитель России: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки (1896–1895). Статьи. Очерки. Воспоминания. – М.: Русская книга, 2001. – С. 499–530.
171. Гофман, И. Гендерный дисплей / И. Гофман // Введение в гендерные исследования / под ред. С. Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. – Ч. 2 – С. 306–335.
172. Гошевский, В.О. Женский вопрос в журнале «Русское слово» / В.О. Гошевский // Сб. науч. тр. Ленинград. гос. ин-та культуры им. Н.К. Крупской. – Л.: ЛГИК, 1987. – Т. 112. – С. 98–105.
173. Графский В.Г. Политические и правовые взгляды русских народников (истоки и эволюция) / В.Г. Графский. – М.: Наука, 1993. – 317 с.
174. Гросул, В.Я., Итенберг, В.С., Твардовская, В.А., Шацилло, К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика / В.Я. Гросул, В.С. Итенберг, В.А. Твардовская, К.Ф. Шацилло. – М.: Прогресс–традиция, 2000. – 440 с.
175. Гулыга, В.А. Великий памятник культуры / В.А. Гулыга // Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. / под ред. А.Н. Сахарова. – М.: Наука, 1989. – Т. 1. – С. 460–479.
176. Гусев, В.А. Консервативная русская политическая мысль / В.А. Гусев. – Тверь: Риф, 1997. – 178 с.
177. Гусев, В.А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития / В.А. Гусев. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 235 с.
178. Дейк, Т. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. Дейк ван. – М.: ЛИБРОКОМ, 2013. – 344 с.
179. Дерюгина, Л.В. Эстетические взгляды П.А. Вяземского / Л.В. Дерюгина // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. – М.: Искусство, 1984. – С. 7–42.

180. Жуков, В.Н. Философия права П.И. Новгородцева / В.Н. Жуков. – М.: Юрид. ин-т МИИТа, 2004. – 134 с.
181. Задорожнюк, И.Е., Мощелков, Е.Н. Тихомиров Лев Александрович / И.Е. Задорожнюк, Е.Н. Мощелков // Русская философия: энциклопедия / под общ. ред. М.А. Маслина. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 572–573.
182. Зайцев, П.Л. Два образа «мужского» в историософии А.С. Хомякова / П.Л. Зайцев // А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф.: в 2 т. – М.: Языки славянских культур, 2007. – Т. 2. – С. 188–189.
183. Здравомыслова, Е., Тёмкина, А. Социальное конструирование гендера / Е. Здравомыслова, А. Тёмкина // Введение в гендерные исследования: хрестоматия / под ред. И. Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ, СПб.: Алетейя, 2001. – Ч. 1. – С. 147–173.
184. Зернов, И. Иван Ильин. Монархия и будущее России / И.Зернов. – М.: Алгоритм, 2007. – 240 с.
185. Зорин, А. Кормя двуглавого орла. Литература и государственная идеология России в последней трети XVIII – первой трети XIX века / А. Зорин. – М.: НЛЮ, 2004. – 416 с.
186. Зубов, А.Б. Политико-правовые воззрения К.П. Победоносцева и их интерпретации зарубежными исследователями русской мысли / А.Б. Зубов // Русская политическая мысль второй половины XIX века: сб. обзоров / отв. ред. Н.Н. Разумович. – М.: ИНИОН АН СССР, 1989. – С. 158–208.
187. Иванов, А.В. Тихомиров Л.А. // Философы России XIX–XX столетий: Биографии, идеи, труды / А.В. Иванов. – М.: Книга и бизнес, 1995. – С. 592–593.
188. Иваск, Ю.П. Константин Леонтьев. Жизнь и творчество / Ю.П. Иваск // К.Н. Леонтьев: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 1995. – Кн. 2. – С. 229–699.
189. Исаев, И.А. Политико-правовая утопия в России конца XIX – начала XX века / И.А. Исаев. – М.: Наука, 1991. – 262 с.
190. Исаев, И.А., Золотухина, Н.М. История политических и правовых учений: XI–XX века / И.А. Исаев, Н.М. Золотухина. – М.: Юрист, 1995. – 379 с.

191. Исследования по консерватизму.– Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1994–2000. – Вып. 1–6.
192. Камнев, В.М. Хранители и пророки: Религиозно-философское содержание русского консерватизма / В.М. Камнев. – СПб.: Наука, 2010. – 470 с.
193. Кандиоти, Д. Эволюция гендерных исследований: Обзор / Д. Кандиотти // Женщины и социальная политика (гендерный аспект) / отв. ред. З.А. Хоткина. – М.: ИСЭПН РАН, 1992. – С.156–163.
194. Кантор, В.К. Русская эстетика второй половины XIX века и общественная борьба / В.К. Кантор. – М.: Искусство, 1978. – 174 с.
195. Кантор, В.К. Русский европеец как явление культуры / В.К. Кантор. – М.: РОССПЭН, – 2001. – 704 с.
196. Карцов, А.С. Правовая идеология русского консерватизма / А.С. Карцов. – М.: Изд-во «Центр издательских и учебных программ», 1999. – 224 с.
197. Карцов, А.С. Предисловие / А.С. Карцов // Консерватизм и либерализм: история и современные концепции: материалы Междунар. науч. конф. 15 февр. 2002 г. – СПб.: СПбГУ, 2002. – С. 5–22.
198. Карцов, А.С. Русский консерватизм как интеллектуальная традиция / А.С. Карцов // Консерватизм и либерализм: история и современные концепции: материалы Междунар. науч. конф. 15 февраля 2002 г. – СПб.: СПбГУ, 2002. – С. 41–56.
199. Кирилина, А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. – М.: ИС РАН, 1999. – 189 с.
200. Кирилина, А.В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах / А.В. Кирилина // Гендер и язык: антология / сост. А.В. Кирилина. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С.7–32.
201. Кислягина, Л.Г. Формирование общественно-политических взглядов Н.М. Карамзина (1785–1803 гг.) / Л.Г. Кислягина. – М.: МГУ, 1976. –197 с.
202. Китаев, В.А. XIX век: пути русской мысли: научные труды / В.А. Китаев. – Нижний Новгород: НГУ, 2008. – 355 с.

203. Китаев, В.А. Николай Михайлович Карамзин / В.А. Китаев // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / отв. ред. А.Ю. Минаков. – Воронеж: ВГУ, 2005. – С. 171–193.
204. Клёцин, А.А. Предисловие редактора / А.А. Клёцин // Гендерные тетради: труды Санкт-Петербургского филиала ИС РАН. – СПб., 1997. – Вып. 1. – С. 5–11.
205. Клиндер, К. Позиции и проблемы теории познания в женских исследованиях / К. Клиндер // Пол. Гендер. Культура / под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. – М.: РГГУ, 2000. – С. 101–130.
206. Ковалева, И.Н. Женский вопрос в России в 50–60-х годах XIX века / И.Н. Ковалева // Проблема истории русского освободительного движения и исторической науки / отв. ред. Е.М. Жуков. – М.: Наука, 1981. – С. 118–128.
207. Кольев, А.Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции / А.Н. Кольев. – М.: Логос, 2005. – 800 с.
208. Консерватизм в России и мире: в 3 ч. / отв. ред. А.Ю. Минаков. – Воронеж: ВГУ, 2004.
209. Консерватизм и либерализм: история и современные концепции / Матер. междунар. науч. конф. / под ред. А.С. Карцова. – СПб.: СПбГУ, 2002. – 180 с.
210. Консерватизм: идеи и люди / под ред. П.Ю. Рахшмира. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1998. – 200 с.
211. Косик, В.И. Константин Николаевич Леонтьев: реакционер, пророк? / В.И. Косик // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). – М.: Республика, 1996. – С. 5–12.
212. Костикова, А.А. Гендерная философия и феминизм: история и теория / А.А. Костикова // Общество и гендер: Материалы Летней школы в Рязани / сост. Н.А. Блохина. – Рязань: Поверженный, 2003. – С. 71–80.
213. Кочкина, Е.В. Разработка феминистской политологической концепции: изменяющаяся роль женщины и пересмотр теории политики / Е.В. Кочкина // Хрестоматия по курсу «Основы гендерных исследований». – М.: МЦГИ, 2000. – С. 153–158.

214. Кукаренко, Н.Н., Поспелова, О.В., Данилова, О.Л. Философские и политические категории в феминистском дискурсе / Н.Н. Кукаренко, О.В. Поспелова, О.Л. Данилова. – Архангельск: Поморский ун-т, 2006. – 312 с.
215. Кучеренко, Г.С. Сен-симонизм в общественной мысли XIX века / Г.С. Кучеренко. – М.: Наука, 1975. – 358 с.
216. Лауретис, Т. де. Риторика насилия. Рассмотрение репрезентации и гендера / Т. Лауретис де // Антология гендерной теории: Сб. пер. – Минск, 2000. – С. 347–372.
217. Лебедев, С.В. Охранители истинно русских начал: идеалы, идеи и политика русских консерваторов второй половины XIX века / С.В. Лебедев. – СПб.: Нестор, 2004. – 223 с.
218. Ледяев, В.Г. Феминистские концепции власти / В.Г. Ледяев // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: материалы междунар. науч. конф. Иваново, 25–26 июня 2002 г.: в 2 ч. – Иваново: ИвГУ, 2002. – Ч. 1. – С. 144–145.
219. Либеральный консерватизм: история и современность / отв. ред. А.И. Нарезный. – М.: РОССПЭН, 2001. – 384 с.
220. Лисица, Ю.Т. Иван Александрович Ильин. Историко-биографический очерк / Ю.Т. Лисица // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. / сост., автор вступ. ст. и комм. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 1993. – Т. 1. – С. 5–40.
221. Лисица, Ю.Т. «Жить стоит только тем, за что стоит бороться и умереть» / Ю.Т. Лисица // Ильин И.А. Родина и мы. – Смоленск: Посох, 1995. – С. 5–18.
222. Литературные взгляды и творчество славянофилов (1830–1850-е годы) / отв. ред. К.Н. Ломунов. – М.: Наука, 1978. – 502 с.
223. Ломунов, К.Н. Славянофильство как научная проблема. Задачи и принципы исследования / К.Н. Ломунов // Литературные взгляды и творчество славянофилов. 1830–1850 гг. – М.: Наука, 1978. – С. 5–66.
224. Лорбер, Дж. Пол как социальная категория / Дж. Лорбер // Феминизм и гендерные исследования: хрестоматия / под ред. В.И. Успенской. – Тверь: Алексей Ушаков и К°, 1999. – С. 14–21.

225. Лотман, Ю.М. История и типология русской культуры / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб., 2002. – 769 с.
226. Лотман, Ю.М. Карамзин: Сотворение Карамзина; Статьи и исследования, 1957–1990; Заметки и рецензии / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство, 1997. – 832 с.
227. Лотман, Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века / Ю.М. Лотман // Из истории русской культуры: в 5 т. – М.: Языки русской культуры, 2000. – Т. IV. – С. 13–336.
228. Лотман, Ю.М. П.А. Вяземский и движение декабристов / Ю.М. Лотман // Ученые записки Тартуского гос. университета. – Тарту, 1960. – Вып. 98. – С. 82–112.
229. Макаров, М.Л. Основы теория дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
230. Малинова, О.Ю. Традиционалистские и прогрессивные модели национальной идентичности в общественно-политических дискуссиях 1830–1840-х гг. в России / О.Ю. Малинова // Консерватизм в России и мире / отв. ред. А.Ю. Минаков: в 3 ч. – Воронеж: ВГУ, 2004. – Ч. 1. – С. 27–50.
231. Мартин, А. «Патриархальная» модель общественного устройства и проблемы русской национальной самобытности в «Русском вестнике» С.Н. Глинки (1808–1812 гг.) / А. Мартин // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. / А.Ю. Минаков (отв. ред.). – Воронеж: ВГУ, 2004. – Ч. 1. – С. 85–116.
232. Мартин, А. Допотопный консерватизм Александра Семеновича Шишкова / А. Мартин // Консерватизм: идеи и люди / Под ред. П.Ю. Рахшмира. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1998. – С. 54–66.
233. Мартин, А. Фёдор Васильевич Ростопчин – герой 1812 года или предшественник черных сотен? / А. Мартин // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. / А.Ю. Минаков (отв. ред.). – Воронеж: ВГУ, 2004. – Ч. 1. – С. 67–79.
234. Мельвиль, А.Ю. США – сдвиг вправо? Консерватизм в идейно-политической жизни США 80-х гг. / А.Ю. Мельвиль / отв. ред. Ю.А. Замошкин. – М.: Наука, 1986. – 216 с.

235. Минаева, Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века / Н.В. Минаева. – Саратов: СарГУ, 1982. – 290 с.
236. Минаков, А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века / А.Ю. Минаков. – Воронеж: ВГУ, 2011. – 560 с.
237. Минаков, А.Ю., Репников, А.В. Консерватизм в России / А.Ю. Минаков, А.В. Репников // Русский консерватизм середины XVIII–начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 6–18.
238. Митрошенков, А.О., Митрошенков, О.А. Философия славянофилов в современной российской историографии / А.О. Митрошенков, О.А. Митрошенков. – М.: Весь мир, 2005. – 168 с.
239. Михаленко, Ю.П. Платон и феминизм (научно-аналитический обзор) / Ю.П. Михаленко // Феминизм: перспективы социального знания / отв. ред. О.А. Воронина, Э.П. Васильева. – М.: ИНИОН, 1992. – С. 56–73.
240. Мочкин, А.Н. Парадоксы неоконсерватизма (Россия и Германия в конце XIX – начале XX века) / А.Н. Мочкин. – М.: ИФ РАН, 1999. – 194 с.
241. Мощелков, Е.Н. История философии права в университетском образовании России (XIX – начало XX в.) / Е.Н. Мощелков. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 232 с.
242. Начапкин, М.Н. Русский консерватизм XIX – первой половины XX века / М.Н. Начапкин. – Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2002. – 206 с.
243. Неволин, С.Б. Лев Александрович Тихомиров / С.Б. Неволин // Русские философы: конец XIX – середина XX века. Биографические очерки. Библиография. Тексты сочинений. – М.: Книжная палата, 1994. – С. 185–198.
244. «Новые женщины» и старые гендерные порядки / под. ред. В.И. Успенской. – Тверь: ТвГУ, 2011. – 165 с.
245. Овчарова, О.Г. Гендерная асимметрия и политика / О.Г. Овчарова. – Саратов: Изд-во СГАП, 2007. – 280 с.
246. Орлов, П.А. История русской литературы XVIII века / П.А. Орлов. – М.: Высшая школа, 1991. – 320 с.

247. Пайпс, Р. Сергей Семенович Уваров: жизнеописание / Р. Пайпс. – М.: Посев, 2013. – 84 с.
248. Пайпс, Р. Русский консерватизм и его критики: исследование политической культуры / Р. Пайпс / пер. с англ. И. Павловой. – М.: Новое издательство, 2008. – 252 с.
249. Парсамов, В.С. Александр Семёнович Шишков / В.С. Парсамов // Шишков А.С. Избранные труды / сост., автор вступительной статьи и комментариев В.С. Парсамов. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 5–68.
250. Пешков, А.И. «Кто разоряет – мал в царствии Христовом...» / А.И. Пешков // Победоносцев К.П. Сочинения. – СПб.: Наука, 1996. – С. 3–33.
251. Пивоваров, Ю.С. Полная гибель всерьёз: Избранные работы / Ю.С. Пивоваров. – М.: РОССПЭН, 2004. – 320 с.
252. Пиетров-Эннкер, Б. «Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции / пер. с нем. Ю.П. Шаттона / Б. Пиетров-Эннкер. – М.: РГГУ, 2005. – 444 с.
253. Пирожкова, Т.Ф. Н.М. Карамзин – издатель «Московского журнала» (1791–1792 гг.): лекции / Т.Ф. Пирожкова. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 55 с.
254. Платонов, О.А. Предисловие / О.А. Платонов // Национальная Россия: наши задачи / под ред. О.А. Платонова. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 5–13.
255. Половинкин, С.М. Понимание монархизма А.С. Хомяковым и свящ. Павлом Флоренским / С.М. Половинкин // А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист. – М.: ЯСК, 2007. – Т. 2. – С. 209–213.
256. Полторацкий, Н. Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение / Н. Полторацкий // Ильин И.А. Собр. соч.: кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней / сост. Ю.Т. Лисица. – М.: Русская книга, 2001. – С. 243–477.
257. Полунов, А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России / А.Ю. Полунов. – М.: РОССПЭН, 2010. – 374 с.
258. Поляков, Л. Женская эмансипация и теология пола в России XIX веке / Л. Поляков // Феминизм: Восток. Запад. Россия. – М.: Наука, 1993. – С. 157–175.

259. Попов, Э.А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика / Э.А. Попов. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2005. – 247 с.
260. Попова, А.В. Женский вопрос в русских журналах 60-х годов XIX века / А.В. Попова // Взаимодействие творческих индивидуальностей русских писателей XIX – начала XX века. – М.: МГУ, 1994. – С. 151–160.
261. Пушкарёва, Н. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук / Н.Л. Пушкарёва // Женщина. Гендер. Культура. Материалы II и III российских летних школ по женским и гендерным исследованиям «Волга–97» и «Азов–98». – М.: МЦГИ, 1999. – С.15–34.
262. Пыпин, А.Н. Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. Исторические очерки / А.Н. Пыпин. – Изд. 4-е. – СПб.: Колос, 1909. – 576 с.
263. Рассадин, С.В. Пол и политика: интегрируя биологические тексты Аристотеля в политологию / С.В. Рассадин // Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений: материалы Международ. науч. конф. 28–29 октября 2011 г. В 2 ч. – М.: РОССПЭН, 2011. – Ч. 2. – С. 192–195.
264. Река времён: книга истории и культуры / редкол.: С.Г. Блинов и др. – М.: Эллис Лак: Тов-во «Река времён», 1995. – Кн. 1. – С. 178–179.
265. Репина, Л.П. Гендерная иерархия и «власть женщин» / Л.П. Репина // Искусство власти. Сборник в честь профессора Н.А. Хачатурян / отв. ред. О.В. Дмитриева. – СПб.: Алетейя, 2007. – С. 486–504.
266. Репников, А., Милевский, О. Две жизни Льва Тихомирова / А. Репников, О.Милевский. – М.: Academia, 2011. – 560 с.
267. Репников, А.В. Консервативная концепция российской государственности / А.В. Репников. – М.: СигналЪ, 1999. – 172 с.
268. Репников, А.В. Консервативные концепции переустройства России / А.В. Репников. – М.: Academia, 2007. – 520 с.
269. Репников, А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX века) / А.В. Репников. – М.: Готика, 2006. – 424 с.

270. Репников, А.В. Константин Николаевич Леонтьев / А.В. Репников // Леонтьев К.Н. Избранное / сост., автор вступ. ст. А.В. Репников. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 5–31.
271. Репников, А.В. Константин Петрович Победоносцев / А.В. Репников // Победоносцев К.П. Избранное / сост., автор вступ. ст. А.В. Репников. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 5–36.
272. Розанов, В.В. Литературные изгнанники / В.В. Розанов. – London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. – 547 с.
273. Российские консерваторы: сб. ст. – М.: Рус. мир, 1997. – 382 с.
274. Российский гендерный порядок: социологический подход / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. – 306 с.
275. Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 221 с.
276. Российский консерватизм: теория и практика / под ред. проф. В.Ф. Мамонова. – Челябинск: Изд-во Челяб. пед. ун-та, 1999. – 214 с.
277. Русская политическая и правовая мысль XI – XIX вв.: реферат. сб. / отв. ред. Н.Н. Разумович. – М.: ИНИОН РАН, 1987. – 208 с.
278. Русская политическая мысль второй половины XIX века: сб. обзоров / отв. ред. Н.Н. Разумович. – М., 1989. – 221 с.
279. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В.Я. Гросул. – М.: Прогресс-традиция, 2000. – 440 с.
280. Русский консерватизм середины XVIII–начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2010. – 639 с.
281. Руткевич, А.М. Что такое консерватизм? / А.М. Руткевич. – М.: Университетская книга, 1999. – 224 с.
282. Рябов, О.В. «Матушка – Русь». Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии / О.В. Рябов. – М.: Ладомир, 2001. – 202 с.

283. Рябов, О.В. Женщина и женственность Серебряного века / О.В. Рябов. – Иваново: ИвГУ, 1997. – 157 с.;
284. Рябов, О.В. Русская философия женственности (XI–XX века) / О.В. Рябов. – Иваново: Юнона, 1999. – 358 с.
285. Рябова, Т.Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья / Т.Б. Рябова. – Иваново: Юнона, 1999. – 210 с.
286. Сааринен, А. Возведение «собственного дома», или размышления об институционализации женских и гендерных исследований как скандинавской «истории успеха» / А. Сааринен // Гендерные проблемы в современном обществознании / М.А. Кашина, И.И. Юкина (науч. ред.). – СПб.: СЗАГС, НИЯиК, 2001. – С. 10–26.
287. Савкина, И.Л. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века) / И.Л. Савкина // *Frauen Literaturgeschichte: Text und Materialien zur russischen Frauenliteratur.* – Wilchemshorst, 1998. – S. 13–20.
288. Саксонхаус, А. Аристотель: несовершенные мужчины, иерархия и пределы политики / А. Саксонхаус // Феминистская критика и ревизия истории политической философии / под ред. Н.А. Блохиной. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 53–81.
289. Салмин, А.М. Политическая историософия Константина Леонтьева / А.М. Салмин // Русская политическая мысль второй половины XIX века: сб. обзоров. – М.: изд-во АН СССР, 1989. – С. 90–159.
290. Самсонова, Т.Н. Справедливость равенства и равенство справедливости: из истории западноевропейской утопической мысли XVI–XIX веков / Т.Н. Самсонова. – М.: МГУ, 1996. – 136 с.
291. Сахаров, А.Н. Уроки «бессмертного историографа» / А.Н. Сахаров // Карамзин Н.М. История государства российского: в 12 т. / под ред. А.Н. Сахарова. – М.: Наука, 1989. – Т. 1. – С. 415–459.
292. Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого: реферат. сб. – М.: ИНИОН РАН, 1991–1992. – Вып. 1–2.

293. Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой. – М.: Информация–XXI век, 2002. – 256 с.
294. Смирнов, И.Н. Константин Леонтьев: жизнь и творчество / И.Н. Смирнов // Леонтьев К.Н. Избранное / сост., вступ. статья И.Н. Смирнова. – М.: Рарог, Московский рабочий, 1993. – С. 3–19.
295. Смит, Д. Социологическая теория: методы патриархатного письма / Д. Смит // Хрестоматия феминистских текстов / под ред. Е.А. Здравомысловой, А.А. Тёмкиной. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – С. 29–63.
296. Смолин, М.Б. Всеобъемлющий идеал Льва Тихомирова / М.Б. Смолин // Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории / сост., предисл. и прим. М.Б. Смолина. – М.: Айрис-пресс, Лагуна-Арт, 2004. – С. 5–22.
297. Смолин, М.Б. Энциклопедия имперской традиции русской мысли / М.Б. Смолин. – М.: Имперская традиция, 2005. – 432 с.
298. Соловьев, К.А. Павел Иванович Новгородцев / К.А. Соловьев // Новгородцев П.И. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 5–31.
299. Сохряков, Ю.И. Русская цивилизация: философия и литература. / Ю.И. Сохряков. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 720 с.
300. Стайтс, Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930 / Р. Стайтс / пер. с англ. И. Школьникова, О. Шныровой. – М.: РОССПЭН, 2004. – 616 с.
301. Тартаковская, И.Н. Гендерная социология / И.Н. Тартаковская. – М.: ООО Вариант при участии ООО Невский Простор, 2005. – 368 с.
302. Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ. – М., 2014. – № 2 (1), № 2 (2).
303. Тикнер, Дж.Э. Международные отношения под углом зрения постпозитивизма и феминизма / Дж.Э. Тикнер // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна; пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой; науч. ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Вече, 1999. – С. 425–436.

304. Тишкин, Г.А. Женский вопрос в России. 50–60-е годы XIX века / Г.А. Тишкин. – Л.: ЛГУ, 1984. – 239 с.
305. Томсинов, В.А. Константин Петрович Победоносцев: государственный деятель и правовед (1827–1907) / В.А. Томсинов // Победоносцев К.П. Курс гражданского права: в 3 т. / под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003. – Т. 1. – С. V–XXVIII.
306. Тонких, В.А., Ярецкий, Ю.Л. История политической и правовой мысли / В.А. Тонких, Ю.Л. Ярецкий. – М.: Владос, 1999. – 384 с.
307. Топоров, В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения: К 200-летию со дня выхода в свет / В.Н. Топоров. – М.: РГГУ, 1995. – 512 с.
308. Успенская, В.И. Феминизм до феминизма: теоретическая реабилитация женщин в европейских интеллектуальных дискуссиях, XV–XVIII вв. / В.И. Успенская. – Тверь: ТвГУ, 2012. – 134 с.
309. Успенский, Б.А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов / Б.А. Успенский. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 144 с.
310. Уэст, К., Циммерман, Д. Создание гендера / К.Уэст, Д. Циммерман // Гендерные тетради: труды СПбФ ИС РАН. – СПб., 1997. – Вып. 1. – С. 94–124.
311. Фатеев, В.А. В спорах о самобытном пути России / В.А. Фатеев // Славянофильство: pro et contra. Творчество и деятельность славянофилов. В оценке русских мыслителей и исследователей: антология. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – С. 7–70.
312. Филиппова, Т.А. Иван Александрович Ильин / Т.А. Филиппова // Ильин И.А. Избранное / сост., авторы коммент. Т.А. Филиппова, П.Н. Баратов. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 5–43.
313. Филиппова, Т.А. Либерально-консервативный синтез (попытка хронополитического анализа) / Т.А. Филиппова // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: материалы междунар. конф. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 201–208.

314. Филлипс, Л.Дж., Йоргенсен, М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л.Дж. Филлипс, М.В. Йоргенсен / пер. с англ. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004. – 336 с.
315. Фуко, М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко / пер. с фр. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
316. Хархордин, О. Основные понятия российской политики / О. Хархордин. – М.: НЛО, 2011. – 328 с.
317. Хасбулатова, О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917) / О.А. Хасбулатова. – Иваново: ИвГУ, 1994. – 135 с.
318. Хоф, Р. Возникновение и развитие гендерных исследований / Р. Хоф // Пол. Гендер. Культура / под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. – М., РГГУ. 1999. – С. 23–53.
319. Цимбаев, Н.И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века) / Н.И. Цимбаев. – М.: МГУ, 1986. – 274 с.
320. Цимбаев, Н.И. Историософия на развалинах империи / Н.И. Цимбаев. – М.: Изд. дом Междунар. ун-та в Москве, 2007. – 616 с.
321. Чикалова, И.Р. Женская и гендерная история. Состояние и перспективы развития / И.Р. Чикалова // Общество и гендер: материалы Летней школы в Рязани / сост. Н.А. Блохина / И.Р. Чикалова. – Рязань, Поверженный, 2003. – С. 80–101.
322. Чикалова, И. Гендерная проблематика в политической теории / И. Чикалова // Введение в гендерные исследования / под ред. И. Жеребкиной. Харьков; СПб.: Алетейя, 2000. – Ч. 1. – С. 80–106.
323. Шамшурин, В.И. Консерватизм и свобода / В.И. Шамшурин. – Краснодар: Глагол, 2003. – 476 с.
324. Шведова, Н.А. Гендерный подход как фактор политической культуры // Гендерный калейдоскоп: курс лекций / под общ. ред. М.М. Малышевой / Н.А. Шведова. – М.: Academia, 2001. – С. 271–290.
325. Шевченко, М.М. Конец одного величия: власть образование и печатное слово в Императорской России на пороге освободительных реформ / М.М. Шевченко. – М.: Три квадрата. 2003. – 256 с.

326. Ширинянц, А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли) / А.А. Ширинянц. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. – 563 с.
327. Ширинянц, А.А., Демин, И.Ю. Предисловие / А.А. Ширинянц, И.Ю. Демин // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века: хрестоматия / под ред. А.А. Ширинянца. – М.: Изд-во МГУ, 2011. – С. 9–16.
328. Ширинянц, А.А., Рясенцев, К.В. Михаил Петрович Погодин / А.А. Ширинянц, К.В. Рясенцев // Погодин М.П. Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, К.В. Рясенцев. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 5–82.
329. Ширинянц, А.А., Рясенцев, К.В. Степан Петрович Шевырёв / А.А. Ширинянц, К.В. Рясенцев // Шевырёв А.С. Избранные труды / сост.: А.А. Ширинянц, К.В. Рясенцев. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 5–67.
330. Шоре, Э., Хайдер, К. Вступительные замечания о совместном русско-немецком научном проекте / Э. Шоре, К. Хайдер // Пол. Гендер. Культура. / под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. – М.: РГГУ, 1999. – С. 9–23.
331. Щапов, Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. / Я.Н. Щапов. – М.: Наука, 1989. – 232 с.
332. Щукин, В.Г. Концепция Дома у ранних славянофилов / В.Г. Щукин // Славянофильство и современность: сб. ст. – СПб.: Наука, 1994. – С. 33–47.
333. Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт: Материалы международной научной конференции. Самара, 26–29 апреля 2002 г. – Самара, 2002. – 302 с.
334. Юкина, И.И. Русский феминизм как вызов современности / И.И. Юкина. – СПб.: Алетейя, 2007. – 544 с.
335. Янковский, Ю.З. Патриархально-дворянская утопия. Страница русской общественно-литературной мысли 1840–1850-х гг. / Ю.З. Янковский. – М.: Худ. лит., 1981. – 373 с.
336. Ярская-Смирнова, Е.Р. Возникновение и развитие гендерных исследований в США и Западной Европе / Е.Р. Ярская-Смирнова // Введение в гендерные

- исследования. Хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ, СПб.: Алетейя, 2001. – Ч.1. – С. 17–48.
337. Byrnes, R.F. Pobedonostsev. His Life and Thought. Bloomington / R.F. Byrnes. – London: Indiana University Press, 1968. – 495 p.
338. Carroll, S.J., Zerilli, M.G. Feminist Challenges to political Science / S.J. Carroll, M.G. Zerilli // Political Science the State of the Discipline II / Finifter A.W. (ed.). – Washington, DC: American Political Science Association. 1993. – P. 55–76.
339. Carter, S. Russian Nationalism: yesterday, today, tomorrow / S. Carter. – London: Pinter Publishers ltd, 1990. – 175 p.
340. Christoff, P.K. An Introduction to Nineteenth-Century Russian Slavophilism. A study of Ideas / P.K. Christoff. – The Hague: Mouton. – 1961. – Vol. 1.– 301 p.; 1972. – Vol. 2. – 406 p.; Princeton: Princeton univ. press, 1982. – Vol. 3. – 472 p.; Boulder: Oxford: Westview, 1991. – Vol. 4. – 469 p.
341. Cixous, H., Clement C. The Newly Born Woman / H. Cixous, C. Clement. – London: Routledge, 1996. 168 p.
342. Eisenstein, Z. The female Body and the Law / Z. Eisenstein. – Berkeley: University of California Press, 1988. – 235 p.
343. Engel, B.A. Women in Russia, 1700–2000 / B.A. Engel. – Cambridge, UK; NYC: Cambridge univ. press, 2004. – 275 p.
344. Feminist Interpretations and Political Theory / Shanley M., Pateman C. (ed). – University Park: Penn State Press, 1991. – 288 p.
345. Feminists theories the political / Butler J., Scott J. (eds.). – NYC: Routledge, 1992. – P. 3–21.
346. Fraser, N. Unruly Practices: Power, Discourse, and Gender in Contemporary Social Theory / N. Fraser. – Minneapolis: University Of Minnesota Press, 2008. – 216 p.
347. Freser, N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy / N. Fraser // Habermass and the Pudlic Sphere / Craig Calhoun (ed.). – Mass.: MIT Press, 1992. – P. 109–142.

348. Gleason, A. *European and Moskovite: Ivan Kireevsky and the Origins of Slavophilism* / A. Gleason. – Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 1972. – 376 p.
349. *Jurgen Habermas on Society and Politics* / ed. by St. Siedmen. – NYC: Beacon Press, 1989. – 324 p.
350. Kelly, C. *Refining Russia: Advice Literature, polite Culture and gender from Catherine to Yeltsin* / C. Kelly. – Oxford: Oxford univ. press, 2001. 483 p.
351. Kerber, L.K. *Women of the Republic: Intellect and Ideology in Revolutionary America* / L.K. Kerber. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980. – 304 p.
352. Klein, V. *The Feminist Character: A History of Ideology* / V. Klein. – Urbana: University of Illinois Press, 1972. – 207 p.
353. Kohn, H. *The Mind of modern Russia. Historical and political Thought of Russia's great age* / H. Kohn. – New Brunswick: Rutgers univ. press, 1955. – 298 p.
354. Mac-Master, R. *Danilevsky. A Russian totalitarian Philosopher* / R. Mac-Master. – Cambridge: Harvard univ. press, 1967. – 368 p.
355. Marker, G. *Imperial Saint: The cult of St. Catherine and the dawn of female Rule in Russia* / G. Marker. – DeKalb: Northern Illinois univ. press, 2007. – 307 p.
356. Millett, K. *Sexual Politics* / K. Millett. – NYC.: Avon Books, 1971. – 512 p.
357. Mouffe, C. *Democracy, Power and the Political* / C. Mouffe // *Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political* / ed. Benhabib S–NJ: Princeton University Press, Princeton, 1995. – P. 245–257.
358. Okin, S. *Women in Western Political Thought* / S. Okin. – NYC.: Princeton university press; 1992. – 413 p.
359. Pateman, C. *The Sexual Contract* / C. Pateman. – Stanford: Stanford University Press. – 264 p.
360. Phillips, A. *Dealing with Difference: A Politics of Ideas or a Politics of Presence?* / A. Phillips // *Contemporary Political Philosophy: an Anthology* / eds. R. Goodin and P. Pettit. – Blackwell, 1997. – P. 174–184.
361. Phillips, A. *Engendering democracy* / A. Phillips. – Cambridge: Polity Press, 1991. – 190 p.

362. Phillips, A. *The Politics of Presence* / A. Phillips. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 224 p.
363. Pitkin, H. *The Concept of Representation* / H. Pitkin. – Berkeley: University of California Press, 1967. – 323 p.
364. Riasanovsky, N. *Russia and the West in the teaching of the Slavophiles: A study of Romantic Ideology* / N. Riasanovsky. – Cambridge: Harvard University Press, 1952. – 244 p.
365. Rich, A. *Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution* / Rich, A. – NYC: W. W. Norton & Company, Inc., 1995. – 358 p.
366. Rubin, G. *The Traffic in Women: Notes on the «Political Economy» of Sex* / Rubin, G. // *Toward an Anthropology of Women* / ed. R. Reiter. – NYC, London, 1975. – P. 157–210.
367. Ruddick, S. *Maternal Thinking: Toward a Politics of Peace* / S. Ruddick. – Boston: Beacon Press, 1995. – 320 p.
368. Sapiro, V. *Gender politics, gendered politics: The state of the field* / V. Sapiro // *Political Science: Looking to the Future* / ed. W. Crotty – Evanston: IL: Northwestern University Press, 1991. – P. 165–187.
369. Sapiro, V. *The political integration of women: Roles, socialization, and politics* / V. Sapiro. – Urbana, IL: University of Illinois Press, 1983. – 169 p.
370. Shapiro, L. *Rationalism and nationalism in Russian nineteenth-century Political thought* / L. Shapiro. – New Haven; London, 1964. – 173 p.
371. Stoller, R.J. *Sex and Gender: On the development of masculinity and femininity* / R.J. Stoller. – NYC: Science House, 1968. – 383 p.
372. Thaden, E. *Conservative Nationalism in Nineteenth Century Russia* / E. Thaden. – Seattle: University of Washington press, 1964. – 271 p.
373. Unger, R.K. *Toward a Redefinition of Sex and Gender* / R.K. Unger // *American Psychologist*. – 1979. – Vol. 34 (11). – P. 1085–1094.
374. Walicki, A. *A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism* / A. Walicki. – California: Stanford University Press, 1979. – 456 p.

375. Walicki, A. The Slavophile controversy. History of a conservative Utopia in Nineteenth-Century Russian Thought / Walicki, A. – London: Clarendon Press, 1975. – 578 p.

376. Young, I. Inclusion and Democracy / I. Young. – Oxford University Press, 2002. – 320 p.

Статьи

377. Абубикирова, Н.И. Что такое «гендер»? / Н.И. Абубикирова // *Общественные науки и современность*. – 1996. – № 6. – С. 123–126.

378. Айвазова, С.Г. Идеиные истоки женского движения в России / С.Г. Айвазова // *Общественные науки и современность*. – 1991. – № 4. – С. 125–133.

379. Айвазова, С.Г. К истории феминизма / С.Г. Айвазова // *Общественные науки и современность*. – 1992. – № 6. – С. 153–168.

380. Бачинин, В.А. К.П. Победоносцев как христианский политический социолог и стратег бюрократического византизма / В.А. Бачинин // *Клио*. – 2005. – № 4. – С. 182–187.

381. Беленький, И.Л. Консерватизм в России XVIII – начала XX в. (библиографический обзор отечественных исследований и публикаций второй половины XX в.) / И.Л. Беленький // *Россия и современный мир*. – 2001. – № 4. – С. 245–262; – 2002. – № 1. – С. 253–272; – 2002, – № 2. – С. 237–242; – 2002. - № 3. – С. 217–239.

382. Бирюков, Е. Константин Победоносцев – государственный деятель и юрист / Е. Бирюков // *Законность*. – 1994. – № 12. С. 49–54.

383. Вишневская, Г.А. Вопросы женской эмансипации в русских журналах 1830–1840 годов / Г.А. Вишневская // *Ученые записки Казахского государственного университета*. – Алма-Ата. – 1957. – Т. 11. – Кн. 9. – Вып. 1. – С. 44–57.

384. Воронина, О.А. Оппозиция духа и материи: гендерный аспект / О.А. Воронина // *Вопросы философии*. – 2007. – № 2. – С. 56–65.

385. Воронина, О.А. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе / О.А. Воронина // *Общественные науки и современность*. – 2000. – № 4. – С. 9–20.

386. Гаджиев, К.С. Современный консерватизм: опыт типологизации / К.С. Гаджиев // Новая и новейшая история. – 1991. – № 1. – С. 55–74.
387. Галактионов, А.А., Никандров, П.Ф. Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли / А.А. Галактионов, П.Ф. Никандров // Вопросы философии. – 1966. – № 6. – С. 120–130.
388. Галкин, А.А. Консерватизм: вчера и сегодня / А.А. Галкин // Власть. – 2000. – № 2. – С. 37–44.
389. Гарбузов, В.Н. Консерватизм: понятие и типология / В.Н. Гарбузов // Полис. – 1995. – № 4. – С. 60–68.
390. Горохов, А.А. К вопросу о формировании консервативной идеологии в России в первой половине XIX века: А.С. Шишков и Библейское общество / А.А. Горохов // Вестник МГУ: Сер. 12. Полит. науки. – 2012. – № 4. – С. 94–96.
391. Горохов, А.А. Причины и особенности исследования русской консервативной социально-политической мысли XIX века в Советской России / А.А. Горохов // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 2. – С. 314–321.
392. Горошко, Е., Кирилина, А. Гендерные исследования в лингвистике сегодня / Е. Горошко, А. Кирилина // Гендерные исследования. – 1999. – № 2. – С. 234–241.
393. Григоров, С.Г. Преодоление заданности. Размышления о консерватизме / С.Г. Григоров // Полис. – 2000. – № 3. – С. 31–39.
394. Гулыга, А.В. Формула русской культуры / А.В. Гулыга // Наш современник. – 1992. – № 4. – С. 142–149.
395. Гулыга, А.В., Андреева, И.С. Пол и культура / А.В. Гулыга, И.С. Андреева // Философские науки. – 1973. – № 4. – С. 63–69.
396. Гусев, В.А. Проблемы государственного строительства в трудах И.А. Ильина / В.А. Гусев // Социально-политические науки. – 1992. – № 2–3. – С. 72–80.
397. Гусев, В.А. К.П. Победоносцев – русский государственный / В.А. Гусев // Социально-политический журнал. – 1993. – № 11–12. – С. 80–89.
398. Дворкин, А. Порнография: мужчины обладают женщинами / А. Дворкин // Гендерные исследования. – 2000. – № 4. – С. 6–17.

399. Жуков, В.Н. Философия права П.И. Новгородцева как консервативно-религиозная утопия / В.Н. Жуков // Государство и право. – 2012. – № 2. – С. 68–77.
400. Здравомыслова, О.М. «Русская идея»: антиномия женственности и мужественности в национальном образе России / О.М. Здравомыслова // Общественные науки и современность. – 2000. – № 4. – С. 109–115.
401. Золина, М.Б. Философия власти И.А. Ильина / М.Б. Золина // Социально-политический журнал. – 1996. – № 3. – С. 169–179.
402. Зорин, А. Идеология «Православие–самодержавие–народность»: опыт исторической реконструкции / А. Зорин // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 26. – С. 71–104.
403. Зырянова, И.В. Женский вопрос в публицистическом наследии М.Л. Михайлова / И.В. Зырянова // Полярная звезда. – 1983. – № 15. – С. 110–114.
404. Иванова, Е. В. О семинаре по проблемам консерватизма в Российском фонде культуры / Е.В. Иванова // Вопросы философии. – 2001. – № 9. – С. 166–170.
405. Исамбаева, Л.М. Общественно-политические взгляды С.С. Уварова в 1810-е годы / Л.М. Исамбаева // Вестник МГУ: Сер. 8. История. – 1990. – № 6. – С. 24–35.
406. Камнев, В.М. Идеи социально-политического консерватизма К.П. Победоносцева / В.М. Камнев // Власть. – 2009. – № 6. – С. 151–155.
407. Карипов, Б.Н. Консерватизм: понятие, генезис, сущность и особенности / Б.Н. Карипов // Вестник МГУ: Сер. 12. Полит. науки. – 2009. – № 11. – С. 90–105.
408. Кириллова, Е.А. Необходимый момент в истории русского самосознания (философско-историческая концепция К. Леонтьева) / Е.А. Кириллова // Вестник МГУ: Сер. 7. Философия. – 1990. – № 5. – С. 49–57.
409. Кириченко, Е.В. Природа гендерной асимметрии в обществе сквозь призму социально-философской мысли / Е.В. Кириченко // Вестник РГГУ. – 2009. – № 2. – С. 183–208.
410. Кишенкова, О.В. Консерватизм как «идеологическая подкладка под власть» / О.В. Кишенкова // Власть. – 2000. – № 2. – С. 47–52.

411. Коваленко, О. К.П. Победоносцев как идеолог русского консерватизма / О. Коваленко // Власть. – 2009. – № 6. – С. 145–147.
412. Коваль, Е.И., Назухина, М.В. От монархической идеи к консервативной: Ф.Р. Шатобриан и развитие русской политической мысли в первой половине XIX в. / Е.И. Коваль, М.В. Назухина // Полис. – 2005. – № 5. – С. 92–101.
413. Ковальчук, Н.М. «Женское» как гендерная проблема в русской литературе и философии XIX–XX веков / Н.М. Ковальчук // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2009. – № 4. – С. 91–94.
414. Кожинов, В. О главном в наследии славянофилов / В. Кожинов // Вопросы литературы. – 1969. – № 10. – С. 113–131.
415. Кон, И.С. Н.Г. Чернышевский – борец за раскрепощение женщин / И.С. Кон // Уч. записки Ленин. пед. инст. им А.И. Герцена. – 1953. – Т. 90. – С. 179–183.
416. Консерватизм в России («круглый стол») // Социологические исследования. – 1993. – № 1. – С. 43–61.
417. Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития (Материалы «круглого стола») // Полис. – 1995. – № 4. – С. 33–59.
418. Консерватор: эксперт, гражданин, правитель, государство, общество, частная жизнь, познание («круглый стол») // Вестник МГУ. – Сер. 12. Политические науки. – 1995. – № 4. – С. 3–32.
419. Консерватизм в России: проблемы, поиски решения (круглый стол) // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 103–133.
420. Костылев, В.Н. Выбор Льва Тихомирова / В.Н. Костылев // Вопросы истории. – 1992. – № 6/7. – С. 30–47.
421. Кошелев, В.А. «Чудная страна» Константина Аксакова / В.А. Кошелев // Вопросы философии. – 1990. – № 2. – С. 155–157.
422. Кублановский, Ю. О публицистических мыслях Льва Тихомирова / Ю. Кублановский // Новый мир. – 1998. – № 11. – С. 223–227.
423. Майорова, О. «Пишу только для Вас...»: Письма К.П. Победоносцева к сестрам Тютчевым / О. Майорова // Новый мир. – 1994. – № 3. – С. 195–224.

424. Малинин, В.А. О социальных и теоретических истоках славянофильства / В.А. Малинин // Философские науки. – 1967. – № 1. – С. 77–85.
425. Малинова, О.Ю. Исследуя феномен консерватизма / О.Ю. Малинова // Полис. – 2003. – № 3. – С. 171–176.
426. Мигранян, А.М. Переосмысливая консерватизм / А.М. Мигранян // Вопросы философии. – 1990. – № 11. – С. 114–122.
427. Минаева, Н.В. Европейский легитимизм и эволюция политических представлений Н.М. Карамзина / Н.В. Минаева // История СССР. – 1982. – № 5. – С. 150–159.
428. Минаков, А.Ю. Русский консерватизм в современной историографии: новые подходы и тенденции изучения / А.Ю. Минаков // Вопросы истории. – 2005. – № 6. – С. 133–142.
429. Овчарова, О.Г. Понятие «власть» в феминистской политической теории / О.Г. Овчарова // Вестник САГП. – 2006. – № 4 (60). – С. 164–172.
430. Осипович, Т.Е. Победа над рождением и смертью, или Женофобия русской утопической мысли на рубеже XIX–XX веков / Т.Е. Осипович // Общественные науки и современность. – 1998. – № 4. – С. 174–181.
431. Пивоваров, Ю.С. Может ли спасти Россию самодержавная монархия? (О чём думается после прочтения книги Ив. Ильина «О монархии и республике») / Ю.С. Пивоваров // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 76–84.
432. Публичная сфера и государственная публичная политика в современной России (материалы круглого стола) // Социс. – 2000. – № 4. – С. 84–91.
433. Рабжаева, М. Женская эмансипация как опыт конструирования гендера (на материале социокультурной ситуации в России 50–60-х гг. XIX в.) / М. Рабжаева // Гендерные исследования. – 2000. – № 5. – С. 172–189.
434. Рабкина, Н.А. «Византизм» Константина Леонтьева / Н.А. Рабкина // История СССР. – 1991. – № 6. – С. 28–44.
435. Рабкина, Н.А. Исторические взгляды К.Н. Леонтьева / Н.А. Рабкина // Вопросы истории. – 1982. – № 6. – С. 49–61.

436. Рабкина, Н.А. К.П. Победоносцев / Н.А. Рабкина // Вопросы истории. – 1995. – № 2. – С. 58–75.
437. Рахшмир, П.Ю. Эволюция консерватизма в новое и новейшее время / П.Ю. Рахшмир // Новая и новейшая история. – 1990. – № 1. – С. 48–62.
438. Репина, Л.П. Пол, власть и концепция «разделенных сфер»: от истории женщин к гендерной истории / Л.П. Репина // Общественные науки и современность. – 2000. – № 4. – С. 123–137.
439. Репников, А.В. Лев Александрович Тихомиров / А.В. Репников // Отечественная история. – 2008. – № 2. – С. 146–160.
440. Роуз, Х. Исследование женских проблем в Великобритании / Х. Роуз // Социс. – 1992. – № 5. – С. 52–59.
441. Рубцова, Т.Н. Концепция культуры К.Н. Леонтьева / Т.Н. Рубцова // Вестник МГУ: Сер. 7. Философия. – 1991. – № 4. – С. 20–30.
442. Самсонова, Т.Н. Английская буржуазная революция и представление о равенстве / Т.Н. Самсонова // Вестник МГУ: Сер. 18. Социология и политология. – 2002. – № 4. – С. 134–146.
443. Самсонова, Т.Н. Обоснование равенства идеологами Просвещения XVIII века / Т.Н. Самсонова // Вестник МГУ: Сер. 18. Социология и политология. – 2003. – № 3. – С. 181–183.
444. Самсонова, Т.Н. Проблема равенства в идеологии западноевропейского либерализма и консерватизма (первая половина XIX в.) / Т.Н. Самсонова // Вестник МГУ: Сер. 18. Социология и политология. – 2004. – № 3. – С. 109–121.
445. Слесарева, Г.Ф. Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) / Г.Ф. Слесарева // Философские науки. – 1991. – № 1. – С. 105–114.
446. Смирнова, З.В. К спорам о славянофильстве (некоторые методологические аспекты исследования раннего славянофильства) / З.В. Смирнова // Вопросы философии. – 1987. – № 11. – С. 121–136.
447. Соловьев, Э.Г. У истоков российского консерватизма / Э.Г. Соловьев // Политические исследования. – 1997. – № 3. – С. 137–147.

448. Стоюнин, В. Александр Семенович Шишков / В. Стоюнин // Вестник Европы. – 1877. – Т. 5 (67), кн. 9. – С. 236–270, кн. 10. – С. 502–547.
449. Страда, В. Западничество и славянофильство в обратной перспективе / В. Страда // Вопросы философии. – 1993. – № 7. – С. 57–64.
450. Суслов, М.Д. Новейшая историография российского консерватизма, его исследователи, критики и апологетики / М.Д. Суслов // Ad Imperio. – 2008. – № 1. – С. 269–270.
451. Сытин, А.Г. Идеи к философии демократии в политико-философских работах И.А. Ильина 1940–1950-х годов / А.Г. Сытин // Вестник МГУ: Сер. 7. Философия. – 2012. – №2. – С.48–58.
452. Турутина, Е.С. Андрогинность как выражение антропологического смысла любви в гендерной деконструкции отечественного философско-культурологического дискурса / Е.С. Турутина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – № 7. – С. 98–105.
453. Филиппова, Т.А. «Дело джентльменов»: российский консерватизм в хронополитическом измерении / Т.А. Филиппова // Рубежи. – 1998. – № 2. – С. 4–13.
454. Фрейзер, Н. От перераспределения к признанию? Дилеммы справедливости в «постсоветскую» эпоху / Н. Фрейзер // Гендерные исследования. – 2000. – № 5. – С. 85–114.
455. Хондерик, Т. Консерваторы и «теория» / Т. Хондерик // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 5 (37). – С. 5–23.
456. Хотеенков, В., Чернета, В. Граф С.С. Уваров – министр и просветитель / В. Хотеенков, В. Чернета // Высшее образование в России. – 1996. – № 1. – С. 146–158; № 2. – С. 147–160.
457. Чемберлен, М.К. Развитие гендерных исследований в США / М.К. Чемберлен // Социс. – 1992. – № 5. – С. 38–42.
458. Чернавский, М.Ю. Традиционалистский и модернистский консерватизм XIX и XX веков / М.Ю. Чернавский // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – Гуманитарные науки. – 2011. – № 3. – С. 31–36.

459. Шамшурин, В.И. Идея права в социальной теории П.И. Новгородцева / В.И. Шамшурин // Социс. – 1993. – № 4. – С. 97–106.
460. Шамшурин, В.И. Оправдание государства и права (политология и политическая социология) / В.И. Шамшурин // Социс. – 1996. – № 10. – С. 89–97.
461. Шамшурин, В.И. Про освящение и просвещение / В.И. Шамшурин // Социс. – 1994. – № 1. – С. 144–148.
462. Шамшурин, В.И. Человек и государство в русской философии естественного права / В.И. Шамшурин // Вопросы философии. – 1990. – № 6. – С. 132–140.
463. Шамшурин, В.И., Филипская, Е.В. Размышления о консерватизме / В.И. Шамшурин, Е.В. Филипская // Вестник МГУ: Сер.12. Полит. науки. – 2009. – № 1. – С. 20–26.
464. Шаронов, Д.И. Концепция органической демократии И.А. Ильина / Д.И. Шаронов // Вестник МГУ: Сер. 12. Социально-политические исследования. – 1994. – № 1. – С. 60–71.
465. Шелохаев, В.В. Состояние современного историографического поля российского либерализма и консерватизма / В.В. Шелохаев // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. / отв. ред. А.Ю. Минаков – Воронеж: ВГУ, 2004. – Ч. 1. – С. 50–61.
466. Шерстюк, М.В. Одиночество Льва Тихомирова / М.В. Шерстюк // Россия XXI век. – 2002. – № 2. – С. 142–163.
467. Шестаков, Н.А. Константин Леонтьев и русский либерализм / Н.А. Шестаков // Вестник МГУ: Сер. 12. Социально-политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 57–62.
468. Янов, А.Л. Ответ оппонентам / А.Л. Янов // Вопросы литературы. – 1969. – № 12. – С. 85–101.
469. Янов, А.Л. Славянофилы и Константин Леонтьев (русская политическая мысль XIX в. и её интерпретаторы) / А.Л. Янов // Вопросы философии. – 1969. – № 8. – С. 97–107.

470. Янов, А.Л. Трагедия великого мыслителя (по материалам дискуссии 1890-х годов) / А.Л. Янов // Вопросы философии. – 1992. – № 1. – С. 61–88.

Диссертации и авторефераты диссертаций

471. Асонов, Н.В. Политические доктрины российского самодержавия: генезис, эволюция и современный дискурс: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01 / Асонов Николай Васильевич. – М., 2009. – 417 с.

472. Ачкасов, В.А. Традиционализм в политической жизни России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.03 / Ачкасов Валерий Алексеевич. – СПб., 1998. – 30 с.

473. Байгушкин, А.И. Консервативные политико-правовые воззрения в России во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01 / Байгушкин Алексей Иванович. – М., 1998. – 124 с.

474. Блинов, В.В. Политико-психологический анализ консервативных ценностей в современной России: дис. ... канд. полит. наук: 19.00.12 / Блинов Владимир Владимирович. – М., 2007. – 145 с.

475. Бобровник, Е.А. Женский вопрос в русской философии и общественной мысли, конец XVIII – начало XIX века: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03 / Бобровник Елена Александровна. – Мурманск, 2001. – 144 с.

476. Гусев, В.А. Русская форма политической идеологии консерватизма: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.03 / Гусев Владимир Алексеевич. – М., 1998. – 295 с.

477. Жуков, В.Н. Общественный идеал России в социальной философии славянофильства: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Жуков Вячеслав Николаевич. – М., 2000. 401 с.

478. Зверева, Н.А. Общественно-политические взгляды С.С. Уварова: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Зверева Наталья Алексеевна. – Волгоград, 2005. – 184 с.

479. Изергина, Н.И. Теория органической демократии И.А. Ильина и проблемы социально-политической трансформации современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01 / Изергина Нина Ивановна. – Саранск, 2009. – 47 с.

480. Калинина, М.Р. Проблемы демократии в современных западных социально-философских и политических теориях феминизма: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Калинина Марина Рудольфовна. – Архангельск, 2002. – 154 с.

481. Карцов, А.С. Правовая идеология русского консерватизма: II половина XIX – начало XX века: дис. ... д-ра юр. наук: 12.00.01 / Карцов Алексей Сергеевич. – М., 2008. – 596 с.
482. Карченкова, Т.А. Женский вопрос в российской публицистике второй половины XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Карченкова Татьяна Анатольевна. – Омск, 2004. – 237 с.
483. Кишенкова, О.В. Концепция общественной модернизации в политической доктрине российской консервативной мысли XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 23.00.01 / Кишенкова Ольга Викторовна. – М., 1996. – 24 с.
484. Ключко, О.И. Интегративная стратегия гендерного подхода в социальном познании: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Ключко Ольга Ивановна. – Нижний Новгород, 2009. – 365 с.
485. Козырева, Л.Д. Концепция народовластия в русской политической философии (вторая половина XIX – начало XX века): дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.10 / Козырева Лариса Дмитриевна. – СПб., 1999. – 355 с.
486. Корнев, А.В. Консервативная и либеральная теории государства и права в России (XIX – начало XX века): автореф. дис. ... д-ра юр. наук: 12.00.01 / Корнев Аркадий Владимирович. – М., 2004. – 44 с.
487. Костюкевич, Л.П. Женский вопрос в русской философии и общественной мысли: I половина XIX века: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03 / Костюкевич Людмила Петровна. – Мурманск, 2003. – 170 с.
488. Котов, А.Э. Проблема государственного строительства в русской консервативной печати 70–90-х гг. XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Котов Александр Эдуардович. – СПб., 2006. – 241 с.
489. Крот, М.Н. Консервативный вариант модернизации России во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Крот Максим Николаевич. – Ростов н/Д, 2004. – 241 с.
490. Кукаренко, Н.Н. Социально-философский анализ проблемы равноправия в гендерной перспективе: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Кукаренко Наталья Николаевна. – Архангельск, 1999. – 145 с.

491. Куприна, И.В. Феминистское движение в России во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Куприна Ирина Викторовна. – М., 2000. – 147 с.
492. Лотарев, К.А. Политический консерватизм в процессе реформирования российского общества: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Лотарев Константин Анатольевич. – М., 1995. – 24 с.
493. Машенцев, Д.А. Демократия в интеллектуальной традиции российского консерватизма и перспективы неоконсерватизма в политических процессах современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Машенцев Денис Анатольевич. – Ростов н/Д, 2003. – 165 с.
494. Милевский, О.А. Л.А. Тихомиров: из истории формирования консервативной мысли в России в конце XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Милевский Олег Анатольевич. – Барнаул, 2006. – 601 с.
495. Минаков, А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века: дис. ... д-ра ист. наук: 00.07.02 / Минаков Аркадий Юрьевич. – Воронеж, 2011. – 611 с.
496. Митрошенков, А.О. Философия славянофилов в современной российской историко-философской литературе: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03 / Митрошенков Александр Олегович. – М., 2003. – 193 с.
497. Мирошниченко, И.В. Социальные сети в российской публичной политике: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Мирошниченко Инна Валерьевна. – М., 2013. – 41 с.
498. Монастырских, Г.П. Социология русского консерватизма: дис. ... д-ра соц. наук: 22.00.01 / Монастырских Геннадий Петрович. – Северодвинск, 2003. – 264 с.
499. Нарезный, А.И. Проблема государственного устройства России в консервативно-либеральной мысли второй половины XIX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Нарезный Анатолий Иванович. – Ростов н/Д, 1999. – 23 с.
500. Начапкин, М.Н. Эволюция российской государственности (XIX – начала XX века) и её отражение в консерватизме: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Начапкин Максим Николаевич. – Екатеринбург, 2004. – 46 с.

501. Овчарова, О.Г. Гендерная асимметрия политики: неинституциональные и институциональные аспекты: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Овчарова Ольга Геннадиевна. – Саратов, 2008. – 384 с.
502. Окулова, Т.Н. Пути развития женского вопроса в России во второй половине XIX века на материалах журнала «Дело»: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Окулова Татьяна Николаевна. – М., 1990. – 15 с.
503. Попов, Э.А. Разработка теоретической доктрины русского монархизма в конце XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Попов Эдуард Анатольевич. – Ростов н/Д, 2000. – 204 с.
504. Попов, Э.А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Попов Эдуард Анатольевич. – Ростов н/Д, 2006. – 38 с.
505. Репников, А.В. Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX – начала XX века: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Репников Александр Витальевич. – М., 2006. – 496 с.
506. Рухтаева, Л.В. Идея монархической власти в российской политической культуре конца XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 23.00.03 / Рухтаева Любовь Валентиновна. – Екатеринбург, 1995. – 20 с.
507. Сергеев, С.М. Идеология творческого традиционализма в русской общественной мысли 80–90-х гг. XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Сергеев Сергей Михайлович. – М. 2002. – 273 с.
508. Соловьев, А.Л. Общественно-политические взгляды и государственная деятельность К.П. Победоносцева: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Соловьев Алексей Леонидович. – Екатеринбург, 2001. – 292 с.
509. Софьин, Д.М. Политико-династические представления российских консерваторов и членов Императорского Дома, конец XIX – начало XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Софьин Дмитрий Михайлович. – Пермь, 2010. – 29 с.

510. Суслов, М.Д. Российская консервативная утопия на рубеже XIX–XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Суслов Михаил Донатович. – Пермь, 2003. – 23 с.
511. Тимошина, Е.В. Политико-правовые взгляды К.П. Победоносцева: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01 / Тимошина Елена Владимировна. – СПб., 1998. – 232 с.
512. Тронина, Е.Г. Идеино-политическая эволюция консерватизма и его роль в политическом процессе современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Тронина Елизавета Геннадьевна. – М., 2004. – 26 с.
513. Тяпин, И.Н. Философско-исторические идеи российского политического консерватизма XIX – начала XX века: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03 / Тяпин Игорь Никифорович. – СПб., 2009. – 392 с.
514. Шабалкина, К.В. Русские мыслители XIX века о роли женщины в обществе: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03 / Шабалкина Ксения Викторовна. – Мурманск, 2007. – 181 с.
515. Шабельник, В.В. Неолиберализм и неоконсерватизм в российском и зарубежном политическом дискурсе: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Шабельник Виктор Владимирович. – СПб., 2006. – 184 с.
516. Шамшурин, В.И. Эпистемология либерального консерватизма (опыт аналитического подхода): автореф. дис. ... д-ра соц. наук: 22.00.01 / Шамшурин Виктор Иванович. – М., 1995. – 57 с.
517. Шестаков, С.А. Консервативная политическая идеология в постсоветской России: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01 / Шестаков Сергей Александрович. – М., 2003. – 439 с.
518. Шкудунова, Ю.В. Соотношение публичной и приватной сфер жизнедеятельности: социально-философский аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Шкудунова Юлия Владимировна. – М., 2006. 24 с.

Интернет-ресурсы

519. Абрамова, Е.В. Публичная сфера, городское пространство и новые медиа [Электронный ресурс] / Е.В. Абрамова. – Режим доступа: http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_9/7.pdf.

520. Алексеева, Т.А. «Публичное» и «частное»: где границы «политического»? [Электронный ресурс] / Т.А. Алексеева. – Режим доступа: http://www.politstudies.ru/vm/vm2/vm2_tez_4.htm.
521. Витенберг, Б. Консерватизм в России: прошлое или будущее? (обзор книг о русском консерватизме) [Электронный ресурс] / Б. Витенберг // НЛЮ. – 2002. – № 58. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/58/vit1.html>.
522. Голиков, А.К. Русский консерватизм XIX – начала XX века в контексте западноевропейского консерватизма [Электронный ресурс] / А.К. Голиков // Политэкс. – 2006. – № 1. – Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/187/30/>.
523. Емельянов, Б.В. Русская душа: вечно женственное и вечно «бабье» [Электронный ресурс] / Б.В. Емельянов. – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/58170/>.
524. Журавлева, Т.А. Князь В.П. Мещерский о женском вопросе в России во второй половине XIX века [Электронный ресурс] / Т.А. Журавлева. – Режим доступа: <http://lib.znate.ru/docs/index-251449.htm>.
525. Кариер, Э. Понимать, значит верить: образование через гендерное видение. 1995. [Электронный ресурс] / Э. Кариер. – Режим доступа: http://www.owl.ru/canadian/gender_analysis.
526. Климова, С.В. Дом и мир: проблема частного и публичного [Электронный ресурс] / С.В. Климова. – Режим доступа: http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=177890.
527. Пайпс, Р. Лев Тихомиров: революционер поневоле [Электронный ресурс] / Р. Пайпс // Неприкосновенный запас. 2010. № 4. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz-72/7312-lev-tixomirov-revolucioner-ponevole.html>.
528. Пивоваров, Ю.С. Русская политическая мысль как предпосылка русской политической науки [Электронный ресурс] / Ю.С. Пивоваров. – режим доступа: <http://politconcept.sfedu.ru/2009.3/06.pdf>.

529. Проблемное поле христианской антропологии и психологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.хра-spb.ru/probl.html#_женское-начало.
530. Прохорова, И.Е. «Женская тема» в литературно-критических и публицистических текстах П.А. Вяземского [Электронный ресурс] / И.Е. Прохорова // Медиаскоп. 2009. №9. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/348>.
531. Ремнев, А.В. Крестный путь Льва Тихомирова [Электронный ресурс] / А.В. Ремнев. – Режим доступа: <http://www.omsu.omskreg.ru/histbook/articles/y1997s/a113/article.shtml>.
532. Роденберг, Б., Вихтерих, К. Empowerment. Влияние женщин на характер власти [Электронный ресурс] / Б. Роденберг, К. Вихтерих. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/win/books/empowerment/2.htm>.
533. Смолин, М.Б. Тихомиров Лев Александрович [Электронный ресурс] / М.Б. Смолин. – Режим доступа. – http://www.hrono.ru/biograf/bio_t/tihomirov_la.php.
534. Смолин, М.Б. Имперское мышление и имперский национализм М.О. Меньшикова [Электронный ресурс] / М.Б. Смолин. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/menxshikow_m_o/text_0120.shtml.
535. Удалов, С.В. Теория официальной народности: механизмы внедрения [Электронный ресурс] / С.В. Удалов. – Режим доступа: <http://www.sgu.ru/files/nodes/9843/08.pdf>.
536. Ханиш, К. Личное – это политическое [Электронный ресурс] / К. Ханиш. – Режим доступа: <http://ravnopravka.ru/2011/03/кэрол-ханиш-«личное—это-политическо/>.
537. Чернавский, М.Ю. Два подхода к определению консерватизма [Электронный ресурс] / М.Ю. Чернавский // Традиционализм и консерватизм на юге России. Южнороссийское научное обозрение. 2002. – Вып. 9. – Режим доступа: <http://conservatism.narod.ru>.
538. Чикалова, И.Р. Женщины в политической теории [Электронный ресурс] / И.Р. Чикалова. – Режим доступа: <http://giacgender.narod.ru/n4t1.htm>.

539. More on «Re-reading the Canon» [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://www.nyu.edu/projects/sciabarra/fem/femrrc.htm>.